Т3(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ,
ВЫПУСК 38

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1969

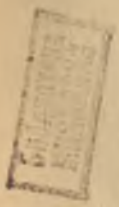
9(С)147
Т 782
Т3(2Р-6Мо)я 54
М 792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ,
ВЫПУСК 38

48630



1977

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1969

9 (с 147)
Н 34

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Автайкин И. Е., Ивашкин В. С., Котков К. А., Тюгаев Н. Ф.

Н 34 *Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.*

Труды. Серия историческая. Вып. 38, Саранск, Мордов. кн. изд. Управления по печати при Совете Министров Мордовской АССР, 1969.
292 с

9 (с 147)

С. К. Иванов.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ РАБОЧЕГО КЛАССА ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Марксизм-ленинизм учит, что общество есть продукт взаимодействия людей, в котором каждый человек выступает как сознательная личность, действующая под влиянием не только своих идей, взглядов, но и чувств, настроений, интересов, привычек, потребностей, т. е. психологии. Последняя детерминирована общественным бытием человека, отражает различные проявления бытия, поэтому не может быть определяющей причиной общественного развития. Однако исторический процесс протекает не помимо психологии человека. Все сферы жизнедеятельности людей, в том числе и материально-производственная деятельность, обязательно включает в себя в качестве общего существенного и необходимого элемента психику человека.

В нашей литературе почему-то значительно чаще подчеркиваются успехи научно-технического прогресса и реже—насколько изменился сам человек, его внутренний мир, насколько он усложнился. Практика, советская действительность показывают, что произошли серьезные изменения и в самих людях. Например, рабочий класс превратился в ведущую, созидательную силу нашей страны. За годы Советской власти он изменился не только количественно, но и качественно, изменилось и само понятие «рабочий». Если до Октябрьской революции рабочим считался человек, занятый только физическим трудом, то сейчас рабочий сочетает в себе физический и умственный труд. В связи с бурным развитием техники, средств производства рабочий становится контролером машин.

Произошли качественные изменения и в характере труда, который становится все больше интеллектуальной, творческой деятельностью. Рабочий современного производства должен уметь читать чертежи, знать законы механики и физики. Развивается, совершенствуется и духовный мир его.

Наша партия рассматривает задачу дальнейшего воспитания советского человека как одну из центральных задач коммунистического строительства. В редакционной статье журнала «Воп-

росы философии» № 5, за 1965 г. справедливо говорится: «Анализ изменений в общественной психологии необходим для того, чтобы полностью использовать возможности субъективного фактора в строительстве коммунизма, в частности, сознательно направлять развитие многих процессов духовной жизни общества. Систематические планомерные исследования в области общественной психологии необходимы также для создания научно обоснованной системы воспитания различных слоев населения и коллективов, для повышения действенности средств массового идеологического воздействия, которые не могут быть одинаковыми для людей различного возраста, разных профессий и уровней образования»[1].

Вот почему вопрос о формировании психологии рабочего класса, её качественных изменениях в ходе социалистического и коммунистического строительства имеет важное теоретическое и практическое значение.

* * *

Основоположники научного коммунизма обосновали закономерный характер формирования общественного сознания, раскрыли сущность процесса его изменения в зависимости от изменения материальных условий жизни людей и их общественных отношений. Они научно доказали, что социалистическое преобразование общественного бытия, общественных отношений обусловливает коренное изменение сознания и психологии людей. Опыт социалистического и коммунистического строительства в нашей стране подтвердил правильность этих положений марксизма-ленинизма.

Качественное изменение общественного бытия, ликвидация частной собственности и утверждение социалистических производственных отношений явились материальной основой глубоких сдвигов в общественном сознании, в социальной психологии рабочего класса нашей страны.

До Великой Октябрьской социалистической революции нечего было и думать о всестороннем развитии человека, самое большее — его перевоспитывала и в немалой мере преображала революционная борьба. После же социалистической революции становится возможной задача устранения капиталистического наследия в психике трудящихся, хотя это очень трудный и длительный процесс.

В. И. Ленин указывал, что Советская власть, создаваемая самими трудящимися и считающаяся с нарастанием оздоровления среди трудящихся масс, будет в состоянии коренным образом изменить их сознание и психологию. Этот психологический перелом, по мысли Ленина, должен был произойти одновременно и от героизма в стремлении не допустить возврата старого самодержавно-капиталистического строя, и от чувства невозможности выйти из экономических бедствий иначе, чем на путях нового отношения к труду.

[1] Вопросы философии, 1965, № 5, стр. 23.

В новых условиях, под руководством Коммунистической партии, в нашей стране начался процесс перевоспитания старого «человеческого материала», формирование личностей с новой психологией, соответствующей новым, социалистическим принципам.

Это был неизбежный процесс, ибо, как говорил В. И. Ленин на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 года: «Рабочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной. И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества»[1].

В другом месте В. И. Ленин указывал, что «мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить»[2].

Изменение старой и формирование новой психологии социалистического рабочего класса — это сложный, противоречивый динамический процесс, и он происходил в ходе длительной и упорной борьбы за победу социализма.

Естественно, рабочий класс не мог сразу освободиться от наслоений старой психологии. Поэтому новые черты социальной психологии рабочих создавались путем изменения ранее сформированных черт, путем борьбы с теми из них, которые тормозили достижение поставленных задач партией и которые должны были уступить место другим, более полно и точно соответствующим новым условиям.

В начале социалистического строительства значительная часть рабочих не имела классовой закалки, в ней еще прочно удерживались мелкобуржуазные привычки. Рядом с рабочими стояли не утратившие еще своих позиций остатки эксплуататорских классов города и деревни, многочисленное духовенство, старая интеллигенция, которые продолжали оказывать на него свое отрицательное влияние. В дополнение к этому, в период индустриализации страны в ряды рабочего класса постоянно вливались десятки, сотни тысяч крестьян и мелких собственников, которые не порывали хозяйственной связи с деревней и собственностью, испытавшие разлагающее влияние прежних социальных форм жизни. Они приносили с собой мелкобуржуазную психологию (индивидуализм, раздробленность, пессимизм, уныние в случае неудачи в борьбе за новое и т. п.).

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 449.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33

Эти положения целиком и полностью относятся и к рабочему классу, формировавшемуся на территории современной Мордовии.

Социалистический рабочий класс Мордовии формировался по существу как совершенно новый класс. В отличие от рабочего класса старых промышленных центров, слой кадровых рабочих и выходцев из рабочей среды был крайне ограниченным. Рост его рядов шел в основном за счет притока новых пополнений из деревни и других слоев населения: крестьян, торговцев и ремесленников.

В 1913 году на территории Мордовии действовало 49 мелких предприятий (в основном по переработке сельскохозяйственного сырья и древесины), на них работало 2126 рабочих, среди которых грамотных было не более 15—20%.

В 1925 году в отчете Пензенского губернского исполкома XII съезду Советов сообщалось, что на территории нынешней Мордовии в 1923—24 отчетном году на 63 предприятиях рабочих было 4736 человек. Причем, из 63 предприятий в непосредственном ведении государства находилось только 31.

До революции среди рабочего класса Мордовии почти совсем не было мордвы. Великодержавная политика царизма, слабое развитие промышленности, неграмотность широких масс населения сдерживали приток трудящихся мордвы в города. Это сказывалось на национальном составе городского населения и рабочего класса. По данным переписи населения 1926 года, мордва в городах составляла 0,2%, по переписи 1939 года — 5,3% и 1959 года — 11,8%.

Рост рабочего класса Мордовии за счет коренной национальности — мордвы явился важной особенностью в формировании социалистического рабочего класса республики, практическим результатом проведения ленинской национальной политики.

Образование национальных кадров рабочего класса вместе с тем ускорило процесс формирования мордовской социалистической нации.

Коммунистической партии и Советскому государству предстояло осуществить многообразные воспитательные задачи — самые трудные из всех задач социалистического строительства. Сложными и противоречивыми были условия для их разрешения (экономическая и культурная отсталость, нужда и разорение, многоукладность в экономике и «многоукладность» в сознании, психологии, привычках, нравах людей и др.).

Бурный рост рабочего класса, его социальная неоднородность, низкий уровень образования, наличие частнособственнической психологии требовали от Коммунистической партии в целом, от ее органов на местах, в частности, особой напряженной работы по воспитанию рабочих масс.

С первых шагов после социалистической революции формирование новой идеологии и психологии становится сознательно

направленным процессом нашей партии. Однако в период строительства социализма, когда основные усилия партии, государства и народа были сосредоточены на создании базиса нового общества, не было возможностей в равной степени выделять средства и для совершенствования всей системы рычагов, воздействующих на духовную жизнь общества. Это нашло свое выражение в том, что в отличие от перспектив экономического планирования перспективы развития идеологии, и особенно социальной психологии, не получили столь же широкого отражения в планах развития общества. Сфера духовной жизни была отягощена пережитками классовой психологии, поэтому в течение длительного времени партии приходилось не только воспитывать, но и перевоспитывать людей.

И глубокое проникновение в такие сложные сферы человека, как сознание и психология, позволило партии изыскать и расширить средства своего влияния на массы, овладевать искусством воспитания. Партия не отрывала это воспитание от объективного хода развития, от той реальной почвы, на которой складывается и формируется духовная жизнь народа. Она исходила из того, что изменение старой и формирование новой психологии рабочего класса неотделимо от строительства социалистического общества, развития его материально-технической базы, общественных отношений, социалистической культуры и демократии.

Поэтому Коммунистическая партия стремилась вовлекать массы в активную созидательную работу, развертывать их творчество во всех сферах общественной жизни, ибо без этого невозможно было подлинное воспитание.

В социалистическом обществе, как и во всяком другом, основой всех социальных процессов в конечном счете также является способ производства. Социализм разрешил великую социальную проблему — ликвидировал эксплуататорские классы, упразднил частную собственность и изменил на этой экономической основе отношения между людьми. Впервые народ стал всю свою энергию сосредоточивать на развитии общественного материального производства и народной духовной культуры, которая служит не для обогащения эксплуататоров, а его интересам и целям. В процессе материального производства и по мере его прогресса умножались возможности для воздействия на всестороннее совершенствование рабочих. Социалистическое материальное производство явилось основой роста и проявления духовных потенций человека.

Именно на основе упрочения и развития социалистического способа производства, изменения общественного бытия происходили коренные изменения в социальной психологии рабочего класса. В борьбе за укрепление нового способа производства развивались и совершенствовались общественные отношения и в свою очередь взгляды людей, нормы их морали, отношение к труду, обществу и коллективу, психология. Хотя ведущим

фактором изменения старой и формирования новой социальной психологии явились новые условия общественного бытия, однако сами по себе эти условия не могли оказывать решающего влияния.

Поэтому этот процесс происходил не только на базе изменения общественного бытия, но и на основе формирования новых по своему содержанию общественно-политических, морально-этических взглядов, превращения идеологии пролетариата в господствующую силу во всех сферах духовной жизни общества. Этому способствовали повышение общеобразовательного и культурного уровня рабочих, пропаганда в рабочих массах научного мировоззрения, повседневное участие людей в социалистическом строительстве, борьба за отстаивание своих завоеваний от внешних и внутренних врагов.

В борьбе за нового человека партия всегда умело сочетала и сочетает идейное влияние и заботу об удовлетворении материальных и культурных потребностей трудящихся. А это создавало и создает условия для их всестороннего развития, духовного и нравственного совершенствования. Благодаря этому меняются сознание, психология людей, растет их заинтересованность в активном участии в развитии производства, в общественно-политической жизни. В свою очередь идейно-политическая работа направлена на то, чтобы во взаимодействии этих начал воспитания усиливалась роль идейных, моральных мотивов в поступках и действиях людей, чтобы осознанный общественный интерес все глубже входил в их повседневную жизнь, превращался в привычку, становился психологической чертой.

Изменение старой и формирование новой социальной психологии рабочего класса происходило не только в процессе материально-производственной, общественной деятельности, но и под воздействием изменяющихся общественных отношений.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства предъявили высокие требования к культурному уровню рабочего класса, крестьянства, всей массы трудящихся. В эти годы партия наметила широкую программу культурного строительства. Рост культурного уровня советского народа ускорялся громадным расширением среднего специального и высшего образования. В культуре партия видела могучее средство идейного, нравственного и эстетического воспитания.

С ростом образования возросла роль науки в развитии общества, утвердилось научное мировоззрение, появилось чувство нового, настроение уверенности в победе нового строя.

Развитие просвещения, науки и на их основе рост технического прогресса в промышленности и сельском хозяйстве сопровождались качественными изменениями в культурно-техническом уровне рабочих и крестьян. Неузнаваемо выросли их кругозор, техническая эрудиция и мышление, познавательные и созидательные возможности.

Растущая культура социализма во всем богатстве своих форм и содержания входила в трудовую и общественную деятельность, в быт советских людей, в их повседневную привычку, она пробуждала у них лучшие чувства и помыслы.

Идейно-политический уровень и культурный подъем советского рабочего неразрывно связан и в значительной степени обусловлен непрерывным повышением его материального благосостояния, изменением условий труда и сокращением продолжительности рабочего времени, которые выступают могучим фактором в подъеме трудовой активности рабочих, в их борьбе за технический прогресс и повышение производительности труда.

* * *

Деятельность Коммунистической партии по формированию новой социальной психологии — это неразрывная последовательность действий с учетом конкретных условий и задач каждого этапа развития. Опыт предыдущих лет служит прочным фундаментом сегодняшней практики.

В то же время новый этап ставит свои, более сложные задачи и цели, ибо возрастают масштабы хозяйственного и культурного строительства, составляющие материальную основу многогранного процесса воспитания.

Партия в своей деятельности учитывает, что в условиях строительства коммунизма происходят дальнейшие социальные изменения как в рабочем классе, так и в обществе в целом. Основой этих изменений служит развитие производительных сил.

Создание материально-технической базы коммунизма является основой перерастания социалистического труда в коммунистический, основой формирования рабочих нового типа с глубокими знаниями и широким культурным кругозором. Автоматизация и механизация производства объективно влекут за собой качественный рост рабочего.

На современном этапе строительства коммунизма главными чертами рабочего являются — возросшее самосознание, понимание им своей роли и своей ответственности, понимание единства общественных и личных интересов. Объективной основой формирования этих черт явились социалистические производственные отношения, труд, приобретающий непосредственно общественный характер, бурный рост научно-технического прогресса, народного хозяйства, дальнейшее развитие социалистической демократии. Это видно на примере Мордовской АССР, где многие представители рабочего класса участвуют в высших органах государственной власти страны, республики, районов, городов. Немало рабочих выдвинуто в руководящие партийные, профсоюзные и комсомольские органы.

Советский рабочий реально ощущает здоровый социальный климат, в котором вызревают новые психологические черты.

Личные интересы, личные цели рассматриваются через призму интересов и целей всего общества. Это обстоятельство и является главным условием, главным фактором, формирующим настроения, привычки, чувства ответственности за успех коллективной работы, чувство хозяйской заинтересованности в этом успехе.

Для подтверждения данных выводов сошлемся на один любопытный пример. Буржуазные социологи неоднократно проводили опрос рабочих на тему: «Часто ли вам приходится нервничать во время работы?»

В нашей стране также проводятся аналогичные исследования. Такой же опрос пришлось провести и нам в ноябре 1967 года на ряде предприятий города Саранска и Мордовской республики. Оказывается, что «нервничающих» рабочих и у нас немало. Но анализ причин, заставляющих наших рабочих нервничать, показывает, что они прямо противоположны причинам капиталистического мира. В капиталистическом обществе рабочего беспокоит боязнь потерять работу, неуверенность в завтрашнем дне. У нас же рабочие заявляют, что их нервозность вызывается чаще всего проявлениями бесхозяйственности, бюрократизма или бездушным отношением к труду отдельных людей.

Вот что рассказал нам в беседе старый рабочий Саранского маслозавода т. Яковлев Николай Андреевич. «На данном заводе я работаю с 1937 года. Сейчас мой возраст пенсионный, но не могу уйти с завода. С ним сроднился, сросся. Производство — это моя жизнь. Когда я пришел на завод, оборудование было старое, англо-американское, работали вручную. Завод не раз реконструировался на моих глазах, и я своими руками устанавливал новое оборудование. Теперь завод — это автоматизированное предприятие. На заводе менялась не только моя профессиональная подготовленность, но и общее развитие, формировались мировоззрение, психология. Заводские интересы у меня стоят на первом плане. Я всегда отдаю себе отчет в том, что от моего добросовестного труда зависят и личное благополучие, и благополучие моих товарищей, а в конечном итоге — успехи Родины.

Я очень доволен работой, коллективом, но меня всегда раздражает бездушное отношение отдельных людей к труду, к своим обязанностям».

Аналогичную мысль высказали слесарь Догаев Василий Михайлович, проработавший на этом же заводе бессменно 22 года, и многие рабочие других предприятий.

А вот что интересное пишет бригадир каменщиков строительного управления № 11, делегат XXIII съезда КПСС Иван Иванович Цыганкин: «Четырнадцатый год я работаю каменщиком на стройке, и все это время меня не покидает такое чувство, словно только вчера взял я в руки мастерок, сложил первый дом и теперь смотрю на него с радостью и гордостью. С радостью

потому, что преподнес счастье новосёлам, с гордостью потому, что много труда вложили в него я и мои товарищи... Сроднился я со стройкой, прикипел к ней. Здесь вырос. Люди ценят меня»[1].

Многочисленные факты подтверждают, что, когда положительные поступки совершаются в повседневной обстановке, под контролем коллектива, они не задерживаются на стадии единичного порыва, а постепенно превращаются в новые привычки и отношения. Новые отношения человека к труду, к другим людям, к самому себе неотделимы от новой практики и поведения. Если у человека есть хорошие мысли, намерения, чувства, но они не выразились и не закрепились на практике, в действиях, то у него нет еще сформированного отношения к тому или иному явлению, они не превратились в привычку, не стали психологической чертой.

Высокое сознание своего долга перед Родиной и любовь к ней, коммунистическое отношение к труду, чувства коллективизма, интерес к общественной жизни, желание внести свой вклад в общее дело — все это характерно для мотивации поступков передового рабочего.

Передовому рабочему свойственны коллективизм, потребность и привычка решать дела сообща, ибо коллектив видит дальше, знает больше, чем один человек. Трудовой коллектив является одним из сильных источников становления психологии человека. Чувства, привычки человека принимают коллективистский и оптимистический характер.

Большой психологический эффект роста рабочего в производственном коллективе достигается соответствующей организацией всей деятельности человека. В коллективе используются те особые возможности, которые только он может дать для выработки творческого отношения к труду и осознания индивидом цели.

Сошлемся на один пример. Бригада каменщиков, которую возглавляет упомянутый нами выше И. И. Цыганкин, насчитывает 46 человек. Это люди разных характеров, с разным образованием, но коллектив объединил их в одно целое, выработал у них единую целеустремленность. Бригада является одной из лучших в городе Саранске и республике. Руками каменщиков этой бригады возведены лучшие дома на улицах В. Терешковой, Степана Разина, Павлика Морозова, Пролетарской, Коммунистической, корпуса — третьей городской больницы, многих школ и детских учреждений г. Саранска. Мастерами своего дела зарекомендовали каменщики Семашкины и Гордеевы, Т. Макушкина, Нина Морозова и Оксана Крымова. Они проработали на стройке по 10—15 лет.

---

[1] «Советская Мордовия», 22 апреля 1967 года.

В бригаде выработались свои традиции: уходит человек на заслуженный отдых — после себя оставляет полноценную замену. Например, Мария Федоровна Давыдова передала свою эстафету, свой опыт и знания каменщице Анастасии Бабиной. Новичков обязательно закрепляют за опытными каменщиками. В бригаде развито чувство бережливости к расходованию строительных материалов, и она в числе первых в стройуправлении переведена на хозрасчет.

Новой чертой психологии рабочего класса является массовое участие в общественных конструкторских бюро, бюро экономического анализа, лабораториях и других самодеятельных творческих организациях. В народном хозяйстве страны сейчас имеется около трех миллионов рационализаторов и изобретателей. За семилетие от внедрения их предложений получена экономия в сумме более II миллиардов рублей[1]. Около 90 процентов всех рабочих и служащих участвуют в социалистическом соревновании, свыше 30 миллионов трудящихся вступили в движение за коммунистическое отношение к труду.

Особенно широкий размах получила производственно-техническая самостоятельность рабочих в новой пятилетке. Это видно на примерах Мордовской АССР. За 2 года пятилетки в республике внедрено 8500 рационализаторских предложений и 10 изобретений, а экономия от них — более 11 миллионов рублей. Только за 1967 год реализовано 4,5 тысячи предложений[2]. Как правило, творчество рационализаторов и изобретателей направляется на наиболее «узкие» места и там творческий поиск дает положительные результаты. Все это способствует развитию производительных сил республики.

Лучших результатов добились коллективы изобретателей и рационализаторов завода «Электровыпрямитель», завода медпрепаратов, резинового комбината, кабельного завода, производственного объединения «Светотехника», ТЭЦ-2 и др. Только на заводе медпрепаратов внедрено 430 предложений, на ТЭЦ-2 — 350. Фактически там каждый день внедряются ценные технические новшества.

Из года в год растет армия новаторов, а их вклад в производство становится все весомее. Если в 1959 году, в первом году семилетки, в техническом творчестве приняли участие 2100 человек, то к концу семилетки — 5 тысяч человек. Если говорить о мотивах, побуждающих рабочих к участию в рационализации и изобретательстве, то на первое место выступает мотив — забота о повышении производительности труда, на второе — улучшение качества продукции, дальнейшее совершенствование технологии и конструкции машин и деталей, на третье — необходимость облегчения труда и на четвертое — материальное вознаграждение.

[1] См. XXIII съезд КПСС, т. 1, М., 1966, стр. 341—342.
[2] См. газета «Советская Мордовия», 29 декабря 1967 г.

В массовости этих явлений воплощены новые черты психологии советских рабочих, их возросшее творчество, трудовая и политическая активность.

По этим явлениям можно судить также о том, что переделка собственной психологии — чувств, привычек, черт характера, интересов, потребностей — осуществляется через практические действия, поступки людей, где человек объектом своей деятельности имеет не вещь, а самого себя, свою личность.

На основе социалистического преобразования общественного бытия и общественных отношений, в результате многогранной деятельности Коммунистической партии и Советского государства по воспитанию нового человека, в нашей стране сформировалась новая социальная психология рабочего класса, которую характеризуют следующие черты:

1. Чувства осознанного коллективизма, глубокого доверия между народами и национальной гордости, взаимопомощи и общественного долга; чувства заботы о людях, честности и правдивости; настроения уверенности в победу самого прогрессивного строя на земле.

2. Чувства оптимистических настроений, влечений и стремлений; черт характера, отражающих жизненные потребности социалистического общества.

3. Чувства и настроения безграничной любви к Родине, патриотизма, интернационализма, сознательного, активного и творческого отношения к труду на благо общества, высокоразвитые чувства общественной ответственности.

4. Наличие у советских людей жизнеутверждающих эмоций, чувств, интересов, переживаний, стремлений, влечений, настроений и привычек.

Все эти черты социалистической социальной психологии возникали, формировались и закреплялись в психике нашего народа практикой предшествующих 50 лет советской действительности. Это яркое подтверждение высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о том, «...что действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений...»[1]. Полная глубокого смысла, кипучая жизнь советского общества с его государственными и общественными институтами оказывает определяющее и благотворное влияние на формирование сознания и дальнейшее развитие социальной психологии.

В советском рабочем классе получили свое развитие лучшие черты общественной психологии пролетариата, очищенной от элементов буржуазной, частнособственнической психологии (индивидуализм, раздробленность, пессимизм, уныние в случае неудачи в борьбе и др.), преобразованной новым отношением к труду, к обществу, новыми интересами и потребностями.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 36.

На основе общественной собственности установились чувства нераздельной общности интересов, товарищеской взаимопомощи, заинтересованности в труде, сформировались коллективистские традиции, солидарность, организованность, настойчивость и мужество в борьбе с трудностями в достижении цели. Все эти черты глубоко укоренились в психологии рабочего класса, органически вошли в его сущность. Сложились типичные для общества, построившего социализм, совершенно новые оптимистические чувства, настроения, пронизывающие все сферы деятельности рабочего класса, оказывающие прогрессивное влияние на весь ход исторического развития. Рабочий класс выступает как борец, революционер и строитель. В нашей стране он уже 50 лет с честью выполняет эту историческую миссию. XXIII съезд КПСС вновь подчеркнул, что рабочий класс является главной социальной силой нашего движения к коммунизму. Он связан с новейшими формами производства, выступает главным производителем материальных благ.

ВЫВОДЫ

Вопрос о воспитании передовой идеологии и социальной психологии приобретает ныне непосредственно практическое значение. Формирование новой человеческой личности с этими передовыми качествами — закономерный процесс, идущий вместе с революционным преобразованием общества. «В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»[1],— писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Этот процесс происходит под влиянием идейно-психологического воздействия, осуществляемого всей системой воспитательной работы Коммунистической партии, Советского государства и общественных организаций. Он направлен на то, чтобы превратить теоретическое учение марксизма-ленинизма в глубокое идейное убеждение каждой личности, выработать на его основе коммунистические чувства, настроения, сильные черты характера, перевоплотить его в привычки. Иначе говоря, воспитание людей должно органически сочетать в себе идеологическое и психологическое воздействие на сознание воспитуемых, ибо формирование коммунистической сознательности неотделимо от воспитания подлинно коммунистических чувств, настроений, черт характера, привычек.

Идеология и социальная психология отражают единое общественное бытие. Следовательно, и формирование нового человека происходит всегда и во всем процессе взаимодействия идеологии и социальной психологии. Оно не может быть сведено только к идеологии или только к общественной психологии. В отдельности ни идеология, ни общественная психология не могут обеспечить этого процесса.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 201.

Идеология оказывает преобразующее влияние на сознание людей лишь тогда, когда она сама базируется на социальной психологии. Проникая своими идеями в сферу психологии и овладевая массами, идеология становится движущей силой общественного развития.

Поэтому одностороннее сведение теории общественного сознания только к идеологии и игнорирование развития социальной психологии ограничивает возможности управления многими сложными процессами общественной жизни.

В процессе строительства коммунизма в рабочем классе, с одной стороны, происходит ликвидация остатков старой частнособственнической психологии и формирование новой, коммунистической,— с другой.

Рабочий класс — не голое, абстрактное понятие. Это конкретные живые люди, которые трудятся на заводах, фабриках, стройках, на транспорте и рудниках. Им присущи свои чувства, настроения, привычки. У рабочих есть свои семьи, свои складывающиеся отношения между супругами, известные отношения к воспитанию своих детей. В их жизни значительное место занимает и быт, и мораль, и конкретные поступки, и реально выраженное отношение к делам и действиям товарищей по труду. Все это связано с социальной психологией рабочего.

Коммунистическая психология рабочего класса — это новые чувства, настроения, стремления, черты характера, привычки появились в связи с рождением новых форм коммунистического труда; качественно новые проявления воли и характера в общественно-производственной деятельности и быту; новое в общественном мнении в борьбе со всем, что мешает строительству коммунизма; новое в семейных отношениях и в коммунистическом воспитании детей; новое в обрядах, обычаях, традициях и в отношении рабочего класса к ним. Изменения в психологии рабочего класса под влиянием новых социальных условий стали возможны благодаря быстро развивающемуся процессу создания материально-технической базы коммунизма.

Новое общественное бытие порождает коммунистические черты воли и характера рабочего, потому что и мысли, и чувства находят конкретное воплощение в делах через волю и характер. Новое в психологическом облике советских рабочих проявляется и в том, что они готовы в ущерб личным интересам оставаться после смены учиться и учить других по собственной воле ради производства. Передовой рабочий сегодня не просто добросовестный исполнитель. Он почувствовал себя настоящим хозяином производства, понял указания партии так, что он отныне отвечает за весь народ, за благополучие страны, что от него и его товарищей по бригаде, по цеху зависит успех выполнения задач коммунистического строительства.

Внести новое в процесс производства — стало для многих рабочих потребностью. При этом рождается такая страсть, такой творческий энтузиазм, что люди забывают о времени, об отдыхе, о личных делах. Это качественно новое явление в психологии рабочих. Общественные производственные интересы становятся настолько близкими, что рабочий к ним относится как к личным. В этом заключается диалектика формирования коммунистической психологии.

В период строительства коммунизма коммунистическое воспитание рабочего класса и всех трудящихся, формирование идеологии и социальной психологии приобрело столь же важное значение, что оно уже не может больше осуществляться без развернутой научно разработанной программы. Вот почему XXIII съезд КПСС уделил особое внимание не только научно обоснованной экономике, но и совершенствованию стиля и метода коммунистического воспитания трудящихся.

Устраняя субъективизм и волюнтаризм в теории и практике идеологической деятельности партии, съезд поставил задачу значительного повышения уровня работы по формированию у советских людей коммунистической сознательности, воспитанию у них коммунистической идеологии и коммунистической психологии.

В своих решениях партия исходит из того, что формирование марксистско-ленинской идеологии и психологии — это настоятельная потребность советской действительности, диктуемая строительством коммунизма в нашей стране.

Э. Р. Музаферов

ДВИЖЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ К ПОЛНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОДНОРОДНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА (на примере МОРДОВСКОЙ АССР)

48630

В ходе социалистического строительства в многонациональном Советском Союзе накоплен колоссальный опыт развития нового типа национальных отношений. Многие черты этого опыта имеют международное значение. «На опыте СССР весь мир убеждается в жизненной силе ленинской национальной политики. Разрешение национального вопроса в нашей стране неопровержимо показало, что активное самостоятельное историческое творчество не является достоянием лишь «избранных наций», а доступно всем народам. Советское многонациональное социалистическое государство демонстрирует на практике торжество идей пролетарского интернационализма»[1].

Разрешение национального вопроса в СССР, связанное с революционной перестройкой всей совокупности общественных отношений людей на социалистических началах, породило новые закономерности в развитии наций. В условиях социализма происходит всестороннее развитие и сближение всех наций. Эти две тенденции в национальных отношениях при социализме выступают в единстве, они суть две стороны одного закономерного и объективного процесса.

КПСС в своей Программе наметила курс на дальнейшее развитие социалистических наций и на реализацию ведущей тенденции и добровольному сближению их во всех областях жизни, к братскому сотрудничеству на основе принципов социалистического интернационализма. Успешное решение этой двуединой задачи требует максимального и гармоничного сочетания национальных и общесоюзных интересов во всех областях развития СССР.

Результатом экономического, политического и идеологического единства социалистических наций явилось образование новой социальной и интернациональной общности — советского народа. Эта общность не представляет собой какую-то новую

---

[1] 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции — Тезисы ЦК КПСС, Политиздат, 1967, стр. 39.

Библиотека

нацию, она есть — более широкая, чем нация, и качественно новая историческая общность людей.

Советский народ — это социально-экономическая, политическая, территориальная, духовная и культурная общность людей, первая в истории человечества единая социалистическая многонациональная общность, высшая по сравнению с любой национальной общностью. В советском народе воплощено то, что является общим для всех наций и народностей СССР, что объединяет их в единое целое: единая Родина, социалистическая собственность и общая экономика, единая социально-классовая структура, общая территория, общая идеология, общее интернациональное содержание культуры, общая цель — построение коммунизма, единая руководящая партия — КПСС. Советскому народу присущи единые чувства советского патриотизма и социалистического интернационализма. В то же время советский народ является совокупностью развивающихся национальных общностей людей — социалистических наций, народностей, этнографических групп.

Переход к строительству коммунизма в СССР ознаменовал начало нового этапа и в развитии национальных отношений. Главным на этом этапе является дальнейшее сближение социалистических наций, укрепление их единства.

Связи народов СССР становятся все более тесными и многообразными. Как подчеркнул XXIII съезд КПСС, в СССР «идет великий процесс сближения народов, укрепления нерасторжимых уз их дружбы и братства, единства и сплоченности»[1].

В основе дальнейшего сближения наций в процессе строительства коммунизма лежат разнообразные объективные факторы: создание материально-технической базы коммунизма, углубление социалистического разделения труда, специализация хозяйства, расширение и усиление межнациональных экономических связей и т. п.

Важным аспектом развития национальных отношений является движение наций к полной социальной однородности. Национальные отношения тесно связаны с классовыми. При всей относительной самостоятельности национальных отношений классовые отношения являются ведущими.

Несмотря на то, что за последнее время появилось немало работ, посвященных анализу национальных отношений в период строительства коммунизма, вопросы об изменении социально-классовой структуры наций, о движении социалистических наций к полной социальной однородности остаются мало освещенными. А это движение является закономерностью строительства коммунизма. Отсюда вытекает актуальность изучения данного процесса в жизни советских социалистических наций. Практическое значение выяснения социально-классовых отношений советских

[1] Материалы XXIII съезда КПСС, М., Издательство политической литературы, 1966, стр. 88.

наций, в частности, в том, что оно открывает новые возможности для научного управления социальными процессами.

Переход от капитализма к коммунизму — это смена классово-антагонистического общества обществом бесклассовым, характерной чертой которого становится полная социальная однородность. Социализм представляет собою необходимый этап на пути к бесклассовому обществу. Это первая фаза коммунизма, на которой классовые противоположности и коренные социальные различия уже преодолены, но классы еще не исчезли.

Учет той ступени, которой достигли советские социалистические нации на пути к полной социальной однородности,— важное условие объективного научного анализа процесса развития национальных отношений.

Особенностью и важнейшей чертой всех советских социалистических наций является их социальная однотипность. В период строительства коммунизма процесс образования социальной однородности усиливается у всех социалистических наций.

Говоря о понятии «социальная однородность» необходимо отметить следующее: во-первых, оно вошло в употребление в самое последнее время, когда непосредственным объектом марксистской науки стало коммунистическое строительство, во-вторых, оно отражает в научном познании характер и направленность изменений в социальной структуре социалистического общества в процессе ее перерастания в коммунистическую и, следовательно, прогнозирует особенности будущей бесклассовой социальной структуры, в-третьих, оно логически связано с теми категориями, которые характеризуют вторую фазу коммунизма.

Взаимодействуя с другими категориями научного коммунизма, понятие социальной однородности выполняет познавательную и методологическую функции; оно в значительной степени облегчает подход к изучению социальных проблем, вызванных становлением второй фазы коммунизма.

За последнее время в нашей философской и социологической литературе некоторыми учеными высказаны суждения, в которых они представляют возможным вычленить несколько уровней социальной однородности и раскрыть закономерности последовательного перехода от одного уровня к другому[1]. На наш взгляд, такой подход к данной проблеме является правильным.

Предлагается следующая характеристика различных уровней социальной однородности общества:

Первый уровень социальной однородности охватывает период победившего социализма и начало перехода к коммунистическому строительству. Его характерная особенность состоит в том, что наряду с остатками классовой дифференциации устанавливаются в обществе отношения социального равенства в главном,

[1] «Изменение социальной структуры советского общества». Материалы к научной конференции. Москва, 1965, стр. 88—89.

в основном, утверждается социально-политическое и идейное единство социальных групп.

Второй уровень — это построение коммунизма в основном, когда исчезают классовые общности, но еще не преодолеваются полностью старые формы разделения труда и, следовательно, умственный труд в большей части все еще сосредоточивается в деятельности интеллигенции.

Третий уровень — это вполне построенное коммунистическое общество, когда окончательно преодолеваются старые формы разделения труда, исчезает интеллигенция, как особая прослойка; утверждаются коммунистические трудовые общности, олицетворяющие полное социальное равенство.

Четвертый уровень — дальнейшее развитие коммунизма, когда усиливается социальная однородность наций, осуществляется их дальнейшее сближение и достигается их слияние в единое общество трудящихся.

Изучение этих уровней социальной однородности, диалектики перехода от одного уровня к другому — задача большого теоретического и практического значения, разрешение которой позволит более конкретно раскрыть пути сближения и слияния наций.

Опыт СССР показывает, что движение наций к полной социальной однородности в процессе строительства коммунизма идет по следующим направлениям:

1. Ускорение роста численности и качественного состава рабочего класса, особенно в тех национальных республиках, где он занимал меньшую долю, чем по стране в целом.
2. Ускорение роста численности и доли интеллигенции.
3. Уменьшение доли крестьянства, а в ряде республик и уменьшение его абсолютной численности.
4. Стирание социальных различий между рабочим классом и крестьянством.
5. Стирание социальных различий между интеллигенцией, с одной стороны, рабочим классом и крестьянством, с другой стороны.
6. Выравнивание социальной структуры города и деревни.

* * *

Социалистические нации имеют отличную от буржуазных наций классовую структуру. Они состоят из рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции и других групп трудящихся. В отличие от буржуазных наций социалистические нации свободны от классовых антагонистических противоречий. Социалистические нации имеют общность интересов, которые определяются в первую очередь единством их экономической основы и конечной цели — построения коммунистического общества.

«Социальная структура советского общества,— говорится в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»,— характеризуется наличием дружественных классов и групп трудящихся, единством их экономических, социально-политических и идейных интересов, общей заинтересованностью в построении коммунизма»[1].

Классовая структура социалистического общества в процессе строительства коммунизма претерпевает крупные дальнейшие качественно новые изменения, о чем свидетельствует следующая таблица.

Изменение классового состава населения СССР за 50 лет (в %)[2]

	1913 г.	1928 г.	1939 г.	1959 г.	1965 г.
Рабочие и служащие	17,0	17,6	50,2	68,3	76,39
В том числе:					
Рабочий класс	14,8	14,6	32,5	48,2	—
интеллигенция и служащие	2,2	3,0	17,7	20,1	—
колхозное крестьянство и кооперированные кустари	нет	2,9	47,2	31,4	23,58
некооперированные крестьяне и кустари	66,7	74,9	2,6	0,3	0,03
эксплуататорские классы	16,3	4,6	нет	нет	нет
В том числе:					
кулачество	1',4	4,2	нет	нет	нет

Как видно из таблицы, из классов социалистического общества ускоренными темпами возрастает численность и доля рабочего класса, что является закономерным процессом в жизни общества, строящего коммунизм. Эта закономерность присуща как всему нашему советскому обществу, так и каждой социалистической нации в отдельности. Это положение подтверждается изменениями в социальной структуре каждой союзной и автономной республики нашей страны.

Укрепление и совершенствование социалистического способа производства, индустриализация страны, успехи культурной революции, развертывание научно-технической революции закономерно привели также к росту численности и удельного веса интеллигенции и служащих.

[1] 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. Политиздат, Москва, 1967, стр. 36.

[2] См. «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1967, стр. 65; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года СССР (сводный том)», М., 1962, стр. 92, «Страна Советов за 50 лет», М., 1967, стр. 3.

Сближение труда колхозников с механизированным индустриальным трудом, повышение уровня развития производительных сил в деревне сделали возможным перелив значительной части колхозного крестьянства в состав рабочего класса, а частично — в состав служащих.

Развитое советское социалистическое общество ныне состоит более чем наполовину из рабочего класса, более чем на одну четверть — из интеллигенции и служащих, менее чем на одну четверть — из колхозников и кооперированных кустарей.

Наша страна перестала быть страной с преобладающим деревенским населением: на июль 1967 года городское население СССР составило 55%, сельское — 45%[1].

Основные тенденции изменения социально-классовой структуры наций можно конкретно проследить на примере Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики.

Советская Мордовия — это равноправный член братской семьи народов СССР. Труженики республики по праву гордятся крупной современной промышленностью, механизированным сельским хозяйством и передовой культурой.

В Мордовии оформился национальный рабочий класс, появились сотни и тысячи людей, овладевших самыми сложными профессиями, инженерные кадры, хозяйственные руководители.

Успехи, достигнутые Мордовской АССР во всех областях экономической и культурной жизни, показывают, что в условиях социалистического строя все народы, и в том числе в прошлом отсталые, получают реальную возможность для всестороннего расцвета.

В процессе строительства коммунизма идет дальнейшее выравнивание экономического развития советских социалистических наций, что оказывает непосредственное влияние на изменение их социальной структуры. Например, такие народы Среднего Поволжья, как марийцы, мордва и чуваши не имели до революции на своей территории почти никаких развитых отраслей промышленности, поэтому и доля рабочего класса и служащих в составе их населения была низкой. Ныне, благодаря ленинской национальной политике, эти народы имеют на своих территориях развитую многоотраслевую экономику. Эти районы превратились из аграрно-сырьевых в промышленно-аграрные. Благодаря процессу экономического выравнивания изменилась и классовая структура на территории Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Об этом свидетельствуют итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года[2] (см. табл. стр. 23).

Эти данные свидетельствуют об огромных социальных изменениях, происходящих в жизни этих народов при социализме. Процессы выравнивания социально-классовой структуры наций

[1] «Страна Советов за 50 лет», «Статистика», Москва, 1967, стр. 15.

[2] «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР», Госстатиздат, Москва, 1963, стр. 153.

Распределение населения республик Среднего Поволжья по общественным группам

Автономные республики	В % ко всему населению			
	рабочие	служащие	колхозники	крестьяне-единоличники и некооперированные кустари
Марийская АССР	36,5	16,3	46,7	0,5
Мордовская АССР	30,9	14,0	54,3	0,8
Чувашская АССР	25,3	13,4	60,3	1,0

продолжаются с большей интенсивностью и при перерастании социализма в коммунизм также через процесс выравнивания их экономического развития.

Остановимся подробнее на анализе этих изменений на примере Мордовской АССР.

За годы Советской власти Мордовия превратилась в развитую промышленную и сельскохозяйственную республику. За это время в Мордовской АССР создана крупная современная промышленность, сложился многотысячный отряд рабочего класса и инженерно-технических работников. Сейчас за три с половиной дня вырабатывается промышленной продукции столько, сколько её было выработано предприятиями, находящимися на территории Мордовии, за весь 1913 год[1].

Капиталистическая промышленность в дореволюционной Мордовии не получила широкого развития и не играла сколько-нибудь значительной роли в народном хозяйстве. В 1913 году во всей валовой продукции удельный вес фабрично-заводской промышленности составлял лишь 1,5%, тогда как по всей Европейской части России — 42,1%. Продукции на душу населения Мордовии выпускалось на 5,6 рубля, тогда как во всей России было выпущено продукции на 70 рублей. Промышленный рабочий класс на территории Мордовии был крайне малочисленным. На всех предприятиях цензовой промышленности и на железной дороге было всего 6300 рабочих[2]. В 1917 году промышленных рабочих в городе Саранске было всего 300—350 человек[3].

За годы Советской власти в ходе развития социалистической промышленности в Мордовии рос и кадровый рабочий класс, являющийся ведущей силой социалистического строительства. К концу второй пятилетки здесь было уже более 70 тысяч рабочих и служащих, третью часть которых составляла мордва[4].

[1] Г. Осипов. «Под знаменем Великого Октября» — газета «Советская Мордовия», от 1 ноября 1967 года.

[2] «Под звездой Октября», Мордовская АССР за 50 лет Советской власти», Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, стр. 15.

[3] Там же, стр. 29.

[4] «Под звездой Октября», Мордовская АССР за 50 лет Советской власти», Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, стр. 59.

Создание национального рабочего класса в республике явилось большой победой народа, важным фактором формирования мордовской социалистической нации.

Рабочие коренной национальности — мордва в 1928 году составляли всего лишь 2,3% от общей численности рабочих цензовой промышленности Мордовии[1]. А теперь одну четверть рабочих и служащих республики составляют трудящиеся мордовской национальности.

Коренным образом изменилась отраслевая структура промышленности Мордовской АССР. Если до Великого Октября преобладали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, то теперь действуют мощные машиностроительные заводы, предприятия светотехнической, электротехнической, приборостроительной, химической и других отраслей промышленности.

Заводы Мордовии выпускают осветительные и специальные лампы, экскаваторы и автосамосвалы, цемент и шифер, медицинские препараты, приборы и осветительную аппаратуру, резинотехнические изделия и много другой продукции. Промышленные изделия с маркой предприятий Мордовии идут во все союзные республики страны и 56 зарубежным государствам.

В Мордовии действует крупный в стране научный и промышленный комплекс по производству источников света. Успешно развивается полупроводниковая промышленность. Саранский ордена Трудового Красного Знамени завод «Электровыпрямитель» является ведущим предприятием этой отрасли в стране. В развитии полупроводниковой техники большую роль играет Мордовский научно-исследовательский электротехнический институт. За крупный научный вклад в создание полупроводниковых приборов группе инженеров завода «Электровыпрямитель» — И. Г. Учайкину, И. И. Васильеву, Л. Н. Крылову, И. А. Тепману, А. Д. Булкину — присуждена Ленинская премия. В этой многонациональной группе лауреатов двое — И. Г. Учайкин и А. Д. Булкин — представители мордовской национальности.

Народ, не имевший до революции ни одного инженера своей национальности, теперь имеет и лауреатов Ленинской премии.

В Мордовской АССР создана энергетическая база с широкой сетью линий электропередач и подстанций. Мордовская энергосистема включена в Единую энергетическую систему Европейской части Советского Союза. В настоящее время электроэнергия широко используется во всех отраслях народного хозяйства. Республика имеет огромные успехи в подъеме транспорта и строительства.

Промышленность прочно заняла место ведущей отрасли в народном хозяйстве Мордовии. К концу семилетки удельный

[1] «Под звездой Октября», Мордовская АССР за 50 лет Советской власти», Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, стр. 83.

вес валовой продукции промышленности в общем выпуске продукции поднялся до 70% против 47% в 1958 году[1].

Все эти структурные изменения в экономике привели к крупным изменениям и в социально-классовой структуре населения республики. Вырос и окреп рабочий класс Мордовии.

В 1965 году в сравнении с 1958 годом число рабочих и служащих на государственных и кооперативных предприятиях Мордовии увеличилось на 61%[2].

Новая пятилетка (1966—1970 гг.) открывает широкие перспективы по дальнейшему подъему экономики и культуры Мордовии. Как и прежде, промышленное производство республики будет расти более быстрыми темпами, чем в целом по стране. Если по Советскому Союзу намечено за пятилетку увеличить объем промышленной продукции примерно в полтора раза, то по Мордовской АССР — в два раза, что, естественно, повлечет дальнейший более быстрый, чем в целом по стране, рост численности рабочего класса и служащих в республике.

Новый пятилетний план развития хозяйства Мордовской АССР предусматривает более полное использование имеющихся внутренних резервов и возможностей, созданных предшествующим развитием. Производство электрической и тепловой энергии в текущей пятилетке возрастает в 2,3 раза, выпуск осветительных ламп на предприятиях Саранского производственного объединения «Светотехника» увеличится в 2,2 раза, производство химического оборудования — почти в 4 раза, производство различных приборов — в 3 раза, инструмента — в 4 раза[3].

К 1970 году на полную мощность будет работать Саранский резиновый комбинат, вступит полностью в строй завод «Центролит», закончится комплексное строительство двух научно-исследовательских институтов и других объектов, имеющих общесоюзное значение.

Важно отметить, что в текущем пятилетии обращено особое внимание на строительство промышленных предприятий в западных районах республики. Это приведет к значительному росту численности рабочего класса и служащих из мордовской национальности, населяющей эти районы, которые по промышленному развитию несколько отставали от восточных районов Мордовской республики.

В период строительства коммунизма существенно меняется характер труда и социальная структура рабочих в Мордовской АССР. Только за семилетку (1959—1965 гг.) количество рабочих в республике, выполняющих работу механизированным способом,

[1] «Под звездой Октября», Мордовская АССР за 50 лет Советской власти, Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, стр. 131.

[2] Там же, стр. 299.

[3] К. Шкатов. Впервые в Мордовии. Газета «Советская Мордовия» от 31 октября 1967 года.

возросло в 2,4 раза, а численность рабочих, занятых на автоматах, почти утроилась. Значительно возросла доля рабочих ведущих производственных профессий. Например, удельный вес аппаратчиков среди промышленно-производственных рабочих увеличился в 16,8 раза, фасовщиков и резчиков — в 8 раз, сверлильщиков и электромонтеров — в 5,6 раза, гальваников, крановщиков, фрезеровщиков — в 5 раз, почти утроилось число наладчиков, паяльщиков, контролеров. Расширилась сфера применения труда женщин-работниц. Доля женщин — сборщиц деталей возросла в 25 раз, женщин-электромонтеров — в 21 раз, фасовщиц — в 18 раз[1].

Индустриальное развитие Мордовской республики в годы семилетки позволило ускорить процесс повышения культурно-технического уровня рабочих. Так, например, в 1965 году в республике каждый второй рабочий, техник и инженер повышал либо свое образование, либо свою квалификацию.

Этот процесс ускоренно продолжает развиваться на предприятиях нашей страны. Возьмем, к примеру, одно из предприятий нашей республики — Саранский ордена Трудового Красного Знамени завод «Электровыпрямитель». Специализация завода на выпуске сложных преобразовательных устройств с применением управляемых и неуправляемых силовых вентилей делает необходимым для рабочего, а также работника ИТР, не только повышение его мастерства, но и повышение уровня его общеобразовательной подготовки.

Вид учебы	Обучено в 1967 году			Обучается на 1/I—1968 года		
	ИТР и служащие	рабочие	всего	ИТР и служащие	рабочие	всего
Вузы	40	9	49	192	426	618
Техникумы	26	40	66	20	240	260
Школа мастеров	5	14	19	5	49	54
Учебный комбинат	96	350	446	80	190	270
Курсы (при НИИ, межобластные и др.)	67	—	67	159	—	159
Обучение иностранным языкам	18	—	18	40	—	40
Техучеба в цехах и отделах	550	905	1427	332	1295	1627
Итого	803	1318	2121	830	2200	3030
ШРМ	1	136	137	1	279	280
Всего	804	1454	2258	831	2479	3310

[1] «Под звездой Октября», Мордовская АССР за 50 лет Советской власти, Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, стр. 130.

В целом по заводу всеми видами технической и общеобразовательной подготовки в 1967 году было охвачено 3310 человек. Это видно из таблицы: (на стр. 26).

Как видно из таблицы, вопросам повышения квалификации рабочих, ИТР и служащих уделяется огромное внимание.

Планы по повышению квалификации по заводу перевыполняются всеми категориями работников. Так, в 1967 году обучено инженерно-технических работников — 803 человека, при плане 250 человек, обучено рабочих — 1255 человек вместо 920. Структура обучения по повышению квалификации выглядит следующим образом:

Из 1255 человек рабочих обучались: а) в школах по изучению передовых методов труда — 30 человек; б) в порядке обучения вторым профессиям — 105; в) на курсах целевого назначения — 25; г) на производственно-технических курсах — 745; д) в постоянно-действующих школах и курсах — 350.

Количество обучающихся рабочих продолжает расти. Так, в 1968 году уже обучается 2200 человек.

Наряду с повышением производственной квалификации растет и уровень общеобразовательной подготовки рабочих и инженерно-технических работников этого завода. Об этом свидетельствует следующая таблица[1], показывающая рост количества обучающихся в вузах, техникумах и школах рабочей молодежи:

Учебные заведения	1965 г.	1966 г.	1967 г.
Вузы	338	470	655
Техникумы	132	190	263
Школы рабочей молодежи	248	341	350
Всего обучающихся	718	1001	1268

Эти данные говорят о том, что количество обучающихся работников завода в вузах и техникумах возросло с 1965 года по 1967 год почти в 2 раза, а обучающихся в школах рабочей молодежи — в 1,5 раза. Аналогичная же картина с повышением производственной квалификации и образовательного уровня наблюдается на многих других предприятиях Мордовии.

Повышение уровня индустриализации Мордовии повлекло за собой серьезные изменения в структуре занятого населения, вызвало рост городского населения. Так, например, в Мордовии в 1967 году процент городского населения поднялся до 30% против 18% в 1959 году, население столицы Мордовской АССР,

[1] Данные взяты из отчетной и справочной документации отдела технического обучения кадров завода «Электровыпрямитель» — дело № 16/274.

города Саранска выросло за это время с 99,5 тысячи человек до 169,2 тысячи человек[1].

В период коммунистического строительства во всех сферах жизни возрастает роль советской интеллигенции. В связи с бурным развитием производства, науки и техники, численность интеллигенции, в особенности технической, быстро растет. «Если в 1913 году в хозяйстве страны было занято около 200 тысяч специалистов с высшим и средним специальным образованием, то в 1966 году их было уже почти 13 миллионов человек. При социализме открываются широкие возможности для творческой деятельности интеллигенции. Коммунистическое строительство создает новые благоприятные условия для применения её знаний, способностей в создании новой техники, в управлении производством, обучении и воспитании молодых поколений строителей коммунизма, в развитии культуры, науки, литературы и искусства»[2].

Тенденцию бурного роста численности интеллигенции можно видеть и на примере Мордовской АССР. До революции мордовский народ не имел своей письменности, почти все население было неграмотным, лишь 11,1% мужчин были грамотными. За годы Советской власти в Мордовии создана широкая сеть общеобразовательных школ. В настоящее время в республике имеется 1236 общеобразовательных школ, в которых обучается свыше 222 тысяч учащихся, работают 2 вуза и 20 средних специальных учебных заведений. В Мордовском государственном университете, педагогическом институте и средних специальных учебных заведениях получают образование 34 тысячи студентов[3]. В 1966 году в республике было занято 1307 научных работников, среди них 7 докторов и 181 кандидат наук[4]. Если в 1913 году на территории современной Мордовии было лишь 66 врачей всех специальностей, то в 1966 году их было уже 1343 человека, а численность среднего медицинского персонала в 1966 году составила 5934 человека[5]. В республике трудятся 12733 учителя[6], среди которых свыше 4 тысяч специалистов с высшим образованием, тогда как на территории Мордовии в 1914—15 учебном году работал всего лишь 1551 учитель. В вузах и средних специальных учебных заведениях обучаются 30,9 тыс. человек. Только за семилетку, с 1959 года по 1965 год,

[1] «Мордовская АССР за годы Советской власти» (в цифрах) Статистический сборник. Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, таблица 1, 2.
[2] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. Политиздат, Москва, 1967, стр. 37.
[3] Г. И. Осипов. Отчет о работе Мордовского обкома КПСС.— Газета «Советская Мордовия» от 2 марта 1968 года.
[4] «РСФСР за 50 лет». Статистический сборник. Статистика, 1967, стр. 218.
[5] «Мордовская АССР за годы Советской власти» (в цифрах), Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, стр. 171.
[6] Там же, стр. 157.

высшими и средними специальными учебными заведениями республики подготовлено 13 тысяч специалистов.

В Мордовской АССР сейчас имеется большой отряд высококвалифицированной интеллигенции. В народном хозяйстве республики в 1966 году насчитывалось 42936 дипломированных специалистов, из них 15725 человек с высшим и 27211 со средним специальным образованием. Из общего количества дипломированных специалистов 8263 человека из мордовской национальности (19,2%), в том числе с высшим образованием 3176, или каждый пятый специалист. Среди всех специалистов мордвы удельный вес женщин-мордовок составил 61,9%, в том числе с высшим образованием 56,2% и со средним 65,5%. Среди всех женщин Мордовии, имеющих высшее образование, каждая пятая женщина — мордовка[1].

На наш взгляд, удельный вес мордвы среди специалистов остается еще невысоким. Он ниже удельного веса мордовского населения в республике (35,7%). Поэтому необходимо в ближайшие годы подготовку национальных кадров и формирование национальной интеллигенции значительно расширить.

В Мордовской республике состав интеллигенции является не однородно национальным, а многонациональным. В 1966 году в Мордовии работали специалисты различных наций:[2]

	С высшим образованием	Со средним специальным образованием
Всего:	15725	27211
в том числе:		
русские	11722	20922
мордва	3176	5087
татары	232	528
украинцы	279	367
евреи	132	48
белорусы	73	101
чуваши	41	88
другие национальности	70	70

Среди специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Мордовской АССР, можно найти специалистов более 20 национальностей, кроме указанных в таблице. Это узбеки, казахи, грузины, азербайджанцы, литовцы, буряты, карелы, латыши, армяне, туркмены,

[1] «Мордовская АССР за годы Советской власти» (в цифрах), Мордовское книжное издательство, Саранск, 1967, стр. 127.
[2] Там же, стр. 138—139.

эстонцы, а также башкиры, коми, марийцы, народности Дагестана, осетины, тувинцы, удмурты, якуты и другие.

Многонациональным составом характеризуется интеллигенция в каждой советской национальной республике. Возьмем, к примеру, соседнюю с Мордовией, Чувашскую АССР, также национальную республику Среднего Поволжья, в которой трудятся специалисты более 20 национальностей. Многонациональность состава её интеллигенции показывает следующая таблица[1], (данные 1966 года):

	Специалисты (тыс. человек)	
	с высшим образованием	со средним специальным образованием
Всего специалистов, занятых в народном хозяйстве Чувашии	17,7	33,0
В том числе:		
чуваши	9,9	17,3
русские	6,9	14,5
татары	0,3	0,3
украинцы	0,2	0,3
мордва	0,1	0,3
белорусы	0,1	0,2
другие национальности	0,2	0,2

Процессы усиления роста многонациональности в республиках свидетельствуют об обмене кадрами между нациями, об их связях, способствуют возрастанию степени интернационализации их жизни.

В годы текущей пятилетки в Мордовии будет идти дальнейшее расширение сети высшего и среднего специального образования. В 1966 году открыто 2 новых техникума, а в 1967 году в Мордовском государственном университете открыт новый факультет — медицинский. Мордовия начала сама готовить врачей. Увеличивается прием в техникумы. Многие трудящиеся республики получают образование в вузах и средних специальных учебных заведениях без отрыва от производства. Так, например, в 1967—1968 учебном году в вузах республики обучались на вечернем и заочном отделении 11574 человека, а в средних специальных учебных заведениях —5950 человек. Таким образом, образование без отрыва от производства получают в вузах и техникумах Мордовии 17524 человека. Этот вид обучения вносит существенный вклад в дело подготовки кадров интеллигенции.

[1] «Чувашия за 50 лет Советской власти (в цифрах). Статистический сборник. Чувашское книжное издательство. Чебоксары, 1967, стр. 72.

Все это приведет к дальнейшему росту численности и доли интеллигенции в социальной структуре мордовской нации.

В процессе строительства коммунизма, в движении наций к социальной однородности характерно уменьшение доли крестьянства, а в ряде республик и уменьшение его абсолютной численности. Это явление прогрессивное.

В Мордовской АССР, как почти во всех советских национальных республиках, происходит уменьшение доли крестьянства, сельского населения в целом. Если в 1939 году сельское население республики составляло 93%, то в 1959 году оно составляло 82%, а на начало 1967 года этот показатель снизился до 69,6%[1].

Часть сельского населения перешла на работу в совхозы, промышленность, строительство и в связанные с ними обслуживающие предприятия. Переход сельского населения на промышленные предприятия и в совхозы стал возможен в значительной мере благодаря механизации и повышению производительности труда в сельском хозяйстве. Степень механизации работ на селе в настоящее время значительно возросла. Возьмем, к примеру, колхоз имени Ленина Ардатовского района — большое мордовское село Чукалы. Председатель сельхозартели И. Прытков пишет: «Колхоз не смог бы производить и пятой доли того количества продукции полеводства, если бы не наличие техники. Это наглядно можно видеть на примере же колхоза. Сейчас мы имеем 22 трактора, из них почти половина дизельных. А какое обилие другой техники! 7 зерновых комбайнов, два свекло- и один картофелеуборочный комбайн, четыре картофелекопалки, восемь тракторных тележек для перевозки грузов, восемь автомашин. Вот она сила современного крестьянина! Владея такой мощью, колхоз, как и другие хозяйства республики, выполняет с помощью машин большинство работ»[2].

Труд полеводов и животноводов республики становится разновидностью труда индустриального. Качественные изменения внутри колхозного крестьянства во многом сходны с процессами, происходящими в рабочем классе. И для колхозного крестьянства характерен неуклонный рост политической активности и организованности, подъем квалификационного и общеобразовательного уровня. Механизаторы колхозного производства — трактористы и комбайнеры, мотористы и машинисты и другие специалисты стали уже центральной фигурой сельского хозяйства. По примеру передовых рабочих они в своей деятельности все больше сочетают труд физический с умственным.

[1] Подсчитано на основании данных «РСФСР за 50 лет». Статистика, 1967, стр. 215.

[2] И. Прытков. Радость земледельцев.— «Советская Мордовия» от 24 октября 1967 года.

Все это связано с ростом механизации работ в сельском хозяйстве. Так, например, в Мордовской АССР, как и всюду по стране, идет заметный рост механизации сельскохозяйственных работ: посадка картофеля в колхозах республики механизированным способом выросла до 95,4% в 1967 году против 72,1% в 1960 году, а в совхозах республики этот показатель достиг 99,8%. Уборка зерновых культур комбайнами достигла в 1967 году в колхозах 100%, в совхозах — 100%.

Рост механизации работ наблюдается и в других видах сельскохозяйственных работ, но в несколько меньшей степени, чем в уборке зерновых культур. Так, например, уборка сахарной свеклы была механизирована в колхозах республики в 1967 году только на 34,5%, а в совхозах — на 49,8%. Особенно слаба механизация на животноводческих фермах в колхозах и совхозах республики, хотя в целом и здесь наблюдается тенденция роста. Например, доение коров механизированным способом в колхозах республики выросло с 2,3% в 1960 году до 11,7% в 1967 году, но эти показатели являются в современный период недостаточными.

Количество крупного рогатого скота, находящегося на фермах с механизированным водоснабжением, хотя и увеличилось, но достигло в 1967 году только: в колхозах — 70,3%, в совхозах — 70,4% от всего количества крупного рогатого скота. Количество свиней, содержащихся в таких же фермах, составляет: в колхозах — 54,1%, а в совхозах — 100%.

Значительно слабее механизированы процессы раздачи кормов и очистки помещений от навоза в колхозах и совхозах республики. Так, например, количество крупного рогатого скота, находящегося на фермах, оборудованных внутрифермским транспортом, составляет в колхозах Мордовии только 20,2% в 1967 году, а количество свиней — 18,6%[1].

В совхозах республики механизированная раздача кормов применяется пока низкими темпами и составляет: по крупному рогатому скоту — 4,4%, для свиней — 18,9%, для птицы — 38,7%, а механизированная очистка помещений от навоза применяется по крупному рогатому скоту на 13,5%, а на свинофермах — на 26,8%.

Количество скота в животноводческих помещениях совхозов, в которых механизированы подача воды, раздача кормов и очистка помещений, составило в 1967 году по крупному рогатому скоту только 4,4%, а по свиньям — только 14,2%.

Все эти показатели свидетельствуют о том, какое большое количество ручного труда применяется еще в животноводстве.

В Мордовской АССР имеются все возможности резко увеличить уровень механизации работ в сельском хозяйстве: все 39 совхозов и 350 колхозов (100%) электрифицированы и пользуются электроэнергией на производственные нужды, парк тракторов в сельском хозяйстве республики вырос с 9,3 тысячи (в пересчете на 15-ти сильные) в 1961 году до 14,5 тысячи[1] в 1967 году и т. д.

[1] Данные Статистического управления Мордовской АССР.

С ростом механизации работ в сельском хозяйстве возрастает и потребность в кадрах, что вызывает увеличение численности специалистов-механизаторов на селе. Выпуск механизаторских кадров для сельского хозяйства в Мордовии с каждым годом увеличивается. Если в 1961 году было подготовлено 2922 (из них трактористов, трактористов-машинистов — 2535) человека, то в 1966 году было уже выпущено 3514 специалистов (из них 3044 тракториста, тракториста-машиниста)[2].

Выросла и численность специалистов в сельском хозяйстве. В колхозах, совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях Мордовии в 1966 году трудились 2392 специалиста с высшим и средним специальным образованием[3].

Рост численности и доли интеллигенции, служащих в общем количестве сельского населения всех социалистических наций является важной тенденцией изменения социальной структуры деревни на современном этапе коммунистического строительства. В результате социально-экономического и культурно-бытового развития общественные группы интеллигенции и служащие превратятся в еще более массовые.

В процессе перерастания социализма в коммунизм наблюдаются большие изменения в соотношении общественных групп, составляющих социальную структуру деревни. Важной тенденцией этих изменений является уменьшение доли крестьянства в сравнении с другими социальными группами, населяющими деревню. Этот процесс присущ для социальной структуры деревни всех наций и идет двумя путями: во-первых, за счет роста других социальных групп, во-вторых, за счет уменьшения абсолютного количества колхозников, что происходит частично за счет их миграции в город, а также за счет перехода колхозников в другие социальные группы сельского населения: аграрный отряд рабочего класса — рабочие совхозов, промышленные рабочие, служащие учреждений и сельскую интеллигенцию.

Необходимо отметить, что важной тенденцией изменения социальной структуры современной советской деревни всех наций является рост общего количества и доли аграрного отряда рабочего класса в составе сельского населения. Это объясняется ростом количества совхозов. Так, например, если в Мордовской АССР в 1959 году был 21 совхоз, то в 1967 году их

[1] «Мордовская АССР за годы Советской власти» (в цифрах). Мордовское книжное издательство. Саранск, 1967, стр. 83—85.

[2] Цифровые показатели взяты из статистического сборника «Мордовская АССР за годы Советской власти» (в цифрах), Мордовское книжное издательство. Саранск, 1967, стр. 137.

[3] Там же, стр. 130.

количество возросло до 41. Количество рабочих и служащих в них составляет 8,6% от общего количества рабочих и служащих в республике[1]. Аналогичный рост количества совхозов, рабочих и служащих в них наблюдается во всех автономных республиках Среднего Поволжья, а также во всех союзных и автономных республиках.

Изменение социальной структуры деревни социалистических наций характеризуется увеличением численности и доли сельских промышленных рабочих. Это результат роста предприятий местной промышленности, ведущей переработку сельскохозяйственной продукции, результат роста количества строительных организаций, предприятий «Сельхозтехника», организации «Межколхозстроя», предприятий сферы обслуживания, филиалов городских промышленных предприятий. Всем этим явлениям в жизни современного села социалистических наций уделяется исключительно большое внимание в Директивах XXIII съезда КПСС. Тенденция роста численности сельских промышленных рабочих будет усиливаться. Со временем, видимо, промышленные рабочие станут самой многочисленной общественной группой деревни.

В настоящее время советская деревня вступила в новый этап своего развития, этап, характеризующийся ускорением процессов изменения социальной структуры сельского населения: ускоренно идет преодоление существенных различий между городом и деревней в области выравнивания социальной структуры города и деревни. Разве не говорят об этом процессе такие факты, что в сёлах Мордовии работают более 1300 специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников, инженеров, техников. В селах увеличивается с каждым годом количество инженеров-строителей и экономистов. Ныне трудятся в селах республики около 13000 механизаторов[2] — трактористов, комбайнеров, шоферов, электриков и других специалистов. И все это в той Мордовии, где до революции село знало как специалистов только лишь кузнецов и шорников.

В селах республики трудятся 10096 учителей[3] и большое количество врачей.

Все это говорит о том, что доля специалистов в количестве занятого населения села всё более увеличивается. Социальная структура села изменяется в направлении выравнивания с социальной структурой города. Эти процессы характерны для жизни каждой социалистической нации и свидетельствуют об их движении к полной социальной однородности.

---

[1] Процентный показатель подсчитан на основании данных Статистического управления Мордовской АССР.

[2] Под звездой Октября. «Мордовская АССР за 50 лет Советской власти». Мордовское книжное издательство. Саранск, 1967, стр. 186.

[3] «Мордовская АССР за годы Советской власти» (в цифрах). Статистический сборник, Мордовское книжное издательство. Саранск, 1967, стр. 157.

Таким образом, изменения, происходящие в социально-классовой структуре Мордовской АССР, в основном таковы, как и в других национальных республиках СССР. В ходе коммунистического строительства происходит сближение социальной структуры мордовской социалистической нации с структурой всех советских социалистических наций.

* * *

В условиях постепенного перехода к коммунизму происходит одновременно процесс неуклонного стирания классовых граней, возрастания роли трудового коллектива, как социальной ячейки и всестороннего роста социальной активности всех членов общества.

Эти и другие закономерности перехода от классового общества к бесклассовому обществу, впервые раскрытые на опыте СССР, имеют всеобщее, интернациональное значение. Процесс становления полной социальной однородности общества происходит по мере решения задач строительства коммунизма.

В отличие от социализма, коммунизм будет характеризоваться как общество, достигшее полной социальной однородности. Нации при социализме характеризуются как однотипные общности в том смысле, что все социальные группы, из которых они состоят, базируются на социалистическом способе производства. Но это еще не полная социальная однородность, поскольку остаются классовые и вообще социальные различия. Движение наций ко все большей социальной однородности предполагает стирание классовых различий. Коммунизм предполагает переход от социально-политического и идейного единства социальных групп к полной социальной однородности общества, исчезновению всякого разделения общества на социальные классы и группы.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на Всесоюзном съезде учителей говорил: «...возьмите такой коренной вопрос строительства коммунизма, как постепенное стирание граней между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Эти проблемы социального развития решаются многими путями — техническим перевооружением сельскохозяйственного труда, механизацией и автоматизацией промышленного производства, мерами, направленными на повышение благосостояния трудящихся масс и сокращение рабочего дня...

Коммунизм строится во имя народа, во имя счастья и блага человека. Ради этого трудятся наши рабочие и крестьяне, несут свою бессменную вахту советские воины, совершают открытия ученые. Но счастье и благо человека для нас не только изобилие материальных благ, хотя это имеет жизненно важное значение для каждого. Определяя коммунистическое общество,

Маркс писал в «Капитале», что его высшей целью становится развитие человеческой личности»[1].

Разрешение этих проблем, происходящих в жизни каждой советской социалистической нации в ходе коммунического строительства, оказывает огромное воздействие на всё большее выравнивание социального состава наций, усиливая их социальную однородность, способствуя их дальнейшему сближению и развитию у них общих коммунистических черт. Все это служит социальной основой перерастания социалистических наций в нации коммунистического типа.

[1] Л. И. Брежнев. Речь на Всесоюзном съезде учителей.—«Правда» от 5 июля 1968 года.

А. П. Брагин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ НАКАНУНЕ XXII СЪЕЗДА КПСС

Исторический путь развития Советов тесно и неразрывно связан с историей Коммунистической партии. В. И. Ленин в своем величайшем теоретическом наследии и титанической практической деятельности по строительству нового общественного строя научно обосновал и практически доказал незыблемость новой советской демократии. В «Докладе о пересмотре Программы и изменении названия партии» на седьмом экстренном съезде РКП(б) В. И. Ленин говорил: «...для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача»[1].

В. И. Ленин учил, чтобы каждый гражданин Советской страны принимал активное участие в обсуждении законов, выступал их творцом, контролировал исполнение принятых законоположений во всех звеньях государственного аппарата. При этом вождь социалистического государства указывал, чтобы трудящиеся после производственной работы бесплатно выполняли обязанности по управлению государством. «Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы...»,— писал он в известной работе «Очередные задачи Советской власти»[2].

В этой же работе он писал: «Советская власть есть аппарат—аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе»[3].

Ленинская теория привлечения народных масс к управлению государством сводится к решению следующих задач:

Во-первых, в управлении государством должно участвовать «поголовно» все население, все трудящиеся.

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 53.
[2] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 204.
[3] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 52.

Во-вторых, привлечение населения к управлению государством предусматривает собой обучение граждан искусству управления государственными делами, повышение у трудящихся знаний в области политики, государственных законов, практики строительства коммунизма.

В-третьих, активное участие граждан в управлении государственными делами предполагает собой воспитание трудящихся в духе коммунистической морали, высоких принципов коммунизма, повышения сознания трудящихся.

В-четвертых, народные массы должны контролировать органы государственного управления, вести борьбу с проявлением бюрократизма, волокиты, расхлябанностью, расточительством, хищением государственной и кооперативной собственности, бороться за соблюдение Советского законодательства во всех областях коммунистического строительства.

В-пятых, активное участие граждан в управлении государственными делами должно способствовать повышению производительности труда, увеличению объема выпускаемой продукции, улучшению её качества.

В ходе строительства социализма в нашей стране ленинские заветы стали воплощаться в жизнь. В этом первостепенная роль принадлежит Советам депутатов трудящихся, которые являются представительными органами государственной власти, избираемыми народом и подотчетными народу.

В марте 1961 года в местные Советы страны было избрано 1 миллион 822 тысячи депутатов. Актив Советов к этому времени составил более 20 миллионов человек. При Советах зародились и приняли широкое распространение новые формы привлечения трудящихся к работе. Это, бесспорно, является показателем дальнейшего развития социалистической демократии, претворением в жизнь ленинской теории о Советах, проявлением действенно общенародной основы нашего государства[1].

В Мордовской АССР в начале 1959 года насчитывалось 435 местных Советов, из них городских —2, районных —32, городских районного подчинения —4, поселковых —5, сельских —392[2]. На выборах 1 марта 1959 года в состав всех Советов республики было избрано 11487 человек, в том числе колхозников —6751, из них 805 человек являлись председателями, заместителями председателей колхозов; директорами, зам. директоров совхозов, управляющими отделениями. В составе депутатов насчитывалось 319 агрономов. В местные Советы было избрано 4,2 тыс. женщин, в общем составе депутатов числилось 5836 коммунистов[3].

---

[1] Стенографический отчет XXII съезда КПСС, Госполитиздат, Москва, 1962, т. 1, стр. 348.

[2] ЦГА МАССР, ф. Р-234, оп. 8, д. 278, лл. 3—7.

[3] ЦГА МАССР, ф. Р-234, оп. 8, д. 278, лл. 3—7.

К марту 1961 года в количественном составе местных Советов произошли некоторые изменения. Число районных Советов сократилось на 7, сельских — на 18, возросло количество поселковых на 5 и городских районного подчинения на 1 Совет[1]. Таким образом, всего к выборам 1961 года насчитывалось 416 местных Советов, в которые было избрано 11480 депутатов[2].

В социалистическом государстве местные Советы наделены большими правами во всех областях экономической, политической и культурной жизни. В области сельскохозяйственного производства местные Советы Мордовии направляли свою деятельность, а также деятельность колхозов и совхозов на выполнение заданий семилетнего плана, на дальнейшее развитие всех отраслей сельского хозяйства. Совместно с правлениями колхозов и дирекциями совхозов местные Советы пересмотрели структуру посевных площадей, определили конкретные рубежи по производству и продаже государству продуктов сельского хозяйства. Мордовия обязалась в 1961 году «получить урожай зерновых культур в среднем по 10 центнеров с гектара, картофеля по 110, сахарной свеклы по 145, зеленой массы кукурузы с початками в молочно-восковой спелости по 300—350, конопли-волокна по 4,2 центнера»[3].

Не менее важными задачами, за выполнение которых боролись местные Советы, были обязательства в области животноводства. Мордовская республика в 1961 году наметила: «... продать Родине всеми категориями хозяйств мяса на 13 процентов больше, чем в 1960 году, молока — на 17, яиц — на 16,6 процента. Колхозы и совхозы в 1961 году должны были произвести мяса на 29 процентов больше, чем в 1960 году, молока — на 36, яиц — на 70 процентов»[4].

«Наряду с этим сельскохозяйственные артели и совхозы Мордовии обязались увеличить поголовье крупного рогатого скота на 20,5 процента, в том числе коров — на 25, свиней — на 29, овец — на 23 и птицы — на 59,5 процента, в сравнении с поголовьем, которое имелось на начало 1961 года»[5]. Труженики села приняли на себя большие обязательства и по другим отраслям сельскохозяйственного производства.

Местные Советы депутатов трудящихся, под руководством областной партийной организации, активно включились в борьбу за подъем сельского хозяйства республики.

---

[1] Мордовская АССР. Административно-территориальное деление. Мордкиз, Саранск, 1967, стр. 173—185. Указом Президиума Верховного Совета Мордовской АССР от 16 марта 1959 г. были упразднены Болдовский, Козловский, Кочелаевский, Ладский, Старосиндровский, Саранский, Ширингушский районы.

[2] ЦГА МАССР, ф. Р-234, оп. 8, д. 374, лл. 7—11.

[3] Материалы VI пленума Мордовского обкома КПСС. Газета «Советская Мордовия», 9 апреля 1961 года.

[4] Газета «Советская Мордовия», 12 апреля 1961 года.

[5] «Советская Мордовия», 12 апреля 1961 года.

Роль районных Советов в руководстве сельским хозяйством в рассматриваемый период еще более возрастала в связи с реорганизацией МТС в РТС. При исполкомах были созданы инспекции по сельскому хозяйству, через которые осуществляли руководство сельскохозяйственным производством.

Вопросы сельского хозяйства стали чаще обсуждаться на сессиях местных Советов, заседаниях исполкомов, в постоянных сельскохозяйственных комиссиях. Это положительно отразилось на улучшении организаторской работы Советов по сельскому хозяйству.

Одной из важнейших задач в деятельности местных Советов этого периода являлась борьба за дальнейшее укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Особую ответственность на Советы, их исполнительные органы налагала передача техники колхозам, перестройка всей работы по эксплуатации и ремонту её. Исполкомы многих местных Советов выявляли в отдельных колхозах недостатки в организации труда механизаторов, в планировании тракторных работ и пр.

Райисполкомы и сельисполкомы совместно с работниками РТС, специалистами инспекции по сельскому хозяйству, инспекторами по государственному надзору за сельхозтехникой боролись за устранение вскрытых недостатков, налаживали правильную организацию труда в тракторных бригадах. Наряду с этим Советы постоянно заботились о подготовке кадров механизаторов, помогали организовать при РТС курсы трактористов, комбайнеров, контролировали деятельность училищ механизации сельского хозяйства. Райисполкомы оказывали помощь сельхозартелям в развертывании строительства мастерских для ремонта, принимали меры к улучшению хранения техники.

Местные Советы огромное внимание уделяли внедрению передового опыта в сельскохозяйственное производство.

Большую организаторскую работу по внедрению передовых методов ведения сельскохозяйственного производства проводили местные Советы Чамзинского района. Под руководством райкома КПСС и райсовета во многих колхозах и совхозах района внедрили машинную дойку коров, механизировали процессы приготовления кормов, в свиноводстве применили крупногрупповое бесстаночное содержание свиней. Здесь первыми в республике начали строительство арочных коровников из сборного железобетона, выпуск которого наладили на полигоне межколхозной строительной организации[1].

Местные Советы боролись с формально-бюрократическими методами работы, развивали и укрепляли принципы демократического централизма, расширяли круг вопросов, обсуждаемых на сессиях. Многие Советы практиковали проведение сессий на местах: на фермах, в колхозах, в совхозах. Дубенский райсовет

[1] «Советская Мордовия», 31 января 1961 года и 10 апреля 1961 года.

31 декабря 1960 года провел сессию в селе Николаевка, на ней обсудили вопросы «О ходе зимовки скота в колхозе «Красный Восток» (с. Николаевка) и «Об охране природы в районе»[1]. Сессия проходила с участием председателей колхозов и сельских Советов, зоотехников, заведующих животноводческими фермами, агрономов, председателей постоянно действующих комиссий, работников лесного хозяйства, членов районного отделения Всероссийского общества охотников и охраны природы.

До сессии депутаты и приглашенные побывали на фермах, проанализировали их работу, увидели и положительные и отрицательные моменты. Примечательным на фермах было то, что правление колхоза и сельский Совет под руководством партийной организации внедрили подсосный метод выращивания телят, организовали запаривание грубых кормов для скармливания крупному рогатому скоту, использовали для подкормки овец хвою, для свинопоголовья применяли сенную муку, изготовляемую на ДКУ из сена однолетних трав. К числу серьезных упущений депутаты отнесли отсутствие надлежащей механизации на фермах, запущенность племенной работы, отсутствие учета отела маточного поголовья и другие.

На сессии райсовета председатель колхоза и заведующие фермами отчитывались перед депутатами о состоянии зимовки общественного скота. Выступающие в прениях не только критиковали руководителей колхоза и сельского Совета, заведующих фермами за плохую работу, но и указывали пути устранения недостатков.

В своем решении сессия потребовала от правления колхоза, исполкома сельского Совета улучшить зимовку скота, повысить его продуктивность, создать необходимые культурно-бытовые условия для работников ферм.

Местные Советы депутатов трудящихся уделяли большое внимание выполнению Закона об охране природы, принятого III сессией Верховного Совета РСФСР (27 октября 1960 г.)[2]. Верховный Совет Мордовской АССР и районные Советы депутатов трудящихся обсудили этот вопрос на своих заседаниях.

На V сессии Верховного Совета Мордовской АССР V созыва подчеркивалось, что в республике имеются плодородные земли, большие массивы лесов, запасы торфа, сырья для цементной промышленности, залежи фосфоритов, минеральных красок. В Мордовии располагается Темниковский государственный заповедник, территория которого составляет 30 тыс. гектаров. Вместе с этим сессия показала, что в республике имеется немало фактов неправильного и бесхозяйственного использования

[1] Протокол заседания X сессии Дубенского райсовета VII созыва от 31 декабря 1960 года.

[2] Материалы III сессии Верховного Совета РСФСР от 27 октября 1960 года.

природных богатств, кое-где допускалось хищническое отношение к ним. В некоторых колхозах и совхозах оказались заброшенными в залежи 20 тыс. гектаров пашни, около 90 тыс. гектаров заросли кустарником и кочками. Из 864 введенных севооборотов освоены лишь 211, а из 521 кормового — 60. На полях колхозов и совхозов образовалось большое количество оврагов. К этому времени общая площадь их достигла 30 тыс. гектаров[1]. Ежегодно от эрозии площадь пашни уменьшалась на 400 гектаров. Из 300 млн. тонн запаса торфа ежегодно добывалось около 180 тыс. тонн, из них 30 тыс. тонн на удобрения. Вырубка леса не покрывалась новыми насаждениями на 2,5 тыс. гектара ежегодно, что вело к уменьшению лесных массивов (всего лесов в Мордовии к этому времени было 715 тыс. гектаров). В республике имелось 114 малых и больших рек с общей протяженностью 1500 км, 911 прудов, водоемов и озер с площадью 12 тысяч гектаров, в них обитало более 40 видов рыб. Однако из-за неправильного, порой хищнического рыболовства, а также сбрасывания в реки неочищенных сточных вод рыбные запасы в водоемах Мордовии были сильно истощены[2].

В своем постановлении Верховный Совет Мордовской АССР потребовал от всех депутатов глубокого разъяснения Закона об охране природы, обязал исполкомы районных и сельских Советов, правления колхозов улучшить использование земель, повысить плодородие почв, освоить севообороты, резко поднять культуру земледелия, в каждом колхозе, совхозе разработать научнообоснованную систему ведения хозяйства, восстановить в составе пашни заброшенные пахотные земли, разработать и осуществить мероприятия по освоению болот и кустарников, улучшению лугов и пастбищ, закустаренных угодий.

Сессия Верховного Совета Мордовской АССР довела до районов пятилетние планы заготовок и внесения извести, посадки полезащитных лесных полос, привражно-балочных насаждений, строительства прудов и водоемов. В целом по республике за 5 лет (1961—1965 годы) должны были внести извести свыше 300 тыс. тонн, посадить полезащитных лесных полос 4 тыс. га, построить 200 прудов и водоемов, провести привражно-балочных насаждений на площади 4,7 тыс. га[3].

Сессии районных, сельских и поселковых Советов обсудили конкретные обязательства по каждому колхозу и совхозу, наметили меры по выполнению Закона об охране природы. На сессии Дубенского районного Совета депутатов трудящихся отмечалось, что правления колхозов и сельские Советы допускали большие недостатки в охране природы.

[1] Стенографический отчет заседания V сессии Верховного Совета МАССР V созыва, Мордкиз, г. Саранск, 1961, стр. 6—7.

[2] Там же, стр. 7—14.

[3] Стенографический отчет заседания V сессии Верховного Совета Мордовской АССР V созыва, Мордкиз, Саранск, 1965, стр. 139—150.

В колхозах «Красный бор», им. Жданова и «Красный Восток» большие площади естественных кормовых угодий заросли кустарником, закочкарены и заболочены. Значительный ущерб колхозам и совхозу наносила эрозия почв. Весенние воды и дожди вымывали питательные вещества, создавали овраги, промоины. Эти явления наблюдались прежде всего на полях колхозов им. Чапаева, им. XXI партсъезда, совхоза «Дубенский» и некоторых других.

На сессии говорилось, что в районе допускались самовольные порубки государственных и колхозных лесов. Плохо была поставлена охрана леса. Некоторые лесники халатно относились к работе.

Много недостатков имелось в благоустройстве и озеленении населенных пунктов. В селах Поводимово, Чиндяново, Морга и в поселке Дубенского пенькозавода мало было древесных насаждений, не озеленялись животноводческие фермы и шоссейные дороги.

Большой разговор состоялся о сохранении чистоты рек, прудов и водоемов, в которых колхозы замачивали коноплю, в результате чего гибла рыба.

В принятом решении сессия наметила конкретные меры по выполнению Закона об охране природы[1]. Внимание местных Советов и их исполнительных органов в этот период сосредоточивалось на строительстве производственных помещений, жилых домов и культурно-бытовых объектов.

Большую роль в улучшении жилищного и культурно-бытового строительства сыграло постановление Верховного Совета Мордовской АССР, принятое 26 ноября 1958 года, «О состоянии и мерах усиления жилищного строительства, благоустройства районных центров и сел и улучшения работы по культурно-бытовому обслуживанию сельского населения». Выполнение этого постановления обсуждалось на V сессии V созыва Верховного Совета МАССР 2 декабря 1960 года. В материалах сессии указывается, что в сельской местности построено 18,6 тыс. индивидуальных жилых домов, 126 школьных помещений и учебных мастерских, 57 клубов, 152 бани, открыто 135 колхозных родильных домов, число киноустановок увеличилось на 104 и составило 448, радиоточек стало 175 тысяч. В райцентрах возведено 6 Домов культуры, строилось 6 постоянно действующих кинотеатров, значительно возросли капиталовложения на эти цели[2]. Важной заботой Советов являлась борьба за соблюдение Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 апреля 1959 года «Об участии колхозов, совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других предприя-

[1] Текущий архив Дубенского райсовета, Протокол X сессии Дубенского райсовета депутатов трудящихся VII созыва от 31 декабря 1960 г.

[2] Стенографический отчет заседания Верховного Совета Мордовской АССР (V сессия V созыва), Мордкиз, Саранск, 1961, стр. 157.

тий и хозяйственных организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог», проведение организаторской и разъяснительной работы по привлечению материально-технических ресурсов для строительства и ремонта дорог.

За 1959—1960 годы в Мордовии построено дорог с твердым покрытием 90 километров, капитально отремонтировано 1036 километров, выполнено земляных работ 2760 тыс. кубометров[1]. Это было большим достижением республики.

Как правило, ежегодно местные Советы проводили сессии по обсуждению вопросов дорожного строительства.

25 мая 1960 года была проведена VIII сессия Дубенского райсовета депутатов трудящихся VII созыва. Она рассмотрела вопрос «О ходе выполнения государственного плана строительства и ремонта автомобильных дорог в районе в 1960 году». Накануне члены постоянной комиссии по дорожному строительству и группа активистов проверили работу колхозов по строительству и ремонту дорог, а также по культурно-бытовому обслуживанию строителей. Депутат Малкин В. Д. проверил состояние дорог на территории колхоза «Большевик». В результате было обнаружено, что хозяйство не принимало участия в месячнике по дорожному строительству, не выделяло нужного количества автомашин, рабочих, также не участвовали в дорожном строительстве учреждения райцентра. Депутат Исаев П. Г. проверил состояние дорог на территории колхозов им. Фрунзе, «Красный Восток». На сессии он подверг критике не только руководителей этих колхозов, а также председателей Чеберчинского и Николаевского сельских Советов. Вместе с этим он просил поставить вопрос перед Советом Министров республики о выделении району экскаватора, бульдозера, грейдера и железобетонных труб для замены пришедших в негодное состояние деревянных мостов. Депутат Ковальский Р. А. проверил состояние дорог в селе Налитово, депутат Апакин П. П.— на территории Ломатского сельского Совета и т. д.[2]

Проверкой были охвачены все основные дороги района. Депутаты и другие выступающие внесли много ценных предложений, направленных на улучшение дорожного строительства[3].

Много организационных мероприятий по развертыванию строительства дорог проводили в эти годы Атяшевский, Ковылкинский, Краснослободский, Старошайговский, Чамзинский и другие районные Советы и их исполнительные органы, что позволило решительно улучшить дороги Ковылкино — Рыбкино — Краснослободск, Саранск — Старошайгово — Краснослободск, Саранск — Чамзинка, Атяшево — Дубенки.

[1] Газета «Советская Мордовия» 25 и 31 мая 1961 года. Материалы VII пленума Мордовского обкома КПСС.

[2] Текущий архив Дубенского райсовета, Протокол VIII сессии Дубенского райсовета депутатов трудящихся VII созыва от 25 мая 1961 года.

[3] Протокол VIII сессии Дубенского райсовета депутатов трудящихся VII созыва от 25 мая 1960 года.

Говоря о разносторонней и многогранной деятельности местных Советов, нельзя не заметить той особенности, что депутаты, как правило, являлись лучшими производственниками, показывающими пример в труде. Депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Прасковья Васильевна Елизарова — звеньевая колхоза «Волна революции» Ромодановского района в 1960 году получила урожай сахарной свеклы с 34 га по 370 центнеров, а с 5 гектаров — по 520 центнеров. В зимнее время Елизарова изъявила желание возглавить молочнотоварную ферму. Её желание поддержали. Она добилась улучшения организации труда на ферме и обеспечила в январе месяце 1961 года надой от каждой коровы около 7 литров, что было выше по сравнению с январем 1960 года[1]. Елизарова П. В. вместе с этим готовилась и к выращиванию сахарной свеклы. Её звено обязалось получить в 1961 году не менее 400 центнеров корней с гектара, а на 10 гектарах — 700 центнеров. Кроме того, звено решило вырастить на 50 гектарах по 450 центнеров кукурузы на силос.

Депутаты местных Советов стремились передать свой опыт другим. Так, Е. Синяева, доярка колхоза «Путь Ленина», депутат Темниковского районного Совета оказывала помощь комсомолке Валентине Тумбаевой, учила её мастерству. Это помогло ей стать одной из лучших доярок. За 1960 год она получила по 2500 кг молока от каждой закрепленной за ней коровы. За хорошую работу её избрали членом райкома комсомола и приняли кандидатом в члены КПСС. Она совмещала работу с учебой в Краснослободской зооветшколе. Вместе с ней доярками работали Прасковья Тумбаева, Наталья Афонина и другие, которые совершенствовали свое мастерство с помощью Е. Синяевой[2].

Один из знатных животноводов совхоза «Дубенский» коммунист А. П. Бояркин в течение 1960 года откормил 1346 голов свиней. Он приобщил к этой работе И. Е. Козлова, воспитал у него любовь и уважение к труду на свиноферме, помог ему стать свинарем. Благодаря опыту, перенятому у А. П. Бояркина, И. Е. Козлов в 1960 году откормил 1034 головы свиней, а на 1961 год они вместе взяли обязательство откормить по 1800 голов[3].

Так, используя многообразие форм и методов, районные Советы депутатов трудящихся развивали активность тружеников колхозов и совхозов в борьбе за выполнение решений партии и правительства по дальнейшему подъему сельского хозяйства.

[1] Газета «Советская Мордовия» 31 января 1961, 11 февраля 1961 г.

[2] Газета «Советская Мордовия», 9 февраля 1961 года, статья «Равнение на Александра Бояркина».

[3] Газета «Советская Мордовия», № 74, 28 марта 1961 года, статья «Равнение на Александра Бояркина».

Большая роль в сложной и ответственной борьбе за повышение урожайности полей, увеличение поголовья скота и его продуктивности, укрепление экономики колхозов и совхозов и улучшение материального положения тружеников села принадлежала исполнительным комитетам районных Советов. В составе исполкомов были зоотехники, агрономы, механики и лица других сельскохозяйственных специальностей. В состав исполнительного комитета Дубенского районного Совета было избрано 9 человек, из которых четыре имели сельскохозяйственное образование, из них три агронома и один механик. Наличие в исполкомах специалистов давало возможность более квалифицированно решать вопросы сельского хозяйства.

На заседаниях исполкомов в этот период часто обсуждались неотложные задачи колхозного и совхозного производства, в том числе об изменении структуры посевных площадей, улучшении семеноводства, применении гербицидов в борьбе с сорняками, внедрении передовых приемов в укреплении материально-технической базы, применении передовых методов в животноводстве.

Для глубокого решения тех или иных вопросов, для их подготовки и обсуждения исполкомы местных Советов привлекали специалистов опорно-показательных хозяйств, совхозов, РТС, колхозов и передовиков, которые всесторонне изучали поставленные задачи и определяли по ним правильные решения. На заседаниях исполкомов райсоветов систематически рассматривались разнообразные вопросы развития сельского хозяйства. При этом использовались многообразные формы и методы проведения исполкомов, что положительно влияло на практические результаты. Так, например, 10 января 1961 года в колхозе им. Жданова состоялось заседание исполкома Дубенского районного Совета депутатов трудящихся, который обсудил состояние зимовки общественного скота, производство продуктов животноводства. Перед заседанием здесь работала комиссия в составе начальника районной инспекции по сельскому хозяйству Жидкова Н. П., главного зоотехника инспекции Глуховой О. Г., председателя колхоза им. Фрунзе Костычева Н. Ф., заведующего молочнотоварной фермой колхоза «Коммунар» Демушкина П. П., заведующего овцеводческой фермой колхоза им. Пушкина Герасимова Д. К., главного ветврача района кандидата ветеринарных наук Журавлева Е. Н. и члена сельскохозяйственной комиссии райсовета Ерофеева С. М.[1]. Как видно, в комиссию привлекались не только специалисты, но и передовики, хорошо знающие свое производство.

Заседание исполкома райсовета проходило в присутствии работников ферм. С отчетом выступили председатель правления сельхозартели тов. Дворецков Н. П., председатель исполкома сельского Совета тов. Разинов А. Ф., заведующие животноводческими фермами тт. Козлов Н. Г., Дорогон В. А. и зоотехник тов. Грузинцева А. Ф.

[1] Дубенская районная газета «Огни коммунизма», № 7, 15 января 1961 года.

В ходе обсуждения выяснилось, что в сельхозартели им. Жданова на 1 января 1961 года поголовье крупного рогатого скота увеличилось по сравнению с 1 января 1960 года на 37,3 процента, в том числе коров — на 15,3, овец — на 48,5 и свиней — на 22,8 процента[1]. В 1960 году производство мяса возросло на 76 процентов, молока — на 29 и шерсти — на 34,3 процента по сравнению с 1959 годом.

Но от членов исполкома и комиссии не ускользнули и недостатки. Они увидели, что колхоз им. Жданова располагает большими возможностями для развития общественного животноводства. Здесь имеются неплохие пастбищные и луговые угодия, по тому времени хорошие помещения и нужный запас кормов.

Но правление колхоза и сельский Совет эти возможности использовали плохо. Рацион кормления скота не соблюдался, корма выдавались животным без учета, что отрицательно влияло на продуктивность. Серьезные недостатки были вскрыты в содержании всех видов скота и птицы. Механизация трудоемких процессов оставалась слабой.

В сельхозартели увеличивалось поголовье скота, но кормовая база развивалась недостаточно. Хозяйство заготавливало мало сочных кормов и концентратов. Правление колхоза и сельский Совет не внедряли в животноводство передовые методы кормления скота, не использовали имеющиеся резервы для повышения продуктивности животных, не создавались нормальные условия для работников ферм, не было нужного размаха соцсоревнования. За все эти недостатки строго спросили с руководителей колхоза, сельского Совета, заведующих фермами, животноводов. В обсуждении вопросов приняли участие 11 человек[2].

Результаты обсуждения не замедлили сказаться: фермы улучшили свои показатели как по производству продуктов животноводства, так и по увеличению поголовья. Были построены коровник, телятник, внедрено автопоение, улучшено кормление скота.

Исполкомы райсоветов на своих заседаниях часто слушали отчеты руководителей хозяйств о выполнении тех или иных мероприятий по ведению сельскохозяйственного производства. В практике работы Советов имело место создание специальных комиссий из депутатов и специалистов, которые тщательно изучали тот или иной вопрос. Затем свои предложения комис-

[1] Дубенская районная газета «Огни коммунизма», № 7, 15 января 1961 года.

[2] Дубенская районная газета «Огни коммунизма», № 7, 15 января 1961 года, статья «Исполком райсовета заседает в колхозе».

сии вносили на рассмотрение исполкомов, бюро райкомов, сессий и пленумов райкомов КПСС.

Распространяя передовые приемы ведения сельскохозяйственного производства, райкомы партии, исполкомы нередко практиковали проведение семинаров руководителей колхозов, секретарей первичных партийных организаций, председателей сельских Советов, специалистов сельского хозяйства там, где внедрялось что-то новое. После чего из числа специалистов создавались группы, которые выезжали на места, изучали состояние дела, информировали исполкомы, а затем принимались необходимые меры. Так, к примеру, было с внедрением железобетона в строительство, с применением пастоприготовителей, стогометателей и других новых методов. Цель таких заседаний исполкомов местных Советов состояла не в том, чтобы проявить администрирование, а в том, чтобы убедить людей в пользе этих мероприятий.

Многие исполкомы Атяшевского, Ардатовского, Инсарского, Ковылкинского, Чамзинского районов еще чаще стали заниматься проверкой выполнения ранее принятых решений сессий, исполкомов, постановлений вышестоящих партийных и советских органов. Улучшилась практика доведения исполкомами райсоветов через депутатов и актив решений Совета до колхозов, совхозов, сельских Советов и населения, так как своевременное доведение решений до всех граждан имеет исключительное значение, является одним из непременных условий их выполнения.

Исполкомы райсоветов и райкомы партии внимательно следили за передовиками, им присуждались знамена, вымпелы, посылались приветствия, поздравительные телеграммы.

Так, используя многообразие методов, исполкомы райсоветов под руководством райкомов КПСС боролись за подъем сельскохозяйственного производства.

В своей практической деятельности исполкомы райсоветов опирались на плановые комиссии, инспекции по сельскому хозяйству, опорно-показательные хозяйства, производственно-технические советы, РТС, сельскохозяйственные комиссии, сельские Советы и их исполнительные комитеты, на широкий актив.

Многосторонняя деятельность районных Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов не могла быть плодотворной в борьбе за подъем сельского хозяйства без опоры на сельские Советы и их исполнительные комитеты.

В «Законе о сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся Мордовской АССР» определены права и обязанности местных Советов в области сельского хозяйства. В нём подчеркивается, что сельсовет должен оказывать содействие колхозам и совхозам в развитии общественного хозяйства, в увеличении производства продуктов полеводства и животноводства, в повышении

производительности труда, укреплении трудовой дисциплины, в дальнейшем подъеме материального и культурного уровня жизни колхозников и т. д.[1].

В силу своей массовости сельские Советы в состоянии держать под контролем все участки колхозного и совхозного производства, оказывать положительное воздействие на все стороны хозяйственной деятельности колхозов и совхозов через своих депутатов, работающих на полях и фермах.

Положительно строил свою работу Дубенский сельский Совет. Он целеустремленно и систематически руководил сельским хозяйством. С марта 1959 года по декабрь 1961 года депутаты рассмотрели на 17 сессиях 14 сельскохозяйственных вопросов, из них 5 — по полеводству, 4 — по животноводству, 5 — по выполнению социалистических обязательств. Кроме того, при обсуждении отчетов о работе исполкома (отчетов было три) сельскохозяйственные проблемы становились на первый план.

Депутаты внимательно следили за сельскохозяйственными работами, выполнением обязательств, за развитием колхоза. Если колхоз плохо готовился к севу, или некачественно его вел, если плохо шла уборка и т. д., то, несомненно, эти моменты становились объектом внимания Совета и его исполкома.

Из 65 заседаний исполкома, проведенных с января 1958 по ноябрь 1961 года, на 42 обсуждались вопросы колхозной и совхозной жизни. Из 93 рассмотренных вопросов 49 — по сельскому хозяйству[2]. В первом квартале 1961 года на исполкоме рассматривалось выполнение плана зимних агротехнических мероприятий по колхозу «Большевик». Отчет сделал председатель колхоза. В принятом решении исполком обязал председателя и правление колхоза улучшить работу по выполнению планов зимних агромероприятий: организовать вывозку навоза, усилить работу по сбору золы, птичьего помета, снегозадержанию, заготовить необходимое количество минеральных удобрений, подготовить семенной материал к севу. Исполком в течение года рассмотрел вопросы о выполнении обязательств по продаже продуктов животноводства государству, об уходе за посевами, о выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 года «Об ответственности за потравы посевов в колхозах и совхозах» и другие.

Большую помощь правлениям колхозов, директорам совхозов в подъеме сельского хозяйства оказывали многие Советы Старошайговского, Ардатовского, Ромодановского и других районов. Местные Советы боролись за увеличение производства продуктов полеводства и животноводства, соблюдение зако-

[1] Закон о сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся Мордовской АССР, Саранск. 1968 год. стр. 5.

[2] Текущий архив Дубенского сельского Совета. Протоколы заседаний исполкома сельского Совета за 1958—1966 гг.

нодательства по вопросам землепользования. Много сделано по организации строительства, охране природы и другим вопросам.

На сессиях Булаевского сельского Совета Пурдошанского (ныне Темниковского) района рассматривались вопросы выполнения социалистических обязательств по производству и продаже продуктов животноводства государству. Совет в 1960 году досрочно выполнил обязательства по продаже мяса, молока, яиц и шерсти. Колхоз, несмотря на неблагоприятные условия, получил урожай зерна с каждого гектара по 12 центнеров. Сельский Совет оказывал колхозу большую помощь во всех мероприятиях. Депутаты и актив села проводили большую организаторскую работу по выполнению обязательств, которые были приняты на сессии и общем собрании колхозников. В 1961 году сессия сельского Совета и общее собрание колхозников решили увеличить производство мяса, организовать откорм свиней в количестве 1000 голов, снять с нагула 200 голов крупнорогатого скота, 300 голов овец, обеспечить рост поголовья всех видов скота и птицы[1].

Повседневно занимался развитием колхоза им. Жданова Ельниковский сельский Совет Ельниковского района. Совет уделял большое внимание увеличению поголовья скота и повышению его продуктивности. Вопросы развития животноводства периодически обсуждались на сессиях и исполкоме. На выборах в Совет были избраны 7 человек животноводов, которые являлись опорой Совета среди работников ферм, инициаторами соревнования. Работники исполкома сельского Совета два-три раза в неделю бывали на фермах, где встречались с людьми, проводили беседы, выявляли их нужды, помогали устранять недостатки. В присутствии работников молочнотоварной фермы провели заседание исполкома в красном уголке МТФ, на котором обсудили ход выполнения социалистических обязательств. Этот Совет практиковал совместные заседания членов исполкома Совета и членов правления. Такое заседание было также проведено на молочнотоварной ферме, когда исполком заметил, что надои молока стали сильно снижаться, а заведующий стал халатно относиться к работе, грубить дояркам, не организовал скармливание картофеля коровам. В обсуждении положения дел на ферме приняли участие доярки. Вмешательство исполкома сельского Совета помогло устранить недостатки, увеличить надои и выполнить колхозу квартальный план продажи молока на 144% к 1 марта 1961 года. Пример в развертывании социалистического соревнования показывали депутаты П. И. Шеянова, А. М. Шеянова, В. И. Гладенцева и другие[2]. Депутаты и коммунисты выступали организаторами

[1] Газета «Советская Мордовия», 13 июня 1961 года.
[2] «Советская Мордовия», № 78, 1 апреля 1961 года.

масс на селе в уходе за посевами, в уборке урожая. Так, например, в Торбеевском районе сельские Советы и их исполкомы со знанием дела направляли усилия всех механизаторов и колхозников на проведение уборки урожая в сжатые сроки и без потерь. Всегда на решающих участках уборки можно было встретить председателей Салазгорьского, Савинского и других Советов. Многие депутаты являлись примером для остальных, выполняя за смену по полторы — две нормы[1].

Огромную работу проводили постоянные комиссии местных Советов. Вокруг них группировался широкий актив. Они становились влиятельной силой в борьбе за подъем народного хозяйства и культуры республики.

В 1961 году при местных Советах было образовано 1645 постоянных комиссий, в состав которых было избрано свыше 8 тыс. человек, или 71,8 процента депутатов[2]. Из этого количества насчитывалось 403 сельскохозяйственных комиссий, в которых было 2080 депутатов и 2403 человека активистов[3].

В Рыбкинском районе при местных Советах в состав постоянных комиссий вошло свыше 150 человек. Постоянную сельскохозяйственную комиссию при районном Совете возглавил депутат И. Д. Кижапкин. Эта комиссия накопила неплохой опыт. Члены её активно участвовали в работе сессии райсовета, организовывали проверки, выступали с содокладами. Так, например, в августе 1961 года члены комиссии готовили на сессию вопрос о ходе подготовки колхозов района к зимовке скота. Они побывали в колхозах им. Ленина, «40 лет Октября», им. Кирова, в межколхозной строительной организации. На месте проверили подготовку помещений, заготовку кормов, побеседовали с работниками ферм. Серьезные недостатки были обнаружены в межколхозной строительной организации. Здесь не было крепкой трудовой дисциплины среди части рабочих. Техника эксплуатировалась плохо, тракторы и автомашины порой использовались не по назначению. О всех этих недостатках председатель сельскохозяйственной комиссии доложил депутатам Совета. По докладу было принято решение, направленное на улучшение деятельности межколхозной строительной организации и улучшению подготовки колхозов к зимовке скота.

Активной силой на селе являлись депутаты Андреевского сельского Совета Большеигнатовского района. Личным примером и путем разъяснительной работы они сплотили вокруг себя широкие массы колхозников и направили их силы на подъем артельного хозяйства. По инициативе сельскохозяйственной комиссии здесь создали несколько групп по проверке готовности бригад и в целом колхоза к севу. Во главе групп встали

[1] «Советская Мордовия», № 183, 4 августа 1961 года.
[2] «Советская Мордовия», № 286, 5 декабря 1961 г., стр. 2.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-234, оп. 8, д. 374, лл. 3—7.

члены исполкома. Они проверили полеводческие и тракторную бригады, вскрыли серьезные недостатки в подготовке техники, сельхозмашин, семян, в выполнении плана зимних арготехнических мероприятий. Итоги проверки обсудили на бригадных собраниях и заседаниях правления колхоза. Но этого оказалось недостаточно. Пришлось вынести вопрос на сессию. Решение сессии широко разъясняли колхозникам. Большую работу проводила сельскохозяйственная комиссия, которая развернула среди колхозников широкое социалистическое соревнование за быстрейшую подготовку к севу, она организовала механизаторов на быстрейшее завершение ремонта техники, в результате ремонт был закончен раньше намеченного срока. Группа механизаторов к марту завезла со станции Оброчное 86 тонн минеральных удобрений, а навоза к этому времени было отправлено в поле свыше 5 тыс. тонн[1]. Мероприятия, проводимые сельским Советом, положительно сказывались на укреплении колхоза, повышении сознательности и активности колхозников[2].

Сельскохозяйственные комиссии местных Советов участвовали в проверках, делали на сессиях содоклады, готовили на исполкомы рекомендации. Так, постоянная сельскохозяйственная комиссия Сиалеевско-Майданского сельского Совета Кадошкинского (ныне Инсарского) района разработала и внесла рекомендации по стойловому содержанию скота, которые были рассмотрены на исполкоме и в правлении колхоза, что способствовало улучшению зимовки скота. Колхоз, находящийся на территории Совета, перешел на денежную оплату. Сельский Совет стал придавать большое значение оплате труда, систематически анализировал заработки колхозников[3].

В составе сельскохозяйственной комиссии Мельцанского сельского Совета Старошайговского района было 13 депутатов и 5 человек активистов. Они охватывали все важнейшие участки колхозной жизни, старались прежде всего сами быть примером в труде, показывали образцы дисциплинированности и организованности. Это позволило избирателям некоторых колхозников вторично выдвинуть в состав депутатов. Комиссия работала по квартальному плану, в котором определялось, какие вопросы следует подготовить на обсуждение сессии сельского Совета, какие внести на исполком, на обсуждение комиссии, что необходимо сделать в порядке проверки выполнения ранее принятых решений[4]. В плане намечались мероприятия по каждому вопросу, намечался конкретный исполнитель. Комиссия содействовала сельскому Совету в решении задач по укреплению экономики колхоза, повышению урожайности и продуктивности общественного животноводства.

[1] «Советская Мордовия», 28 марта 1961 г.
[2] «Советская Мордовия», 28 марта 1961 г.
[3] «Советская Мордовия», 13 июня 1961 года.
[4] «Советская Мордовия», 31 мая 1961 года.

Следовательно, постоянные сельскохозяйственные комиссии, депутаты и актив, привлекаемый к их работе, используя разнообразные формы и методы, оказывали колхозам и совхозам всестороннюю помощь в решении задач сельскохозяйственного производства, помогали устранять имеющиеся недостатки, изыскивали дополнительные резервы, указывали на неиспользованные возможности, словом и делом боролись за подъем сельского хозяйства.

Местные Советы депутатов трудящихся уделяли большое внимание развертыванию социалистического соревнования среди всех слоев населения.

Райкомы КПСС, исполкомы райсовета, первичные партийные организации и исполкомы сельских Советов организовывали соревнование между колхозами, бригадами, фермами. Ежегодно колхозы, совхозы, сельские Советы при участии широких масс разрабатывали, а затем принимали обязательства по увеличению продукции сельского хозяйства, повышению экономики колхозов и совхозов, улучшению быта трудящихся. Для победителей в соревновании между районами были учреждены переходящие Красные знамена обкома партии и Совета Министров Мордовской АССР. Для победителей в социалистическом соревновании между сельскими Советами также были учреждены переходящие Красные знамена Совета Министров МАССР и обкома профсоюза госучреждений. Райкомы партии и исполкомы райсоветов учреждали свои знамена. Соревнование проводилось по профессиям: между трактористами, комбайнерами, доярками, птичницами, телятницами и т. д.

Обком партии, Совет Министров Мордовской АССР, райкомы партии и исполкомы райсоветов подводили, в зависимости от условий, итоги соревнования по месяцам, кварталам, полугодиям и итогам года. Местные Советы организовывали борьбу за получение звания «Мастер высокого урожая». За 1960 год это почетное звание присвоено 54 передовикам сельскохозяйственного производства. В их числе: по сахарной свекле депутат Верховного Совета СССР — Елизарова Прасковья Васильевна, звеньевая колхоза «Волна революции» Ромодановского района, получившая 370 центнеров с каждого из 34 гектаров; Кислова Мария Петровна, звеньевая колхоза «Зори коммунизма» Зубово-Полянского района, обеспечившая получение по 400 центнеров с площади 10 гектаров; Грачева Пелагея Савельевна, звеньевая колхоза им. Калинина того же района, получившая с площади 12 гектаров по 350 центнеров; по конопле — 48 человек, из них 35 человек из Дубенского, 9 из Ичалковского и по два человека из Ковылкинского и Краснослободского районов. Наивысший урожай волокна получил депутат Чеберчинского сельского Совета Дубенского района Герасимов Дмитрий Кузьмич из колхоза им. Пушкина Дубенского района. Его звено на площади 3 гектаров собрало

урожай по 14,7 центнеров волокна. Самый высокий урожай семян конопли получили Парамонова Евдокия Фроловна и Мишина Евдокия Ивановна из колхоза «1 Мая» Ичалковского района. (Первая на площади 6, а вторая на площади 8 гектаров собрали по 9,3 центнера семян).

По выращиванию проса первенство завоевал Сушков Иван Максимович — бригадир колхоза «Свободный труд» Краснослободского района, получивший по 20 центнеров с каждого из 26 гектаров. По выращиванию озимой пшеницы на первое место вышел Немов Николай Тимофеевич, бригадир тракторной бригады колхоза «Парижская Коммуна» Ковылкинского района, получивший с каждого из 26 гектаров по 25,5 центнера зерна[1].

Многие из передовиков являются депутатами районных и сельских Советов депутатов трудящихся.

По итогам 1960 года (за четвертый квартал) Совет Министров Мордовской АССР и обком профсоюза работников госучреждений победителям в социалистическом соревновании среди сельских Советов республики по производству и продаже государству сельскохозяйственных продуктов признали Булаевский сельский Совет Пурдошанского (ныне Темниковского) района (председатель Д. М. Фенин, секретарь Н. Ф. Коровина), завоевавшего первое место. Колхоз, где расположен этот Совет, получил на 100 гектаров сельхозугодий мяса — 31,4 центнера, молока — 149 центнеров и значительно перевыполнил планы продажи их государству. Вместе с этим была проведена значительная работа по благоустройству и культурному строительству села.

Второе место занял Богдановский сельский Совет Старошайговского района, третье — Зубово-Полянский поселковый Совет Зубово-Полянского района[2].

Местные Советы в этот период горячо подхватили призыв серпуховчан (Московская область) на борьбу за достижение каждым коллективом рубежей передовиков, чтобы передовики, взяв шефство над отстающими, помогли им обеспечить высокие показатели. Этот призыв нашел горячую поддержку и среди работников сельского хозяйства Мордовии. Так, колхозники Жаренской комплексной бригады колхоза им. Ленина Ардатовского района обязались помочь первой комплексной бригаде колхоза «Красногвардеец» этого же района вырастить урожай с каждого гектара не менее 14 центнеров зерновых и бобовых культур[3].

Доярка Чукальской фермы колхоза им. Ленина Ардатовского района Софья Васильевна Князева взяла шефство над

[1] Материал приводится по постановлению бюро обкома КПСС и Совета Министров МАССР, «Советская Мордовия», 1 апреля 1961 года.
[2] «Советская Мордовия», 9 февраля 1961 года.
[3] «Советская Мордовия», 28 марта 1961 года.

дояркой Анастасией Дмитриевной Кузнецовой. Доярка Маргарита Ивановна Шибаева из Конезавода № 27 Ичалковского района, получившая в 1960 году по 3960 кг молока от коровы, взяла шефство над дояркой Лидией Ребрушкиной. Доярка этого же хозяйства Е. Махинова обязалась помогать Раисе Турбаевой. Призыв серпуховчан нашел отклик во всех районах, во всех колхозах и совхозах республики. Местные Советы повсюду способствовали широкому распространению этого почина.

С начала 1961 года началось социалистическое соревнование между сельскими Советами. Инициатором соцсоревнования за получение высокой урожайности, увеличение поголовья скота и повышение его продуктивности, развертывание культурно-бытового строительства на селе и улучшение быта колхозников выступил Поводимовский сельский Совет Дубенского района. Совет Министров Мордовской АССР и обком союза работников государственных учреждений в марте 1961 года одобрили социалистические обязательства поводимовцев и рекомендовали всем исполкомам районных и сельских Советов депутатов трудящихся обсудить их на сессиях и развернуть широкое социалистическое соревнование за достойную встречу XXII съезда КПСС.

Решение грандиозных задач коммунистического строительства возможно лишь при широком и активном участии в работе Советов всех трудящихся. Дальнейшее развитие общественных начал в работе Советов — одно из главных направлений развития Советской демократии. Вместе с этим, Советы обрастают большим количеством самодеятельных организаций. «Местные Советы не смогли бы успешно выполнить свои функции без существующей системы органов общественной самодеятельности и взаимодействия с ними»[1].

При местных Советах Мордовской АССР в годы, предшествовавшие XXII съезду КПСС, также наблюдалось развитие общественных начал и возникновение большого количества самодеятельных организаций. При районных Советах на общественных началах работают постоянные комиссии: бюджетная, сельскохозяйственная, по дорожному строительству и благоустройству, соблюдению социалистической законности и общественного порядка. Наряду с этим образовывались внештатные отделы — организационный, здравоохранения и санитарии, промышленности и строительства, торговли и общественного питания.

Более широкий размах получили общественные начала при отделах исполкомов и сельских Советах.

В городах и селах Мордовии только в 1960—1961 годах активно работали 54 внештатных отдела при райисполкомах,

[1] Местные Советы на современном этапе. Издательство «Наука». Москва, 1965 год, стр. 307.

1645 постоянных комиссий местных Советов, 530 уличных комитетов, 1096 родительских комитетов при школах, 637 советов, клубов и библиотек, 360 женских советов, 105 медицинских и 22 совета по народному образованию, 50 советов пенсионеров, 888 товарищеских судов[1].

Самодеятельные организации охватывают огромную армию активистов. Только в этих организациях «принимало участие около 54 тыс. человек»[2].

В Краснослободском районе работали 47 товарищеских судов, 59 уличных комитетов, 40 советов клубов и библиотек, 32 женских совета, 34 народные дружины и посты и другие организации, в состав которых вошло свыше 6 тысяч трудящихся[3].

Большая организаторская работа активистов, их ценные предложения помогали Советам и их исполнительным комитетам в решении политических и хозяйственных задач. При повседневном внимании партийных органов повышалась активность местных Советов Ардатовского, Атяшевского, Торбеевского, Дубенского, Инсарского, Краснослободского, Чамзинского, Темниковского и других районов республики.

В этот период наиболее отчетливо входит в жизнь Советов ленинское положение о периодической отчетности исполнительных комитетов перед Советами, депутатов перед избирателями, в ходе которых укреплялись связи депутатов с народом, выслушивались наказы избирателей, делались отчеты о выполнении ранее высказанных избирателями наказов, депутаты отчитывались о проделанной работе за год, полугодие, информировали избирателей о работе сессий.

Пример хорошей работы по выполнению наказов избирателей показал Чамзинский поселковый Совет. На 1960 год избиратели наказывали своему Совету построить медпункт, клуб, 11 колодцев, отремонтировать детский сад, три начальные школы, построить и капитально отремонтировать 60 домов, огородить и озеленить 4 школы, капитально отремонтировать около 4 км дорог. Совет не только обеспечил их выполнение, но и по отдельным пунктам перевыполнил.

В 1961 году поселковый Совет также активно боролся за выполнение наказов. В первом полугодии на территории Совета было посажено более 13 тыс. декоративных и плодово-ягодных деревьев, построен мост, 20 домов из шлака, завершается электрификация. Наказы были обобщены, утверждены на сессии, намечены ответственные лица за исполнение. Здесь собирались сходы избирателей.

Таким образом, местные Советы и их исполкомы повседневно вникали в колхозное и совхозное производство, разрабатывали на основе решений партии и правительства перспективные планы, конкретные мероприятия и обязательства по подъему колхозного и совхозного производства, вели организаторскую работу по их выполнению на территории Совета, в колхозах и совхозах, в депутатских округах, систематически ставили сельскохозяйственные вопросы на обсуждение сессий, исполкомов, постоянных комиссий.

Местные Советы сосредоточивали свои силы на дальнейшем укреплении материально-технической базы сельского хозяйства: внедрении электричества, повышении производительности тракторного и комбайнового парка, улучшении показателей в строительстве, проявлении заботы о развитии полеводства и животноводства, повышении материального и культурно-бытового уровня тружеников села.

Местные Советы постоянно укрепляли связи с трудящимися путем вовлечения в работу постоянных комиссий активистов, передовиков производства, специалистов, они обрастали огромным количеством самодеятельных организаций, многие из которых деятельно помогали Советам решать стоящие перед ними задачи. Это значительно способствовало улучшению организационно-массовой работы местных Советов. Строже стали соблюдаться конституционные сроки проведения сессий. Прочно входило в практику ленинское положение о периодической отчетности исполкомов перед сессиями, депутатов перед избирателями, большое внимание уделялось выполнению наказов избирателей.

---

[1] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Мордкниг. Саранск, 1967, стр. 426.

[2] Там же.

[3] «Советская Мордовия», 5 декабря 1961 года.

М. П. Глебочкин.

ПОДЪЕМ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ — ВАЖНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Для успешного построения социализма,— отмечается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»,— **необходимо было осуществить культурную революцию»**[1], в ходе которой была создана социалистическая культура и система народного образования.

Социалистическая революция в области культуры осуществляется таким образом, что, с одной стороны, отрицается и отметается все реакционное, узкоклассовое в содержании и форме старой культуры, а с другой — критически перерабатывается и усваивается все прогрессивное, общечеловеческое, что было создано предшествующими поколениями людей. Историческая преемственность в развитии духовной культуры так же необходима, как и в прогрессивном развитии материальной культуры, хотя, разумеется, имеет свои специфические особенности.

Коммунистическая культура тоже развивается на основе критического освоения всех предшествующих достижений человеческой мысли. Это означает, что социалистические культурные преобразования неизбежно опираются на ранее достигнутые результаты духовного развития общества. Этот уровень культуры к моменту социалистической революции оказался различным у многочисленных народов нашей страны.

В Мордовии Советская власть получила в наследство вопиющую культурную отсталость и темноту народных масс. В этом нетрудно убедиться, обратившись к некоторым фактам из её истории.

До Великой Октябрьской социалистической революции экономика в районах, вошедших в состав Мордовской АССР, была развита крайне слабо. Вся промышленность состояла из 50 мелких предприятий, преимущественно кустарного и полукустарного типа, на которых работало всего около 2 тыс. рабочих.

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, Политиздат, 1967, стр. 15.

Большинство этих предприятий было оснащено отсталой техникой. Валовой промышленной продукции на душу населения приходилось в 12,5 раза меньше, чем в среднем во всей дореволюционной России[1].

Основным занятием населения было примитивное сельское хозяйство. Малоземелье и безземелье, помещичий и кулацкий гнет, беспросветная нужда приводили крестьянство к нищете.

Кроме капиталистического и помещичьего гнета, мордовский народ подвергался еще и национальному угнетению.

Как прямое следствие технико-экономической отсталости, классового и национального гнета была темнота и бескультурье народных масс. Мордовский народ до Октября не имел своей письменности, школы и книг на родном языке. В этих условиях тем более не могло быть и речи о развитии науки, профессионального искусства и литературы.

Народные массы, которые создавали в конечном итоге все материальные и духовные блага, до социалистической революции не могли ими свободно пользоваться. Эксплуататоры веками поддерживали ту пропасть, которая отделяла народ от настоящей культуры. В. И. Ленин в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» приводит данные наглядно характеризующие классовый характер царизма в области образования: «...на 1000 жителей приходится в России 46,7 учащихся в 1908 году (в 1904 году было 44,3 учащихся на 1000 жителей)... О чём говорит эта пропорция: **менее 50 учащихся** на 1000 жителей?

Она говорит, господа защитники казенного народного затемнения, о **невероятной** отсталости и дикости России благодаря всевластию крепостников-помещиков в нашем государстве. Число детей и подростков школьного возраста составляет в России свыше 20%, т. е. свыше **пятой доли** всего числа жителей...

Итак, детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то есть **почти впятеро меньше!!** Это значит, что около **четырех пятых** детей и подростков в России **лишено** народного образования!!»[2].

Эта отчужденность от культуры населения особенно наглядно проявилась в тех сельскохозяйственных районах, где проживало нерусское население.

Бескультурье крестьянских масс Мордовии, как и в других национальных районах России, вполне устраивало господствующие классы, отвечало их интересам. Поэтому, исходя из своих узкоклассовых задач, эксплуататоры ограничивали рост национального самосознания и культуры у мордовского народа, препятствовали созданию национальной интеллигенции.

[1] См. Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, стр. 465
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 126—127.

Попытки части прогрессивно настроенной русской интеллигенции сделать хотя бы первые шаги в просвещении коренного населения наталкивались на упорное сопротивление правящих классов, не желающих элементарного приобщения «инородцев» к сокровищам науки, искусства и литературы. Поэтому абсолютное большинство мордовского населения не умело читать и писать, а общая грамотность в 1913 году составляла всего 3,7%, а среди женщин и того меньше. На территории Мордовии на 1000 жителей приходилось лишь 20 учащихся[1].

Свыше 80% населенных пунктов совсем не имели школ, а царское правительство продолжало расходовать на нужды народного образования на душу населения всего 12 копеек в год[2].

«Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были **ограблены** в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а **неизбежна** при гнете помещиков, захвативших десятки и десятки миллионов десятин земли, захвативших и государственную власть...»[3],—писал В. И. Ленин о политике правящих классов в области народного образования.

Таким образом, до установления Советской власти мордовский народ имел низкий исходный уровень для проведения культурных преобразований. Это не могло не вызвать дополнительных трудностей в осуществлении культурной революции на территории Мордовской АССР. Отсюда увеличивались задачи, объем и масштабы культурных преобразований, что в свою очередь наложило своеобразный отпечаток на формы, темпы и сроки осуществления культурной революции.

Одной из важнейших задач социалистической культурной революции в нашей стране являлся быстрый подъем общеобразовательного и общекультурного уровня трудящихся масс, создание новой, подлинно народной системы образования и воспитания. Выполнение их началось с ликвидации массовой неграмотности, которая мешала трудящимся быть сознательными и активными строителями нового общества. В. И. Ленин считал массовую неграмотность серьезным препятствием для политического просвещения масс. «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»[4].

---

[1] См. Очерки истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1955, стр. 495—496.
[2] Н. В. Талдин. Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956, стр. 18.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

Грамотность, как не раз подчеркивал В. И. Ленин, составляет основу и исходный момент культуры.

Под руководством Коммунистической партии повсеместно начался огромный подъем народных масс к знаниям и культуре. Так, например, крестьяне деревни Алексеевка написали в 1919 году в Саранский отдел народного образования ходатайство, в котором просили открыть у них школу. Её добровольно согласился разместить в своем доме учитель. «Все охотно приняли это предложение, зная, что отлагать обучение своих детей на неопределенное время, когда будет построена специальная школа,— это значит намеренно совершать по отношению своих детей преступление, держа их в темноте, а первая обязанность родителей — дать воспитание и образование своим детям; кроме того, и взрослые нуждаются, особенно в настоящее время, в образовании»[1].

В этих простых словах крестьян хорошо выражены настроения и запросы трудящихся масс того времени, сознательно потянувшихся к свету и знаниям и понявших для них необходимость грамотности. Саранский уездный отдел народного образования удовлетворил просьбу крестьян этой деревни.

Однако быстро решить грандиозную задачу ликвидации массовой неграмотности только через обычные школы практически было невозможно. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам: в дополнение к существующим обычным школам были созданы особые пункты для ликвидации неграмотности («ликпункты»).

Представление об объеме и характере работы новых школ, найденных в ходе революционной практики, дает отчет Ульяновского губернского отдела народного образования о ликвидации неграмотности в 1924/25 учебном году по Ардатовскому уезду. Всего в уезде работало 95 ликпунктов, которые окончили 4000 человек, в том числе 3200 мужчин и 800 женщин. Возраст окончивших был, как правило, от 14 лет и старше. По социальному положению абсолютное большинство выпускников школ для взрослых составляли крестьяне — 3967 человек и 33 человека горожан. По национальному составу количество окончивших школы ликбеза характеризовались следующими показателями: 2898 человек—русские, 1100—мордва и 2 татар.

В ликвидации неграмотности принимали участие 96 человек, среди них 19 учителей, а также грамотные рабочие и крестьяне[2].

Усилия местных партийных и советских организаций, опирающихся на революционную инициативу широких масс трудящихся, начали приносить первые результаты.

---

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-40, оп. 1, д. 30, л. 101.
[2] См. Народное образование Мордовской АССР 1918—1928 гг. Документы и материалы. Саранск, 1962, стр. 89, 92—93.

В 1928 году общая грамотность в Мордовском округе составила 27,3%, а среди женского населения была 17,6%[1].

По сравнению с дореволюционным периодом это был несомненный успех. Но для социалистического строительства такие темпы ликвидации неграмотности были неудовлетворительные.

Сравнительно низкий уровень грамотности населения мордовского округа в этот период объясняется, прежде всего, такими причинами, как общей хозяйственной и культурной отсталостью, острой нехваткой помещений, учителей, учебных пособий, сопротивлением свергнутых эксплуататорских классов.

Подчеркивая важность и значение культурных преобразований в строительстве социализма в нашей стране, В. И. Ленин указывал, что «... для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»[2].

К этим общим трудностям борьбы с культурной отсталостью у мордовского народа добавлялись специфические трудности, которые осложняли проведение культурной революции. В связи с отсутствием у мордовского народа до социалистической революции своей письменности, потребовались значительные дополнительные усилия и время для подготовки национальной интеллигенции, в том числе учительских и издательских кадров. Кроме того, до 30-х годов мордовский народ не имел своей национальной государственности, оставаясь разобщенным среди губерний, а потом округов. В этих условиях партийные и советские органы не всегда имели достаточно возможности для развертывания работы по ликвидации неграмотности и концентрации сил для решения ряда проблем культурного строительства среди мордовского народа.

Грамотность населения в возрасте от 9 до 49 лет в 1939 году (%)[3]

	Городское население			Сельское население		
	оба пола	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.
РСФСР	94,9	98,1	91,8	86,7	94,8	79,3
Чувашская АССР	96,1	98,7	93,2	90,1	96,3	84,9
Марийская АССР	94,8	98,0	91,5	86,2	95,5	78,1
Мордовская АССР	93,9	97,9	89,9	78,8	93,6	66,4

[1] А. Л. Киселев. Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959, стр. 37.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 377.

[3] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР. М., 1963, стр. 146, 148.

Индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства создали мордовскому народу более благоприятные условия не только для образования национальной государственности, но и для его просвещения, усиления темпов борьбы с неграмотностью. К концу 30-х годов в результате упорной работы трудящихся Мордовии, руководимых Коммунистической партией, были одержаны важные победы на культурном фронте.

Во-первых, из таблицы (см. стр. 62) видно, что в Мордовской АССР за предвоенные годы была проделана значительная работа по ликвидации неграмотности, хотя в решении этого вопроса она несколько отставала как в целом от показателей Российской Федерации, так и от соседних автономных республик Поволжья. Особенно значительным было отставание в уровне грамотности среди женского населения сельской местности (на 12,9% от РСФСР и на 11,7% от Марийской АССР).

Во-вторых, уровень грамотности сельского населения Мордовии неуклонно приближался к уровню грамотности городского населения и соответственно составлял 78,8% и 93,9%. Это обстоятельство отражало в определенной мере сложный процесс ликвидации противоположности между городом и деревней в культурном отношении.

В-третьих, выросла грамотность среди женщин республики. В то же время по уровню грамотности женщины все еще значительно уступали мужскому населению и в городе и в селе. Так, грамотные мужчины в сельской местности составляли 93,6%, а женщины — 66,4%, т. е. на 27,2% меньше.

К периоду Всесоюзной переписи населения 1959 года задача ликвидации неграмотности практически была решена в Мордовской АССР как среди городского, так и среди сельского населения.

Процент грамотности в возрасте 9—49 лет в 1959 г.[1]

	Оба пола	Мужчины	Женщины
Городское и сельское население РСФСР	98,5	99,3	97,7
Мордовская АССР	99,2	99,6	98,9
Городское население РСФСР	98,8	99,6	98,2
Мордовская АССР	98,6	99,7	97,8
Сельское население РСФСР	98,0	99,1	97,1
Мордовская АССР	98,7	99,4	98,1

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР. М., 1963, стр. 144, 146, 148.

В результате усилий партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций и органов народного образования Мордовия сравнялась по грамотности с Российской Федерацией и соседними автономными республиками Поволжья. Следует отметить и такой важный итог, как ликвидация неграмотности среди женского населения, что является одним из показателей фактического равенства мужчин и женщин при социализме. По уровню грамотности сельское население республики сравнялось с городским.

Ликвидация неграмотности среди трудящихся Мордовской АССР имела важное социальное и политическое значение. Она продемонстрировала всему миру превосходство социалистической общественной системы перед буржуазной. Кроме того, эти достижения повысили активность населения Мордовии во всех сферах экономической, политической и культурной жизни, увеличив его вклад в дело строительства социалистического общества, явились существенным условием и одним из показателей преодоления мордовским народом фактического неравенства.

Ликвидация массовой неграмотности в Мордовии, как и во всей стране, явилась важным достижением начального этапа культурной революции. Однако общая задача строительства социализма, тот уровень производительных сил, на котором он основывался, а также ряд других социальных моментов, требовали не просто элементарной грамотности, а определенной суммы систематизированных общеобразовательных, а также специальных знаний, на базе которых и возможно было деятельное, сознательное и эффективное участие в новой жизни. А такого рода знания, отвечающие требованиям данного периода, не могдать ни ликбез, ни культармейцы. Необходимо было совершенствование и развитие всей системы народного образования от начальной до высшей школы.

Создание социалистической экономики и развитие на этой основе новых социальных и политических отношений, с одной стороны, требовало громадного повышения культурного уровня народных масс, а с другой,— объективный процесс строительства социализма создавал необходимые условия для быстрого и решительного подъема общеобразовательного и общекультурного уровня трудящихся и приобщения их к важнейшим достижениям мировой науки, литературы и искусства.

Как уже отмечалось выше, до Великой Октябрьской социалистической революции господствующие классы фактически лишали трудящихся элементарного образования. Особенно были ограблены в смысле света и знаний малые, нерусские народы, в отношении которых царизм проводил политику жесточайшего колониального угнетения. Достаточно сказать, что на территории современной Мордовии не было ни одного высшего и среднего специального учебного заведения. Вся система школьного образования состояла из 769 начальных, 9 семилетних и 9 средних школ, причем все средние и 7 семилетних школ находились в городах[1]. Такое соотношение удельного веса начальных и средних школ, их распределение между городом и деревней нельзя считать случайным явлением. Школа в антагонистическом обществе всегда носила и продолжает носить классовый характер. Для обучения детей господствующих классов было вполне достаточно такого ничтожного количества средних школ.

Классовая направленность дореволюционной школы наглядно видна из распределения учащихся по различным типам школ. Вот данные о численности учащихся общеобразовательных школ на территории Мордовии в 1914/15 гг.[2]

Всего учащихся (тыс.)	Из них		
	в начальных школах	в семилетних школах	в средних школах
58	54,4	1,2	2,4
В том числе в городах и поселках городского типа			
8,1	4,7	1,0	2,4

Из таблицы видно, что в семилетних школах обучалось всего 1,2 тыс., а в средних — 2,4 тыс., что соответственно составляет 2% и 4% от общего количества учащихся. Это были дети помещиков, буржуазии, чиновников и духовенства. Для незначительной части русского населения, которая имела возможность послать своих детей в школы (это были преимущественно мальчики), в лучшем случае предназначались начальные школы, дававшие самые элементарные навыки чтения, письма и счета. Бедность и нужда не позволяли трудящимся посылать своих детей в школу.

Что же касается мордовских трудящихся, в отношении которых царизм проводил политику насильственной ассимиляции, то их детям практически была малодоступна даже начальная школа, где преподавание велось на непонятном им русском языке. Это было дополнительным социальным барьером на пути мордовского народа к свету и знаниям.

Так, правящие классы через школьную систему, которая является важной формой распределения и освоения духовных ценностей, отстраняли трудовые массы от культуры, препятствовали приобщению к основам науки и искусства. Этим классовым целям было подчинено, в конечном итоге, все содержание

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1958, стр. 110.
[2] Там же, стр. 110—112.

школьного образования и воспитания, основанного на идеалистическом мировоззрении, ничтожно малое количество учащихся, крайне низкий удельный вес среднего образования и расположение средних школ главным образом в городах. «Люди из образования сделали забор, мешающий трудящимся идти вперед: этот забор будет сметен»[1],— говорил В. И. Ленин на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года.

Действительно, этот забор стал быстро разрушаться в результате установления политического господства пролетариата. Двери общеобразовательных школ были открыты перед рабочими и крестьянами.

Распределение учащихся общеобразовательных школ Мордовии в 1914/15 и 1927/28 гг. (тыс.)[2]

	1914/15 г.	1927/28 г.	1927/28 г. к 1914/15 г.
Всего учащихся	58,0	123,5	2,1 раза
В том числе:			
в начальных школах	54,4	110,1	2 раза
в семилетних школах	1,2	9,9	8 раз
в средних школах	2,4	3,5	1,5 раза

Даже за первое трудное десятилетие Советской власти, когда основные физические и духовные силы народа были направлены на военное подавление классового врага, а затем на восстановление разрушенного войной народного хозяйства, общее количество учащихся в Мордовии увеличилось более чем в 2 раза. Причем идет абсолютный рост, прежде всего, контингента учащихся начальных школ — первой необходимой ступени обучения и образования. Это было вполне закономерно и диктовалось задачами того времени: ликвидацией неграмотности, созданием предпосылок для неполного среднего образования, приобщением широких трудящихся масс к истокам науки и искусства. Острейшая потребность в специалистах среднего звена обусловила быстрый темп роста контингента учащихся семилетних школ, который увеличился в Мордовии в 8 раз.

В сельской местности количество учащихся неполных средних школ за период с 1914/15 учебного года по 1927/28 учебный год выросло с 0,2 тыс. до 9,1 тыс. человек, т. е. в 45 раз[3]. Более высокие темпы роста контингента учащихся семилетних

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 275.
[2] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1958, стр. 110.
[3] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1958, стр. 110, 112.

школ в сельской местности были одним из условий и путей ликвидации исторически сложившейся несправедливости — преодоления противоположности между городом и деревней.

Происходят важные изменения в содержании, задачах и функциях советской школы. Известно, что содержание преподавания определяется школьными планами, программами, учебниками и идейно-теоретической подготовкой учителей. Чтобы изменить его, Советская власть отделяет школу от церкви, издаются новые программы и учебные пособия, освобожденные от буржуазно-помещичьей идеологии, создается единая трудовая общеобразовательная школа для всех трудящихся, преподавание в которой начинается на родном языке.

Эта коренная качественная перестройка школьного образования преследовала цель превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие построения социалистического общества, в могучее средство приобщения людей к основам науки, литературы и искусства, воспитания активных, развитых строителей новой жизни. С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался могучий подъем масс к культуре и знаниям.

Создание и развитие социалистической школы встретило в Мордовии ряд трудностей. Империалистическая и гражданская войны подорвали и без того слабую материальную базу школьного обучения. Для приема огромного потока учащихся, который хлынул после революции в школу, не хватало самого необходимого: помещений, оборудования и школьных принадлежностей. Особенно остро встала проблема педагогических кадров.

Для выхода из создавшегося трудного положения местные партийные и советские организации привлекают к работе большинство старых учителей, которые в силу специфики их труда, отчасти условиям жизни и быта были связаны с народными массами и тяготели к ним, поддерживая, как правило, все мероприятия Советской власти.

В то же время процесс перехода части старого учительства (особенно преподавателей средних школ, находившихся до революции в более привилегированном положении) не был гладким. Определенная, хотя и небольшая часть старой интеллигенции, в частности, учительства, в первые годы Советской власти выступила против основных социалистических принципов школьного образования и под лозунгом сохранения якобы «внеклассовой» школы встала даже на путь открытого саботажа. Между учителями, сторонниками Советской власти и сторонниками так называемой «внеклассовой», «аполитичной» школы, шла острая борьба. К некоторым из них советские органы, наряду с терпеливым разъяснением целей и задач новой власти, вынуждены были порой применять меры принуждения. Это было одной из форм классовой борьбы пролетариата за победу социализма в школьном деле.

Но кроме этих общих трудностей становления советской школы, у мордовского народа добавлялись специфические трудности.

В мордовских селах школ до социалистической революции было мало. Полностью отсутствовали на родном языке школьные программы и учебники. Мало было национальных педагогических кадров. Положение усугублялось и тем, что не было письменности, разработка которой в свою очередь задерживалась почти полным отсутствием национальных научных кадров. Все это, естественно, не могло не сказаться отрицательно на темпах и сроках развития не только школьного образования, но и на процессе становления мордовской социалистической культуры.

В этих крайне неблагоприятных условиях не оставалось иного выхода, как ввести первоначально преподавание в мордовских школах на русском языке. Переход преподавания на родной язык осуществлялся постепенно по мере издания учебных пособий и подготовки национальных кадров. Чтобы ускорить подготовку учительских кадров из мордовского населения, грамотные рабочие и крестьяне посылаются на различные краткосрочные курсы, которые, однако, не всегда удавалось заполнить из-за нехватки кандидатур по уровню грамотности.

В 20-х годах создаются первые мордовские буквари, постепенно вырабатываются нормы письменного языка, открываются педагогические средние учебные заведения, где велась подготовка учительских кадров и для национальных школ.

Хозяйственные и культурные успехи в строительстве социалистического общества создали объективные предпосылки для решения дальнейших задач культурной революции. Так, подчеркивая органическую взаимосвязь и взаимообусловленность процессов кооперирования и подъема культуры крестьянских масс, В. И. Ленин указывал, что «... эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции»[1].

Для Мордовии, где в 1926 году 96% всего населения проживало в сельской местности, вопросы связи кооперирования с подъемом культурно-технического уровня широчайших крестьянских масс приобретали особо важное значение. Поэтому местные партийные и общественные организации развернули большую работу по осуществлению всеобщего начального образования, которое было введено в стране в 1930 году. С этой

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 376.

целью укрепляется и значительно расширяется материальная база школ, создаются необходимые условия для учебы детей батраков и бедняков, в основном решается острый вопрос обеспечения школ педагогическими кадрами.

Благодаря усилиям партийных и комсомольских организаций, советских учреждений и учителей в середине 30-х годов задача осуществления всеобщего начального образования в Мордовии была решена. Тем самым были уничтожены истоки неграмотности и созданы реальные условия для дальнейшего повышения общеобразовательного уровня трудящихся масс. Хотя эти результаты и были важным достижением культурной революции в республике, однако они были далеко недостаточны с точки зрения задач дальнейшего развития социалистического строя.

Поэтому одновременно с выполнением закона о всеобщем начальном образовании, прежде всего, в городах фактически начинает осуществляться семилетнее образование. Вот данные о распределении учащихся общеобразовательных школ Мордовии по группам классов в городах и поселках городского типа. (На начало каждого учебного года — тыс. человек)[1].

	1927/28	1932/33	1937/38	1940/41
Всего учащихся в городах и поселках городского типа	5,4	8,0	16,9	18,9
в %	100	100	100	100
В том числе:				
в 1—4 классах	3,2	4,8	8,6	8,2
в %	59,3	60	50,9	43
в 5—7 классах	2,0	2,9	5,9	7,1
в %	37	36,3	34,9	37,6
в 8—10 классах	0,2	0,3	2,4	3,6
в %	3,7	3,7	14,2	19

Из таблицы виден абсолютный рост учащихся 1—4 классов с 3,2 тыс. в 1927 году до 8,2 тыс. в 1940 г., т. е. в 2,6 раза. Однако за данный период удельный вес учащихся начальных классов в городах и поселках городского типа относительно снизился с 59,3% до 43%, несмотря на значительный их абсолютный рост.

Это обстоятельство было вызвано более быстрыми темпами увеличения контингента учащихся 5—7 классов (в 3,5 раза), удельный вес которых в 1932/33 учебном году равнялся 36,3%

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1958, стр. 116.

общего количества учащихся городских школ. Это означало, что в середине 30-х годов в городах нашей республики вопрос введения неполного среднего образования был фактически решен. Наиболее быстрыми темпами за рассматриваемый период росло полное среднее образование (в 18 раз) и в предвоенном 1940/41 учебном году учащиеся данной группы классов составили 19% против 3,7% в 1927 году.

Все эти данные позволяют сделать вывод о том, что в городах Мордовии к концу 30-х годов было осуществлено не только начальное, но и фактически введено семилетнее образование, а также созданы предпосылки для перехода к более высокой ступени обучения.

Однако доля учащихся городов составляла сравнительно небольшую часть всех учащихся республики (в 1940/41 учебном году только 9,6%). Поэтому для Мордовии в рассматриваемый период важное значение имело развитие школьной сети в сельской местности.

Распределение учащихся общеобразовательных школ Мордовии по группам классов в сельской местности (на начало учебного года — тыс. чел.)[1]

	1927/28	1932/33	1937/38	1940/41
Всего учащихся в сельской местности	118,1	170,5	198,0	178,0
в %	100	100	100	100
В том числе:				
в 1—4 классах	112,0	156,5	141,8	109,6
в %	94,8	91,8	71,6	61
в 5—7 классах	6,1	14,0	50,7	54,0
в %	5,2	8,2	25,6	30
в 8—10 классах	—	—	5,5	14,4
в %	—	—	2,8	9

Из этой таблицы видно, что, несмотря на рост учащихся сельской местности с 118,1 тыс. в 1927/28 учебном году до 178 тыс. в 1940/41 учебном году, доля учащихся 1—4 классов постепенно относительно сокращается с 94,8% до 61% за счет роста контингента учащихся 5—7 и 8—10 классов.

Кроме того, данная таблица отражает динамику роста контингента учащихся 5—7 классов, который за рассматриваемый период в абсолютных цифрах вырос с 6,1 тыс. до 54 тыс., т. е.

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1958, стр. 116.

почти в 9 раз и составил 30% всех учащихся в 1940 году. Практически это означало, что перед Великой Отечественной войной сельские школы вплотную подошли к осуществлению неполного среднего образования, хотя несколько и отставали в этом вопросе от городских школ.

Развитие полного среднего образования в деревне еще значительно отставало от городского. Удельный вес его составлял в 1940/41 учебном году всего 9%, в то время как в городе — 19%.

Эти структурные изменения в распределении учащихся по группам классов не могли не отразиться на распределении сети общеобразовательных школ в республике.

Сеть общеобразовательных школ Мордовской АССР (без школ рабочей, сельской молодежи и прочих школ)[1].

	1914/15	1927/28	1932/33	1937/37	1940/41
Всего школ в республике	787	1252	1402	1251	1275
в %	100	100	100	100	100
В том числе:					
начальных	769	1223	1251	898	858
в %	97,8	97	89,2	71,8	67,3
семилетних	9	36	146	278	297
в %	1,1	2,8	10,4	22,2	23,3
средних	9	3	5	75	120
в %	1,1	0,2	0,4	6	9,4

Как видно из таблицы, до середины 30-х годов, когда на первом плане культурной революции стояли задачи ликвидации массовой неграмотности и выполнения закона о всеобщем начальном образовании, идет быстрый рост, прежде всего, сети начальных школ (с 769 в 1914/15 гг. до 1251 в 1932/33 учебном году).

Решение вышеназванных задач в республике и подготовка условий для перехода к обязательному неполному среднему образованию неизбежно вело к структурным изменениям в сети общеобразовательных школ: падает удельный вес начальных школ (с 97% в 1927 г. до 67,3% в 1940 г.). Это было вызвано тем, что значительная их часть преобразуется в семилетние школы. В 1914 году имелось всего 9 семилетних школ, а в 1940 г.— 297, что соответственно составляет 1,1% и 23,3% всех школ Мордовии. Идет процесс абсолютного и относительного роста в республике и средних общеобразовательных школ.

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1958, стр. 110.

Итак, на примерах развития советской школы в Мордовии видны количественные и качественные изменения, которые произошли в ней за два десятилетия её существования. Было осуществлено начальное образование, значительно увеличился удельный вес семилетнего и среднего образования. Это является одним из ярких доказательств расширения и углубления культурной революции, повышения общеобразовательного и культурного уровня трудящихся масс нашей республики.

Приведенные материалы по народному образованию показывают взаимосвязь, взаимообусловленность и последовательность в решении отдельных задач культурной революции. Так, семилетнее образование было первоначально введено в городах, где для этого раньше, чем в сельской местности, созрели необходимые предпосылки. Победа колхозного строя, осуществление начального и рост семилетнего образования, расширение подготовки педагогических кадров создали основные условия для введения неполного и среднего образования в 40-х годах и в деревне. Однако вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну несколько затормозило решение данных задач.

После окончания войны школы Мордовии приступили к завершению перехода на всеобщее семилетнее обучение и расширению всеобщего среднего образования. Для этого потребовалось укрепить материальную базу школ республики, увеличить прием студентов в высшие педагогические учебные заведения, издать новые учебники и учебные пособия. Например, только в 1949 году было издано 60 названий учебников на мордовском языке общим тиражом 577 тыс.[1]

Строились новые школьные здания, укреплялась и расширялась материальная база семилетних и средних школ. Так, сеть семилетних школ увеличилась с 297 в 1940 г. до 341 в 1958 году, в общих средних — с 120 до 204[2].

В городах и поселках городского типа республики продолжал увеличиваться удельный вес учащихся старших классов. В середине 50-х годов они составляли почти 28%, в то время как в 1945/46 учебном году — всего 9,7%.

Рост контингента учащихся 8—10 классов говорит о том, что в городах Мордовии в середине 50-х годов в значительной степени осуществлялось среднее образование.

Важные структурные изменения происходят и в сельских школах республики.

Контингент учащихся 5—7 классов сельской местности, как видно из таблицы, растет и абсолютно (с 26,5 тыс. в 1945 г. до 68,5 тыс. в 1950 г.) и относительно (с 19,3% до 37,6%, т. е. почти вдвое). Это явилось важной ступенью в деле дальнейшего

[1] Н. В. Талдин. Очерки истории мордовской школы. Саранск, 1956, стр. 120.

[2] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 118—119.

Распределение учащихся общеобразовательных школ по группам классов
(на начало учебного года — тыс. чел.)[1]

Годы	Всего учащихся в сельской местности	В том числе		
		в 1—4 классах	в 5—7 классах	в 8—10 классах
1945/46	137,6	105,6	26,5	5,5
% к итогу	100	76,7	19,3	4,0
1950/51	182,4	103,5	68,5	10,4
% к итогу	100	56,7	37,6	5,7
1958/59	129,2	80,6	33,3	15,3
% к итогу	100	62,4	25,8	11,8

повышения общеобразовательного уровня трудящихся масс республики. Кроме того, в сельской местности были достигнуты определенные успехи в подъеме общего среднего образования.

Эти важные достижения советской общеобразовательной школы имели большое значение. Стали быстрее расти национальные кадры интеллигенции, развиваться мордовская социалистическая культура, ликвидировалась культурная отсталость.

Но дело не только в быстром подъеме общеобразовательного уровня трудящихся. Очень важно подчеркнуть, что данный процесс происходил на принципиально иной, чем при капитализме, социально-экономической и идеологической основе. Это обстоятельство и определило качественно новое содержание, цели и задачи школьного образования и воспитания.

В социалистической школе содержание образования основано на диалектико-материалистическом мировоззрении. Оно подчинено задачам воспитания идейной убежденности, советского патриотизма и пролетарского интернационализма и других черт личности. Одновременно с подъемом культурного уровня народных масс шел активный процесс пробуждения их политического самосознания, развитие инициативы и организованности во всех сферах общественной жизни. Эти коренные изменения в сознании трудящихся по своему содержанию и направленности совпали с основным содержанием и целью культурной революции, составив её неотъемлемую, органическую часть.

Все звенья советской школы были построены таким образом, что они давали научную систему знаний о природе и обществе, необходимую для дальнейшего продолжения образования в средних специальных и высших учебных заведениях.

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1958, стр. 117. Народное хозяйство Мородвской АССР. Статистический сборник, 1960, стр. 96—97.

Советская школа воспитывает сознательных и активных строителей новой жизни. Буржуазная школа, напротив, призвана готовить послушных слуг капитализма, его идеологических защитников.

Из сказанного выше ясно видна качественно новая, по сравнению с буржуазной школой, социальная направленность и содержание социалистической системы школьного образования и воспитания.

Качественные изменения школьного образования во многом выражали возросшую степень освоения трудящимися массами духовной культуры, более равномерное и справедливое ее распределение между городом и деревней. Данные количественные и качественные сдвиги в системе школьного образования явились важным достижением культурной революции, можно сказать, ее сердцевиной, одним из существенных показателей ее углубления.

Вместе с тем, общеобразовательная школа является ведущим, но не единственным звеном в системе народного образования. Успехи в деле строительства социалистической экономики и школьного образования подготовили необходимые материальные и культурные предпосылки, прежде всего, для создания средних специальных, а несколько позже высших учебных заведений в Мордовии.

Первые средние специальные учебные заведения возникли на территории Мордовии только в советское время и получили бурное развитие в 30—40-е годы, что отражает приводимая таблица[1].

	1927 г.	1933 г.	1940/41 г.	1950/51 г.	1958/59 г.
Всего техникумов	3	19	19	18	14
В них учащихся—тыс.	0,6	2,7	5,1	4,9	4,1

Рост сети средних специальных учебных заведений в Мордовской АССР и количество в них студентов объясняется рядом социально-экономических и культурных причин. В условиях социальной и культурной отсталости, доставшейся трудящимся республики, техникумы были наиболее приемлемым видом специальных учебных заведений.

Организация их учебной базы требовала значительно меньше средств, чем создание материально-технической базы для вузов; для них легче было подготовить преподавательский персонал, а также укомплектовать контингент студентов. На подготовку специалистов в средних учебных заведениях затрачивается меньше

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1960, стр. 103.

средств и времени, что в условиях острой потребности в кадрах интеллигенции для различных отраслей хозяйства и культуры имело важное значение. К тому же уровень квалификации выпускников средних специальных учебных заведений в основном удовлетворял потребности развития экономики и культуры Мордовии того времени.

Уменьшение в республике к концу 50-х годов сети техникумов и численности в них учащихся шло за счет сокращения педучилищ, которые до конца 30-х годов составляли соответственно до 50% их общего количества. Это сокращение было вызвано тем, что задача ликвидации неграмотности и малограмотности в республике была решена, а также известным сокращением в этот период контингента учащихся начальных классов, в связи с чем потребность в педагогических кадрах данной квалификации стала относительно незначительной.

По мере роста экономики и культуры республики все более ощущалась потребность в кадрах не только средней, но и высшей квалификации.

До возникновения высших учебных заведений на территории Мордовии они готовились за ее пределами.

Помощь со стороны более развитых в культурном отношении народов в формировании мордовской интеллигенции характеризует качественно новые отношения между нациями, строящими социализм, а также интернационализм и дружбу между народами Советского Союза.

Первыми в республике были созданы педагогические вузы, что соответствовало задачам социалистической культурной революции. Высшие учебные заведения Мордовии (на начало учебного года)[1].

	1932/33 год	1937/38 год	1940/41 год	1950/51 год	1955/56 год	1958/59 год
Число учебных заведений	1	3	3	3	2	1
В них студентов	357	974	1276	4034	4636	4076

Бурное развитие, прежде всего, семилетнего образования в 30-е годы потребовало открытия двух учительских институтов, которые в конце 50-х годов, выполнив свои основные задачи, как и повсеместно, были слиты с педагогическими институтами. Однако, несмотря на сокращение сети вузов в Мордовии, количество студентов в них возросло и в 1958/59 учебном году увеличилось по сравнению с 1932/33 годом в 11,4 раза.

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 132.

Количество специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве Мордовской АССР, в конце 1957 г. составляло 25,3 тыс. человек, в том числе 18,7% лиц мордовской национальности[1].

Таким образом, в процессе осуществления культурной революции в республике успешно развивались все звенья народного образования, начиная от школьного и кончая высшим ее звеном — вузом.

Происходил быстрый подъем общеобразовательного уровня трудящихся, имеющий важные социальные последствия для развития социалистического общества.

Число лиц, имеющих высшее и среднее образование, включая неполное среднее, на 1000 человек в Мордовской АССР в 1939 и 1959 гг.[2]:

	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	1939 год	1959 год	1939 год	1959 год	1939 год	1959 год
Оба пола	51	220	220	382	38	184
Мужчины	63	243	234	385	50	209
Женщины	40	203	205	377	29	165

Данная таблица отражает динамику роста общеобразовательного уровня населения Мордовии. В 1939 г. на тысячу человек, имеющих неполное среднее, среднее и высшее образование, в республике приходилось всего 51 человек, а в 1959 году уже — 220. За 20 лет (с 1939 г. по 1959 г.) уровень общего образования сельского населения вырос в 4,8 раза, а городского — 1,7. Однако, несмотря на более высокие темпы роста общеобразовательного уровня сельского населения, по абсолютным показателям оно значительно отставало от городского (в 1959 г. 382 человека среди городского населения и 184 человека среди жителей села).

Вместе с тем, тенденция развития общеобразовательного уровня городского и сельского населения показывает, что этот разрыв из года в год сокращался. Так, в 1939 году на каждую тысячу городского населения приходилось в 5,8 раза больше лиц со средним и высшим образованием, чем на тысячу человек сельского населения, а в 1959 году — уже в 2,1 раза.

Очень важно отметить равный образовательный уровень мужчин и женщин в городах. Что же касается женщин сельского

[1] ЦГА МАССР, ф. 662, оп. 22, ед. хр. 1083, л. 4, 11.

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения в 1959 году РСФСР. М., 1963, стр. 135.

населения, то их образовательный уровень значительно отставал от мужчин (в 1939 г. в 1,7 раза, а в 1959 г.—1,3 раза).

Как видно из данных показателей, этот разрыв в образовании был не только значительным, но почти не сократился за 20 лет.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1959 года каждый второй городской житель Мордовской АССР в трудоспособном возрасте имел семилетнее, среднее и высшее образование (592 мужчины и 582 женщины на каждую тысячу человек). В сельской местности эти показатели были ниже и соответственно составляли 386 и 296 человек[1].

Если рассмотреть образовательный уровень населения Мордовской АССР в 1959 году по отдельным общественным группам, то на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, высшее и среднее образование, включая неполное среднее, имели 374 рабочих, 902 служащих и 225 колхозников[2], причем, эти данные ниже среди рабочего класса сельской местности на 111 человек, а колхозников соответственно на 40[3].

Быстрыми темпами шел подъем образовательного уровня мордовского населения. В 1959 г. число лиц с высшим и средним образованием увеличилось по сравнению с 1939 годом в 6,1 раза. В трудоспособном возрасте на каждую тысячу лиц мордовского населения приходилось 273 человека с высшим, средним и семилетним образованием[4]. По абсолютным данным уровень коренного населения был несколько ниже общих показателей в республике.

Процесс подъема общеобразовательного и общекультурного уровня трудящихся масс при социализме объективен. Он обусловлен закономерностями развития социалистического способа производства и основанной на нем системой народного просвещения, гарантирующей права трудящихся на образование. Но объективные закономерности проявляются не автоматически, не сами собой, а через сознательную, целеустремленную деятельность народных масс, классов, партий и личностей. Поэтому результаты общеобразовательной подготовки зависят не только от объективных условий, но и субъективного фактора, от организующей и направляющей роли Коммунистической партии и Советского государства, от органов народного образования и других организаций, наконец, от степени осознания людьми необходимости и важности повышения общего образования.

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР. М., 1963, стр. 141.

[2] Там же, стр. 187.

[3] Там же, стр. 195, 203.

[4] Там же, стр. 417. Данные по мордовскому населению приведены по Мордовской АССР, Горьковской, Куйбышевской, Оренбургской и Пензенской областям.

Подводя итоги развития социализма, ЦК КПСС в своем постановлении «О тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» указал: «В трудных условиях культурной отсталости страны, острой нехватки квалифицированных кадров и средств государство создавало новую систему народного образования, обеспечившую всеобщую грамотность населения, быстрый подъем науки и культуры, воспитание подрастающего поколения в духе социализма. На службу народу перешли лучшие представители старой интеллигенции, формировалась новая рабоче-крестьянская интеллигенция, преданная делу социализма»[1].

Подъем общеобразовательного уровня трудящихся Мордовской АССР является важнейшим звеном культурной революции, развитие и завершение которой составляет одну из главных задач современного этапа коммунистического строительства.

[1] Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Политиздат, 1967, стр. 16.

А. Е. Козлов

ПРОФСОЮЗЫ МОРДОВИИ В РАЗВЕРТЫВАНИИ ДВИЖЕНИЯ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ. (1959—1961 гг.)

Соревнование за коммунистический труд возникло на пороге семилетки, в период всенародной подготовки к XXI съезду КПСС. С тех пор прошло более десяти лет. Но, несмотря на свою сравнительную молодость, оно за эти годы прошло славный путь и превратилось в могучее движение многомиллионных трудящихся масс всех отраслей народного хозяйства СССР. Это движение широко поддержали и рабочие Мордовской республики.

«Когда мы узнали из сообщений по радио и газеты «Комсомольская правда»[1] о почине железнодорожников депо Москва—Сортировочная,— рассказывал бригадир слесарей-сборщиков Саранского мотовозоремонтного завода А. Митяев на Саранском городском слете передовиков соревнования за коммунистический труд в конце декабря 1958 года,— рабочих нашего завода, особенно молодежь, словно подменили. Они спрашивали о почине московских железнодорожников, делились своими мыслями, высказывали предложения.

Вечером 18 ноября 1958 года собрался заводской комитет комсомола. После оживленного обмена мнениями и жарких споров, мы пришли к выводу о том, что каждый, кто вступает в движение за коммунистический труд, должен не только хорошо работать, выполнять и перевыполнять сменные задания, выпускать продукцию высокого качества,— он обязан также постоянно учиться, совершенствовать и повышать свою квалификацию, заботиться о расширении своего общеобразовательного и политического кругозора. Член бригады коммунистического труда обязан настойчиво бороться за воспитание нового человека — человека коммунистического общества, вести решительную борьбу с недостойным поведением в обществе и быту.

Наша бригада слесарей и сборщиков,— сказал тов. Митяев,— отвечала этим требованиям. Её коллектив хорошо работал.

[1] «Комсомольская правда», 18 ноября 1958 года № 270.

Шестеро из семи человек учились в вечерних школах, техникумах, все вели себя примерно на производстве, в обществе и быту. Мы горячо встретили почин железнодорожников депо Москва — Сортировочная и по их примеру взяли на себя обязанности членов бригады коммунистического труда»[1]. Так возникла первая бригада коммунистического труда в Мордовии.

Дальнейшее развитие движения за коммунистический труд поставило вопрос — может ли каждая бригада, коллектив которой выделяется производственными успехами, дисциплинированностью, организованностью, активностью, коллективизмом, товарищеской взаимопомощью и другими качествами, объявлять себя бригадой коммунистического труда так же, как это сделала бригада А. Митяева, или это звание должно присваиваться после определенного периода борьбы, когда она докажет делами свое право на получение звания бригады коммунистического труда?

Ответ на этот вопрос дала сама жизнь. Рабочие, инженерно-технические работники, партийные, профсоюзные, комсомольские и хозяйственные организации Мордовской АССР, как и других областей и республик страны, пришли к выводу о том, что любому коллективу, большому или маленькому, прежде чем получить почетное звание коллектива коммунистического труда, за него надо бороться, его надо завоевать, делами доказать право на ношение такого почетного звания. *«...столь почетное название,* — говорил В. И. Ленин,— надо *завоевать* долгим и упорным трудом, завоевать доказанным *практическим* успехом в строительстве действительно коммунистическом»[2].

Одной из первых в борьбу за коммунистический труд вступила бригада настройщиков электродного отделения Саранского электролампового завода во главе с бригадиром Виктором Казаковым.

В бригаде В. Казакова было 16 человек, в том числе три коммуниста и шесть комсомольцев. Узнав об инициативе рабочих депо Москва—Сортировочная, члены бригады посоветовались между собой, взвесили свои силы и возможности и, приняв обязательства, включились в движение за коммунистический труд. С этого момента бригада стала работать еще лучше: каждый настройщик электросварочных автоматов перешел на обслуживание двух автоматов вместо одного и стал снимать за смену 45—46 тыс. пар электродов при норме 22,5 тыс. пар[3].

В связи с вступлением в соревнование за коммунистический труд, бригада обязалась в течение семилетки за счет экономии сырья и материалов, а также экономии от внедрения предложений рационализаторов сберечь заводу не менее 600 тыс. руб-

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 112, л. 103. Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1958 год, д. «Переписка с профсоюзными организациями».
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., том. 39, стр. 26.
[3] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, л. 142.

лей[1]. На одном из общезаводских собраний В. Казаков говорил, что наше производство, как и любое другое, будет непрерывно совершенствоваться. За этим надо поспевать. Присоединяясь к движению за коммунистический труд, мы поставили перед собой условия: всем учиться, совершенствовать свое профессиональное мастерство, повышать свой общеобразовательный и политический кругозор, быть во всем примером, воспитывать в себе и товарищах лучшие качества человека, крепить дружбу в бригаде, всегда и во всем помогать друг другу, никогда и нигде не проходить мимо того, что оскорбляет и унижает достоинство советского человека[2].

25 ноября 1958 года в соревнование за коммунистический труд вступила комсомольско-молодежная бригада формовщиков Саранского экскаваторного завода во главе с Виктором Виляевым. Посоветовавшись, члены бригады обязались ежедневно выполнять нормы выработки на 150—170% и выполнить 7-летний план бригады за 5 лет; всем, кто не имеет, получить среднее образование; кто получил среднее образование,— продолжать учебу в средних специальных и высших учебных заведениях; воспитывать в себе добросовестное отношение к труду, примерное поведение в обществе и быту, активно участвовать в работе на общественных началах[3].

На Саранской ТЭЦ им. Тельмана при обсуждении проекта контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы в соревнование за коммунистический труд вступила комсомольско-молодежная бригада электромонтеров во главе с мастером электроцеха Григорием Мисягиным.

Вступая в соревнование, коллектив бригады решил ежедневно сменные задания выполнять на 150% при отличном качестве работ, овладеть смежными профессиями слесарей и электриков, кто не имеет среднего образования, закончить среднюю школу или техникум; членам бригады И. Мартышину и К. Бикерову, заканчивавшим в 1958—1959 учебном году среднюю школу, подготовиться для продолжения учебы в вузе или техникуме, чтобы получить специальное образование[4]. Члены бригады Григория Мисягина обязались еще больше укреплять трудовую и производственную дисциплину, воспитывать в себе и товарищах любовь к труду, не проходить мимо фактов нарушений общественного порядка[5].

Движение за коммунистический труд находило поддержку рабочих и других предприятий республики.

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 177, л. 145.
[2] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, л. 145. Текущий архив завкома электролампового завода. 1958 год.
[3] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 1, д. 196, л. 29.
[4] «Советская Мордовия», 20 декабря 1958 года, № 249.
[5] Текущий архив завкома ТЭЦ им. Тельмана, 1959 год.

Восемь комсомольско-молодежных бригад Ардатовского светотехнического завода в ноябре 1958 года разработали и приняли социалистические обязательства под девизом: «Учиться жить и работать по-коммунистически!» Особенно успешно принятые обязательства выполняли комсомольско-молодежные бригады Марии Тузанкиной и Раисы Галяткиной[1].

Осенью 1958 года, в дни подготовки к XXI съезду КПСС, в соревнование за коммунистический труд вступили смена мастера цеха обжига Алексеевского цементного завода во главе с членом партии В. В. Беляниным[2], бригада второй линии сборки Саранского электролампового завода, возглавлявшаяся коммунистом В. А. Яковлевым[3], коллектив электриков Саранского пенькового комбината во главе с М. С. Савельевым[4], бригада сборщиц завода «Электровыпрямитель» Антонины Арюковой[5], бригада порционисток консервного комбината Раисы Махановой[6] и многие другие.

Таким образом, движение за коммунистический труд с самого начала нашло активных последователей среди рабочих всех отраслей промышленности Мордовской АССР.

Необходимо подчеркнуть, что движение за коммунистический труд, возникшее на новом этапе коммунистического строительства в нашей стране, нашло не только многочисленных сторонников и последователей в народном хозяйстве республики, но и активную поддержку и всемерную помощь партийных, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций.

Живо отозвались на возникновение новой формы социалистического соревнования партийные организации и коммунисты республики. 27-го декабря 1958 года Саранский горком КПСС совместно с областным Советом профсоюзов, партийными и профсоюзными организациями предприятий провел первый городской слет участников движения за коммунистический труд.

Патриотический почин инициаторов движения за коммунистический труд активно поддержали профсоюзы Мордовии. В частности, важное значение для его развития имело постановление президиума Мордовского областного Совета профсоюзов от 4 декабря 1958 года.

Президиум Мордовского областного Совета профессиональных союзов, одобряя инициативу зачинателей движения за коммунистический труд, предложил областным, фабрично-заводским и местным комитетам профсоюзов оказывать всемерную поддержку патриотическим начинаниям передовых рабочих и коллективов, выступивших инициаторами создания бригад коммунистического труда в промышленности, строительстве, на транспорте и других отраслях народного хозяйства, и потребовал, чтобы профсоюзные организации совместно с хозяйственными руководителями создавали рабочим и коллективам необходимые условия для осуществления их творческих планов. Следуя этой установке, профсоюзные организации промышленных предприятий Мордовии с самого начала оказали активную поддержку первым зачинателям движения за коммунистический труд, принимали меры к расширению его рядов, помогали разрабатывать обязательства, вместе с хозяйственниками создавали условия, обеспечивающие дальнейшее успешное развитие соревнования за коммунистический труд.

[1] «Советская Мордовия», 9 января 1959 года, № 6.
[2] «Советская Мордовия», 10 декабря 1958 года, № 242.
[3] «Советская Мордовия», 3 января 1959 года, № 2.
[4] «Советская Мордовия», 9 декабря 1958 года, № 241.
[5] Там же.
[6] Там же.

Большое значение движению за коммунистический труд придавала профсоюзная организация завода «Электровыпрямитель». Завком и цеховые комитеты профсоюза предприятия во главе с парткомом помогали его участникам не только разрабатывать обязательства, но и постоянно следили за ходом их выполнения, вместе с администрацией добивались устранения причин, мешавших осуществлению творческих планов и замыслов соревнующихся. Результаты борьбы за коммунистический труд предавались гласности через Доски показателей, стенную печать, заводское радиовещание.

В конце первой половины 1959 года завком совместно с парткомом и администрацией предприятия провел слет участников соревнования за коммунистический труд[1]. Слет дал возможность его участникам обменяться первым опытом, сравнить свои результаты с достижениями товарищей, выслушать их мнение и определить пути дальнейшего развития движения.

Все это дало положительные результаты. Если в конце мая 1959 года в соревновании за коммунистический труд в целом по заводу участвовали 13 бригад, объединявших 144 рабочих[2], то на начало 1960 года — уже 32 бригады, объединявших 416 человек[3].

Много усилий в развертывании движения за коммунистический труд вложила профсоюзная организация Ардатовского светотехнического завода. На этом предприятии успешно боролась за звание бригады коммунистического труда комсомольско-молодежная бригада сборочного цеха Раи Галяткиной, вступившей в борьбу за коммунистический труд с первых дней его зарождения. В бригаде было пять подруг, все они закончили в 1956—1957 учебном году среднюю школу. Сначала им было очень трудно освоить производство. Но потом пришли опыт и знание. Вступив в соревнование и убедившись, что при улучшении организации труда и производства, укреплении дисциплины,

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 134, л. 17.
[2] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 62, л. 272.
[3] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 136, л. 167.

рациональном использовании рабочего времени, повышении профессионального мастерства каждой из них бригада может досрочно выполнить семилетку, члены бригады обязались завершить свой семилетний план за 4 года 7 месяцев, а план 1959 года — за 8 месяцев.

Приняв обязательства, девушки повели настойчивую борьбу за их выполнение: каждый член бригады стал выполнять нормы выработки на 200—240%[1].

Ширилось движение за коммунистический труд на предприятиях легкой и текстильной промышленности республики. По данным на конец мая 1959 года в этой отрасли за коммунистический труд соревновались 45 коллективов, в том числе 37 бригад, 7 смен и один цех Ширингушской суконной фабрики. Общее число работавших в этих соревнующихся коллективах составляло 972 человека[2].

Соревнование за коммунистический труд активно развертывала профсоюзная организация Саранской швейной фабрики. Фабком предприятия оказывал помощь не только в разработке обоснованных обязательств, но и в организации их выполнения, ежемесячно подводил итоги соцсоревнования за коммунистический труд и обеспечивал гласность их результатов, вместе с партбюро, комитетом комсомола и администрацией создавал условия для закрепления достигнутых успехов. Все это способствовало усилению роста движения за коммунистический труд. Уже к началу ноября 1959 года в целом на фабрике в нем участвовали 12 бригад и одна смена.Более чем каждый третий, работавший на фабрике, соревновался за коммунистический труд[3].

Усилили работу по развитию движения за коммунистический труд профсоюзные организации кабельного, экскаваторного, Алексеевского цементного заводов, ТЭЦ им. Тельмана и ТЭЦ № 2[4], пенькового комбината[5], Ширингушской суконной фабрики[6] и другие.

Важное значение для развития движения за коммунистический труд в промышленности республики имело проведенное Мордовским областным Советом профсоюзов 18 июня 1959 года республиканское совещание передовиков соревнования за коммунистический труд. В совещании участвовало около 500 посланцев предприятий промышленности, транспорта, строительных организаций, сельского хозяйства[7].

[1] «Советская Мордовия», 29 марта 1959 года, № 63. Текущий архив завкома профсоюза Ардатовского светотехнического завода.
[2] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, л. 56.
[3] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, л. 48.
[4] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, л. 56.
[5] Текущий архив фабкома пенькового комбината за 1959 год.
[6] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, л. 18.
[7] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 134, л. 7. Протокол Президиума Мордовского облсовпрофа. 18 июня 1959 года.

Обстоятельный обмен мнениями дал возможность участникам движения различных отраслей народного хозяйства республики и представителям партийных, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных организаций сверить свой опыт работы по развертыванию движения за коммунистический труд с опытом товарищей и перенять лучший, высказать предложения, подвести итоги и определить пути дальнейшего развития соревнования.

Совещание оказало положительное влияние на развитие движения за коммунистический труд. В его ряды влились тысячи новых рабочих, инженерно-технических работников, сотни коллективов бригад, смен и участков. Уже в сентябре 1959 года в соревновании за коммунистический труд активно боролись 195 бригад, 18 смен, три цеха, объединявших в общей сложности свыше трех тысяч рабочих и инженерно-технических работников[1].

Много внимания движению за коммунистический труд оказала республиканская печать — газеты «Советская Мордовия», «Эрзянь правда», «Мокшень правда» и «Молодой ленинец». На своих страницах они систематически публиковали материалы, посвященные соревнованию за коммунистический труд, рассказывали об опыте первых бригад коммунистического труда, сосредотачивали внимание партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и хозяйственных руководителей на необходимости более быстрого развития этого движения и более конкретного руководства им.

Газета «Советская Мордовия» 20 декабря 1958 года выступила с передовой статьей «Народной инициативе — всемерную поддержку». Подводя первые итоги, газета предостерегала от возможных ошибок и указывала на необходимость улучшения руководства движением за коммунистический труд со стороны партийных, профсоюзных и комсомольских организаций[2].

Активная поддержка, оказанная партийными, профсоюзными, комсомольскими, хозяйственными организациями и республиканской печатью, заметно ускорила темпы развития движения за коммунистический труд во всех отраслях народного хозяйства.

Для движения за коммунистический труд в промышленности Мордовии, как и всей страны, с самого начала было характерно не только то, что оно унаследовало все лучшее, что было накоплено всей предшествующей историей социалистического соревнования, но и то, что оно обогатило его.

Новое состояло в том, что его участники, вступая в соревнование за коммунистический труд, принимали не только обязательства по достижению высоких производственных показателей,

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 113, л. 96.
[2] «Советская Мордовия», 20 декабря 1958 года, № 249.

росту производительности труда, улучшению качества и снижению себестоимости выпускаемой продукции, совершенствованию своего профессионального мастерства, расширению общекультурного и политического кругозора, но и обязательства по воспитанию в себе и в окружающих высоких моральных и нравственных качеств нового человека. В этом заключалось и отличие, и особенность движения за коммунистический труд от предшествующего этапа социалистического соревнования.

«Главной особенностью соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда,— отмечалось в приветствии ЦК КПСС участникам Всесоюзного совещания передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда в мае 1960 года,— является то, что в нем органически сочетается борьба за достижение на основе новейшей науки и техники наивысшей производительности труда и воспитание нового человека — хозяина своей страны, который постоянно смотрит вперед, дерзает, думает, творит. Связывая воедино труд, учение и быт, это соревнование оказывает активное влияние на все стороны жизни и деятельности человека, является важным фактором стирания существенных различий между умственным и физическим трудом...»[1]

Движение за коммунистический труд в промышленности республики в первом году семилетки развивалось под лозунгом борьбы его участников за досрочное выполнение плановых заданий и достижение высоких производственных показателей, за повышение производственной квалификации, технического и общеобразовательного уровня и воспитания коммунистических черт характера советского человека.

1959 год богат проявлениями творческой активности участников движения. Многие бригады, включившись в борьбу и опираясь на поддержку партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, добились значительных производственных результатов, выступили с рядом ценных предложений и начинаний.

Являясь одним из зачинателей движения за коммунистический труд в промышленности Мордовии, бригада электродного отделения электролампового завода во главе с тов. Казаковым отличалась высокими производственными показателями, активностью и организованностью. В ее коллективе росло и крепло чувство товарищеской взаимопомощи. Но многое на предприятии не удовлетворяло бригаду. Например, слишком велика была потеря рабочего времени за счет целодневных и внутрисменных простоев, прогулов и опозданий, недостаточно четкой организации рабочих мест. Члены бригады при содействии парткома и завкома предприятия подсчитали, что потеря одной рабочей минуты электроламповому заводу обходится потерей 200 нормально-осветительных и четырех люминесцентных ламп[2].

[1] «КПСС о профсоюзах», Профиздат, 1963, стр. 290.
[2] «Советская Мордовия», 7 июля 1959 года, № 132.

По итогам проверки было проведено бригадное собрание, на котором члены бригады подвергли подробному разбору состояние организации труда и производства в своей бригаде, взвесили свои внутрибригадные возможности и пришли к выводу, что можно начать повседневную борьбу с потерями рабочего времени путем организации социалистического соревнования за рациональное, наиболее производительное использование рабочего времени. И бригада выступила с этой инициативой на заводе.

Партком, заводской комитет и администрация завода горячо поддержали патриотический почин бригады В. Казакова и предложили начальникам цехов и цеховым партийным, комсомольским и профсоюзным организациям провести в коллективах соответствующую работу по поддержанию инициативы бригады В. Казакова.

Вскоре инициатива бригады В. Казакова нашла широкую поддержку среди сотен рабочих и инженерно-технических работников электролампового завода[1].

Соревнуясь за наиболее производительное использование каждой рабочей минуты, бригада В. Казакова годовой план 1959 года выполнила в течение первой половины 1959 года и начала работать в счет второго года семилетки[2].

Замечательную инициативу проявила бригада экскаваторного завода Виктора Виляева. Продолжая борьбу за звание бригады коммунистического труда, она в сентябре 1959 года по примеру ленинградских рабочих, начала борьбу за достижение уровня производительности труда, запланированного на 1965 год, за пять лет. Кроме того, по новым обязательствам, принятым коллективом, каждый член бригады должен был повысить свою квалификацию с 4 до 6 разряда, а формовщик Скрябин — закончить в 1961 году вечерний техникум, рабочие Малов и Осташкина — в 1962 году — среднюю школу[3].

Дела бригады не расходились со взятыми обязательствами— сменные задания ежедневно выполняла на 200—240%. Член бригады Скрябин учился на третьем курсе электромеханического техникума, успешно занимались в вечерней средней школе Малов и Осташкина. Сам бригадир В. Виляев учился в вечерней школе, был секретарем комсомольской организации литейного цеха и членом комитета профсоюза завода. Члены бригады активно участвовали в общественной работе цеха и завода.

Одной из лучших бригад в 1959 году на Саранском заводе «Электровыпрямитель» являлась комсомольско-молодежная бригада коммунистического труда Людмилы Александровой. Работая на сборке полупроводниковых изделий, она из месяца в месяц добивалась высоких производственных показателей.

[1] «Советская Мордовия», 7 июля 1959 года, № 132. Текущий архив завкома электролампового завода, 1959 год.
[2] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 113, л. 95—98.
[3] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 113, л. 95—98.

Все ее члены совершенствовали свое профессиональное мастерство, повышали общеобразовательный и политический уровень и принимали активное участие в общественной работе. Сама Л. Александрова, руководя бригадой, одновременно училась на третьем курсе Мордовского госуниверситета и выполняла ответственную общественную работу, была членом Мордовского областного Совета профсоюзов[1].

Важным событием первых месяцев после XXI съезда партии в промышленности Мордовской республики явилось начало соревнования рабочих за звание ударника коммунистического труда. Это движение открывало новые возможности для увеличения участников соревнования за коммунистический труд.

В связи с возникновением движения за коммунистический труд перед рабочими и общественными организациями Мордовской АССР, как и всей страны, встал вопрос: каким требованиям должен отвечать ударник коммунистического труда, кто может быть удостоен этого почетного звания? На этот вопрос исчерпывающий ответ был дан в обращении июньского (1959 года) Пленума ЦК КПСС ко всем трудящимся Советского Союза. «Ударник коммунистического труда тот,— говорилось в нем,— кто, став мастером своего дела, не успокаивается на достигнутом, а пытливо смотрит вперед, дерзает, ищет! Он дружит с передовой наукой и техникой, не терпит равнения на «старинку», всегда готов идти по неизведанным дорогам новаторов, чтобы сделать для народа больше нужных вещей, выше качеством, дешевле ценой»[2].

Одним из первых в соревнование за звание ударника коммунистического труда включился слесарь ремонтного цеха Саранского электролампового завода Е. И. Кулагин. Обязавшись ударно работать, совершенствовать свою квалификацию, закончить вечернюю среднюю школу и воспитывать в себе коммунистическую сознательность, Е. И. Кулагин ежедневно выполнял норму выработки на 240—275%, вместо 200% по обязательствам при хорошем качестве работ, окончил в 1958—1959 учебном году 8 классов и перешел в 9 класс вечерней школы. Активно участвовал в общественной работе[3].

В числе первых в соревнование за звание ударника коммунистического труда вступил также опрессовщик Саранского кабельного завода Латышев. По примеру бригад, вставших на путь борьбы за коммунистический труд, он обязался ежедневно перевыполнять нормы выработки при хорошем качестве работ, постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, повышать общеобразовательный и политический уровень, принимать активное участие в общественной работе.

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, л. 140. Текущий архив завкома профсоюза завода «Электровыпрямитель», 1959 год.
[2] О коммунистическом отношении труду, Москва, 1963, изд. II, стр. 147.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-183, оп. 3, д. 134, лл. 15—16.

Приняв обязательства, Латышев стал настойчиво выполнять их. К сентябрю месяцу выполнил свой годовой план 1959 года. С сентября начал работать в счет 1960 года[1]. Вскоре он был назначен руководителем бригады опрессовщиков, успешно боровшейся за звание бригады коммунистического труда[2].

Успешно соревновался за звание ударника коммунистического труда слесарь завода «Электровыпрямитель» А. И. Шкердин. Обязавшись добросовестно работать, активно участвовать в работе на общественных началах, А. И. Шкердин с увлечением занимался над вопросами рационализации производства. Вместе со старшим инженером лаборатории полупроводников И. В. Греховым он переделал устаревший шлифовальный станок для резки германия, разработал новую систему крепления режущих полотен и новую конструкцию поворотного столика для подачи кристалла. Эта модернизация и последовавшая за ней реконструкция всех остальных станков для резки полупроводниковых материалов увеличили производительность труда на этой операции в 4—5 раз[3]. На счету А. И. Шкердина много и других весьма ценных разработок, внедренных в производство.

В соревнование за звание ударника коммунистического труда вступила и штамповщица Ардатовского светотехнического завода В. И. Белякова. Борясь за почетное звание, она ежедневно выполняла сменное задание на 150% и более, овладела двумя смежными профессиями — сварщицы и прессовщицы, училась в кружках технического минимума и политического просвещения, активно участвовала и в общественной работе[4].

Активно боролась за звание ударника коммунистического труда ткачиха Ширингушской суконной фабрики А. А. Королева. Придя на фабрику еще в 1930 году, она за эти годы обучила ткацкому делу 18 молодых девушек, которые потом, с годами, сами стали первоклассными мастерами. Вступая в соревнование за коммунистический труд, А. А. Королева дала слово работать еще лучше, совершенствовать свое ткацкое мастерство, обучать ткацкому делу молодежь, передавать ей свой опыт, активно участвовать в общественной работе.

Движение за коммунистический труд в промышленности Мордовской республики набирало силу. В него вливались десятки новых бригад, участков, смен. Оно захватывало в свою орбиту все новые и новые отряды рабочих и инженерно-технических работников. По состоянию на 1 января 1960 года в его рядах активно соревновалось за коммунистический труд 281

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-183, оп. 3, д. 113, лл. 95—98. Текущий архив завкома профсоюза кабельного завода, 1959 год.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-183, оп. 3, д. 173, л. 309. Текущий архив завкома профсоюза кабельного завода, 1960 год.
[3] «Советская Мордовия», 10 июля 1959 года, № 134. Текущий архив завкома завода «Электровыпрямитель», 1959 год.
[4] ЦГА МАССР, ф. Р-183, оп. 3, д. 177, л. 142. Текущий архив завкома профсоюза Ардатовского светотехнического завода, 1959 год.

бригада, где насчитывалось около 4 тысяч человек и почти 1550 рабочих боролись за звание ударника коммунистического труда[1].

В ходе борьбы за коммунистический труд многие участники соревнования добивались высоких показателей в выполнении принятых обязательств и завоевали почетное звание. Так, за достигнутые высокие производственные показатели, укрепление дисциплины и воспитание коммунистических черт характера, на начало января 1960 года звание коллектива коммунистического труда было присвоено 25 бригадам, насчитывавшим 227 человек, и звание ударника коммунистического труда 67 передовикам промышленности[2].

Говоря о некоторых положительных моментах в развитии движения за коммунистический труд в 1959 году, необходимо отметить, что его результаты могли бы быть иными, если бы в руководстве движением за коммунистический труд не были допущены значительные недостатки и упущения.

Прежде всего, профсоюзные организации и хозяйственные руководители отдельных предприятий отнеслись к нему как к обычному традиционному соревнованию, не увидели того нового, что ярко проявилось в творческой деятельности масс в связи с переходом СССР к новому периоду коммунистического строительства, своевременно не поддержали энтузиастов нового движения. Это привело к тому, что многие из них, не получив своевременно поддержки и помощи, прекратили соревнование. Например, одной из первых на Саранском консервном комбинате в соревнование за коммунистический труд вступила бригада порционисток во главе с Прониной. Сначала все шло хорошо. Бригада выполняла и перевыполняла сменные задания, девушки стали активнее участвовать в общественной жизни, готовились к поступлению на учебу в различные учебные заведения. Бригаду хвалили, ставили в пример другим... Но скоро о ней забыли, перестали интересоваться ее делами, жизнью бригады и ее членов. Вследствие чего дела в бригаде пошли хуже, никто из членов бригады, кроме Прониной, не пошел учиться. В итоге бригада утратила свою инициативу и по существу прекратила соревнование[3].

Аналогичная судьба постигла коллективы отдельных бригад, вступивших на путь борьбы за коммунистический труд, на Саранском кирпичном заводе[4] и других предприятиях.

Движение за коммунистический труд в промышленности Мордовии развивалось неравномерно. Значительнее и более организованно оно развивалось в предприятиях электротехнической и светотехнической, легкой и текстильной промышленности. Слабее и менее организованно — в предприятиях пищевой и

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 136, л. 109.
[2] Там же.
[3] «Советская Мордовия», 17 января 1960 года, № 14.
[4] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 134, л. 18.

местной промышленности. Достаточно отметить, что, например, в предприятиях местной промышленности Мордовии по состоянию на 1 января 1960 года в соревновании участвовало немногим более 300 человек. Звание коллективов коммунистического труда завоевали всего лишь 4 бригады, объединявших 68 рабочих, и звание ударника коммунистического труда — 12 рабочих[1].

В отдельных предприятиях допускались недостатки в разработке обязательств участников соревнования за коммунистический труд. Они походили друг на друга, во многом повторялись, некоторые из них были не конкретны, ничему не обязывали членов бригад. Таковы были обязательства бригад Ширингушской суконной фабрики, вступивших в борьбу за коммунистический труд, во главе которых в 1959 году стояли помощники мастеров А. А. Лемесев, Г. К. Поляков, Г. Ф. Карасев и К. Меляйкин[2].

На некоторых предприятиях промышленности из-за отсутствия соответствующих условий участники соревнования за коммунистический труд не выполняли плановых заданий или выполняли их за счет сверхурочных часов, выпускали продукцию низкого качества. Так, смена прядильного цеха Ширингушской суконной фабрики, возглавлявшаяся мастером Ю. И. Чуркиным, январскую программу 1959 года выполнила всего на 94,7 проц.[3], бригада цеха мокрой отделки той же фабрики Г. А. Карасева февральское задание выполнила за счет сверхурочных часов[4], бригада завода «Электровыпрямитель», возглавлявшаяся Шишкиной, выпускала годной продукции на 13—20% ниже плана, бригада Казенновой того же завода выход годных диодов обеспечивала всего лишь на уровне 41,5% вместо 65%, утвержденных планом[5].

Не выполнялись обязательства по учебе и воспитанию коммунистической сознательности. Так, бригада Романовой — завод «Электровыпрямитель» — состояла из 13 человек, из которых учился всего лишь один[6]. Члены бригады слабо боролись за культуру производства, в захламленном состоянии содержали рабочие места, отдельные из них непроизводительно использовали рабочее время, не дорожили честью бригады, проходили мимо фактов недисциплинированности и нарушений правил социалистического общежития[7].

Все это объяснялось тем, что фабрично-заводские комитеты и хозяйственные руководители отдельных предприятий, некоторые областные комитеты профсоюзов слабо руководили соревнованием за коммунистический труд, не создавали необходимых

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 136, л. 132.
[2] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 117, лл. 70—73.
[3] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 105, лл. 116—117.
[4] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 105, лл. 116—117.
[5] Там же, лл. 260—261.
[6] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 105, лл. 260—261.
[7] Там же и текущий архив завкома профсоюза завода «Электровыпрямитель», 1959 год.

материальных условий его участникам для выполнения принятых обязательств, не обобщали и не распространяли положительный опыт организации движения, редко или совершенно не подводились итоги работы бригад и их отдельных членов.

Задача профсоюзов Мордовии состояла в том, чтобы устранить все недостатки, допущенные в руководстве соревнованием за коммунистический труд, и добиться новых успехов в его развертывании во втором году семилетки.

1960 год принес новые успехи в развитии промышленности: значительно возрос объем производства валовой продукции всей промышленности, высокими темпами развивались ее ведущие отрасли — электротехническая и металлообрабатывающая промышленность, промышленность строительных материалов и машиностроения.

Большая работа проделана по разработке и внедрению в производство новой техники, механизации тяжелых и трудоемких работ и прогрессивной технологии, что способствовало росту производительности труда, увеличению выпуска продукции, улучшению качества и снижению ее себестоимости.

Значительный вклад в развитие промышленности Мордовии во втором году семилетки внесли профсоюзы Мордовии. Они провели большую работу по мобилизации рабочих и служащих на борьбу за выполнение и перевыполнение производственных заданий, по улучшению руководства социалистическим соревнованием.

Предметом особой заботы партийных и профсоюзных организаций было дальнейшее развитие соревнования за коммунистический труд в промышленности. Они сосредоточивали внимание соревнующихся на необходимости досрочного выполнения заданий второго года семилетки, повышении производительности труда на базе внедрения в производство новой техники, прогрессивной технологии и передовой практики, улучшении качества выпускаемой продукции при снижении ее себестоимости.

В январе 1960 года группа ведущих предприятий Мордовии положила начало в промышленности республики соревнованию за досрочное выполнение Государственного плана второго года семилетки[1]. Почин нашел широкий отклик среди тружеников всей промышленности Мордовии.

Запевалами почина выступили участники соревнования за коммунистический труд.

На Саранском заводе «Электровыпрямитель» — одним из инициаторов почина — среди других производственными достижениями выделялись бригады Е. Червицкой, А. Александровой, Г. Воцке, Ю. Локтаева, Н. Ефремовой, В. Пятайкина и Н. Забродиной, новаторы Б. Щетинин, А. Шкердин, И. Завьялов и другие.

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 178, лл. 3—5. «Советская Мордовия», 13 января 1960 года, № 10.

Задавая тон в соревновании, они первыми начали борьбу за досрочное выполнение заданий второго года семилетки и первыми предложили выступить всем заводом с инициативой об организации в республике социалистического соревнования за досрочное выполнение Государственного плана 1960 года, за достижение во втором году семилетки высоких производственных показателей.

Предложение участников движения за коммунистический труд нашло живую поддержку в партийном и заводском комитетах и у администрации завода. Были выработаны общезаводские обязательства. После принятия обязательств на цеховых собраниях рабочих и инженерно-технических работников, они были утверждены на партийно-хозяйственном активе предприятия. Было решено также обратиться с призывом ко всем работникам промышленности Мордовской АССР об организации соревнования в промышленности республики за досрочное выполнение заданий 1960 года, за достижение высоких показателей во втором году семилетки[1].

Но это было только началом борьбы. Учитывая это, профсоюзная организация под руководством парткома завода развернула большую работу по улучшению практики организации и руководства соревнованием. Она помогала в разработке и принятии реальных обязательств, добивалась повышения производительности труда на базе внедрения в производство мероприятий по новой технике, прогрессивной технологии и передового опыта, боролась за создание условий, обеспечивающих соревнующимся выполнение принятых ими обязательств.

Руководя движением, профсоюзная организация обращала внимание не только на достижение высоких производственных показателей, хотя это и оставалось главной задачей, но и на то, чтобы его участники постоянно учились, совершенствовали свое производственное мастерство, расширяли общекультурный кругозор, воспитывали в себе и товарищах высокие моральные и нравственные качества. И она добилась в этом плане заметных сдвигов. К началу января 1961 года активно соревновались за звание коллективов коммунистического труда 39 бригад завода, и за звание ударника коммунистического труда 380 человек[2]. Общее число соревновавшихся за коммунистический труд достигло к концу 1960 года 39% всех участвовавших в социалистическом соревновании[3].

В ходе борьбы за выполнение принятых обязательств многие участники движения показали подлинные образцы коммунисти-

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 178, лл. 3—5. «Советская Мордовия», 13 января 1960 года, № 10. Текущий архив завкома профсоюза завода «Электровыпрямитель», 1960 год.

[2] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет завкома профсоюза завода «Электровыпрямитель», 1960 год.

[3] Там же.

ческого отношения к труду и высокой сознательности. Среди многих других особо следует указать на бригаду В. Пятаева. Выделяясь высокими производственными достижениями, первой на заводе в начале 1960 года послала своих лучших представителей на постоянную работу в отстающие бригады и на участки. Так, лучший плавильщик бригады В. Бородулин был направлен в отстающую бригаду В. Кирюхина, где вскоре стал комсоргом и вместе с другими вывел свой участок в передовые, а загрузчица В. Мельникова — на участок импульсно-германиевых выпрямителей, где она стала руководителем бригады, по истечении некоторого времени включилась в соревнование за коммунистический труд[1] и т. д.

Высокий уровень организации социалистического соревнования и его составной части — движения за коммунистический труд — позволил коллективу предприятия не только намного раньше срока выполнить план 1960 года, но и увеличить объем промышленного производства против предыдущего года на 84%[2].

Заметно выросло движение за коммунистический труд на кабельном заводе, коллектив которого был одним из инициаторов борьбы за досрочное выполнение плана второго года семилетки. К началу января 1961 года в его рядах участвовало 10 бригад, объединявших 567 рабочих[3], или более 44% от всех соревнующихся рабочих.

Участники борьбы за коммунистический труд и на этом предприятии явились застрельщиками досрочного выполнения планов по объемам производства, росту производительности труда, улучшению качества выпускаемых изделий.

Профсоюзной организацией много внимания уделялось техническому прогрессу и рационализации производства. Опираясь на помощь специалистов завода, рационализаторы бригады изолировщиц А. Аникиной усовершенствовали изолировочную машину, а это позволило увеличить выработку кабельной жилы с 1,4 до 2,0 тыс. метров в смену[4].

Вскоре это новшество распространилось по всему заводу.

Повышение уровня организации соревнования и улучшение руководства им со стороны профсоюзной организации дало возможность коллективу завода досрочно выполнить план 1960 года по валовой продукции, выработать до конца года сверхплановых изделий на 1,7 млн. руб.[5] и увеличить объем производства против предыдущего года на 52%[6].

[1] Текущий архив завкома профсоюза завода «Электровыпрямитель», 1960 год. Дипломная работа Г. П. Подсеваткина «За коммунистический труд», лл. 43—44.

[2] Статбюллетень Статуправления МАССР № 30/85, январь 1961 года, л. 7.

[3] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет завкома кабельного завода за 2 полугодие 1959 года.

[4] «Советская Мордовия», 14 апреля 1960 года, № 89.

[5] «Советская Мордовия», 4 января 1961 года, № 3.

[6] Статбюллетень Статуправления МАССР № 30/85, январь 1961 года, л. 7.

Первостепенное значение дальнейшему развертыванию движения за коммунистический труд придавала профсоюзная организация Ардатовского светотехнического завода. Она постоянно следила за работой участников соревнования, добивалась устранения причин, мешавших выполнению принятых обязательств, организовывала учебу. В целях обмена опытом в начале 1960 года провела заводской слет. Обмен мнениями, состоявшийся на слете, внес ясность во многие вопросы организации соревнования за коммунистический труд и ускорил его развертывание. Если на 1 января 1960 года в нем участвовало по заводу 7 бригад[1], то на 1 января 1961 года, в его рядах активно боролась уже 31 бригада с числом работавших 237 человек, и 62 рабочих боролись за звание ударника коммунистического труда. К началу 1961 года за достижение высоких показателей 4 бригады, объединявших 40 рабочих, были уже удостоены почетного звания коллективов коммунистического труда[2].

Все шире развертывалось движение за коммунистический труд на экскаваторном, мотовозоремонтном заводах, на многих предприятиях легкой и текстильной промышленности республики.

Важное значение для дальнейшего развертывания движения за коммунистический труд в Мордовской АССР имело республиканское совещание передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, проведенное областным Советом профсоюзов в июне 1960 года. В его работе участвовало около 500 человек[3]. Участники совещания, основываясь на документах Всесоюзного совещания передовиков соревнования за коммунистический труд (май 1960 года) и собственном опыте организации движения, обменялись мнениями, проанализировали состояние дел в соревновании, подвели итоги и определили пути его дальнейшего развития. В принятом обращении ко всем трудящимся Республики они призывали множить ряды участников движения за коммунистический труд[4].

В 1960 году движение за коммунистический труд в Мордовии получило дальнейшее развитие. Наряду с общим количественным ростом его рядов в него вступили крупные коллективы — сначала цехов, затем предприятий в целом.

Первым цеховым коллективом, вступившим в движение за коммунистический труд, был литейный цех Саранского экскаваторного завода.

В начале января 1960 года на общецеховом собрании, после обстоятельного обмена мнениями, рабочие и инженерно-технические работники решили всем цехом вступить в соревнование за

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 136, л. 157.

[2] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет завкома Ардатовского светозавода за 2 половину 1960 года.

[3] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 196, лл. 1—59.

[4] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 196, л. 59.

коммунистический труд. Цеховые обязательства по своему содержанию и направленности напоминали обязательства бригад, соревновавшихся за коммунистический труд. Коллектив цеха обязался выполнить семилетку за 6 лет, а задание 1960 года к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, увеличить выпуск продукции на существующих площадях при снижении ее себестоимости. Кроме того, согласно принятым обязательствам все рабочие должны были постоянно совершенствовать профессиональное мастерство и в течение 1960 года повысить свою квалификацию на один разряд. Рабочие, не имевшие среднего образования, обязывались учиться в средних вечерних школах и техникумах, а имевшие среднее образование — вузах; укреплять чувство коллективизма и товарищеской взаимопомощи на производстве[1].

Первые месяцы борьбы за выполнение принятых обязательств показали, что коллектив цеха твердо держит данное слово. Рабочие и ИТР стали организованнее, между бригадами установилось четкое трудовое взаимодействие, позволившее ликвидировать простои. В цехе усилилось внимание к рационализаторской работе. Только за январь — февраль рабочими внедрено 6 ценных рационализаторских предложений[2]. Вместе с этим повысилась борьба за культуру производства, улучшилась техническая и общеобразовательная учеба рабочих.

Коллектив цеха активно участвовал во всех общественных мероприятиях. Многие его члены имели различные поручения по линии партийной, профсоюзной, комсомольской организаций, редколлегий стенгазет, работали агитаторами, участвовали в различных коллективах художественной самодеятельности.

Для участия в укреплении общественного порядка в закрепленном микрорайоне все рабочие и инженерно-технические работники цеха вступили в добровольную народную дружину завода[3].

Следом за литейным цехом экскаваторного завода в соревнование за коммунистический труд стали вступать коллективы цехов других предприятий.

В марте 1960 года в соревнование вступили коллективы кузнечного, слесарно-механического, мотовозосборочного и литейного цехов Саранского мотовозоремонтного завода[4]. Вслед за цеховыми коллективами мотовозоремонтного завода, в движение за коммунистический труд включились коллективы химической лаборатории, полупроводникового, сборочного, инструментального и гальванического цехов завода «Электровыпрямитель»[1], цеха силовых кабелей кабельного завода[2] и т. д.

Вступление в соревнование цеховых коллективов явилось новым шагом в дальнейшем развитии движения за коммунистический труд в промышленности Мордовии.

Следующим важным шагом явилось вступление в соревнование за коммунистический труд коллективов предприятий в целом.

Первым крупным предприятием Мордовской АССР, вступившим в борьбу за право называться предприятием коммунистического труда, был Саранский мотовозоремонтный завод. Датой вступления явилось 15 апреля 1960 года[3]. В этот день коллектив предприятия принял новые обязательства, предусматривающие не только борьбу за рост производительности труда, но и борьбу за формирование нового человека.

Первые месяцы работы по новым обязательствам показали, что производственные дела на мотовозоремонтном заводе значительно улучшились. У коллектива завода повысилась ответственность за выполнение принятых обязательств, возросла активность и организованность, повысилось качество выпускаемой продукции.

Рабочие и инженерно-технические работники стали больше обращать внимания на рационализацию производства. Если за 2-й квартал 1959 года было внедрено 19 рационализаторских предложений, то за 2-й квартал 1960 года — уже 29. Экономическая эффективность в результате их внедрения возросла в пять раз[4].

Усилилась тяга рабочих к знаниям. В школах рабочей молодежи занимались 63 человека, заочно в вузах и техникумах — 4, в вечернем университете марксизма-ленинизма — 8[5].

Вслед за мотовозоремонтным заводом в соревнование за коммунистический труд в 1960 году целыми коллективами вступили завод «Электровыпрямитель»[6] и кабельный завод[7].

Движение за коммунистический труд в промышленности Мордовской АССР оказывало все более заметное влияние на различные стороны творческой деятельности трудящихся. Оно дало сильный толчок дальнейшему развитию рационализаторского движения. На Саранской ТЭЦ № 2 каждый третий работающий был рационализатор. Если в 1959 году здесь внедрено 168 предложений, то в 1960 году — уже 306. Приток рационализаторских предложений увеличился на заводе «Электровыпрямитель», Алексеевском цементном заводе и т. д.

[1] «Советская Мордовия», 3 марта 1960 года, № 53. Текущий архив завкома профсоюза экскаваторного завода, 1960 год.
[2] Там же.
[3] «Советская Мордовия», 20 марта 1960 года, № 68.
[4] «Советская Мордовия», 28 июля 1960 года, № 179.

[1] ЦГА МАССР, Ф. Р-183, оп. 3, д. 181, л. 102.
[2] Там же.
[3] «Советская Мордовия», 28 июля 1960 года, № 179.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] «Советская Мордовия», 1 декабря 1960 года, № 285.
[7] «Советская Мордовия», 27 ноября 1960 года, № 282.

За два первых года семилетки только в промышленности бывшего Мордовского совнархоза в рационализаторском движении приняло участие около четырех тысяч рабочих и инженерно-технических работников, подано почти 6,5 тыс. рационализаторских предложений, из которых внедрено в производство более 4 тысяч и получено условно-годовой экономии в расчете на год 3371,2 тыс. рублей[1].

Развитие рационализаторского движения положило начало новым самодеятельным формам технического творчества трудящихся. Под его влиянием на эскаваторном и Ардатовском светотехническом заводах возникли первые в промышленности республики общественные конструкторские бюро (ОКБ).

Таким образом, движение за коммунистический труд в промышленности Мордовии во втором году семилетки получило дальнейшее развитие. Оно все больше превращалось в силу, которая стала оказывать заметное влияние на улучшение работы промышленности республики, ее технический прогресс и на все стороны воспитания труженика советского общества.

Важным событием 1960 года явилось вступление в соревнование цеховых коллективов и коллективов предприятий, значительно расширивших армию участников соревнования за коммунистический труд. В течение года в ряды соревнующихся влились сотни новых бригад и тысячи новых передовиков и новаторов производства. На 1 января 1961 года в соревновании за коммунистический труд участвовали 588 бригад, объединявших 8758 рабочих и служащих[2], три крупных предприятия республики — завод «Электровыпрямитель», кабельный и мотовозоремонтный заводы — с общим числом работавших свыше 5 тысяч человек[3], и 2750 рабочих и инженерно-технических работников[4]. В ходе борьбы за выполнение принятых обязательств завоевали звание коллектива коммунистического труда 114 бригад, объединявших 1084 человека, звание ударника коммунистического труда — 270 рабочих и инженерно-технических работников[5].

Однако движение за коммунистический труд в целом по республике развивалось медленно. На 1 января 1961 года в его рядах боролись всего лишь 11% рабочих и служащих к общему числу соревновавшихся[6]. В 1961 году — третьем году семилетки — промышленность Мордовской АССР, несмотря на невыполнение годового плана по общему объему промышленного производства, сделала новый значительный шаг в своем развитии. Объем производства валовой продукции увеличился против предыдущего года по всей промышленности на 12%, в том числе по промышленности бывшего Совнархоза — на 14%, местных Советов — на 8%; сохранились более высокими, чем в среднем по Российской Федерации, темпы ее роста[1], выполнялась задача наиболее быстрого развития отраслей тяжелой индустрии.

Все эти успехи одержаны, во-первых, благодаря самоотверженному труду рабочих, инженерно-технических работников и коллективов промышленных предприятий и, во-вторых, благодаря той большой организаторской работе, которую провели профсоюзы и хозяйственные организации под руководством партийных организаций предприятий по улучшению организации и руководства социалистическим соревнованием и движением за коммунистический труд.

Улучшение руководства соревнованием расширило рамки движения за коммунистический труд, привлекло в его ряды новые сотни бригад, участков, смен, цехов и тысячи передовиков и новаторов промышленности. В течение 1961 года в соревнование за коммунистический труд вступили целыми коллективами Саранский экскаваторный, Ардатовский светотехнический и Кемлянский спиртовый заводы, завод «Дубитель», ТЭЦ-2, Алексеевская и Ромодановская ТЭЦ, а также Саранский горпищекомбинат[2]. Общее число предприятий, вступивших в борьбу за коммунистический труд, достигло 15[3].

Заметно выросло движение за коммунистический труд на отдельных предприятиях. Например, если в 1959 году на Алексеевском цементном заводе в соревновании за коммунистический труд участвовали 6 бригад[4], то к началу декабря 1961 года — уже 17[5], причем две из них завоевали звание бригад коммунистического труда[6]. Борьбой за высокие производственные показатели участники соревнования за коммунистический труд поднимали общий уровень всего производства, а это положительно сказалось на работе предприятия. Цементный завод стал одним из передовых в республике.

Соревнование за коммунистический труд широко развертывалось на экскаваторном заводе. Если в октябре 1960 года на этом предприятии соревновались только три бригады, то к на-

---

[1] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 172, л. 60.
[2] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет облсовпрофа за 2 полугодие 1960 года, ф. 11-а.
[3] Там же. Статотчеты за 2 полугодие 1960 года завкомов профсоюзов завода «Электровыпрямитель», кабельного и мотовозоремонтного заводов.
[4] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет облсовпрофа за 2 полугодие 1960 года. ф. 11-а.
[5] Там же.
[6] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Подсчитано автором со статотчетов облсовпрофа и ЗК профсоюзов за 2 полугодие 1960 года.

[1] «Советская Мордовия», 27 января 1962 года, № 23.
[2] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1961 год. Из списка предприятий, боровшихся за коммунистический труд, приложенного к статотчету за 2 полугодие 1961 года.
[3] «Советская Мордовия», 30 сентября 1961 года, № 232.
[4] «Советская Мордовия», 16 сентября 1961 года, № 220.
[5] «Советская Мордовия», 7 декабря 1961 года, № 287.
[6] «Советская Мордовия», 16 сентября 1971 года, № 220.

чалу 1962 года — уже 18 бригад, 4 участка, 4 смены и три цеха[1]. Некоторые из участников соревнования добились высоких производственных показателей и серьезных результатов в воспитании рабочих и служащих, за что были удостоены почетного звания — коммунистических. Так, за высокие результаты, достигнутые в области производства и коммунистического воспитания трудящихся, 6 бригад с числом работающих 72 человека были удостоены почетного звания бригад коммунистического труда и 26 человек — почетного звания ударника коммунистического труда[2]. Их пример высокопроизводительной работы оказывал огромное влияние на улучшение всех производственных показателей экскаваторного завода.

Ширилось соревнование за коммунистический труд и на заводе «Электровыпрямитель». На этом предприятии партийная, профсоюзная организации и администрация умело руководили движением, повседневно следили за ходом выполнения принятых обязательств, обобщали и распространяли передовой опыт организации соревнования, подводили итоги и обеспечивали гласность его результатов через заводское радиовещание, доски показателей, стенную газету, «боевые листки» и «молнии», вовлекали в соревнование не только передовиков и новаторов производства, но и целые бригады, цехи и участки. Одним из больших мероприятий, сыгравших важную роль в развертывании движения за коммунистический труд, явилось совещание передовиков соревнования, проведенное парткомом, завкомом профсоюза и администрацией предприятия в начале 1961 года[3].

На совещании участвовало около 200 человек. Участники совещания обменялись опытом работы и определили задачи на ближайшее время. В принятом обращении к рабочим, ИТР и служащим завода они обратились с призывом множить ряды участников движения за коммунистический труд, добиваться выполнения и перевыполнения производственных заданий, повышения производительности труда и улучшения других показателей в работе. Этому документу придали широкую гласность. Его обсуждали на партийных, комсомольских и профсоюзных собраниях, разъясняли через заводскую печать и радио. Это не могло не сказаться на усилении темпов развертывания движения за коммунистический труд. Если к началу июля 1959 года за звание ударника коммунистического труда боролись 13 бригад и 57 человек[4], то на 1 января 1962 года — уже 11 цехов[5] и 79

[1] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1961 год. Сводный статотчет облсовпрофа за 2 полугодие 1961 года. Ф. 11-а. Газета «Советская Мордовия», 12 октября 1961 года, № 242.

[2] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1961 год. Статотчет ЗК профсоюза экскаваторного завода за 2 полугодие 1961 года.

[3] Текущий архив ЗК профсоюза завода «Электровыпрямитель», 1961 год.

[4] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 105, лл. 260—261.

[5] «Советская Мордовия», 7 октября 1961 года, № 246.

бригад, объединявших 1223 рабочих. Кроме того, 216 рабочих соревновались за звание ударника коммунистического труда[1].

На предприятии заметно выросло и количество рабочих, бригад, завоевавших почетное звание коммунистических. Если в 1960 году число бригад, завоевавших это звание было 6, которые объединяли 87 человек, и не было ни одного ударника коммунистического труда[2], то к началу 1962 года количество бригад, удостоенных звания коммунистических, достигло 22 с общим числом работавших в них свыше 400 человек, а количество рабочих, завоевавших звание ударника коммунистического труда, составило 103 человека[3].

В числе бригад, удостоенных звания коммунистических, были бригады сборщиков магнитопроводов во главе с Т. Нижегородовой, намотки во главе с членом КПСС Н. Ляличкиным и комсомолкой Е. Семеновой. Серьезных успехов в 1961 году добилась бригада коммунистического труда прибористов-электриков во главе с Н. Буралкиным. Эта бригада выделялась высокими производственными показателями. Члены бригады активно занимались техническим творчеством. Постоянно вносили предложения по усовершенствованию производства. Сам Н. Буралкин разработал и изготовил установку для электролитического травления германиевых переходов, в результате чего поднялась производительность труда в 8 раз[4]. На этом заводе много и других примеров трудовой доблести участников борьбы за коммунистический труд.

Рост уровня организации соревнования и воспитательной работы в коллективе надежно обеспечивали предприятию высокие и устойчивые производственные показатели. Завод успешно справился со всеми основными заданиями плана 1961 года и принятыми на третий год семилетки социалистическими обязательствами.

Все шире развертывалось движение за коммунистический труд на Саранском электроламповом заводе. Если в 1960 году в его рядах соревновалось за коммунистический труд около 860 рабочих и служащих, то в 1961 году — уже 1800; завоевали в 1960 году звание коллектива коммунистического труда 6 бригад, объединявших 103 рабочих, и звание ударника коммунистического труда — 8 рабочих[5], в 1961 году соответственно — 9 бригад[6].

[1] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1961 год. Статотчет завкома профсоюза завода «Электровыпрямитель» за 2 полугодие 1961 года.

[2] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет завкома завода «Электровыпрямитель» за 2 полугодие 1960 года.

[3] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1961 год. Статотчет завкома профсоюза завода «Электровыпрямитель» за 2 полугодие 1961 года.

[4] «Советская Мордовия», 15 марта 1961 года, № 63.

[5] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет завкома электролампового завода за 2-е полугодие 1960 года.

[6] Там же. Статотчет завкома электролампового завода за 2-е полугодие 1961 года.

На счету участников движения этого предприятия также много славных дел. Они горячо поддержали почин московских машиностроителей и саранских швейников, начавших поход за выпуск продукции отличного качества[1]. Активно занимались техническим творчеством.

Творческая бригада в составе слесарей С. Бабурина, Н. Черемушкина и инженера-конструктора Коблова модернизировала заварочный автомат и конвейер фокусировки и припайки ламп, в результате чего выпуск киноламп в смену увеличился на одну тысячу штук[2].

Или другой пример. Руководитель бригады коммунистического труда В. Казаков и его напарник по бригаде Х. Курмаев разработали и изготовили электрический счетчик, позволивший производить подсчет количества витков спирали без остановки станка. Счетчик нашел применение и на других операциях, связанных с подсчетом деталей и изделий[3].

Продолжало развиваться соревнование за коммунистический труд в коллективах Ардатовского светотехнического, саранских кабельного, приборостроительного заводов, завода медицинских препаратов.

Движение за коммунистический труд расширялось и в предприятиях легкой и текстильной промышленности. Если в целом по отрасли в этом движении на 1 июня 1959 года участвовало 45 бригад и других коллективов с общим числом работавших в них 972 человека и 4 рабочих соревновалось за звание ударника коммунистического труда[4], то в 1961 году соответственно — 101 бригада с числом работающих 2044 и 740 рабочих соревновались за звание ударника коммунистического труда[5].

Значительно выросло число участников движения, завоевавших звание коммунистических. Если в июне 1959 года звание коммунистических по всей отрасли завоевали только три бригады[6], то в 1960 году — уже 7 бригад, объединявших 97 человек, и звание ударника коммунистического труда — 16 рабочих и ИТР[7]. Выросло число бригад и ударников, завоевавших звание коммунистических, и в 1961 году[8].

Рост соревнования за коммунистический труд привел к дальнейшему росту технического творчества рабочего класса. Об этом говорят и данные о движении рационализаторов респуб-

[1] ««Советская Мордовия», 8 августа 1961 года, № 186.
[2] «Советская Мордовия», 1 октября 1961 года, № 233.
[3] «Советская Мордовия», 14 ноября 1961 года, № 268.
[4] ЦГА МАССР, ф. Р-183, оп. 3, д. 117, л. 57.
[5] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1961 год. Статотчет групкома текстильной и легкой промышленности за 2-е полугодие 1961 года.
[6] ЦГА МАССР, ф. Р-183, оп. 3, д. 117, л. 57.
[7] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год. Статотчет групкома текстильной и легкой промышленности за 2-е полугодие 1960 года.
[8] Там же. Статотчет групкома текстильной и легкой промышленности за 2-е полугодие 1961 года.

лики. На начало 1962 года по всем отраслям народного хозяйства Мордовской АССР против 1960 года увеличилось число рационализаторов, подавших предложения, на 788 человек, количество поданных предложений — на 1664, из них внедренных в производство — на 952.

Развитие движения за коммунистический труд требовало изучения и распространения передового опыта. В этом плане проводилась работа во многих предприятиях, на которых создавались школы передового опыта, школы по изучению коммунистических форм и методов труда. Хорошо, например, работала школа передового опыта на Саранском пеньковом комбинате, в которой изучались передовой опыт, новинки техники и технологии. В этой школе овладели двумя-тремя новыми профессиями все члены бригад коммунистического труда М. Д. Чибриной, А. И. Кукаевой и других[1].

Ярким проявлением высокой сознательности и коммунистического отношения к труду явились первые шаги в работе новых объединений трудящихся — общественных конструкторских бюро (ОКБ). В их состав входили инженеры, техники, новаторы и передовики производства. Хотя к концу 1961 года в промышленности Мордовии их было немного, однако некоторые из них уже смогли показать свою положительную работу.

В состав общественного конструкторского бюро Саранского экскаваторного завода, созданного в 1960 году, входили 54 человека, в том числе 32 ударника коммунистического труда. Члены ОКБ провели значительную работу: оказали помощь рационализаторам в технических расчетах, в графических работах и испытании новшеств. Например, член бюро (ОКБ) Жилкин оказал помощь рационализатору Чугунову, предложившему изменить конструкцию рамы экскаватора. Это дало условно годовой экономии 1240 рублей. Член бюро (ОКБ) Хитров помог рационализаторам Сафронову и Лаврентьеву осуществить предложения по изменению конструкции гидропроводов[2], что также дало значительную экономию средств, члены бюро Тюрин, Китаев, Скрябин добились снижения брака по литью гидрокоробок на 50—60%[3] и т. д.

Соревнование за коммунистический труд пробудило невиданную до тех пор тягу рабочих, особенно молодежи, к образованию. Только в 1961—1962 учебном году в школах рабочей молодежи повышали общеобразовательный уровень около 5 тысяч рабочих и служащих предприятий и организаций республики[4].

На вечернем отделении Мордовского индустриального техникума в 1959—1960 учебном году учились 279 человек, в

[1] Сборник «За коммунистический труд». Саранск, 1961 год, стр. 18.
[2] Сборник «За труд коммунистический». Саранск, 1962 год, стр. 17.
[3] Там же.
[4] Там же.

следующем учебном году — уже 587[1]. Кроме того, без отрыва от производства занимались на вечернем отделении Мордовского госуниверситета 488, в других вузах и техникумах страны —400 рабочих и инженерно-технических работников предприятий и организаций республики[2].

Особенно много внимания уделял развитию вечернего и заочного образования коллектив завода «Электровыпрямитель». Из этого предприятия в 1961—1962 учебном году занимались в вузах страны 141, в техникумах —75, в школах рабочей молодежи —174 и в кружках технического минимума —880 человек[3].

В рядах участников соревнования за коммунистический труд велась настойчивая борьба за здоровый быт, за преодоление пережитков прошлого в сознании людей.

Одновременно с почином московских железнодорожников, положивших начало соревнованию за создание бригад коммунистического труда, по инициативе вышневолоцкой прядильщицы В. И. Гагановой, в стране возникло и стало все шире и шире развертываться новое движение — переход передовиков производства в отстающие бригады с тем, чтобы вывести их в число передовых.

Одной из первых последователей Валентины Гагановой в промышленности Мордовской АССР стала Валентина Егоровна Ликина — работница Кондровской бумажной фабрики «Красная Роза»[4].

В. Е. Ликина пришла на фабрику 15-летней ученицей в суровые годы Великой Отечественной войны. В течение многих месяцев она упорно овладевала мастерством по выделке бумаги и в совершестве овладела этой профессией, став сушильщицей высокого класса. Когда распространилась по всей стране весть о зачинателях движения за коммунистический труд и последователях В. Гагановой, В. Ликина, руководствуясь чувством высокого долга и ответственности за общее дело, твердо решила повторить пример В. Гагановой у себя на фабрике. В июле 1959 года она перешла в отстающую бригаду с тем, чтобы вывести ее в передовые. Наряду с этим В. Е. Ликина вела большую общественную работу как депутат Верховного Совета Мордовской АССР.

Последователи В. Гагановой появились и на других предприятиях Мордовской республики.

На Саранском электроламповом заводе на линии № 3 по выпуску электроламп, еще до почина В. Гагановой, подружились руководители двух бригад Анатолий Ивенин и его сменщик Владимир Новиков. Не зная оборудования, они должны были пустить линию. Вскоре они изучили оборудование, пустили линию и добились на ней хорошей работы, несколько перекрыв проектную мощность[1].

Вскоре перед заводом встала новая задача: пустить линию № 12 по производству газополных 82-ватных ламп. Задача была трудной. Нужны были опытные специалисты по пуску линий. Посоветовавшись между собой, А. Ивенин и В. Новиков по собственной инициативе перешли со своими бригадами с третьей на двенадцатую линию. Пустили, и также добились хорошей работы. Линия стала образцовой.

Но оставался еще один трудный участок — тринадцатая линия, выполнявшая план на 60—80% и, таким образом, сводившая на нет все хорошие показатели работы цеха.

В это время страна узнала о В. Гагановой. А. Ивенин и В. Новиков, посоветовавшись между собой и заручившись поддержкой коллективов своих бригад, по примеру В. Гагановой снова перешли на отстающий участок — линию № 13. Упорным и самоотверженным трудом они вывели в число передовых и тринадцатую линию[2].

В последующие годы семилетки в промышленности Мордовии появились десятки новых последователей почина В. Гагановой. В 1960 году примеру Гагановой последовали бригадиры бригад коммунистического труда: пенькового комбината член КПСС Е. Г. Давыдова[3], завода «Электровыпрямитель» член ВЛКСМ В. Пятаев[4], в 1961 году бригадир бригады коммунистического труда член партии И. П. Плеханов[5] и многие другие. В это движение стали включаться бригады, цехи, предприятия с тем, чтобы, оказав помощь отстающему коллективу, добиться общего подъема. К началу 1962 года по неполным данным в промышленности Мордовии последователей В. Гагановой насчитывалось 24 человека[6].

Движение гагановцев — это одна из форм борьбы за коммунистический труд, яркое проявление коммунистической сознательности, чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи.

Таким образом, движение за коммунистический труд в промышленности Мордовии за первые три года семилетки получило значительное развитие. Оно от нескольких десятков бригад конца 1958 года выросло до 1171 бригады энтузиастов борьбы за коммунистический труд.

В трехлетних итогах движения за коммунистический труд весьма характерным является то, что многие его участники в

[1] Сборник «За труд коммунистический». Саранск, 1962 год, стр. 17.
[2] Там же.
[3] Сборник «За труд коммунистический». Саранск, 1962 год, стр. 18.
[4] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 112, л. 102.

[1] «Советская Мордовия», 6 сентября 1959 года, № 176.
[2] «Советская Мордовия», 6 сентября 1959 года, № 176.
[3] «Советская Мордовия», 6 марта 1960 года, № 57.
[4] Текущий архив завкома завода «Электровыпрямитель», 1960 год.
[5] Сборник «За труд коммунистический», Саранск, 1962 год, стр. 14.
[6] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1961 год. Сводный статотчет облсовпрофа за 2-е полугодие 1961 года.

ходе борьбы за выполнение производственных заданий добились высоких производственных показателей. Так, на первое января 1962 года в целом по республике завоевали звание коллектива коммунистического труда 228 бригад, объединявших 2575 человек, и звание ударника коммунистического труда 1466 рабочих, что превышало 1960 год по количеству бригад в два раза и по количеству ударников — в 5 раз[1].

Наиболее быстро и организованно за все эти годы движение за коммунистический труд развертывалось в предприятиях энергетической, электро-и светотехнической, легкой и текстильной промышленности и некоторых других предприятиях.

Большую роль в развертывании движения за коммунистический труд в промышленности республики сыграли профсоюзы Мордовии. Используя высокий подъем трудовой и политической активности трудящихся масс, вызванный решениями XXI съезда партии, июньского (1959 года), июльского (1960 года), январского (1961 года) и последующих Пленумов ЦК КПСС, они под руководством заводских партийных организаций постоянно совершенствовали практику по руководству социалистическим соревнованием и его составной части — движением за коммунистический труд, направляли внимание рабочих и ИТР на выполнение и перевыполнение государственных планов, повышение производительности труда, улучшение качества и снижение себестоимости выпускаемой продукции.

Вместе с тем, в развитии соревнования за коммунистический труд имелись серьезные недостатки и упущения.

Прежде всего оно в целом по Мордовской республике развивалось медленно: на первое января 1962 года (без железнодорожного транспорта) за коммунистический труд боролись всего лишь немногим более 22,7% рабочих и служащих к общему числу участвовавших в соревновании[2].

Еще слабее оно развивалось в предприятиях пищевой, местной промышленности, промышленности строительных материалов. Так, на начало 1962 года за коммунистический труд боролось в местной промышленности 15,7%, промышленности стройматериалов — 13,7% рабочих и ИТР к общему числу соревновавшихся, а на таких предприятиях, как Атяшевский и Чамзинский заводы «Автозапчасть», Саранский комбинат теплоизоляционных материалов, Кочкуровский пенькозавод и Саранский мясокомбинат оно вообще не было организовано[3].

Соревнование за коммунистический труд в промышленности Мордовии не избежало некоторых элементов формализма и бюрократизма. На ряде предприятий и прежде всего на Саранском

[1] Текущий архив Мордовского облсовпрофа, 1960 год, 1961 год. Подсчитано автором с данных статотчетов облсовпрофа за второе полугодие 1960 и 1961 годов.
[2] Сборник «За труд коммунистический», Саранск, 1962 год, стр. 21.
[3] Там же.

заводе автосамосвалов, Дубенском пеньковом, Саранском молочном и других заводах, отдельные бригады и рабочие, не входившие в бригады, соревновались за коммунистический труд по два-три года, но выполнением их обязательств ни партийные организации, ни профсоюзные комитеты, ни администрация предприятий не интересовались и не занимались, в результате чего они по существу прекратили соревнование[1].

Слабо в соревновании за коммунистический труд участвовали инженерно-технические работники. Это подтверждается многочисленными примерами, в частности: в институте «Мордовпромпроект» из 270 человек за коммунистический труд боролись 51 человек, на заводе «Электровыпрямитель» из инженерно-технических работников только несколько человек.

Многие рабочие, инженерно-технические работники и коллективы бригад, вступивших в соревнование, не выполняли производственных заданий по выпуску валовой и товарной продукции, повышению производительности труда. Выпускали продукцию низкого качества и завышенной себестоимости, имели низкую трудовую и производственную дисциплину, не вырабатывали в себе высокие принципы коммунистической сознательности и нравственности.

Все эти недостатки в значительной мере объяснялись низким уровнем организации социалистического соревнования и движения за коммунистический труд, неумением и слабостью руководства соревнованием за коммунистический труд со стороны многих фабрично-заводских, областных комитетов и областного Совета профсоюзов.

16 сентября 1960 года Президиум Мордовского областного Совета профсоюзов в постановлении «О руководстве заводского комитета профсоюза кабельного завода движением за коммунистический труд»[2] отмечал, что профсоюзная организация этого передового предприятия проделала значительную работу по развертыванию среди рабочих и служащих соревнования за коммунистический труд. Однако,— указывалось во второй части решения,— она не сумела полностью использовать для развертывания движения за коммунистический труд тот большой политический и трудовой подъем, который был вызван среди рабочих и ИТР предприятия решениями XXI съезда партии, июньского (1959 года), июльского (1960 года) и последующих Пленумов ЦК КПСС. В результате соревнование за коммунистический труд развивалось слабее, чем оно могло бы развиваться при более активной работе завкома.

Серьезные недостатки в руководстве движением за коммунистический труд допустил завком профсоюза электролампового

[1] Сборник «За труд коммунистический», Саранск, 1962 год, стр. 21.
[2] ЦГА МАССР, Ф-Р-183, оп. 3, д. 197, л. 97.

завода[1]. Занимаясь соревнованием в целом, он слабо вникал в работу бригад, соревновавшихся за коммунистический труд, мало оказывал им конкретной помощи, в результате чего в целом движение за коммунистический труд на этом предприятии развивалось недостаточно активно.

Аналогичное положение было и на некоторых других предприятиях.

Недостаточно занимались вопросами соревнования за коммунистический труд областные комитеты и областной Совет профсоюзов, редко рассматривались эти вопросы на заседаниях президиумов, пленумах и профсоюзных активах.

Задача профсоюзных организаций Мордовской АССР состояла в том, чтобы устранить недостатки, допущенные в руководстве движением за коммунистический труд в первые годы семилетки, и на основе исторических решений XXII съезда КПСС добиться новых успехов в развертывании движения за коммунистический труд, досрочного выполнения семилетки.

---

[1] Текущий архив Мордовского облсовпрофа. 1961 год. Протокол президиума облсовпрофа, № 31, 1 апреля 1961 года. Постановление «О работе завкома и администрации электролампового завода по руководству движением за коммунистический труд».

С. И. Давыдов.

К ВОПРОСУ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА САРАНСКА (1959—1968 гг.)

За истекшие годы значительно изменился облик столицы Мордовской АССР — г. Саранска.

Разработанный Гипрогором и утвержденный Советом Министров РСФСР проект планировки и застройки города Саранска стал основным документом, регулирующим градостроительную дисциплину.

Основные положения Генерального плана, предусматривающие все стороны развития города, направлены на то, чтобы столица Мордовии была красивой, современной, отвечающей всем условиям для нормальной жизни, работы и отдыха трудящихся.

Строительство новых промышленных предприятий, предприятий строительной индустрии повлекло за собой резкое увеличение населения города, рост рабочего класса, что в свою очередь поставило на первый план задачу форсирования жилищного строительства.

Размещение новых промышленных предприятий, согласно проекту Генерального плана, производилось в северной, северо-восточной и южной частях города с таким расчетом, чтобы выдержать санитарные условия и добиться наименьших затрат времени рабочим при переездах от места проживания до места работы.

Жилищно-бытовое и культурное строительство велось в северо-западном районе на площади 424 га, в юго-западном — на площади 325 га. Кроме того, для удовлетворения нужд резинового комбината в рабочей силе в северо-восточной части с. Посопа строились пятиэтажные жилые дома и культурно-бытовые учреждения, школы на площади 100 га. Строительство велось на свободных площадях по принципу межрайонной застройки, а также путем реконструкции центральной части города, где преобладали одноэтажные ветхие жилые дома дореволюционной постройки. На северо-западе будет построено 10 микрорайонов с населением в 124 тысячи человек, на юго-западе — 11 микрорайонов на 60 тысяч человек, и в северо-восточном районе Посопа — на 20 тысяч человек.

В настоящее время полностью закончено строительство первого микрорайона северо-запада. Начал застраиваться 2-й микрорайон. Уже в 1-м и 2-м микрорайонах построены 58 домов, жилой площадью около 100 тысяч квадратных метров, школы, детсады, культурно-бытовые и культурные учреждения, магазины, профтехучилище с общежитием. Сейчас в этом районе проживает свыше 20 тысяч человек.

Для бесперебойного, устойчивого снабжения теплом группы заводов светотехнического комплекса, Всесоюзного научно-исследовательского института с опытным производством и жилого массива в годы семилетки от ТЭЦ-2 построена теплотрасса. Жилые дома снабжены всеми видами современных коммунально-бытовых услуг.

В стадии завершения находится строительство канализационного коллектора, начатое в конце семилетки, станции перекачки и главного канализационного коллектора с учетом подключения к нему всех промышленных предприятий северо-западной группы заводов (специальных источников света, электровакуумного стекла, учебно-опытного производства ВНИИИС и литейного завода).

За годы семилетки закончилась реконструкция дороги, и в 1965 году прошел первый троллейбус. Таким образом, северо-запад соединился с центральной частью города устойчивым современным транспортом.

Интенсивно застраивается юго-западный район. В нем уже построены 86 жилых домов общей жилой площадью около 215 тысяч кв. метров.

Имеются магазины, школа, детские сады и другие культурно-бытовые учреждения. Юго-западный район, как и северо-запад, связан с центром города троллейбусной линией.

С 1963 года строится канализационный коллектор, который в ближайшее время будет переключен к главному коллектору.

В 1966 году сдан в эксплуатацию комплекс тубдиспансера на 100 коек.

В северо-восточной части Посопа построены 25 жилых домов, детсады, профтехучилище. Дома имеют все виды коммунально-бытовых услуг: газ, вода, центральное отопление от теплотрассы ТЭЦ-2.

Наряду с застройкой указанных районов центральная часть города в границах: ул. Советская, Л. Толстого, Васенко, Ботевградская, проспект Ленина, Полежаева (от пр. Ленина до ул. Гагарина) и улица Коммунистическая — подверглись коренной реконструкции.

Все эти мероприятия вызвали необходимость пересмотра ранее существующего районирования в обслуживании жилого фонда. Северо-западный район застройки обслуживает отдельное домоуправление, в юго-западном — также имеется самостоятельное домоуправление, северо-восточная часть Посопа, жилой

поселок, расположенный в районе ТЭЦ-2, также обслуживаются отдельными самостоятельными домоуправлениями. Все это, безусловно, значительно улучшило эксплуатацию жилого фонда.

За годы семилетки значительно увеличились капитальные вложения в строительство. Только на жилищное строительство израсходовано 48 млн. 317 тыс. руб. Введено в эксплуатацию более 416 тысяч кв. м. жилой площади, газифицировано около 10 тыс. квартир, построено 25 км водопровода, 22 км канализационных сетей. В настоящее время в Саранске имеется свыше 1009 тыс. кв. м. жилой площади. Только городское жилищное управление объединяет 1300 жилых домов с 21 тысячами квартиросъемщиков. Внушительны цифры и ощутимы результаты при анализе выполнения государственного плана капитальных вложений за годы семилетки по городу Саранску.

С 1959 года по 1965 год освоено всего капиталовложений в сумме 273 миллионов 879 тыс. руб., в том числе 168 миллионов 47 тыс. руб. по объектам производственного назначения и 48317 тыс. руб. по жилищному строительству.

Сдано в эксплуатацию около 100 тыс. кв. м производственных площадей, введено в действие общеобразовательных школ на 7232 места, детские дошкольные учреждения, больниц — на 43645 коек, построено 82,5 км газовых сетей. Кроме того, за годы семилетки по городу Саранску за счет нецентрализованных источников финансирования введено в действие общеобразовательных школ на 520 мест, построен стадион на 6020 мест, муздрамтеатр на 600 мест, кинотеатр на 900 мест, клуб на 120 мест, газифицировано 2849 квартир, построено детских дошкольных учреждений на 90 коек, больница на 35 коек.

Интенсивное строительство в городе Саранске началось с 1956 года.

В годы семилетки оно значительно расширилось: построены новые предприятия промышленности строительных материалов и строительной индустрии.

Выросли замечательные кадры строителей, среди которых Герои Социалистического Труда Баринов Г. С., Нуждин С. Е. Сотни строителей награждены орденами и медалями Советского Союза, как Образцова М. П., Маркова А. Т., Мещеряков А. Я. и другие.

Руками строителей за последние 10 лет возведены такие уникальные здания как Дом Союзов, музыкально-драматический театр, клуб строителей, сельхозфак МГУ, пристрой к главному корпусу МГУ, Дом политпросвещения, множество жилых домов и других сооружений, здание заводоуправлений, корпуса цехов, воздвигнуты памятники В. И. Ленину и стратонавтам. Одним словом, строители сделали наш город городом современного типа, промышленным центром, который стал известен не только в пределах Советского Союза, но и за рубежом.

Нашу продукцию можно встретить в Африке, на Кубе, в социалистических странах Европы и Азии.

За годы семилетки промышленность города резко увеличилась как по валовому объему, так и по ассортименту выпускаемой продукции.

Из года в год промышленность наращивала свои темпы и все отчетливее вырисовывались её основные направления.

Таблица 1

Годы	Объем валовой продукции в тыс. руб.	Годы	Объем валовой продукции в тыс. руб.
1959	115789	1963	258207
1960	180228	1964	291525
1961	194968	1965	313857
1962	215548		

За годы семилетки промышленность возросла более чем в 2,5 раза. Значительно увеличилась мощность промышленных предприятий, расширился и совершенствовался ассортимент выпускаемой продукции.

Вступили в строй многие крупные предприятия, такие, как завод автосамосвалов, комбинат железобетонных изделий, домостроительный комбинат, завод электровакуумного стекла, завод медицинского оборудования, первая очередь резинового комбината, опытные заводы научно-исследовательских институтов источников света и электротехнического. Значительно реконструированы старые предприятия. Для примера можно привести завод «Электровыпрямитель». Очень интересно проследить за расширением и совершенствованием его ассортимента.

В 1959 году завод выпускал 5 основных видов агрегатов: выпрямители ртутные, регуляторы напряжения, полупроводниковые изделия, электроагрегаты, аппараты испытания. А в 1965 году завод специализируется на силовых выпрямителях, полупроводниковых приборах, электроагрегатах.

Промышленность города стала выпускать такие виды промышленной продукции: силовые выпрямители, полупроводниковые выпрямители, полупроводниковые приборы, нормально-осветительные лампы, люминесцентные лампы, спецлампы, стартеры, кабельные изделия, бронекабель, силовой кабель, шнуроосветительный, кабель телефонно-солиновый, автосамосвалы, экскаваторы, антибиотики и т. д.

Значительно возросла выработка на одного рабочего. Если в 1959 году она исчислялась в 1630 рублях, то в 1966 году она достигла 8148 рублей, или возросла в 5 раз.

Примечание. Цифры за 1962—1965 гг. даны в новом масштабе цен.

Интересная картина открывается при анализе работы отдельных предприятий по наращиванию объемов валовой продукции (см. табл. 2).

Таблица 2

Предприятия	Объем валовой продукции в тыс. руб.		Увеличение
	1959 г.	1965 г.	
„Электровыпрямитель"	5363	46022	8,5 раза
Электроламповый завод	6990	43775	6,3 раза
Кабельный завод	13566	31294	2,3 раза

Ни один завод, ни одно предприятие, маленькое или большое, не осталось на месте, у всех предприятий определенный, значительный рост. А это в свою очередь сказалось на росте, формировании рабочего класса и в целом на росте населения города.

В 1959 году на промышленных предприятиях города работал 18721 человек, а в 1965 году рабочих, инженерно-технических работников и служащих стало свыше 60 тыс. Население города в 1959 году составляло 91 тыс. чел., а в 1965 году — свыше 146 тыс. За годы семилетки выросли мастера своего дела в каждой отрасли промышленности, на любом предприятии. Многие из них удостоены правительственных наград, а бригадир каменщиков Сидор Евстигнеевич Нуждин и бригадир слесарей-сантехников Баринов Григорий Сергеевич удостоены, как уже было сказано, звания Героя Социалистического Труда. Лучших своих представителей рабочие избрали депутатами Верховных Советов РСФСР и МАССР: Бубнов В. И. — настройщик (электроламповый завод) избран депутатом Верховного Совета РСФСР, депутатами Верховного Совета МАССР избраны тт. Егоров А. М. (завод автосамосвалов), Кильдюшова Е. М. (кабельный завод), Маслова В. М. (завод медпрепаратов), Попкова Е. С. (швейная фабрика), Балаева М. Ф. (трест «Коммунстрой»).

За годы семилетки значительно расширилась сеть бытового обслуживания, причем не только увеличилось число точек и видов, но и качество услуг. К концу семилетки в городе имелось свыше 19 предприятий бытового обслуживания, которые объединяли в себя более ста цехов, ателье, мастерских, приемных пунктов, оказывающих свыше 150 видов услуг.

У швейников стало традицией проведение общественных смотров моделей и фасонов путем созыва конференций с привлечением широкого круга общественности. Хорошо зарекомендовали себя коллективы фабрик индивидуального пошива одежды, химчистки и крашения одежды и завода «Рембыттехника».

Саранская фабрика индивидуального пошива одежды объединяет шесть ателье, которые борются за право называться «Коллектив коммунистического труда». Образцы в труде показывают закройщица 2-го ателье по летнему женскому платью депутат Верховного Совета МАССР Е. С. Попкова, мастер цеха головных уборов Таркаева М. А., молодые закройщики тт. Смолянов и Цыплаков, обувщики Натурян, Крашенинников и Балыков, мастера по ремонту бытовой техники тт. Войнов, Савельев, Щетинин, парикмахеры Иогансон, Потапова, Чуприкова и многие другие.

На ближайшие годы разработаны и утверждены исполкомом горсовета мероприятия по улучшению работы и расширению сети бытовых предприятий, что дало возможность уже в 1968 году увеличить объем услуг в целом по городу на 50%, против фактически достигнутого уровня 1965 года (1865 тыс. руб., или 12 руб. 60 коп. на человека) и довести их до 3723 тыс. руб., или до 21 руб. на человека.

Сейчас Саранск стал крупным индустриальным городом. Промышленность города в настоящее время производит электролампы многих типов и видов, кабель различного назначения, полупроводниковые изделия, медикаменты, медицинское оборудование, напильники, приборы точного класса, минеральную вату, резиновые изделия и т. д.

За последнее десятилетие вошли в строй и успешно выпускают продукцию заводы электроламповый, кабельный, экскаваторный, автосамосвальный, тепловозоремонтный, приборостроительный, инструментальный, медпрепаратов, медицинского оборудования, ремонтно-механический, комбинат теплоизоляционных материалов, ТЭЦ-2, хлебозаводы, мебельная и макаронная фабрики, заводы сборного железобетона и крупнопанельного домостроения.

Возникли совершенно новые отрасли хозяйства: медицинская, электротехническая и светотехническая, машиностроительная, приборостроительная и химическая.

Продукция Саранска идет более чем в 40 стран мира: в Японию, в страны Америки, Африки, Вьетнам, Австралию, Китай, Корею, Турцию, Францию, Индию, не говоря уже о социалистических странах.

Достаточно сказать, что пятую часть нормально-осветительных и четвертую — люминесцентных дает стране Саранский электроламповый завод.

Объединение «Светотехника» дает свыше ста видов продукции, а в юбилейном году освоены дополнительно такие важные виды продукции, как рудничные, кольцевые, люминесцентные, натриевые, кварцевые с йодовым циклом, ртутные и другие лампы. Огромных успехов достиг и другой гигант электротехнической промышленности — завод «Электровыпрямитель».

Выпускаемые им силовые полупроводниковые вентили и другие изделия нашли широкое применение в народном хозяйстве страны. Крупнейший шаг в науке и достижение современной техники — это создание и внедрение в производство силовых кремниевых вентилей. На этом заводе выросли первые лауреаты Ленинских премий: директор завода, депутат Верховного Совета МАССР т. Васильев И. И., главный инженер завода т. Тепман И. А., директор Мордовского научно-исследовательского института А. Д. Булкин, Л. Н. Крылов, И. Г. Учайкин. В июне 1966 года за достигнутые успехи в выполнении заданий семилетки завод «Электровыпрямитель» награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Замечательные перспективы перед городом стоят в новой пятилетке. Еще быстрее будет развиваться промышленность строительных материалов и предприятия строительной индустрии, машиностроительная и химическая промышленность. Широкий размах получит жилищное строительство.

По Генеральному плану развития города Саранска, утвержденному Советом Министров РСФСР, к 1980 году намечено довести число жителей до 300 тыс. чел., а жилищную площадь на одного жителя — до 12 кв. м. Расчеты показывают, что за пятилетку (к 1970 г.) необходимо ввести в эксплуатацию до 700 тыс. кв. метров жилой площади. С 1966 по 1968 год уже введено 204196 кв. м.

Значительное внимание уделяется культурно-бытовому строительству. На Коммунистической площади находится в стадии окончания административное здание Дома Советов, строится гостиница на 304 места, республиканская библиотека, картинная галерея, административное здание Верховного Суда, на улице Пролетарской строится Дворец культуры профсоюзов со зрительным залом на 1200 мест, реконструируется стадион «Светотехника», в стадии окончания плавательный бассейн.

В квартале улиц Ботевградской — Богдана Хмельницкого — Пролетарская — Полежаева будут расположены учебные корпуса и студенческие общежития Государственного университета. Намечается строительство нового крытого рынка, зданий Госбанка и института «Мордовскгражданпроект», трех больниц в северо-западном, юго-западном и северо-восточном районах застройки города.

Идет строительство онкологического диспансера. Будет построено 7 школ на 1200 мест каждая, 15 детсадов на 2100 мест.

Устанавливается памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную войну, и закончится благоустройство памятника поэту-земляку А. И. Полежаеву. Дополнительно планируется строительство 3 бань, из которых одна уже сдана в эксплуатацию по улице Республиканская, одна будет построена в районе Посопа, третья — на северо-западе. Улучшается обслуживание населения транспортом: автобусным, троллейбусным. Сейчас центр города троллейбусным движением связан с юго-западным

и северо-западным районами. Строится линия на резиновый комбинат до литейного завода. Затем до завода медоборудования. Протяженность троллейбусных линий достигнет 60 километров.

Для успешного выполнения строительной программы пятилетки ставится задача значительного укрепления и расширения строительной базы. Уже в 1968 году мощность домостроительного комбината доведена до 100 тыс. кв. м жилой площади.

В течение 1968—1969 гг. будет решена проблема водоснабжения за счет скважин Пензятского водозабора и закольцовки их с имеющимися емкостями. Будет завершено строительство главного городского канализационного коллектора и городских очистных сооружений.

Большие задачи ставятся в области народного образования: расширится сеть школ, увеличится число студентов до 17,5 тыс. человек. Реконструируется телецентр с тем, чтобы можно было смотреть вторую программу телевидения.

Для выполнения этих задач необходимы усилия каждого жителя города, коллектива каждого предприятия и особенно строительных организаций. Необходимо отметить, что промышленные предприятия города план 1966 года выполнили на 104,7%, дав продукции сверх плана на 18877 тыс. руб. Успешно выполнен план юбилейного 1967 года. Включившись в социалистическое соревнование, трудящиеся города досрочно выполнили план по выпуску валовой продукции на 104%. Значительно перевыполнен план по выработке электроэнергии (7 млн. квт.-ч.), выпущено сверх плана 362 экскаватора, 875 прицепных культиваторов, 11 тыс. куб. м минеральной ваты и изделий из нее, 1,5 млн. условных банок консервов, 1054 тонны цельномолочной продукции.

Хороших результатов добились отдельные застройщики по вводу в эксплуатацию производственных мощностей. Так, комбинат теплоизоляционных материалов ввел в действие цех совелитовых изделий, мясокомбинат — колбасный цех, ТЭЦ-2 — водогрейный котел, Управление связи — радиорелейную линию связи Саранск — Атюрьево, экскаваторный завод дополнительно освоил мощности по выпуску экскаваторов. Заводами «Электровыпрямитель» и приборостроительным освоены мощности по дополнительному выпуску продукции.

По Саранску в 1967 г. успешно справились с планом розничного товарооборота торгующие организации города, в том числе: Саранский горпищеторг — 101%, Саранский горпромторг — 104%, Центральный универмаг — 104%, Саранский горхлебторг — 100,3%, трест столовых — 106%.

Автоуправление план по грузообороту выполнило на 102%, по перевозке грузов грузовыми автомобилями — на 101%, по перевозке пассажиров автобусами — на 102% и легковыми такси — 105%. Управление связи по приросту радиоточек выполнило план на 111%, по увеличению абонентов городских телефонных сетей — на 100,5%.

По бытовым услугам по городу Саранску план 1967 г. выполнен на 105%, в расчете на одного жителя пришлось 18 руб. 34 коп. Населению оказывалось 210 видов услуг.

Успешно выполнен план третьего года пятилетки. Промышленность города план по выпуску валовой продукции выполнила на 101,4%, дав сверх плана продукции на 6409 тыс. руб.

Хорошо справились с планом такие предприятия, как заводы: «Электровыпрямитель», медпрепаратов, кабельный, экскаваторный, автосамосвалов, объединение «Светотехника» и др.

Таким образом, включившись в социалистическое соревнование в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, трудящиеся города Саранска успешно выполнили план третьего года пятилетки и создают все условия к тому, чтобы перевыполнить пятилетний план.

Л. А. Куркина

УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ В ОРГАНИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ МОРДОВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В соответствии с директивами XV съезда ВКП(б) в стране развернулась творческая работа по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Проект пятилетнего плана был обсужден и принят XVI Всесоюзной партийной конференцией в апреле 1929 года и затем утвержден V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 года.

Давая установку на составление первого пятилетнего плана в союзных республиках, XV съезд партии указал, что пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и районов. Исходя из указания партии и учитывая особенности хозяйства и экономических возможностей, был разработан пятилетний план развития Мордовии. Первый вариант плана принят Вторым окружным съездом Советов (6—8 мая 1930 года).

Принятие пятилетнего плана поставило новые задачи перед профсоюзами Мордовии. Руководимые партийными организациями, они развернули работу по поднятию трудовой и политической активности широких народных масс.

Организационно профсоюзы Мордовии оформились на первом межсоюзном съезде, который состоялся в августе 1928 года. На съезде присутствовало 65 делегатов. Из них членов ВКП(б)—28, или 43,4%, кандидатов в члены ВКП(б)—7, или 10,6%, членов ВЛКСМ—1, или 1,5%, беспартийных—29, или 44,5%. В числе делегатов мужчин было 53, или 81 процент, женщин—12, или 19 процентов. По национальному составу: русских—48 человек, или 73,8%, мордвы—15, или 23,7%, татар—1, или 1,5%, прочих—1, или 1,5%[1].

Съезд избрал руководящие органы профессиональных союзов. Пленум окружного Совета профсоюзов был избран из 25 человек. В их числе 12 коммунистов[2]. Председателем окружного Совета профсоюзов был избран тов. Воронин В. И., ранее

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 207, л. 227.
[2] Там же, д. 78, л. 35.

работавший заведующим одного из отделов губернского Совета профессиональных союзов в г. Пензе.

В Мордовском округе к концу 1928 года было 20 профессиональных союзов, 9 окружных профессиональных отделений, один участковый профессиональный Совет железнодорожников, 3 районных отделения, 2 группкома, 4 фабзавкома, 3 райкома союза сельскохозяйственных и лесных рабочих. Низовых ячеек по всем союзам имелось 384[1], объединявших 26162 члена профсоюза[2].

Слабое развитие промышленности, безусловно, отразилось на активности профсоюзных организаций. Во всем народном хозяйстве Мордовии в 1928 году было занято 19782 рабочих, в том числе на фабриках, заводах и на железнодорожном транспорте—4686, в сельском хозяйстве и на лесных разработках—14598, на предприятиях мелкой промышленности—504 человека. Численность фабрично-заводских рабочих составляла всего лишь 2% от всех занятых рабочих в народном хозяйстве. Более 46% рабочих цензовой промышленности были связаны с сельским хозяйством.

Удельный вес рабочих цензовой промышленности в 1928 году составлял всего лишь 2,3%. Крайне незначительна была прослойка национального пролетариата.

В составе профессиональных организаций преобладали рабочие русской национальности, мордва профсоюзами была охвачена только на 10%[3]. Наиболее многочисленными были союзы железнодорожников, сельскохозяйственных и лесных рабочих.

После реорганизации профсоюзы Мордовии активно включились в выполнение первого пятилетнего плана. Они вплотную занялись организацией смотра производственных совещаний, который проводился по всей стране согласно обращению редакции газеты «Правда»[4]. Во всех губерниях и округах из представителей профсоюзов, парткомов, редакций газет и советов народного хозяйства создавались комиссии содействия смотру (смотровые комиссии). Такая комиссия была создана и в Мордовии[5], которая в ноябре 1928 года объявила конкурс на лучшее производственное совещание. В условиях конкурса было сказано, что лучшими будут признаны те производственные совещания, которые ведут борьбу за поднятие производительности труда, выполнение производственного плана, способствуют усовершенствованию технического вооружения и экономии[6].

Производственные совещания явились основной формой проявления трудового энтузиазма, творческой активности и сознательного участия рабочих масс в строительстве социализма. В

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 207, л. 227.
[2] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 28, л. 10.
[3] ГАКО, ф. 534, оп. 2, д. 365, л. 53.
[4] «Правда», 25 октября 1928 года.
[5] ЦГА МАССР, ф. 162, оп. 1, д. 39, л. 34.
[6] Там же, л. 35.

период смотра производственных совещаний и комиссий значительно возросло количество вносимых предложений. Так, союзами пищевиков, деревообделочников, текстильщиков, нарпита было проведено 216 производственных совещаний, на которых принято 133 рационализаторских предложения[1]. На Ширингушской суконной фабрике рационализаторские предложения, внедренные в конце 1927—1928 гг., дали экономии 1500 рублей[2]. По союзу железнодорожников за это время было внесено 836 рационализаторских предложений. Практическое осуществление только 13 ценных предложений дало экономии в производстве на 7374 руб.[3].

Оживление работы профессиональных союзов, непосредственное участие в смотре производственных совещаний и комиссий способствовало созданию условий для массового социалистического соревнования.

Большую роль в массовом развертывании социалистического соревнования сыграла опубликованная 20 января 1929 года в «Правде» статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?» (написанная в декабре 1917 года).

Коммунисты и комсомольцы были инициаторами социалистического соревнования, они повели за собой всю массу рабочих. Профессиональные союзы содействовали осуществлению великой идеи Ленина о социалистическом соревновании.

Инициатором массового социалистического соревнования явился коллектив рабочих ленинградского завода «Красный выборжец», обратившийся 5 марта 1929 года через «Правду» ко всем рабочим Советского Союза с предложением организовать соревнование за повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины и снижение себестоимости. Обращение «Красного выборжца» получило широкий отклик.

«Правда» печатала сообщения из разных областей СССР о включении в соревнование все новых и новых предприятий. Соревнование весной 1929 г. охватило рабочих всех отраслей народного хозяйства. Оно приняло характер всесоюзного соревнования.

Начало социалистическому соревнованию в Мордовском округе положили комсомольцы типографии «Красный Октябрь». 2 марта 1929 г. они вызвали на соревнование комсомольскую ячейку бугурусланской типографии. Комсомольцы взяли обязательство установить контроль за оборудованием, не допускать прогулов, организовать ударную бригаду и провести конкурс на лучшего работника[4].

11 марта 1929 года железнодорожные рабочие станции Рузаевка Московско-Казанской железной дороги приняли вызов

[1] ГАКО, ф. 534, оп. 2, д. 365, л. 64.
[2] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 204, л. 36.
[3] Записки МНИИЯЛИЭ, № 19, стр. 90.
[4] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 180.

железнодорожников Самарского депо Златоустовской железной дороги вступить в социалистическое соревнование[1].

Условия договора социалистического соревнования обсуждались на профсоюзных собраниях, освещались в местной печати. Так, рабочие станции Рузаевка в ответной телеграмме рабочим депо Самары сообщали: «Объединенное профессиональное собрание Рузаевского узла, заслушав информацию о вызове рабочих Самарского депо на социалистическое соревнование в снижении себестоимости продукции, в поднятии производительности труда и трудовой дисциплины, единогласно постановило — вызов принять»[2].

Кроме того, железнодорожники обязались социалистическое соревнование проводить не в порядке ударной кампании, а путем повседневной, глубокой, плановой работы по повышению производительности труда, систематического обмена опытом работы и контроля над выполнением взятых обязательств[3].

Профессиональный союз железнодорожников, возглавляемый Учпрофсожем-3, был наиболее многочисленным в Мордовском округе. Он объединял 50 местных комитетов, в которых насчитывалось 7480 членов профсоюза, работающих на железнодорожных станциях: Рузаевка, Ковылкино, Саранск, Пенза, Сызрань и другие.

Члены союза железнодорожников были наиболее организованы и сплочены, они всегда первыми откликались на призывы партии и правительства.

Руководство социалистическим соревнованием в Мордовском округе осуществлял штаб, созданный из представителей областного профсоюзного бюро и других общественных организаций[4].

Большое значение в развертывании социалистического соревнования имело обращение Мордовского окружкома ВКП(б) и окрпрофсовета от 9 апреля 1929 года. В нем указывалось, что перекличка, начатая отдельными предприятиями, должна превратиться в мощную волну социалистического соревнования. Мордовский окружком партии предложил всем райкомам партии, Саранскому горкому взять твердый курс на систематическое руководство ходом социалистического соревнования. С этой целью предлагалось регулярно заслушивать отчеты руководителей советских, профсоюзных и других организаций[5].

В конце апреля Саранский горком партии заслушал отчеты маслозавода, табачной фабрики и типографии об итогах заключения договоров социалистического соревнования. Бюро горкома вскрыло серьезные недостатки и обязало все первичные

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 34, лл. 100—110.
[2] Завод и пашня, 1929, № 33.
[3] Домкрат, 1929, № 4.
[4] ГАКО, ф. 534, оп. 1, д. 365, л. 66.
[5] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 87, лл. 21, 22, 23.

партийные и профсоюзные организации усилить руководство социалистическим соревнованием[1]. Аналогичную работу проводил Рузаевский РК ВКП(б).

Крайком партии и крайпрофсовет систематически оказывали помощь Мордовскому окружкому партии и окружному Совету профсоюзов. Так, в апреле в 1929 году в газете «Средне-Волжская коммуна» была опубликована статья первого секретаря крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича[2]. В этой статье указывалось, как партийные организации должны руководить профсоюзами, какие допускаются ошибки, когда не осуществляется тесный контакт между партийными и профсоюзными организациями. Эта статья изучалась во всех профсоюзных организациях Мордовии и она оказала конкретную помощь в дальнейшей работе профсоюзов.

Важную роль в мобилизации сил партии и народа на новый подъем социалистического строительства сыграла XVI партийная конференция (29 апреля 1929 г.) Она приняла специальное обращение «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» о развертывании социалистического соревнования как массового движения за выполнение плана первой пятилетки. *«Соревнование и пятилетка* неразрывно связаны между собой»[3],— говорилось в нем.

Социалистическое соревнование действительно приобрело массовый характер и вызвало подлинный энтузиазм в борьбе за успешное выполнение заданий пятилетки. Уже к началу мая 1929 года в социалистическое соревнование вступили 66 предприятий и учреждений Мордовии. Это главным образом предприятия союза рабочих деревообделочников, железнодорожников и пищевиков[4].

Однако некоторые профессиональные союзы страны вопросами социалистического соревнования занимались неудовлетворительно. Практическое руководство социалистическим соревнованием на некоторых предприятиях заменялось парадностью, шумихой, кампанейщиной. Центральный Комитет Коммунистической партии своим постановлением от 9 мая 1929 года «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» осудил эту практику и возложил на профсоюзные организации руководство социалистическим соревнованием.

Массовому развитию социалистического соревнования мешали правооппортунистические элементы, засевшие в ВЦСПС. Правые оказывали Коммунистической партии сопротивление в перестройке работы профсоюзов применительно к задачам социалистической реконструкции народного хозяйства. Они игнорировали творческую активность трудящихся масс в развертывании социалистического соревнования. Отвлекая профсоюзы от боевых задач социалистического строительства, правые оппортунисты пытались противопоставить их Коммунистической партии и Советскому государству, возрождали меньшевистскую теорию «независимости» профсоюзов. Они ревизовали ленинское учение о роли, задачах и месте профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, выступали против ленинского указания о том, что профсоюзы являются школой коммунизма. Обюрократившаяся некоторая профсоюзная верхушка во главе с Томским оказывала открытое сопротивление мероприятиям Центрального Комитета партии.

Руководствуясь решениями апрельского (1929 г.) Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), второй пленум ВЦСПС, состоявшийся в мае 1929 года, освободил Томского и его сторонников от руководства ВЦСПС и избрал председателем ВЦСПС Н. М. Шверника.

Профсоюзы под руководством Коммунистической партии начали решительную перестройку своей работы. Главным в работе профсоюзов стало руководство социалистическим соревнованием.

Дальнейшему подъему творческой инициативы масс, улучшению работы профсоюзных организаций способствовало опубликованное 6 сентября 1929 года Обращение Президиума ВЦСПС ко всем профсоюзным организациям, ко всем рабочим и работницам о повороте профсоюзов «лицом к производству». Написанное по инициативе ЦК партии, обращение явилось важнейшим документом, мобилизовавшим профсоюзы на решение задач реконструктивного периода. Оно наметило конкретные меры по перестройке работы профсоюзов, от которых требовалось вплотную подойти к вопросам производства, изучать конкретные особенности каждого предприятия, формы социалистического соревнования, осуществлять руководство заключением договоров о социалистическом соревновании, контролировать их выполнение.

Обращение ВЦСПС «Профсоюзы, лицом к производству!» обсуждалось во всех профсоюзных организациях Мордовии. Так, обком союза пищевиков по изучению этого вопроса провел 17 собраний, на которых присутствовало более 280 человек[1]. Социалистическое соревнование среди профессиональных союзов пищевкусовой промышленности с каждым месяцем росло и ширилось. К маю 1929 года им было охвачено 9 предприятий, а к октябрю 1929 года —13 предприятий, или 77% из действующих[2].

Большую работу по перестройке профсоюзных организаций под девизом «лицом к производству!» провел союз железнодорожников. Им было выпущено более 100 листовок с обращени-

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 181, л. 36.
[2] Средне-Волжская коммуна, 1929, 3 апреля.
[3] КПСС в резолюциях... ч. II, стр. 499.
[4] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 11, л. 393.

[1] ЦГА МАССР, ф. 115, оп. 1, д. 4, л. 33.
[2] Там же, л. 34.

ем к рабочим и служащим об обязательном участии в социалистическом соревновании, проведено три технических совещания с административно-техническим персоналом, 4 совещания с профсоюзным активом. Обращение ВЦСПС о перенесении профсоюзной работы в низовые звенья обсуждалось всеми местными комитетами и цехкомами[1].

Осуществив перестройку, профсоюзные организации сделали действительный поворот «лицом к производству!». Глубже и содержательнее стала вся их общественно-политическая деятельность. Главное внимание профорганизаций сосредоточивалось теперь на производственных вопросах. Производственные совещания перестраивали свою работу. Профсоюзные организации добивались, чтобы каждый рабочий, специалист, служащий через производственные совещания прошел большую школу разумного хозяйствования, вникал в экономику, учился по-государственному считать и мыслить. Производственные совещания стали своеобразными родниками хозяйственных талантов, умелых организаторов производства. Профсоюзы Мордовии только с октября 1929 года по январь 1930 года провели 122 производственных совещания, в работе которых участвовало более 4600 человек. По союзу железнодорожников проведено 51 совещание, деревообделочников — 21, пищевиков — 13[2].

Значительно активизировалась работа профессиональных союзов в период проверки итогов социалистического соревнования и перезаключения коллективных договоров на 1929—1930 годы. Вопрос о массовой проверке по перезаключению коллективных договоров рассматривался всеми месткомами и фабзавкомами. Для проведения этой кампании профсоюзы создавали бригады в составе 7—10 человек из лучших производственников-активистов. По всем предприятиям области были созданы 16 проверочных бригад с общей численностью 168 человек[3].

Всего по Мордовскому округу на 1929—1930 годы профессиональными союзами было заключено 408 коллективных договоров с охватом 11057 работающих[4].

Возникновение социалистического соревнования явилось показателем нового, социалистического отношения к труду и к производству, проявлением возросшей политической активности и сознательности трудящихся масс. Это закономерное явление нашего общества было подготовлено всем ходом экономического развития страны, великой организаторской и политико-воспитательной работой Коммунистической партии.

Профсоюзы под руководством партийных организаций перестраивали свою работу в соответствии с новой обстановкой и новыми требованиями, продиктованными необходимостью успешного строительства социализма. Они возглавили руководство внутризаводским и индивидуальным соревнованием, борьбу ударных бригад за поднятие производительности труда. Так, к маю 1930 года в Мордовии насчитывалось уже 8 ударных предприятий, 27 ударных цехов, 2 смены, 192 ударные бригады с количеством 3128 ударников[1].

Наибольшее количество ударников приходилось на профессиональные союзы железнодорожников — 1863 ударника, текстильщиков — 210, пищевиков — 433, печатников — 83 чел[2].

Широкий размах социалистического соревнования и ударничество способствовали выполнению производственных планов.

Подводя итоги выполнения промфинпланов за первое полугодие 1930 года, четвертый пленум областного Совета профсоюзов отметил, что большинство предприятий работает успешно. Так, на маслозаводе производительность труда поднялась на 21,54%, снижена себестоимость на 20%; бумажная фабрика план валовой продукции выполнила на 104,2%, суконная фабрика — на 104,3%, карамельная — на 100%[3].

Важнейшим этапом в развитии советского профсоюзного движения явился XVI съезд партии, проходивший с 26 июня по 13 июля 1930 года. Съезд подвел итоги борьбы партии за индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства, заслушал доклад Н. М. Шверника «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» и определил задачи профсоюзов в связи с наступлением социализма на капиталистические элементы по всему фронту. В резолюции съезда «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» партия потребовала от всех массовых организаций и особенно от профсоюзов решительной перестройки их работы, чтобы «мобилизовать и организовать массы вокруг задач строительства социалистического общества, которое может быть создано и упрочено лишь усилиями миллионов трудящихся»[4]. Новые задачи, поставленные XVI съездом партии перед профсоюзами, потребовали не только повышения всей политико-массовой работы, но и изменения их структуры.

Структура профсоюзов является более действенной и жизненной, если она соответствует структуре хозяйственных органов. В связи с разукрупнением хозяйственных органов встал вопрос и о разукрупнении профсоюзов по всей стране.

В Мордовии было 20 отраслевых профсоюзов, а после разукрупнения их стало 26. Союз сельскохозяйственных и лесных рабочих, в котором состояло 8100 членов, был разделен на три союза: работников земледельческих и животноводческих совхозов, работников МТС и батрачества; союз совторгслужащих

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 457, л. 67.
[2] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 11, л. 33—38.
[3] Там же, д. 34, л. 106.
[4] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 28, л. 51.

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 195.
[2] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 102, л. 31.
[3] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 27, л. 11.
[4] КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 606.

(6500 членов) разделился также на три союза: работников госторговли и кооперации, госучреждений, финансово-банковских учреждений; союз пищевиков — на 4 союза, металлистов — на два союза[1]. Вновь образованные союзы работников земледельческих и животноводческих совхозов, МТС и батрачества, госторговли и кооперации, госучреждений, финансово-банковских учреждений и коммунально-жилищного строительства имели областные отделения[2]. Остальные разукрупненные союзы имели только низовые профорганизации с непосредственным подчинением крайотделам или ЦК союзов. Например, союз текстильщиков непосредственно подчинялся ЦК союза текстильщиков.

Кроме того, в Мордовии было организовано 17 районных профессиональных советов и один (Саранский) горпрофсовет[3].

После разукрупнения профсоюзы стали глубже изучать отдельные отрасли производства, улучшили работу в низовых первичных звеньях — группах, сменах, ударных бригадах. Профсоюзы еще выше подняли уровень организаторской и воспитательной работы в массах, привлекая к творческому, созидательному труду все новые и новые силы.

Важную роль в активизации трудящихся масс Мордовии сыграла подготовка ко второму областному межсоюзному съезду, который работал в начале августа 1930 года. Подготовка профсоюзных организаций к съезду проходила под лозунгом партии «Лицом к производству» и «Пятилетку в четыре года». Второй межсоюзный съезд профсоюзов обсуждал вопрос о выполнении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Мордовии[4]. Съезд отметил, что значительно оживилась работа профсоюзных организаций, и это способствовало увеличению профсоюзного актива. Если на первое января 1930 года в активе насчитывалось 1894 человека, то ко второму межсоюзному съезду актив увеличился до 6846 человек. Особенно живое участие в профсоюзной работе стали принимать представители мордовской национальности. Профсоюзный актив из мордвы увеличился с 172 до 1345 человек[5].

Профсоюзные организации проводили большую работу среди трудящихся Мордовии по разъяснению решений XVI съезда партии, являлись организаторами профсоюзных собраний, на которых обсуждались формы и методы борьбы за досрочное выполнение первой пятилетки. Так, ширингушские текстильщики приняли решение о досрочном выполнении «пятилетки в четыре года». С этой целью все члены союза вступили в социалистическое соревнование, цеха были разбиты на бригады, которые соревновались между собой, а также между бригадами других цехов[1].

Рабочие Рузаевки также обещали выполнить пятилетний план досрочно и преодолеть все трудности на пути социалистического строительства[2]. Такие собрания прошли по всем союзам и везде были приняты обязательства о досрочном выполнении пятилетнего плана. Призыв партии обеспечить пятилетку в четыре года превратился в боевой лозунг народных масс.

В ходе социалистического соревнования рождались замечательные новаторы производства. Они прокладывали новые пути к достижению высокой производительности труда на основе овладения техникой, рационализации, улучшения организации труда. Зачинателями всего нового были коммунисты, комсомольцы и профсоюзный актив. Так, коммунист Шалимов (член союза полиграфистов) нормы выработки выполнял и перевыполнял ежемесячно. В сентябре 1930 г. свою норму он выполнил на 112%, в ноябре — на 105%; коммунист Бобров (член союза электропромышленности) норму за сентябрь того же года выполнил на 120%, в ноябре — на 135%; парторг партячейки котонинной фабрики Орлов план за сентябрь выполнил на 130%, за ноябрь — на 157%[3]. По союзу железнодорожников 83% коммунистов были ударниками производства[4]. На махорочной фабрике более 50% рабочих и служащих были коммунистами. Все ударные бригады возглавлялись коммунистами. Весь коллектив был охвачен социалистическим соревнованием[5]. Лучшие работники — ударники производства рекомендовались для принятия в партию. Так, к III-й областной партийной конференции (1932 год) 110 лучших ударников были приняты в партию[6].

Производственная активность и творческая инициатива рабочих масс проявлялась в разнообразных формах социалистического соревнования, одной из которых было встречное планирование. Оно возникло в 1930 году на ленинградском машиностроительном заводе им. К. Маркса. Рабочие этого завода, выявив резервы производства и подсчитав производственные возможности групп, бригад, цехов и завода в целом, по своей инициативе увеличили задания промфинплана завода. 30 июля 1930 года рабочие, инженерно-технические работники и служащие завода опубликовали в газете «Правда» письмо под заголовком «Встречный промфинплан», в котором призвали трудящихся развернуть широкое движение за встречное планирование. Этот призыв нашел отклик на предприятиях Мордовии.

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 7, л. 142.
[2] Там же, л. 143.
[3] Красная Мордовия, 10 февраля 1932.
[4] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 5, л. 8.
[5] Там же, л. 14.

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 38, л. 4.
[2] «Советская Мордовия», Очерки..., стр. 211.
[3] АМОК КПСС, ф. 336, оп. 1, д. 251, л. 17.
[4] Там же, д. 58, л. 277.
[5] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 58, л. 275.
[6] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 72, л. 32.

Рабочие Ширингушской суконной фабрики выдвинули встречный план: выработать 204 тысячи метров сукна в год против плана в 201 тысячу метров.

В своем встречном плане рузаевские железнодорожники обещали сократить простои паровозов в основном депо с 9 до 8 часов.

Встречные планы были выдвинуты работниками Саранской типографии, махорочной фабрики, маслозавода и другими предприятиями. К ноябрю 1930 года из 77 предприятий и крупных учреждений 57 предложили и приняли встречные планы[1].

Профсоюзные организации Мордовии по вопросу обсуждения встречных планов провели 284 собрания, на которых присутствовало 14000 рабочих и служащих[2].

Под руководством партийных организаций социалистическое соревнование с каждым годом охватывало все больше и больше рабочих, оно становилось массовым. Если в ноябре 1930 г. договорами социалистического соревнования было охвачено до 70% всех работающих на предприятиях и учреждениях, то к концу 1930 года в это всенародное движение включилось 91,3% рабочих и служащих Мордовии[3]. Новый размах социалистического соревнования способствовал увеличению ударных бригад и ударников. Количество ударников с 4663 в 1930 году увеличилось к 1931 году до 13293, в том числе мордвы 2866 чел.[4]. Больше всего ударников приходилось на союзы железнодорожников (4085), работников зерновых и животноводческих совхозов (5303), строителей (610) и союзы, объединяющие рабочих промышленных предприятий (1630) ударников[5].

Основной формой социалистического соревнования в первой пятилетке было движение ударных бригад. Ударничество являлось продолжением и развитием замечательных традиций коммунистических субботников.

Развернувшаяся в ходе выполнения первого пятилетнего плана творческая инициатива трудящихся масс внесла серьезные изменения в работу производственных совещаний. За это время значительно возросло количество внесенных рационализаторских предложений. За 1930 год всеми союзами было внесено 1218 рацпредложений, из них 528 осуществлено на практике[6]. Только по союзу железнодорожников предложения рабочих дали годовой экономии до 12000 рублей[7], полиграфистов —659 руб.[8] и по другим союзам более 2350 рублей.

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 58, л. 275.
[2] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 66, л. 33.
[3] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 71, л. 72.
[4] Там же, д. 95, л. 12.
[5] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 95, л. 14, и д. 71, л. 73.
[6] Там же, д. 7, лл. 120—121.
[7] Там же, оп. 1, д. 34, л. 266.
[8] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 34, л. 266.

Для оживления работы производственных совещаний профсоюзы сочетали методы морального поощрения с материальной заинтересованностью рабочих. Они создавали премиальные фонды. Так, в 1930 году фонды союза железнодорожников составляли 6173 рубля, бумажников —143, металлистов —300, деревообделочников —510 рублей. Всего фонда премирования профсоюзы Мордовии насчитывали 8658 рублей[1].

Важную роль в поднятии производительности труда и активизации рабочих масс играли конференции ударников, изобретателей и рационализаторов, проводимые по инициативе профсоюзных организаций. Так, 5 января 1930 года в Саранске проходила областная конференция изобретателей, которая обсудила итоги смотра рабочего изобретательства и участие изобретателей в социалистическом соревновании, отчет общества «Техмасс» о работе с изобретателями[2]. На конференции присутствовали лучшие изобретатели области Чикин Д. П., Городецкий М. Н., Фоминов М. Д. (Рузаевка), Авдонин И. П., Бажанов Н. Е. (Саранск) и другие[3].

24 октября 1930 года был проведен слет ударников Рузаевского учпрофсожа-3 Московско-Казанской железной дороги, на котором присутствовало 476 ударников[4]. Слеты ударников были проведены по всем профессиональным союзам.

8 ноября 1930 года в городе Саранске был проведен областной слет ударников. В составе 74 делегатов было 20 членов и кандидатов партии, 10 комсомольцев. В числе участников слета было 4 мордвина[5]. С докладом от областного Совета профсоюзов о развертывании социалистического соревнования и ударничества по предприятиям и учреждениям области выступал Пьянзин[6]. Участники слета отметили большое значение обмена опытом между ударниками и предложил периодически проводить внутризаводские слеты ударников, чтобы в социалистическое соревнование вовлекать все новые и новые слои трудящихся.

Социалистическое соревнование и ударничество стали всенародным движением, с каждым годом оно становилось все более массовым. К концу 1932 года в нем участвовало почти три четверти всех рабочих страны.

По инициативе профсоюзов была организована широкая гласность социалистического соревнования. На предприятиях, стройках, бригадах выпускались бюллетени итогов социалистического соревнования, оформлялись Доски почета. Большую

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 26, л. 87.
[2] ЦГА МАССР, ф. 162, оп. 1, д. 39, л. 208.
[3] Там же, л. 209.
[4] Там же, ф. 137, оп. 1, д. 11, л. 327.
[5] ГАКО, ф. 534, оп. 5, д. 9, л. 1.
[6] ГАКО, ф. 534, оп. 5, д. 9, л. 4.

роль в гласности социалистического соревнования играла стенная и многотиражная, районная, областная и краевая печать. Ежедневно газеты рассказывали о лучших ударниках, об успехах социалистического соревнования, анализировали ошибки, допущенные при организации труда. Газеты представляли возможность лучшим производственникам-ударникам делиться своим опытом. Так, выездная редакция газеты «Средне-Волжская коммуна» много рассказывала о лучших ударниках-железнодорожниках, а рационализатор-машинист Шувалов (Рузаевка) подробно описал свое изобретение, которое помогло ему сэкономить значительное количество топлива[1].

Опираясь на творческую активность масс, Коммунистическая партия мобилизовала профсоюзы на выявление и использование резервов для выполнения пятилетки в четыре года. В третьем, решающем году пятилетки возникла новая форма социалистического соревнования — хозрасчетная бригада. С 1931 года в промышленности, на транспорте и в строительстве началось массовое движение за внедрение хозяйственного расчета — самоокупаемости предприятий. По инициативе бригады формовщиков на ленинградском машиностроительном заводе имени Ленина, а затем и на других заводах и фабриках страны возникли хозрасчетные бригады. Они вели всю работу на основе хозрасчета, добивались улучшения организации труда, повышения его производительности и снижения себестоимости выпускаемой продукции.

Хозрасчетные бригады получили одобрение Центрального Комитета партии и поддержку ВЦСПС и ВСНХ. Партия и правительство обязали хозяйственные органы и профсоюзы содействовать созданию и укреплению хозрасчетных бригад. Их в стране к концу 1931 года имелось уже 155 тысяч, в которых насчитывалось 1 млн. 500 тыс. рабочих[2].

Хозрасчетные бригады создавались и в Мордовии. Так, на 1 июня 1932 года в промышленности, строительстве и на транспорте Мордовской области на хозрасчет были переведены 252 бригады, объединяющие около 7 тысяч рабочих-ударников или около половины числа рабочих крупной промышленности. Третий пленум Мордовского областного Совета профсоюзов (1931 г.) отметил, что успешно работали хозрасчетные бригады на Ширингушской фабрике, чугунолитейном заводе и Саранской электростанции. Внедрение хозрасчета способствовало росту производительности труда. Так, на строительстве завода «Дубитель» бригада Лескина В. опалубку производила не в 3 дня, как было намечено по плану, а в 20 часов. Хороших результатов добилась бригада арматурщиков Белоусова и бетонщиков Евгеньева. Крайпрофсовет постоянно оказывал помощь Мордовскому областному комитету профсоюзов и в руководстве работой хозрасчетных бригад. Так, в 1932 году состоялась 2 конференция хозрасчетных бригад Средне-Волжского края, на которой обсуждался вопрос «о задачах бригадного хозрасчета на предприятиях края»[1]. По предложению крайпрофсовета конференция бригадиров хозрасчетных бригад и руководителей производственных совещаний проводилась Саранским районным и городским профсоветами[2].

Внедрение хозрасчета было возможным только на основе всевозрастающего размаха социалистического соревнования.

Профсоюзные организации по-прежнему придавали особое внимание работе производственных совещаний. В 1931 году в Мордовии их было уже 1223[3], в том числе 240 цеховых, 350 бригадных, большое количество сменных и групповых. Оживление работы производственных совещаний благотворно повлияло на широкий размах рационализаторской работы. На большинстве промышленных предприятий, в железнодорожных мастерских и совхозах создавались рационализаторские группы. Такие группы работали у союза железнодорожников в составе 26 рационализаторов, у текстильщиков — 11, у металлистов (Темниково) — 9[4]. Всего в 1932 году действовали 49 групп, которые объединяли 1105 изобретателей. В МТС действовало 5 групп и в совхозах — 17. Рационализаторские предложения приносили большой экономический эффект. Только за счет осуществления рационализаторских предложений, внесенных инженерно-техническими работниками, было сэкономлено 243000 руб[5]. Инженерно-технические работники, выросшие за первые годы пятилетки, стали оказывать решающее влияние на производственные дела предприятий. Если до образования мордовского округа на территории бывшей Мордовии насчитывалось 500 ИТР, то в 1932 году их было более 2000 человек. Около 80 процентов специалистов было охвачено социалистическим соревнованием и ударничеством. Среди ИТР значительно увеличилась партийно-комсомольская прослойка (до 30%). В рядах специалистов из мордовской национальности состояло 152 человека[6].

Профсоюзы, используя разнообразные формы и методы руководства социалистическим соревнованием, способствовали выполнению лозунга партии «Пятилетку — в четыре года».

В апреле 1932 года состоялся IX Всесоюзный съезд профессиональных союзов, который подвел итоги участия профсоюзов в выполнении первой пятилетки и наметил программу их дальнейшей деятельности. Изучая материалы девятого съезда,

[1] Средне-Волжская коммуна, 1935, 31 марта.
[2] Материалы к отчету ВЦСПС IX съезду профсоюзов, Профиздат, 1932, стр. 32—33.

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 51, л. 42.
[2] Там же, л. 3.
[3] «Красная Мордовия», 1932, № 245.
[4] ГАКО, ф. 534, оп. 4, д. 12, л. 82.
[5] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 123, л. 89.
[6] «Красная Мордовия», 1932, № 252.

профсоюзы Мордовии брали на себя новые обязательства. Рабочие завода «Дубитель» в первом квартале вместо 150 тонн танниды выпустили 200 тонн, а в третьем квартале дали 911 тонн вместо 845 по плану[1].

Итоги выполнения первой пятилетки подвел январский (1933 г.) объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Он отметил, что СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную. Социалистическая система в промышленности окончательно вытеснила капиталистические элементы и стала единственной. Объем продукции крупной промышленности в 1932 году превысил больше чем втрое довоенный уровень и больше чем вдвое уровень 1928 года. Удельный вес крупной промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства вырос до 70 процентов. В СССР была создана собственная передовая техническая база, обеспечивающая реконструкцию всех отраслей народного хозяйства. За пятилетку вступили в строй 1500 новых промышленных предприятий. Заново созданы современная черная металлургия, тракторная, автомобильная, химическая и авиационная промышленность.

Выполнение первого пятилетнего плана в Мордовии, как и во всех национальных республиках, было ознаменовано значительным ростом всех отраслей народного хозяйства и культуры.

За годы первой пятилетки в Мордовии было построено и введено в эксплуатацию 24 предприятия. Из них наиболее крупными были: котонинная фабрика, консервный комбинат, завод «Дубитель», комбикормовый завод, Саранская электростанция, хлебозавод и другие предприятия. Строительство новых фабрик и заводов способствовало значительному росту рабочего класса Мордовии. К 1931 году число рабочих увеличилось до 45722 человек. Удельный вес мордовской национальности среди рабочих по сравнению с 1931 годом увеличился с 15 процентов до 23 процентов[2]. В связи с ростом рабочего класса значительно увеличилось число членов профсоюзов. Если в 1928 году профсоюзы Мордовии объединяли 26162 человека, то к концу пятилетки — уже 44018 рабочих[3]. Значительно увеличился охват профсоюзными организациями и женщин (до 21,8%).

За годы первой пятилетки в Мордовии была ликвидирована безработица, значительно улучшилось благосостояние рабочих. Среднегодовая заработная плата рабочих возросла на 74%. Фонды социального страхования и культурного обслуживания рабочих — в 2,5 раза. Заметно улучшились жилищные условия.

Рабочий класс Мордовии, объединенный в профессиональные союзы, стал ведущей и решающей силой в строительстве социализма.

---

[1] «Красная Мордовия», 1932, № 245.
[2] ЦГАОР, ф. 5451, оп. 15, д. 33, л. 387.
[3] ГАКО, ф. 534, оп. 2, д. 15, л. 112.

И. Е. Автайкин

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ В ОБРАЗОВАНИИ МОРДОВСКОЙ АВТОНОМИИ

Трудящиеся Советского Союза под руководством Коммунистической партии показали всему миру правоту марксистско-ленинского учения, в исторически короткий срок построив социализм. «Октябрьская революция, строительство социализма,— указывается в «Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Советской власти»,— разбудили и подняли к самостоятельному историческому творчеству отсталые в прошлом народы...»[1].

Мордовский народ, как и другие народы Советского Союза, в ходе строительства социализма обрел собственную государственность, ликвидировал свою экономическую и культурную отсталость, приобщился к высшим социалистическим формам хозяйства и культуры.

Ярким свидетельством заботы Коммунистической партии о культурном росте мордовского народа является издание газет и журналов на мордовских языках.

Первая газета на мордовском-эрзя языке вышла в Симбирске летом 1920 года под названием «Чинь стямо» (Восход солнца). Её издание прекратилось в апреле 1921 года из-за отсутствия кадров. Но она показала настоятельную необходимость мордовской прессы, важнейшего средства мобилизации и организации трудящихся на строительство социализма.

Вопрос о дальнейшем развитии мордовской национальной печати обсуждался на I Всероссийском съезде коммунистов мордвы, состоявшемся в июне 1921 года. Съезд обязал Центральное бюро мордовских секций ЦК РКП(б) принять меры к быстрейшему изданию национальной газеты. Это решение съезда вскоре было выполнено. 24 сентября 1921 года в Москве вышла газета на мордовском-эрзя языке под названием «Якстере теште» («Красная звезда»). Её редактором в то время был М. Е. Евсевьев. Тираж составлял 8000 экземпляров[2].

---

[1] 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Политиздат. М., 1967, стр. 16.
[2] «Якстере теште», 24 сентября 1921 года.

Выход газеты «Якстере теште» было радостным событием в жизни всего мордовского народа. Старый большевик, активный организатор мордовской печати И. С. Сибиряк в беседе с автором рассказывал, как в мордовских селах и деревнях восторженно встречали появление газеты на родном языке. Крестьяне передавали газету из рук в руки, убеждаясь в её действительности, просили несколько раз перечитывать газетные статьи.

Развитие мордовской периодической печати шло и в последующие годы. Выполняя указания ЦК РКП(б), губернские комитеты партии, их мордовские секции принимали энергичные меры по изданию национальных газет и журналов. В декабре 1921 года мордовскую газету на эрзянском языке под названием «Якстере сокиця» («Красный пахарь») тиражом 4000 экземпляров стала издавать мордовская секция Саратовского губкома РКП(б). Несколько позже в Саратовской губернии стали выходить и другие мордовские газеты: «Од веле» («Новая деревня») — орган Петровского укома РКП(б), «Якстере веле» («Красная деревня») — орган Кузнецкого укома РКП(б).

Значительную работу по изданию национальной печати проводил Самарский губернский комитет партии и его мордовская секция, руководимая Д. И. Марининым.

Под руководством Пензенского губкома партии была проведена огромная работа по подготовке к изданию газеты на мордовском-мокша языке «Од веле» («Новая деревня»). Эта газета вышла 1 мая 1924 года в Пензе. Её первым редактором был И. И. Московкин, литсотрудником И. Г. Черапкин.

Таким образом, за первые семь лет Советской власти мордовский народ приобрел свою национальную печать. Издание газет на национальном языке — яркое свидетельство претворения в жизнь ленинской национальной политики.

Газеты «Якстере теште» и «Од веле» сыграли важную роль в пропаганде ленинских идей, в мобилизации мордовских трудящихся на социалистическое строительство. Основным жанром этих газет в то время были короткие, доступные для малограмотного крестьянина статьи и информации, построенные на местных фактах. Такая форма агитации была тогда наиболее эффективной, доходчивой и понятной.

Национальные органы печати огромное внимание уделяли ликвидации культурной отсталости мордовского народа. Листая газетные страницы того времени, бросаются в глаза крупные заголовки: «Нужно учиться», «Задачи просвещенцев мордвы», «Будем учиться», «Кто может читать,—научи того, кто не умеет»[1]. В статьях под такими заголовками газеты рассказывали об открытии новых школ, средних и высших учебных

[1] «Якстере теште», № 4, октябрь, 1921 года, № 21, апрель 1922 года.

заведений, о необходимости ликвидации неграмотности, о мероприятиях Коммунистической партии и Советского правительства по культурному строительству.

Национальная печать, призывая мордовское население к грамоте, знаниям, подчеркивала важность этой проблемы в жизни всего Советского государства. Газеты по этому поводу указывали, что ликвидация неграмотности является частью программы социалистического строительства, что только грамотные и образованные люди могут сознательно, со знанием дела управлять новым социалистическим государством и на научной основе вести народное хозяйство.

Вопрос ликвидации неграмотности, создания кадров народной интеллигенции национальные газеты связывали с образованием мордовской государственности. Еще в первых номерах газета «Якстере теште» в 1921 году писала о том, что создание Мордовской автономии откроет еще больше возможностей роста культурного уровня мордовского народа, наиболее быстро решит проблему создания кадров национальной интеллигенции.

В статье «Почему нужна Мордовская автономия» «Якстере теште» на обширном фактическом материале из жизни мордовского и соседних братских народов (чуваш, татар, марийцев, башкир и др.) показывала необходимость создания Мордовской автономии[1].

Ставя вопрос о создании Мордовской автономии, «Якстере теште» не скрывала и то, что для этого в то время еще не были подготовлены все материалы, чтобы представить Советскому правительству проект будущей автономии.[2]. В сборе материала о жизни мордовского населения важную роль сыграла газета «Якстере теште». Она в августовском номере 1922 года отметила, что к тому времени были собраны данные о мордве, по которым Мордовская секция ЦК РКП(б) совместно с компетентными советскими органами разработала предварительный проект Мордовской автономии.

В номере от 13 ноября 1922 года газета «Якстере теште» сообщала своим читателям о том, что в будущую Мордовскую автономную область войдут уезды: Спасский и Темниковский Тамбовской губернии, Саранский, Инсарский, Рузаевский, Краснослободский Пензенской губернии, Ардатовский и Алатырский Симбирской губернии. Далее газета извещала о том, что Мордовская секция ЦК РКП(б) представила Советскому правительству доклад об образовании Мордовской автономии, который рассматривался 21 октября 1922 года на заседании коллегии Наркомнаца. На этом заседании присутствовал представитель Мордовской секции ЦК РКП(б) Д. С. Желтов.

[1] «Якстере теште», 25 ноября 1921 года.
[2] «Якстере теште», 13 ноября 1922 года.

«Коллегия Наркомнаца,— указывала «Якстере теште»,— выразила согласие на образование Мордовской автономной области и направила материалы для дальнейшего рассмотрения в Наркомвнудел и в Президиум ВЦИК»[1].

Однако на пути создания советской автономии мордовского народа в то время были большие трудности.

В высших органах власти этот вопрос не был поставлен для немедленного разрешения. Следует обратить внимание и на докладную записку секретаря Мордовской секции ЦК РКП(б) от 6 февраля 1923 года на имя И. В. Сталина. «Перед II съездом Советов,— указывается в Записке,— мной был подан Вам на заключение проект Мордовской автономной области... Истекло уже два месяца со дня подачи, а не имеется никаких сведений о судьбе проекта. Я три раза пытался выяснить у Вас этот вопрос и три раза мои попытки не увенчались успехом»[2].

Видимо, вопрос образования Мордовской автономии в то время не находил должной поддержки у некоторых членов правительства. К такому выводу приходит и Т. В. Попков в книге «Осуществление ленинской национальной политики в Мордовии (1917—1962 гг.)»[3]. Некоторые разногласия в высших инстанциях не оказали влияния на окончательное решение вопроса. Ибо ЦК РКП(б) и ВЦИК принимали необходимые меры по изучению соответствующих условий образования Мордовской автономии.

ЦК РКП(б) и ВЦИК, исходя из задач, поставленных X и XII съездами Коммунистической партии по осуществлению фактического равенства всех народов страны, направляли усилия к созданию очагов социалистической промышленности в национальных районах, на приобщение отсталых народов к высшим формам социалистического хозяйства, на формирование рабочего класса и народной интеллигенции из коренного населения. Об этом национальные газеты информировали читателей, используя различные жанры от публикации заметок до печатания очерков и рассказов, диаграмм роста экономики и культуры. В этих материалах национальная печать подчеркивала, что Коммунистическая партия и Советское правительство ведут политику ускоренного развития экономики и культуры малых народов, в том числе и мордовского народа.

«Якстере теште» в мартовском номере 1922 года по вопросу Мордовской автономии писала: «У мордовского народа пока нет автономии, но в скором времени будет. Надо только много поработать. Во-первых, надо узнать, сколько всего мордвы, её расселение, занятие, наличие кадров национальной интеллигенции»[1]. В связи с этим газета обратилась к своим читателям с просьбой писать о своей жизни и работе, высказывать свои предложения о будущей Мордовской автономии.

[1] «Якстере теште», 13 ноября 1922 года.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5.
[3] Т. В. Попков. Осуществление ленинской национальной политики в Мордовии (1917—1962 гг.), Саранск, 1963, стр. 29.

Обращаясь к читателям в ноябрьском номере 1922 года, она опубликовала вопросы, на которые просила дать соответствующие ответы. Вопросы были такие: есть ли в селе коммунистическая ячейка?, как работает сельский Совет и сколько в нем коммунистов, есть ли в селе сельхозартель или коммуна и как относятся к ним жители, как в деревне поставлено школьное дело, есть ли в селе кооператив и кредитное товарищество и как они помогают бедноте, как мордовское население относится к образованию своей национальной государственности?[2].

Этим газета привлекла внимание мордовского народа к решению жизненно важных вопросов. Во многих письмах рабочие и крестьяне приветствовали деятельность газеты «Якстере теште» за инициативу в постановке вопроса организации Мордовской автономии. Многочисленные корреспонденты рассказывали о новой жизни в деревне, о создании партийных и комсомольских ячеек, об их работе среди бедноты.

Под рубрикой «Партийная жизнь» газета «Якстере теште» систематически освещала деятельность мордовских секций губкомов и укомов партии отдельных партийных ячеек в организации трудящихся мордвы на решение задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством. Этот орган печати много внимания уделял распространению опыта работы партийных организаций среди тружеников города и деревни.

В статье «Как работают мордовские секции в Самаре и Саратове» газета подробно рассказала о том, что мордовский подотдел Саратовского губисполкома проделал большую работу по подготовке и изданию эрзянского этнографического сборника под редакцией профессора Б. М. Соколова и студента М. Т. Маркелова. Статья подчеркивает, что с помощью партийных организаций и Советов в Саратовской губернии уделяется большое внимание работе среди мордвы[3].

Рассказывая об опыте саратовцев, газета «Якстере теште» призывала все мордовские секции губкомов шире развернуть работу среди мордовского народа, поднять его экономический и культурный уровень. Этим самым, подчеркивала газета, коммунисты из мордвы внесут неоценимый вклад в ускорение образования Мордовской автономии.

Обобщая работу Мордовской секции Пензенского губкома партии, «Якстере теште» выступила со статьей «Совещание коммунистов мордвы в Пензе». В статье рассказывается, какие вопросы решали коммунисты из мордвы на своем собрании, с

[1] «Якстере теште», № 1, март 1922 года.
[2] «Якстере теште», 13 ноября 1922 года.
[3] «Якстере теште», № 4, июнь, 1922 года.

какими достижениями и недостатками они пришли к нему. Указывая на недостатки, газета отмечала, что Мордовская секция Пензенского губкома партии в то время слабо работала с партийными ячейками в мордовских селах, не знала их количества, не проявляла заботы о расширении сети мордовских школ, об издании учебников на родном языке[1].

Отмечая эти упущения, газета обращала внимание коммунистов на быстрейшее их устранение.

Публикация материалов о работе партийных ячеек в мордовских селах, отчетов о деятельности мордовских секций губкомов и укомов партии связывала газету не только с коммунистами, но и с широкими массами трудящихся.

Наряду с этим такая работа газеты воспитывала членов партии, поднимала их ответственность за порученное дело, мобилизовывала силы коммунистов на решение задач социалистического строительства в мордовской деревне. Поэтому совещание секретарей мордовских секций губкомов партии, созванное в январе 1924 года в Москве, отметило, что печатное слово на родном языке является одним из самых могучих орудий поднятия культурного уровня ранее отсталого мордовского народа и верным средством его мобилизации на социалистическое строительство[2].

Работе совещания секретарей мордовских секций губкомов партии «Якстере теште» отвела видное место. Напечатав отчет о его работе, газета информировала своих читателей о принятых решениях на совещании, в которых главное внимание уделено подготовке национальных кадров рабочих и интеллигенции, а также усилению политико-воспитательной работы среди мордовского населения.

Наряду с освещением деятельности мордовских секций губкомов и укомов партии газета «Якстере теште» направляла внимание трудящихся масс на активное участие в социалистическом строительстве.

Эту важнейшую задачу «Якстере теште» решала, применяя многообразные формы и методы работы, начиная с публикации заметок до организации конкурсов и смотров. При этом газета ставила определенную цель — всесторонне показать жизненность социалистического строя, его силу и участие трудящихся масс мордовской национальности в выполнении всех мероприятий, проводимых Коммунистической партией и Советским правительством по усилению темпов социалистического строительства в мордовской деревне.

Разъясняя значение и роль сельскохозяйственной кооперации в преобразовании жизни крестьянских масс, «Якстере теште» выступила с обширной статьей «Сельхозкооперативы и

[1] «Якстере теште», № 4, июнь 1922 года.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 2, л. 77.

артели»[1]. Эта статья написана на богатом фактическом материале с мест. Она сообщает, что в сельхозартели лучше используют земли и имеющийся сельскохозяйственный инвентарь, даёт подробные советы об организации сельскохозяйственной артели, её структуры. В заключение статья подчеркивает, что «мы победим разруху только тогда, когда все крестьяне объединятся в сельскохозяйственные артели»[2]. Такие статьи о жизни сельскохозяйственных кооперативов с ясными и убедительными выводами крестьянскому читателю газета «Якстере теште» публиковала на переднем плане под крупными заголовками. Она понимала, что объединение крестьян в сельскохозяйственные артели требует особой подготовки, изменения всего психологического склада крестьянства, правильного понимания им новых производственных отношений в советской деревне. Поэтому газета учила крестьянские массы первоначально создавать простейшие формы объединения (машинные товарищества, кредитные товарищества, потребительские общества, товарищества по совместной обработке земли и др.), которые наиболее доступны пониманию крестьянина, веками находящегося до Октябрьской революции в сфере частнособственнического влияния.

Публикуя разнообразные материалы о росте кооперативных объединений в мордовских селах, «Якстере теште» постоянно информировала крестьянские массы о том, что Советское государство оказывает крестьянам невиданную помощь в снабжении сельхозинвентарем, семенными фондами и различными кредитами. В одном из февральских номеров 1924 года она писала: «ВЦИК отпустил 100 000 рублей золотом для подъема хозяйств инвалидов гражданской войны»[3]. Такие сообщения газеты показывали трудовому крестьянству, что Коммунистическая партия и Советское правительство на деле принимают необходимые меры, чтобы вывести крестьянские хозяйства из разрухи. Только крестьяне одного Саранского уезда в 1924—1925 с./х. году получили от государства более 141 000 пудов продовольствия, 15 500 пудов семенной ссуды, около 200 000 рублей бюджетных средств и банковского кредита на приобретение сельхозинвентаря и тягловой силы»[4].

Наряду с огромной работой среди крестьянских масс по его вовлечению во все виды кооперации, «Якстере теште» из номера в номер писала о восстановлении и развитии промышленности в районах, заселенных мордовским населением. Она обращала внимание мордовского народа на то, что создание развитой промышленности, национального рабочего класса

[1] «Якстере теште», март, 1922 года, № 1.
[2] «Якстере теште», март 1922 года, № 1.
[3] «Якстере теште», 24 февраля 1924 года.
[4] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327, ед. хр. 997, лл. 181—182.

является важнейшим фактором образования Мордовской государственности.

В период восстановления народного хозяйства страны промышленность на территории Мордовии несколько возросла. В 1925—1926 хозяйственном году на 36,5% увеличился выпуск промышленной продукции по сравнению с 1924—1925 годом. Особенно увеличили выпуск продукции Ширингушская суконная фабрика, Саранская махорочная фабрика и Кондровская бумажная фабрика «Красная Роза». В 1926 году эти предприятия почти достигли своего довоенного уровня производства[1].

Рост промышленности Мордовии сопровождался увеличением числа промышленных предприятий, ростом национального рабочего класса, повышением производительности труда и значительным расширением социалистического сектора, который в 1926—1927 году составил по числу предприятий 87,9%, по количеству рабочих —95,4%, а по выпуску валовой продукции —95,8%[2].

Увеличение капитальных вложений в промышленность Мордовии дало возможность к концу восстановительного периода пустить в эксплуатацию после капитального ремонта и коренного переоборудования Темниковский чугунолитейный завод, Потьминский и Ковылкинский лесозаводы, Токмовский, Наташинский, Ромодановский, Мельцанский и Лашминский винокуренные заводы и Саранскую махорочную фабрику.

С ростом числа промышленных предприятий увеличилось количество национальных кадров рабочего класса: в 1927—1928 хозяйственном году рабочие, занятые в промышленности Мордовии, составили 1583 чел.— это на 20,3% больше, чем в 1925—1926 хозяйственном году[3].

Достижения Мордовии в развитии промышленности широко рекламировала национальная печать. Она, воспитывая трудящихся мордовской национальности в духе пролетарского интернационализма и братской солидарности, рассказывала, что к промышленному развитию Мордовии огромные усилия прилагали все братские народы Советского Союза и особенно великий русский народ. Национальные газеты сообщали, на каких заводах изготовляли то или иное оборудование для предприятий Мордовии, публиковали материалы о шефской помощи передовых заводов и фабрик крупных промышленных центров. Такие материалы газет накладывали определенный отпечаток на сознание мордовского населения и показывали силу дружбы и братской помощи народов нашей страны.

В годы восстановления народного хозяйства на основе роста экономики страны значительные средства вкладывались в

[1] «Очерки истории МАССР», Саранск, 1961, т. 2, стр. 157.
[2] ЦГА МАССР, ф. 184, т. 1, ед. хр. 76, лл. 53—54.
[3] ЦГА МАССР, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 42, л. 29.

развитие культуры всего советского народа и особенно ранее отсталых народов.

Дальнейший рост экономики и культуры мордовского населения, претворение в жизнь ленинской национальной политики среди всех больших и малых народов настоятельно требовали создания национальной государственности и у мордовского народа.

В мае 1924 года газета «Якстере теште» вновь поднимает вопрос образования Мордовской государственности. Она выступила со статьей «Два-три слова о Мордовской автономии», а в июле месяце этого же года «На местах мордва должна оказывать содействие»[1]. Эти статьи были вызваны тем, что в Мордовскую секцию ЦК РКП(б) и в редакцию газеты «Якстере теште» усилился поток писем трудящихся мордвы, протоколы с резолюциями собраний мордовских коммунистов и граждан с требованием образования Мордовской автономии.

Выполняя волю мордовского народа, Мордовская секция ЦК РКП(б) обратилась во ВЦИК с просьбой более конкретно приступить к изучению условий и возможностей образования Мордовской государственности. Первым шагом в этом направлении было предложение направить в губернии с большим количеством мордовского населения — Пензенскую, Тамбовскую, Ульяновскую, Нижегородскую—письма с требованием прислать ВЦИКу уточненные данные о количестве мордовского населения, его занятиях и культурном уровне и создать специальную комиссию, которая непосредственно занималась бы этими вопросами и подготовила необходимые материалы.

Такая комиссия была образована Президиумом ВЦИК 8 октября 1924 года[2].

В её работе огромную помощь оказывала национальная периодическая печать, представляемая к тому времени газетами «Якстере теште» и «Од веле». Эти газеты были важным источником изучения состояния экономики, культуры и быта мордовского населения. На их страницах печатались обширные материалы о жизни мордовского народа, позволяющие судить о его действительности, думах и чаяниях.

Направляя свою деятельность в помощь комиссии ВЦИК по образованию Мордовской автономии, «Якстере теште» и «Од веле» публиковали многочисленные данные о фабриках и заводах, кооперативных объединениях, культпросветучреждениях и школах на территориях с комплектным мордовским населением. Являясь массовой трибуной, газеты на своих страницах отводили значительное место выступлениям и письмам тру-

[1] «Якстере теште», 27 мая и 23 июля 1924 года.
[2] Букин М. С. «Образование Мордовской АССР», Саранск, 1964, стр. 77. В этой работе указывается состав комиссии и её деятельность.

дящихся масс, материалам партийных и комсомольских собраний, а также собраний граждан мордовских сел и деревень.

7 сентября 1924 года «Якстере теште» напечатала статью работника Пензенского губисполкома А. Алямкина. В ней автор выражал свое мнение об образовании Мордовской автономии, предлагая в её состав включить, кроме ряда уездов Пензенской, Ульяновской, Нижегородской и Тамбовской губерний, и два уезда Саратовской губернии (Кузнецкий и Петровский). По мнению автора, центром автономной области должен быть гор. Пенза[1].

Газеты «Якстере теште», «Од веле» печатали и другие предложения по вопросу образования автономии мордовского народа. Хотя они и не были совершенными, но с точки зрения их изучения, сравнения и анализа представляли огромный интерес. Кроме того, организация обсуждения вопроса создания Мордовской государственности на страницах национальной печати ярко свидетельствовала о том, что в Стране Советов каждому народу предоставлены широкие права в решении своей судьбы, в обсуждении важнейших вопросов своего экономического и политического развития.

Особенно с 1924 года и вплоть до 1930 года, т. е. до создания Мордовской автономии, этот вопрос не сходил со страниц национальной печати. В эти годы шла усиленная и непосредственная работа по образованию государственности мордовского народа. В тот период неоднократно направлялись в районы с компактным мордовским населением специальные комиссии для изучения вопроса на местах и сбора необходимого материала для составления наиболее точного проекта Мордовской автономии. Результаты работы комиссии рассматривались на заседании ВЦИК и ЦК РКП(б), где указывались конкретные пути окончательного решения у мордвы автономии и выделения территорий, заселенных мордовским населением в самостоятельные административные единицы (сельсоветы, волости, районы) до создания автономной области. С большой радостью мордовское население встречало газету с сообщениями об образовании мордовских национальных волостей и сельсоветов. По стране в течение 1925—1927 годов всего было образовано 1 мордовский национальный район, 28 волостей и 444 сельсовета[2].

Организация мордовских административно-территориальных единиц привела к значительному улучшению работы волостных и сельских Советов, приблизила их к мордовскому народу, позволила вовлечь в деятельность Советов новые силы из рядов мордовского народа.

Национальные газеты из номера в номер писали о их работе и связях с широкими массами трудящихся, рассказывали,

[1] «Якстере теште», 7 сентября 1924 года.
[2] Букин М. С. Образование Мордовской АССР, Саранск, 1964, стр. 87.

что национальные сельские Советы наиболее близки и понятны мордовскому населению. Газеты «Якстере теште» и «Од веле» отражали роль мордовских национальных сельских Советов и волостей в поднятии экономического и культурного уровня мордовского народа.

К 1928 году мордовский народ достиг значительных успехов в экономическом, политическом и культурном развитии. За три года (1925—1928 гг.) только в цензовую промышленность Мордовии было вложено 963,8 тыс. рублей[1].

Это позволило значительно увеличить объем производства всей крупной промышленности.

Развитие промышленности сопровождалось увеличением численности рабочих и служащих, особенно из числа мордовского населения.

Сельское хозяйство Мордовии также добилось некоторых успехов. Посевная площадь в 1928 году увеличилась по сравнению с 1913 годом на 11%[2].

Неуклонно росла сеть мордовских школ и число учащихся в них. На народное образование ежегодно увеличивались ассигнования. Если в 1927—1928 учебном году было ассигновано 39,4% годового бюджета, то в 1928—1929 учебном году — уже 41,4%[3]. Развитию мордовской национальной культуры способствовало расширение сети культурно-просветительных учреждений, издание общественно-политической, художественной литературы, а также периодической печати на мордовских языках. В 1925—1926 годах в мордовских селах изб-читален было 43, а в 1928 году их стало 57[4].

Национальные кадры специалистов из мордвы готовились в средних специальных и высших учебных заведениях. В 1928—1929 годах в Мордовии функционировали 4 техникума, Совпартшкола, Дом мордовки, рабфак. Уже в 1929 году в Мордовии было 176 инженеров, агрономов, врачей, землеустроителей и 2195 учителей, в том числе 710 человек мордвы[5].

Таким образом, к середине 1928 года были созданы необходимые условия, приближающие мордовский народ к своей государственности. Наиболее крупным шагом в этом отношении было образование Мордовского округа в составе Средне-Волжской области согласно постановлению Президиума ВЦИК от 16 июля 1928 года.

Акт образования Мордовского округа был встречен с огромным воодушевлением всеми трудящимися Мордовии. Постановление Президиума ВЦИК было опубликовано на стра-

[1] Очерки истории МАССР, т. II, стр. 166.
[2] Там же.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, т. 2, ед. хр. 484/7, л. 71 .
[4] Киселев А. Л. «Социалистическая культура Мордовии», Саранск, 1959, стр. 122—123.
[5] Там же, стр. 105.

ницах газет «Якстере теште» и «Од веле». Под лозунгом «Да здравствует Мордовский округ!» газеты печатали письма рабочих и крестьян, решения общих собраний граждан, где выражались благодарные чувства мордовского населения Коммунистической партии и Советскому правительству за постоянную заботу о его экономическом, политическом и культурном развитии. Деятельность окружных организаций широко освещалась на страницах газет «Якстере теште» и «Од веле». Эти органы печати периодически публиковали отчеты Мордовского окрисполкома. В номере от 27 января 1929 года «Од веле» рассказывала читателям о работе окружного исполнительного комитета в области хозяйственного строительства[1]. В последующих номерах она говорила о деятельности окрисполкома в организации народного образования, здравоохранения и культурно-просветительной работы.

Образование Мордовского округа явилось важным фактором развития и укрепления национальной печати. В центре округа — Саранске — сосредоточивалась издательская работа, укреплялись кадры газетных и типографских работников.

В августе 1928 года из Пензы в Саранск были переведены газета «Од веле» и общественно-политический журнал на мордовском-мокша языке «Валда ян» («Светлый путь»). С того времени «Од веле» стала органом Мордовского окружкома ВКП(б) и окружного исполнительного комитета. В 1929 году из Самары в Саранск был переведен общественно-политический журнал на мордовском-эрзя языке «Сятко» («Искра»).

Сосредоточение издания национальной печати в едином центре положительно сказалось на её дальнейшем развитии, усилении связи органов печати с широкими массами трудящихся. Об этом свидетельствует рост количества рабочих и сельских корреспондентов, а также увеличение тиража национальных газет. Бюро Мордовского окружкома ВКП(б) 13 ноября 1928 года, отметив, что газета «Од веле» улучшила свою работу, решило увеличить её тираж с 3500 экземпляров до 5000[2].

Зачинатель мордовской литературы М. Безбородов, говоря о работе газеты «Од веле», писал, что она горит яркой звездой и показывает крестьянам светлый путь к социализму. Далее поэт в статье «Да здравствует «Од веле!» отмечает, что газета стала лучшим другом крестьян в строительстве новой жизни на селе[3].

Аналогичная оценка деятельности газеты «Од веле» дается во многих письмах рабочих, крестьян и интеллигенции. Это говорит о том, что газеты на мордовском языке были близки читателю, умело разъясняли ленинскую национальную политику среди широких масс мордовского населения, своевременно поднимали их на решение новых задач социалистического строительства.

[1] «Од веле», 7 декабря 1928 года.
[2] «Од веле», 27 января 1929 года.
[3] «Од веле», 10 мая 1929 года.

Национальная печать Мордовии отводила видное место показу экономического, политического и культурного развития округа. На страницах газет «Якстере теште» и «Од веле» широко освещались достижения мордовского народа за год работы округа.

4 августа 1929 года «Од веле» выступила с редакционной статьей «Год работы Мордовского округа». В ней дается краткий, но убедительный анализ политической и трудовой активности трудящихся Мордовии и особенно мордовского населения, вызванного образованием Мордовского округа[1]. Активность мордвы на выборах в Советы в 1929 году по сравнению с 1928 годом выросла с 35—36% до 65%, а женщин-мордовок с 18—20% до 60—75%. Рост политической активности сказался на повышении трудовой активности. Посевы зерновых увеличились на 3,1%, а валовая продукция сельскохозяйственных культур — на 145%[2].

На страницах национальных газет выступали партийные и советские руководители округа, рабочие, крестьяне и народная интеллигенция. Со статьей «Мордовскому округу один год»[3] выступил председатель Мордовского окрисполкома С. С. Шишканов. В статье рассказывается о правоте ленинской национальной политики, проводимой Коммунистической партией и Советским правительством в отношении всех народов Советского Союза, в том числе и мордовского. В ней убедительно показываются достижения мордовского народа в области развития культуры.

Национальная пресса, публикуя многочисленные письма, заметки и корреспонденции, отмечала, что образование Мордовского округа имеет огромное политическое значение в жизни всего мордовского народа. Мордовский народ, как и многие другие малые народы страны, получил свою административно-территориальную единицу. Этим самым был сделан новый крупный шаг к созданию мордовской государственности.

Отмечая достижения трудящихся округа, газеты «Якстере теште» и «Од веле» призывали рабочих и крестьян к новым успехам в социалистическом строительстве, к успешному проведению коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Эти вопросы в то время были наиболее актуальными, требовали мобилизации всех сил партии и народа. Естественно, они были в центре внимания всей партийно-советской печати, в том числе и национальной печати Мордовии.

[1] «Од веле», 4 августа 1929 года.
[2] «Од веле», 4 августа 1929 года.
[3] «Од веле», 11 августа 1929 года.

Но вопрос образования Мордовской государственности не снимается со страниц газет «Якстере теште» и «Од веле».

27 октября 1929 года «Од веле» на первой полосе под заголовком «Нужна автономная область» опубликовала обширную статью «Мордовское население раньше и теперь». В ней, говоря о достижениях мордовского народа за годы Советской власти и особенно после образования округа, подчеркивается настоятельная необходимость создания Мордовской автономии. «С образованием Мордовской автономии,— указывает газета,— трудящиеся Мордовии добьются еще больших успехов в своем экономическом, политическом и культурном развитии»[1].

Подводя итоги двенадцатилетнего пути Великой Октябрьской социалистической революции, «Од веле» в праздничном номере 7 ноября 1929 года в широком плане поместила лозунг «Да здравствует Мордовская автономия!» Под таким же заголовком «Од веле» в номере от 19 декабря 1929 года подчеркивала, что с образованием автономии мордовский народ активнее вступит в социалистическое строительство. В этом же номере газета сообщала решение Президиума ВЦИК от 10 декабря 1929 года, в котором было поручено Административной комиссии ВЦИК, отделу национальностей при Президиуме ВЦИК и Средне-Волжскому крайкому в месячный срок разработать и представить проект границ Мордовской автономии[2].

В конце 1929 года вопрос образования Мордовской автономии на страницах национальной печати находил самое активное обсуждение. 27 декабря 1929 года «Од веле» под крупным заголовком «Вперед, Мордовская автономная область, к новым достижениям!», писала: «Под руководством Коммунистической партии мордовский народ окончательно ликвидирует свою экономическую и культурную отсталость»[3].

В этом же номере на первой странице газета опубликовала статью председателя Мордовского окрисполкома тов. Палькина «К образованию Мордовской автономной области»[4]. В статье в сравнительном плане освещалась жизнь мордовского народа до и после Великой Октябрьской социалистической революции. Выступая от имени мордовского народа, тов. Палькин в своей статье писал, что Коммунистическая партия и Советское правительство представляют все условия для быстрого экономического и культурного развития трудящихся Мордовии.

Выражая волю мордовского народа, Президиум ВЦИК 10 января 1930 года принял постановление «О преобразовании Мордовского округа Средне-Волжского края в Мордовскую

[1] «Од веле», 27 октября 1929 года.
[2] «Од веле», 19 декабря 1929 года. Букин М. С. «Образование Мордовской АССР». Саранск, 1964, стр. 112.
[3] «Од веле», 27 декабря 1929 года.
[4] «Од веле», 27 декабря 1929 года.

автономную область с центром в городе Саранске»[1]. Этот исторический акт в жизни мордвы был опубликован на страницах всех газет области. Газеты «Од веле» и «Якстере теште» эту радостную весть сообщили своим читателям в специальном номере. «Од веле» 25 января 1930 года опубликовала полный текст постановления ВЦИК на первой странице под лозунгом «Только осуществление Ленинской национальной политики Коммунистической партии поднимает культуру и жизненный уровень малых народов»[2].

Так осуществилась вековая мечта мордовского народа. И в этом немалая заслуга мордовской национальной печати. Как видно из вышеизложенного, национальная пресса с первых дней своего существования из номера в номер разъясняла среди широких масс ленинскую национальную политику Коммунистической партии. Публикуя разнообразные материалы о жизни мордовского народа до и после Великой Октябрьской социалистсической революции, газеты «Од веле» и «Якстере теште» пробуждали самосознание рабочих и крестьян мордовской национальности, призывали их активно участвовать в социалистическом строительстве.

Национальная печать Мордовии, следуя славным традициям всей партийно-советской печати страны, и особенно газет «Правда», «Известия», широко раскрывала свои страницы письмам трудящихся. Она, выполняя ленинские указания, стремилась быть поближе к жизни, обращать побольше внимания тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит новую социалистическую жизнь. Коммунистическое воспитание масс на живых, конкретных примерах и образцах из практики социалистического строительства, выдвинутое В. И. Лениным как главная задача прессы, во время перехода от капитализма к коммунизму, определяло всю основную деятельность национальных газет и журналов Мордовии.

Проводя огромную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся Мордовии, газеты «Од веле» и «Якстере теште» вели активную работу по подготовке к созданию Мордовской автономии. При этом газеты неоднократно подчеркивали, что образование государственности мордовского народа зависело, прежде всего от быстрого подъема экономики и культуры, от активности трудящихся в социалистическом строительстве.

Под руководством Коммунистической партии мордовский народ за тринадцать лет Советской власти к 1930 году добился огромных успехов во всех областях общественной и политической жизни. Одним из главных является образование Мордовской автономии.

[1] СУ РСФСР, 1930 год, № 17, ст. 225.
[2] «Од веле», 25 января 1930 года.

И в братской семье народов нашей страны Мордовская Автономная Республика поднялась от безграмотности и экономической отсталости к своему университету, высокоразвитой промышленности и механизированному сельскохозяйственному производству.

Мордовская орденоносная республика ныне является республикой сплошной грамотности, республикой, производящей сложнейшее оборудование. На мордовской земле выросли крупнейшие заводы и фабрики. Вся республика покрыта широкой сетью школ, культпросветучреждений и больниц. Свидетельством огромного духовного роста трудящихся Мордовии является и то, что в республике издается 4 республиканских газеты (две на мордовских языках), 21 районная и 16 фабрично-заводских многотиражных газет.

И. А. Ефимов.

ПОМОЩЬ ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ В РАЗГРОМЕ КОЛЧАКА

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции выступили против молодой Советской республики. Советскому государству угрожала смертельная опасность. В этот тяжелый период Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с В. И. Лениным сплотили рабочий класс и трудящееся крестьянство, подняли их на героическую борьбу против коварного врага. К концу 1918 года был нанесен серьезный удар антисоветской военной авантюре, в которой роль главной ударной силы выполняли мятежники белочешского корпуса. В начале 1919 года успешно развивались операции советских войск на Восточном, Южном, Украинском, Западном и Северном фронтах. Территория, освобожденная советскими войсками, в 2,5 раза превысила территорию, занимаемую республикой Советов летом 1918 года. От врага были освобождены значительные районы Украины (Киев, Харьков, Екатеринослав, Николаев, Одесса), важные промышленные объекты Юга и Востока страны, Донбасс и часть Урала), богатые хлебом и продовольствием земли Уфимской и Оренбургской губерний. Это способствовало значительному укреплению и расширению материально-технической базы Советской республики.

Одержанные победы были достигнуты не только героическими усилиями Красной Армии, но и благодаря трудовым подвигам советского тыла. Рабочие и трудовое крестьянство, преодолевая неимоверные трудности, снабжали Красную Армию оружием и боеприпасами, продовольствием, обмундированием и снаряжением.

В Красной Армии на начало 1919 года насчитывалось до 1,5 млн. человек. Непосредственно на фронтах боевой состав войск составлял до 400 тыс. штыков и сабель[1].

---

[1] С. Ф. Найда. «КПСС — организатор побед над интервентами и белогвардейцами». Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г., сб. статей. М., 1960, стр. 5.

Враг не складывал оружия. Страны Антанты на 1919 год разработали новые планы расширения интервенции с учетом более широкого использования внутренних контрреволюционных сил. Согласно этим планам, в объединенном походе основной удар наносил с Востока Колчак. Империалисты стран Антанты взяли на себя обеспечение всех контрреволюционных сил России оружием, боеприпасами, обмундированием, деньгами. Кроме того, в Сибири, в тылу колчаковских армий, держали свои войска численностью около 119 тыс.[1].

В начале марта 1919 года более чем 130-тысячная армия Колчака развернула наступление по всему Восточному фронту протяжением почти в 2 тысячи километров. Пользуясь огромным перевесом сил, колчаковцы в течение марта захватили большую территорию на востоке страны и к середине апреля 1919 года оказались в 80 км от Казани и Самары и в 100 км от Симбирска. Территория Мордовии, как и в 1918 году, оказалась прифронтовым районом.

ЦК партии и Советское правительство во главе с В. И. Лениным предупредили советский народ об угрозе и бросили боевой клич: «Все на борьбу с Колчаком!», «Все силы на помощь Восточному фронту!». 10 апреля 1919 года В. И. Ленин обратился с письмом к петроградским рабочим, как одному из лучших, передовых отрядов рабочего класса: «Товарищи! Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. ...Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы* на помощь Восточному фронту... там решается судьба революции»[2].

Боевой программой борьбы с интервенцией и внутренней контрреволюцией стали «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», написанные В. И. Лениным, утвержденные ЦК партии 11 апреля 1919 года. Подчеркивая, что победы Колчака на Восточном фронте создают грозную опасность, ЦК потребовал от партийных, советских и профсоюзных организаций крайнего напряжения сил. В тезисах отмечалось, что борьба против интервентов и белогвардейцев во многом зависит от того, насколько активно будет участвовать в защите республики трудовое крестьянство. ЦК РКП(б) рекомендовал широко и повсеместно привлекать крестьян, и особенно крестьянскую молодежь, в ряды Красной Армии и в продовольственные отряды. Коммунистическая партия особенно высокие требования предъявляла прифронтовым районам. «В прифронтовых местностях, особенно в Поволжье,— подчеркивалось в тезисах,— надо осуществить поголовное вооружение всех членов профессиональных союзов, а в случае недостатка оружия, поголовную мобилизацию их для всяческих видов помощи Красной Армии, для замены выбывающих из строя и т. п.»[1].

[1] Из истории гражданской войны в СССР, т. 2, М., 1961, стр. 35.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 268.

В ленинских тезисах говорилось: «Мы можем победить Колчака... Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны»[2].

Сразу же после опубликования тезисов в печати все местные партийные, советские и профсоюзные организации страны широко развернули огромную работу по мобилизации всех сил для разгрома врага. Согласно постановлению Реввоенсовета Республики и Реввоенсовета Восточного фронта, Пензенская и Симбирская губернии, в числе других губерний Поволжья, 13 апреля были объявлены прифронтовой полосой и непосредственно подчинены Реввоенсовету Восточного фронта[3].

В начале марта 1919 года по решению Советского правительства был объявлен призыв в ряды Красной Армии трудящихся 1899 года рождения. В результате этого призыва Красная Армия получила 223 554 бойца[4]. В том числе по неполным данным, уезды Мордовии дали армии более 8 тыс. человек[5]. 10 апреля 1919 года во всех прифронтовых губерниях по декрету Совнаркома была объявлена мобилизация граждан 1886—1890 гг. рождения. В это время партийные организации Мордовии проводили мобилизации коммунистов. Вместе с коммунистами шли на фронт и добровольцы из числа беспартийных рабочих и крестьян.

Симбирский губком РКП(б) создал 12 апреля особую мобилизационную комиссию и постановил повсеместно мобилизовать половину членов партии[6].

Решение губкома нашло горячий отклик на местах. В Карсунском уезде было мобилизовано 56 коммунистов, в Алатырском—70. Особенно успешно прошла мобилизация коммунистов в Ардатовском уезде. Телеграфное распоряжение Симбирского губкома партии о мобилизации 50% коммунистов было получено во время работы II уездной партийной конференции. Это указание делегаты единодушно одобрили. Уездный военный комиссариат выпустил специальное воззвание. «Товарищи рабочие и трудовое крестьянство! В ваших руках тысячи, сотни тысяч голодающей бедноты,— говорилось в нем,— Вы, трудящиеся массы, есть главный фундамент Советской республики... От Вас зависит спасение пролетарской революции. Отдавайте свои лучшие силы на защиту прав трудящихся...

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 272.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 274.
[3] ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 429, л. 40.
[4] С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965, стр. 366.
[5] ГАПО, ф. 1159, оп. 1, д. 73, л.л. 140, 146, 147, 170; д. 72, л.л. 91—94; ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 26, л. 8; ГАТО, ф. 1832, оп. 1, д. 29, л. 172.
[6] Симбирская губерния в годы гражданской войны, Ульяновск, 1960, т. 2, док. № 42.

идите в Красную социалистическую армию... Пусть честные граждане заполняют передовые ряды Красной Армии и этим мы победим ненавистного врага рабочих и крестьян — Колчака»[1]. В мае 1919 г. воззвание Ардатовского увоенкомата было опубликовано в «Правде». Коммунисты широко разъясняли этот важный документ среди трудящихся, организованно являлись в мобилизационные пункты. С 15 по 29 апреля из Ардатовского уезда было мобилизовано 275 коммунистов и 127 сочувствующих, в числе которых было 6 женщин и 5 комсомольцев[2].

Мобилизация коммунистов оказывала сильное патриотическое воздействие на трудящихся. Повсюду в уезде проходили митинги. «Мы, граждане Чамзинской волости Ардатовского уезда,— говорилось в резолюции митинга,— выслушав ряд ораторов по текущему моменту, о Красной Армии... вынесли следующее решение: стать твердо на защиту социальной революции и крепко держать Красное Знамя. Шлем наш пролетарский привет нашим товарищам, сражающимся с белогвардейскими бандами Колчака и другими прихвостнями подлой буржуазии. Мы смело и твердо заявляем, что по первому зову пойдем в ряды Красной Армии в помощь Вам и общими усилиями сломим последний натиск белогвардейской сволочи»[3].

Коммунисты Ардатовского, Алатырского и Карсунского уездов, как и в целом вся партийная организация Симбирской губернии, в самый трудный момент борьбы с Колчаком предприняли героические усилия для того, чтобы не допустить его к Волге.

Председатель губкома партии И. М. Варейкис на III-й губернской партийной конференции 25 августа 1919 года отметил, что для «предотвращения угрозы переправы через Волгу со стороны Колчака, губкому пришлось произвести громадное напряжение сил, мобилизовал все, что только мог, а именно около 1500 коммунистов и сочувствующих, 120 коммунисток, перестроил всю свою работу на военный порядок, создал курсы санитарок, ежедневно посылал политических работников для армии...»[4].

Большую роль в организации помощи фронту сыграли партийные организации и местные Советы Саранского, Рузаевского, Краснослободского, Спасского и других уездов Пензенской и Тамбовской губерний, частично или полностью вошедших в состав Мордовской АССР. Все вопросы, обсуждаемые на собраниях, митингах, съездах Советов, партийных конференциях служили одной цели — направить все усилия на разгром Колчака.

---

[1] «Правда», 8 мая 1919 г.

[2] «Трудовая коммуна», 8 мая 1919 года.

[3] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Сборник документов, Саранск, 1959, док. № 212.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 228, л. 3.

10 апреля на заседании Пензенского губкома ВКП(б) было решено устроить «Неделю» по созданию Коммунистического полка из числа призванных коммунистов и добровольцев Пензенской губернии[1]. Решения губкома о мобилизации 20% коммунистов и о создании Коммунистического полка нашли горячую поддержку на местах. Вскоре, 17 апреля, в Рузаевке состоялось заседание представителей партийных, советских и профсоюзных организаций. На нем обсуждался вопрос о положении на Восточном фронте и решение губкома от 10 апреля. Все присутствующие от лица трудящихся уезда заявили, что «посягательство на удушение революции с какой бы стороны оно не исходило, будет вырвано с корнем и получит должный отпор в лице трудящихся масс. Мы заявляем, что из нашей груди сделаем надежный Красный оплот, о который разобьются все банды Колчака»[2].

По Саранскому, Рузаевскому, Инсарскому, Наровчатскому и Краснослободскому уездам по партийной мобилизации было призвано и направлено в распоряжение Пензенского Коммунистического полка 468 коммунистов, а всего по губернии — 1085 коммунистов и сочувствующих, 136 добровольцев[3]. Так формировался Пензенский Коммунистический полк.

По неполным данным, за апрель из Мордовии всего было призвано более 1000 коммунистов[4]. Кроме того, была проведена мобилизация членов профсоюзов. В Пензенской губернии из состава 20% профсоюзной мобилизации был сформирован 313-й стелковый полк[5]. В Симбирской губернии было мобилизовано 50% членов профсоюзов, из числа которых формировалась Симбирская рабочая бригада, а впоследствии 3 бригада 49-й дивизии[6].

8 мая 1919 года в Пензе были устроены торжественные проводы на фронт Коммунистического полка, в рядах которого было более 400 коммунистов и добровольцев из Мордовии.

---

[1] Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918—1920 гг.), Сб. док., Пенза, 1960, стр. 39.

[2] Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны, док. № 20.

[3] См. таблицу на стр. 154.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 172, лл. 3, 12, 15, 17; д. 218, лл. 91—101; д. 213, л. 3; д. 301, л. 4; ПАТОК КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 197, л. 1; ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 26, лл. 8—9; газ. «Трудовая Коммуна», 8 мая 1919 г. Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны. Указ. сборник, стр. 220, Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии, сборник документов и материалов, Саранск, 1960, док. № 109, 110.

[5] Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны. Указ. сб. документов, стр. 50.

[6] Симбирская губерния в годы гражданской войны, т. 2, Ульяновск, 1960, док. № 38, 42.

Губком партии вручил полку боевое Красное Знамя. 12 мая полк прибыл в Симбирск и вошел в состав 25-й Чапаевской дивизии.

Волостная мобилизация, проведенная в Мордовии в конце апреля — начале мая 1919 года, дала Восточному фронту около 1,5 тысяч человек. Число же всех мобилизованных из Мордовии, большинство которых было отправлено на Восточный фронт, составило более 25 тыс. человек. Поуездное распределение мобилизованных показывает следующая таблица[1].

Уезды	Партийная мобилизация	Профсоюзная мобилизация	Волостная мобилизация	Общие мобилизации	Общее количество мобилизованных
Ардатовский	398	81	278	3343	4100
Инсарский	79	28	114	1889	2110
Краснослободский	87	33	206	3350	3676
Наровчатский	148	29	198	2805	3180
Рузаевский	18	33	104	2011	2166
Саранский	136	221	239	3259	3855
Спасский	113	15	160	2522	2810
Темниковский	28	27	185	2952	3192
Всего:	1007	467	1484	22131	25089

Апрельско-майские мобилизации (партийная, профсоюзная, волостная) в Поволжье, в том числе и в Мордовии, сыграли исключительно важную роль в пресечении наступательного пыла колчаковских армий. Еще до подхода основных резервов из центральных губерний действующие войска Красной Армии Восточного фронта получили количественное и качественное пополнение. Среди призванных было много коммунистов, наиболее сознательных рабочих и крестьян, которые своим личным примером вдохновляли бойцов, поднимали боеспособность и политико-моральное состояние войск.

Мобилизация коммунистов на фронт по времени совпала с перерегистрацией членов партии, которая проводилась на основе решений VIII съезда РКП(б) в апреле — мае 1919 г. В отношении лиц, отказавшихся от мобилизации, ЦК принял решение считать их не выбывшими, а исключенными из партии и запретил парторганизациям снова принимать их в партию, а

[1] Таблица составлена на основе данных, взятых из следующих источников: ГАПО, ф. 1159, оп. 1, д. 72, лл. 1—12, 91, 93, 94; д. 71, лл. 190—210; д. 73, лл. 170, 142, 147; ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 89, лл. 388, 389; д. 75, лл. 288—289; ф. 55, оп. 1, д. 29, л. 31 ГАТО, ф. 1832, оп. 10, д. 41; лл. 169—173, 212; д. 29, лл. 175, 227, 238. ПАМОК КПСС, ф. 327, св. 4, д. 100, л. 9.

ВЦИКу поручалось провести закон о зачислении их в тыловое ополчение наряду с нетрудовыми элементами[1].

В результате перерегистрации, проходившей на основе широкой гласности, численность состава партячеек значительно сократилась. По Краснослободскому, Темниковскому, Спасскому уездам это сокращение достигло до 50% всего состава[2]. Уменьшение численности членов партии не только не ослабило партийные организации, а, напротив, укрепило их, так как в партии оставались лучшие, наиболее сознательные и активные коммунисты. Волостные и сельские ячейки стали более стойкими и дисциплинированными, способными решать сложные задачи хозяйственного и оборонного характера.

«До перерегистрации в ячейке наблюдалась какая-то неразбериха,— отметил в своем выступлении на IV Спасской уездной партийной конференции делегат от Анаевской волости Соколов,—...Когда в волячейке произошла перерегистрация, то из 49 членов осталось 30. Эти члены партии спаяны партийной дисциплиной и по первому зову Революции встанут на защиту её завоеваний»[3].

Партийные организации Мордовии наряду с массовыми мобилизациями коммунистов на фронт в условиях близости фронта принимали все меры для поднятия боевой готовности своих рядов.

Постановлением ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года для борьбы с контрреволюционным подпольем, усилившим свою деятельность в связи с наступлением колчаковских армий, всем партийным организациям предлагалось принять срочные меры по созданию Частей Особого Назначения (ЧОН)[4].

В уездах Мордовии Части Особого Назначения создавались в апреле — мае 1919 года[5], за исключением Ардатовского, Карсунского и Алатырского уездов. По решению ЦК РКП(б) в пределах Симбирской губернии «ввиду особого положения Восточного фронта» и массовым мобилизациям коммунистов в губернии формирование Частей Особого Назначения было прекращено, о чем ЦК партии известил Симбирский губком РКП(б) в телеграмме от 17 мая 1919 года[6].

[1] «Правда», 24 апреля 1919 г.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, лл. 3, 12, 15, 17; д. 218, лл. 91—101; д. 213, л. 3; д. 301, л. 4; ПАТОК КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 197, л. 1; ПАТОК КПСС; ф. 1, оп. 1, д. 238; д. 51, лл. 1—5; ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 26, лл. 8—9; газ. «Трудовая Коммуна», 8 мая 1919 г.; Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны. Указ. сборник, стр. 220; Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии. Указ. сборник, док. №№ 89, 110.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 330, л. 7.

[4] «Правда», 23 апреля 1919 г.

[5] ПАПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 67, лл. 12, 13. ПАТОК КПСС. ф. 840, оп. 1, д. 196, л. 37.

[6] ПАУОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 15.

Вопросы организации ЧОН предварительно обсуждались на партийных собраниях и конференциях, где вырабатывались инструкции, принимались программы боевой подготовки коммунистов и т. д.

Так, например, в конце апреля 1919 года Инсарский уком РКП(б) начал формирование ЧОН. «На партийном собрании постановили организовать коммунистическую боевую единицу,— говорится в отчете укома за апрель 1919 г.— которая всегда была бы готова к подавлению контрреволюционных выступлений. Для этой цели решено всех коммунистов и сочувствующих обучать военному делу 3 раза в неделю по 2 часа. Организован штаб, который руководит этим делом»[1].

При организации боевых единиц сельские и волостные партийные[1] организации руководствовались «Инструкцией по организации районных коммунистических отрядов», составленной укомом и штабом ЧОН[2].

Согласно инструкции, уезд был разделен на 5 районов (центры: с. С. Пятино, Старо-Карсаковский Майдан, С. Майдан, Старое Шайгово, Инсар). Районный отряд возглавлялся командиром, обязанностью которого считалось: организация боевых отделений и звеньев в волостях и селах района и контроль за военным обучением их согласно выработанной штабом программы.

В отряды особого назначения принимались члены Коммунистической партии, сочувствующие и «граждане, имеющие желание с оружием в руках защищать Советскую республику от контрреволюционных вспышек по рекомендации 2-х членов партии»[3].

В Темниковском уезде части особого назначения создавались несколько иначе. Согласно «Положения для организации партийного штаба и создания из членов партии частей особого назначения», принятого Темниковским укомом РКП(б) в мае 1919 года[4], в ЧОН включались только коммунисты. «Все ячейки по волостям должны свестись во взводы и взводы уже разбить отделениями по селам в таком порядке, чтобы в отделение попали люди одной волости, во взвод — люди одного района...»[5]

В положении предусматривались штаты районных отрядов и центрального уездного штаба, их права и обязанности. Однако оно имело и существенные недостатки, нарушавшие принципы внутрипартийной жизни.

В нем уделялось недостаточное внимание политико-воспитательной работе в отрядах, сказались неправильные действия руководителей укома. Так, в 15-м параграфе «Положения...» говорилось, что за неявку на сборный пункт по тревоге виновников следует расстреливать. ЦК РКП(б) в своем письме Темниковскому укому серьезно указал на этот произвол. «Ни в коем случае нельзя расстреливать членов партии за нарушение какого бы то ни было важного постановления. Право расстрела принадлежит исключительно административным органам. Для члена же партии нет выше наказания, чем исключение из партии...»[1].

Указания Центрального Комитета партии помогли Темниковскому укому РКП(б) занять правильную линию в этом вопросе.

В Спасском уезде в связи с мобилизацией 1/5 части коммунистов на фронт еще в конце декабря 1918 года было решено создать боевой отряд коммунистов из 25 человек[2], ставший затем ядром уездного ЧОНА.

В условиях прифронтового тыла военизирование партийных организаций приобретало особо важное значение в подавлении контрреволюционных мятежей, диверсий и заговоров, в создании благоприятных условий для действующих частей Красной Армии и работы тыла.

Забота трудящихся Мордовии не ограничивалась только мобилизацией людских сил фронту. Труженики мордовского края оказывали всестороннюю помощь в формировании частей Красной Армии для Восточного фронта, в мобилизации всех материальных ресурсов для победы над врагом.

Саранск по-прежнему, как и в 1918 году, являлся центральным пунктом всех воинских формирований 1-й армии. Здесь проходили военную подготовку все прибывающие пополнения, готовились кадры младшего командного состава. Только за март 1919 года Мобилизационный отдел 1 армии направил в распоряжение Симбирской, Пензенской и Инзенской дивизий более 5 тысяч подготовленных бойцов и красных командиров[3].

В апреле — мае 1919 года в Саранске находился Военно-революционный Комитет Башкирской советской республики, занимавшийся здесь формированием Башкирской дивизии. Трудящиеся Мордовии оказывали Комитету всестороннюю помощь.

Крупнейшим пунктом формирования боевых полков для Восточного фронта был город Ардатов и Алатырь. В Ардатове были расквартированы части 55-й стрелковой дивизии с личным составом около 15 тысяч человек[4].

Первая половина 1919 года была одной из труднейших периодов борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции. От трудящихся

[1] ПАПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 67, л. 12.
[2] Там же, л. 13.
[3] Там же.
[4] ПАТОК КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 196, л. 37.
[5] Там же.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 39, л. 160.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 172 л. 3.
[3] ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 1085, лл. 1—4.
[4] Там же, ф. 212, оп. 2, д. 136, л. 36; ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, л. 365.

Советского государства потребовалось огромное напряжение трудовых усилий для обеспечения нужд многомиллионной Красной Армии.

1 империалистическая, а затем гражданская войны поставили экономику страны в чрезвычайно тяжелое положение. Сокращение выплавки чугуна и нехватка топлива, изношенность станков и машин, уход в Красную Армию многих тысяч квалифицированных рабочих вызвали катастрофическое падение производительности труда во всей промышленности.

В. И. Ленин в «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта» писал: «Мы можем очень сильно увеличить нашу армию, если улучшим её снабжение оружием, одеждой и пр.»[1].

С этой целью по призыву ЦК партии создавались комитеты содействия, бюро помощи Красной Армии, которые провели большую работу по мобилизации всех ресурсов для нужд обороны.

В условиях падения производства промышленной продукции Советское правительство обратило особое внимание на местную кустарную промышленность, которая должна была снабжать армию обмундированием, предметами обоза и т. д.

Весной 1919 года при губернских и уездных совнархозах были образованы отделы военных заготовок, которые развернули большую работу по изысканию всех возможностей для широкого использования местного производства. К этому времени значительно улучшилась работа и снабженческого аппарата дивизий и армий Восточного фронта. Агенты снабжения вышеназванных штабов направлялись во все уезды прифронтового тыла. Совместно с отделами военных заготовок совнархозов они занимались организацией производства и заготовок для частей Красной Армии обозно-вещевого довольствия, обмундирования, фуража, продовольствия и т. д.[2].

Например, на пленарном заседании коллегии Ардатовского совнархоза 17 мая 1919 года, по предложению агента особых поручений Восточного фронта по снабжению армии продовольствием Андреева, направленного в Ардатовский уезд для всестороннего обследования и выяснения на месте о целесообразности организации производства галет и суррогатов кофе, «нашли возможным немедленно начать выработку галет, коржиков и сушек в количестве 200 пудов и 50 пудов кофе в сутки и приступить к сбору желудей до 5 тыс. и фруктов до 10 тыс. пудов»[3].

Отделы военных заготовок практически доводили до войск предметы продовольственного, вещевого довольствия, необходимые для боевой деятельности частей Красной Армии.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 273.
[2] ЦГАСА, ф. 157, оп. 6, д. 248, л. 173, д. 264, 265 и т. д.
[3] ГАУО, ф. 104, оп. 1, д. 39, лл. 240—241. Ед. хранения передана в ЦГА МАССР, ф. 1203.

Приказом Чрезвычайного Уполномоченного Совета обороны Восточного фронта (ЧУСО ВФ) от 9 апреля 1919 года Симбирскому отделу военных заготовок было дано 3-х месячное задание: изготовить 30 тыс. пар армейской обуви, 100 тыс. пар валенок, 300 тыс. пар лаптей, 93 тыс. шинелей, 115 тыс. суконных армейских рубах, 120 тыс. армейских шаровар, 38 тыс. пар нательного белья, 1800 полушубков, 1200 полных комплектов упряжи, 100 кавалерийских седел, 1400 двуколок, телег и парных повозок, 50 походных кухонь, 600 саней[1].

Большая часть из этих заготовок приходилась на долю Алатырского, Карсунского и Ардатовского увоенсагов. В марте — апреле 1919 г. Алатырский увоенсаг в своих подведомственных мастерских ежемесячно готовил 50 тыс. шинелей, 37 тыс. шаровар и рубах, до 50 парных повозок, 1200 кроватей, 2 тыс. топоров, до 7 тыс. лопат и т. д.[2]. Значительную часть военных заготовок выполняли сельские крестьянские кустарно-промысловые артели. Такую же большую работу проводил Ардатовский увоенсаг. Только его пошивочными мастерскими, организованными в десятках селений уезда, за 1919 год изготовлено 28080 шинелей, 5675 суконных солдатских шаровар, 20654 рубах и десятки тысяч различной солдатской обуви[3].

Тургеневская мельница (быв. Попова) Ардатовского уезда выполняла крупные заказы для Красной Армии по помолу муки и фуража. За 7 месяцев ею намолото 373 740 пудов муки[4].

Учитывая тяжелое экономическое положение в стране, Темниковский усовнархоз провел значительную работу по налаживанию производства самых необходимых товаров потребления для снабжения Красной Армии и трудового населения. Темниковский уезд один из самых лесных уездов Мордовии. Более 3/4 его территории занято лесами. Поэтому основное занятие кустарей было изготовление сырья и продукции лесной промышленности.

12 января 1919 года был созван съезд деревообделочников, на котором был принят примерный устав артелей, установлены цены на производимую продукцию.

Уже до марта 1919 года в уезде было организовано более 20 артелей: Тенишевская (ободники), Криушинская (корытники, лопатники), Красноярская (санники), Шокшинская (ободники, колесники и тележники), Стрельниковская (лапотники), Степановская (корытники, колесники), Лаврентьевская (гребенщики), Старогородская (корытники и лапотники), Веденяпинская (по выработке дубовых клепок), М. Майданская

[1] ГАУО, ф. 153, оп. 2, д. 33, лл. 1—2.
[2] И. М. Корсаков, М. И. Романов. Из истории Мордовии в годы гражданской войны, Саранск, 1958, стр. 156.
[3] ГАУО, ф. 153, оп. 2, д. 58, Подсчитано нами.
[4] ЦГА МАССР, ф. 55, лл. 1, д. 10, л. 309.

(токарей по дереву), Саловская (по изготовлению деревянной посуды) и многие другие[1].

Отдел промышленности Темниковского УСНХ приложил много усилий на ремонт и пуск некоторых бездействующих заводов в уезде. В январе 1919 года был пущен Тенишевский завод сухой перегонки дерева, производивший ценные материалы государственной важности: древесный спирт, ацетон, уголь, деготь и смолу. За время с 10 января по 1 марта завод произвел 369 пудов ацетонового порошка, 750 пудов смолы, 510 четвертей угля и др. материалы[2].

Национализированные чугунолитейные заводы Пономаревой и Скоробогатова давали ежемесячно 600—700 пудов литья. Артель сапожников только за февраль выработала 1500 пар кожаной обуви[3].

Краснослободский усовнархоз за первую половину 1919 года организовал в уезде 14 трудовых артелей, в которых работало 250 кустарей. За первое полугодие 1919 года ими произведено 300 пудов веревки, 360 топоров, 601 подосник, 5353 подковы, 276 седелок, 7905 боронных зубьев, 1001 мотыга, 742 сошника, 46 соломорезок, 1190 граблей и др. предметов. Сапожная артель изготовила 1500 пар сапог для Красной Армии. Кирпичный завод за летний сезон выработал более 200 тыс. кирпичей[4].

Отдел военных заготовок Лукояновского усовнархоза, согласно распоряжению ЧУСО, в начале 1919 года организовал трудовые артели портных, шапошников, по выделке овчин и по изготовлению ведер, котелков и кружек[5]. К весне 1919 года были отремонтированы и пущены в ход лесопильные заводы в Кемле (бывш. завод Философова), Оброчном и др.

Для кустарной обработки дерева были организованы артели, готовящие ободья, колесы, лопаты, сани, телеги, корыта и т. п. До марта 1919 года этими артелями изготовлено 20655 станов колес, 1533 лопаты, 1371 окосье, 4655 саней, 6000 дуг, 605 станов обода, 8230 граблей, 65515 берд, 9245 пар оглоблей, 200 дышел, 11835 топорищ, 8799 гребней и много других изделий. Из этой продукции было сдано военному ведомству 3751 ход саней, 6000 дуг, 7510 пар оглоблей, 200 дышел и т. д.[6]

Таким образом, при слабой материально-технической базе Советской республики деятельность местных совнархозов имела исключительно большое значение в снабжении Красной Армии обмундированием и обозно-вещевым довольствием, без

[1] ЦГА МАССР, ф. 62, оп. 1, д. 23, лл. 144—146.
[2] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 23, лл. 46—202.
[3] Там же, лл. 46, 143, 202.
[4] И. М. Корсаков, М. Романов, Указ. соч., стр. 121.
[5] Арзамасский филиал ГАГО, ф. 78, д. 51, л. 56.
[6] Там же.

которых она не могла успешно вести борьбу с бесчисленными врагами революции.

Уездные совнархозы в основном удовлетворяли и местные нужды населения в необходимых предметах потребления.

Опыт первых месяцев работы усовнархозов показывает, что при тех исторических условиях партия и Советское правительство нашли правильную форму организации производства на местах и вовлечения в него широких масс трудящихся. Основной и самой важной задачей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций Мордовии, как и в 1918 году, являлась задача снабжения армии и промышленных центров продовольствием.

Известно, что в конце 1918 года ВЦИК принял декрет об обложении крестьянских хозяйств натуральным налогом, освободив от него бедноту и возложив налоговую тяжесть на кулацко-зажиточную часть. Среднее крестьянство налогом облагалось умеренно. Однако продолжавшаяся гражданская война, временная потеря ряда крупных производящих продукты сельского хозяйства районов страны (Сибирь, Северный Кавказ, часть Украины и др.) требовала замены натурального налога. 11 января 1919 года был издан декрет о продразверстке. Советское государство вынуждено было взять на учет и изыскать все излишки продовольствия у крестьян. Это был единственно возможный в тех условиях путь снабжения армии и рабочих продовольствием. «...мы, будучи в осажденной крепости,— говорил В. И. Ленин,— не могли продержаться иначе, как применением разверстки, т. е. взять все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем»[1].

При проведении продовольственной диктатуры, партия и Советское правительство использовали положительный опыт 1918 года, продолжив посылку рабочих продотрядов в деревню, обратив особое внимание на подбор в продотряды наиболее сознательных, преданных делу революции и Советской власти людей.

До 1 апреля только по линии Военпродбюро было направлено 255 продотрядов, из них в Тамбовскую губернию — 20, Пензенскую — 13, Симбирскую — 5[2]. Важное место отводилось улучшению состава продовольственного аппарата. К началу 1919 года уездные продовольственные органы Мордовии были полностью очищены от различного рода антисоветских элементов. Внутри уездов создавались районные Чрезвычайные комиссии по изъятию излишков хлеба. Большая помощь местным

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 150.
[2] «Экономическая жизнь» (Симбирск), 4 апреля 1919 г.

продовольственным органам была оказана особоуполномоченными ВЦИК и ЦК РКП(б).

В задачу продотрядов входило прежде всего изъятие излишков хлеба, заготовка и отправка его в Красную Армию и промышленные центры. Работа продотрядов проходила в тесном контакте с беднотой и средним крестьянством. Продотрядовцы вели широкую разъяснительную работу среди крестьян. Они выступали на крестьянских собраниях, убеждали крестьян в добровольной сдаче излишков хлеба государству.

Успешному выполнению хлебных заготовок способствовала также установленная стимулирующая система отпуска промышленных товаров первой необходимости. Волостям, выполнившим 50% продовольственной разверстки, отпускались по твердым ценам мыло, сахар, соль и т. д. В каждом уезде были созданы продобменные пункты. Только за январь месяц трудящиеся Ардатовского уезда получили 2484 пуда сахара на сумму 496800 руб. и 3150 пудов керосина; Карсунского — 2508 пудов сахара и 3085 керосина, Алатырского — 2204 пуда сахара и 2755 пудов керосина[1].

За это же время Ардатовский, Алатырский и Карсунский уезды заготовили около 110 тыс. пудов хлеба и, кроме того, в Ардатовском уезде сдано 422 пуда растительного масла[2].

Организация продовольственных заготовок была вопросом жизни Советской республики, решала судьбу революции на фронте и в тылу. Поэтому от продовольственных работников на местах требовалась особенно четкая и бесперебойная работа. Деятельность их находилась под неослабным контролем ЦК партии и Советского правительства. Между тем, имелись еще недостатки в работе хлебозаготовителей. Иногда из-за несвоевременной подачи транспорта и других причин срывались наряды по отправке хлеба в промышленные центры[3].

О состоянии заготовок продовольствия и отправке его по назначению с хлебозаготовительных пунктов Ардатовского, Карсунского и Алатырского уездов за февраль 1919 года говорит следующая таблица[4].

Наименование уездов	Всего заготовлено за м-ц	Отправлено по нарядам за м-ц	Из всего заготовленного хлеба не вывезено
Ардатовский	31227	70849	82625
Корсунский	25802	54201	86653
Алатырский	51580	79608	49411
Итого:	108609	204658	218689

[1] «Экономический путь», (Симбирск), 21 февраля 1919 г.
[2] Там же, 22 февраля 1919 г.
[3] Там же, 2 февраля 1919 г.
[4] Таблица составлена на основе данных «Экономической газеты», (Симбирск), 21 февраля 1919 года.

Как видно из таблицы, в месяцы наименьшего поступления от населения продовольствия только в 3-х уездах Симбирской губернии имелось более 218 тыс. пудов неотправленного хлеба.

За нераспорядительность и формальное отношение к продовольственному делу Симбирский губпродкомиссар получил строгое предупреждение от В. И. Ленина. В телеграмме от 6 января 1919 года в Симбирский губпродком Владимир Ильич писал: «Комитет 42 организаций голодающих рабочих Петрограда и Москвы жалуется на Вашу нераспорядительность. Требую максимальной энергии с Вашей стороны, неформального отношения к делу и всесторонней помощи голодающим рабочим. За неуспешность вынужден буду арестовать весь состав Ваших учреждений и предать суду. Отдал срочное распоряжение об увеличении паровозов и вагонов. Вы должны немедленно погрузить имеющиеся налицо два поезда по 30 вагонов. Телеграфируйте исполнение.

Хлеб от крестьян Вы обязаны принимать днем и ночью. Если подтвердится, что Вы после 4 часов не принимали хлеба, заставляли крестьян ждать до утра, то Вы будете расстреляны»[1].

Симбирским губисполкомом были приняты срочные меры по расследованию фактов, о которых говорилось в телеграмме В. И. Ленина. Результаты обследования 10 января были обсуждены на заседании губисполкома, а материалы расследования были немедленно отправлены В. И. Ленину.

Трудящиеся Мордовии сделали правильные выводы из замечаний В. И. Ленина, усилили темпы сдачи хлеба, помогли продорганам разыскать множество тайников и ям с хлебом, спрятанными кулаками. Они неоднократно проявляли инициативу по организации добровольной сдачи хлеба в помощь Красной Армии и голодающим рабочим Москвы и Петрограда. Только от крестьян Инсарского уезда летом 1919 года за счет двухфунтового отчисления от нормы рабочие Москвы и Петрограда получили 13 тыс. пудов[2]. Трудящиеся Рузаевского уезда на подарки бойцам Красной Армии в июне 1919 года собрали 4113 рублей[3].

Весной 1919 г. одной из главных задач перед трудящимися Мордовии было успешное проведение посевной кампании. В январе — апреле 1919 г. вопросы организации весеннего сева не сходили с повестки дня съездов Советов, партийных конференций и собраний, крестьянских сходов. Партийными советскими организациями принимались все меры к тому, чтобы как можно больше сократить площади пустующих земель: были взяты на учет весь семенной запас, сельскохозяйственные орудия, рабочий скот, созданы прокатные пункты, агрономические

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 238.
[2] И. М. Корсаков, М. И. Романов, Указ. соч., стр. 54.
[3] «Известия Рузаевского совдепа», 22 июня 1919 года.

участки, опытные поля, организована закупка яровых и огородных семян[1].

В результате принятых мер только по трем уездам: Ардатовскому, Темниковскому и Спасскому площади незасеянных земель сократились наполовину по сравнению с 1918 годом[2].

Исключительно большое оборонное значение имели железные дороги, проходящие через Мордовию, по которым совершались важнейшие топливные, продовольственные и оперативные перевозки. Железнодорожный транспорт весной 1919 года переживал огромные трудности. В течение многих лет не ремонтировались дороги, не хватало подвижного состава, топлива. Ремонт локомотивов задерживался из-за недостатка запасных частей, квалифицированных рабочих. В связи с мобилизацией рабочих на фронт количество опытных железнодорожников резко уменьшилось.

Сильно затрудняли работу железнодорожного транспорта спекулянты-мешочники, которых особенно много было весной и летом 1919 г. Среди них было немало враждебных элементов, агентов контрреволюции, распространявших различные контрреволюционные слухи.

«Известия» Рузаевского совдепа от 28 мая 1919 года призвали трудящихся вести беспощадную борьбу с «контрреволюционной пропагандой на рельсах». «Широкой волной,— писала газета,— развивается провокационная пропаганда, разводимая мешочниками. Они сеют недовольство Советской властью и ненависть к коммунистам. Они покупают хлеб у кулаков, оставляя без хлеба бедняков, перегружают и разрушают транспорт, задерживают доставку хлеба голодающим».

Коммунистическая партия и Советское правительство приняли серьезные меры по налаживанию транспорта. На железных дорогах было введено военное положение. К охране полотна железных дорог привлекалось все окрестное население.

По решению ЦК РКП(б) проводилась мобилизация на транспорт коммунистов. Были приняты меры к возвращению квалифицированных железнодорожных рабочих к месту их прежней работы.

Железнодорожники Рузаевки, Красного Узла, Ковылкина, Торбеева и других станций напрягли все силы для проведения в жизнь мероприятий партии и правительства по укреплению транспорта. В Рузаевке днем и ночью работали паровозные и вагонное депо, ежесуточно формировались десятки составов для отправки на фронт и в центральные промышленные районы. «Приветствуем рабочих красного Петрограда, как истинных и стойких борцов за идеи социализма,— говорится в одном из постановлений собрания... Мы, рабочие и служащие ст. Рузаевка, громко заявляем, что приложим все усилия в смысле поднятия производительности труда, восстановления железнодорожного транспорта и тем самым дадим возможность снабдить предметами первой необходимости рабочих Красного Петрограда, дабы доказать нашим врагам, что рабочим ст. Рузаевка также дороги интересы и завоевания рабочих далекого Петрограда»[1].

Для борьбы с мешочниками и подрывной работой враждебных элементов на железной дороге была создана участковая транспортная Чрезвычайная комиссия (УТЧК) с заградительными отрядами. Её возглавил один из активных и опытных коммунистов Рузаевского уезда И. А. Чичаев[2].

В конце мая 1919 года в Рузаевке был создан политотдел железнодорожного района (участка), председателем его стал П. М. Фокин, до этого работавший председателем Рузаевского уисполкома.

В трудные месяцы борьбы против Колчака в гуще народных масс родилась идея коммунистических субботников. Рузаевские коммунисты 1-й субботник провели 27 мая 1919 года[3]. В нем приняли участие все коммунисты и многие советские работники уезда, рабочие железнодорожного узла. Квалифицированные рабочие депо делали текущий ремонт паровозов, остальные убирали территорию станции, грузили вагоны с продуктами и военным снаряжением. Все участники субботника работали дружно, с большим энтузиазмом, под «Дубинушку», закончили работу пением «Интернационала».

Майский субботник железнодорожников Рузаевки был первым в Мордовии. Вскоре коммунистическими субботниками была охвачена основная масса рабочих и служащих, крестьян деревни. Субботники помогли усилить снабжение фронта, восстановить транспорт, вести борьбу с топливным голодом.

Коммунистические субботники явились ответом на призыв Коммунистической партии: «Взяться за работу по-революционному!».

Огромное историческое значение коммунистических субботников В. И. Ленин видел в том, что они были сознательным и добровольным почином трудящихся в повышении производительности труда, началом перехода к новой коммунистической трудовой дисциплине.

Коммунистические субботники являлись одним из важных факторов укрепления союза рабочего класса с крестьянством, сплочения их вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. «Мы, железнодорожники, должны дружно сомкнуть свои ряды вокруг рабоче-крестьянской Советской

[1] ЦГА МАССР, ф. 310, оп. 1, д. 10, л. 105, ф. 62, д. 42, лл. 20—24, ф. 16, оп. 1, д. 3, л. 79.
[2] М. А. Агеев. Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960, стр. 68—69.

[1] М. Ф. Жиганов. Посланцы В. И. Ленина в Мордовии, стр. 135.
[2] За власть Советов, Сборн. воспоминаний, стр. 44.
[3] «Правда», 21 июня 1919 года.

власти и помочь всеми силами скорейшей победе нашей доблестной, стоящей на страже интересов трудящихся масс, Красной Армии,— заявили на митинге 27 июня рабочие Рузаевки,— Мы клеймим позором всех провокаторов и врагов революции... и всех трусов, стоящих в стороне от общей борьбы»[1].

Важное место в мероприятиях по оказанию помощи фронту занимала борьба с дезертирством. Дезертирство было опасно для Красной Армии, так как оно расшатывало воинскую дисциплину. Иногда дезертиры становились участниками различных банд и контрреволюционных мятежей, мешавших нормальной работе тыла.

Для борьбы с дезертирством Советское правительство учредило специальный орган — центральную комиссию, а на местах в начале 1919 г. создаются губернские, уездные и, несколько позднее, волостные комиссии (губкомдезы, укомдезы и волкомдезы).

В постановлении Совета обороны республики «О мерах по искоренению дезертирства» от 3 июля 1919 года особо подчеркивалось: «чтобы дать возможность всем, уклонившимся от мобилизации и дезертировавшим из Красной Армии, загладить свое преступление добровольной явкой в ближайший волостной, уездный или городской комиссариат по военным делам. Явившиеся добровольно в течение 7 дней со дня опубликования настоящего постановления освобождаются от суда и наказания за уклонение от мобилизации»[2]. Местные советские и партийные организации развернули широкое разъяснение этого и других постановлений. Они принимали все меры для возвращения дезертиров в армию: создавали специальные отряды, проводили облавы, злостных дезертиров сурово наказывали. Рузаевская газета писала: «Борьба против надвигающейся с Востока опасности должна сделаться всенародной... Не должно быть места дезертирам, уклоняющимся от исполнения долга»[3]. Во многих селениях крестьяне сами вели борьбу с дезертирством: на общем собрании в д. Стрелецкая Слобода было постановлено немедленно выселить всех дезертиров из деревни[4].

Красноармеец Саранского уезда Ф. Д. Лукин писал своим родным: «Дорогой папа, еще раз прошу Вас... сходить в Совет и скажите им от имени нас, красноармейцев, борющихся на фронте за святое дело Родины, чтобы они гнали всех дезертиров, шкурников, предателей и изменников Родины, эти дезертиры враги наши, и мы им шлем проклятие тысячу раз»[5].

---

[1] «Известия» Рузаевского Совета, 2 июля 1919 года.
[2] «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства», 1919, стр. 326.
[3] «Известия» Рузаевского Совета, 11 мая 1919 года.
[4] Там же, 12 июля 1919 г.
[5] РФ МНИИЯЛИЭ, д. 559, л. 181.

Исходя из того, что большинство дезертиров совершали свои поступки несознательно, преобладающей формой борьбы с этим злом являлась разъяснительная политико-массовая работа. На улицах и в общественных местах распространялись плакаты и лозунги, позорящие дезертиров и призывающие их вернуться в ряды Красной Армии. «Долг каждого честного гражданина,— говорилось в воззвании Совета Тамбовского укрепленного района от 11 июля 1919 г.,— немедленно вступить в ряды Красной Армии. Надеясь на то, что население достаточно уже прозрело и не захочет вновь взвалить на себя ту кабалу, которую несут им вновь Колчак, Деникин и другие ставленники капиталистов, Совет укрепленного района Тамбовской губернии, приняв на себя тяжесть борьбы с врагом и охраны рабочих и крестьян губернии от посягательства на их труд и свободу, объявляет дополнительный призыв граждан, родившихся в 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899 и 1900 гг., которые вольно или невольно не явились на сборный пункт одновременно со своими сверстниками... Упомянутые граждане, добровольно явившиеся в уездные комиссариаты до 25 июля с. г., освобождаются от наказаний»[1].

Широкая разъяснительная работа среди населения давала свои результаты. Только за 1 день 18 июля 1919 года в Темниковский уездный военный комиссариат явились добровольно более 300 дезертиров»[2] с 16 по 27 июня в Ардатовский увоенкомат добровольно явилось 23 человека[3]. В Рузаевском уезде в начале июня явилось добровольно более 200 человек[4].

Отчет о деятельности Темниковского укомдезертир за 1919 год убедительно свидетельствует о том, что борьба против дезертирства в основном велась методами убеждения и разъяснения. Всего за отчетный период на территории уезда было задержано 6004 человека, из них добровольно явились 2796, т. е. 46%, путем облав — 3208, злостных дезертиров — 364, по слабости воли — 5640, отправлено в запчасти — 5481, штрафные части — 112, предано суду — 287, приговорено к расстрелу — 1, у 14 злостных дезертиров конфисковано имущество[5].

Большую роль в искоренении дезертирства сыграли уземотделы, укомкрасходы и волкомкрасходы (комиссии по оказанию помощи семьям красноармейцев) и оргасевы. Они оказывали всестороннюю материальную помощь семьям красноармейцев. Например, в течение 1919 года, Краснослободский отдел собеса оказывал помощь 12548 семьям красноармейцев[6].

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 26, л. 115.
[2] Там же, ф. 53, оп. 1, д. 73.
[3] Там же, ф. 50, оп. 1, д. 99, л. 47.
[4] «Известия» Рузаевского Совета, 5 июня 1919 г.
[5] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 75.
[6] ЦГА МАССР, ф. 9, оп. 1, д. 40, л. 81.

Оргасевом Ардатовского уезда были обработаны все земельные наделы нуждающихся семей красноармейцев[1]. Весной 1919 года во всех волостях Темниковского уезда были организованы волкомкрасходы, которые создавали уборочные отряды, организовывали общественную помощь семьям красноармейцев[2].

Таким образом, трудящиеся Мордовии оказали большую помощь частям Красной Армии в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией и особенно в разгроме колчаковских войск.

В мае 1919 года советские войска Восточного фронта приостановили наступление врага и начали преследовать его. Летом развернулось общее наступление, закончившееся к исходу 1919 года полным разгромом колчаковщины.

Подводя главные итоги событий гражданской войны в 1919 году, В. И. Ленин отметил: «...мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи, и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны»[3].

В ожесточенной борьбе советского народа против белогвардейцев и интервентов в 1919 году трудящиеся Мордовии под руководством Коммунистической партии приняли активное участие в укреплении тыла и отдали все свои лучшие силы фронту.

[1] ГАУО, ф. 200, оп. 1, д. 273, л. 16—17.
[2] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 79, лл. 1—2.
[3] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 321.

И. А. Юрин

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОРДОВИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. (1918—1920 гг.)

После победы Октябрьской революции помещики, капиталисты, контрреволюционное чиновничество, кулачество, духовенство выступили против власти рабочих и крестьян, классовая борьба приняла самую острую форму — форму гражданской войны. На помощь внутренней контрреволюции пришли иностранные интервенты. Главными вдохновителями и организаторами грабительских походов в пределы нашей страны были империалисты США. Весной и летом 1918 года войска Англии, Франции и других капиталистических стран вторглись на территорию Советской республики. Одновременно по указанию империалистов Антанты на Волге, Урале, Дальнем Востоке поднял мятеж Чехословацкий корпус. По стране прокатилась волна кулацких и белогвардейских выступлений. Советская республика, отрезанная интервентами и белогвардейцами от своих основных сырьевых и топливных районов, оказалась в тяжелом положении.

Говоря о военной опасности, нависшей над страной, В. И. Ленин говорил: «Весь вопрос о существовании Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос российской социалистической революции свелся к вопросу военному... мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности»[1].

Эти ленинские слова стали главной заповедью для всей агитационно-пропагандистской работы партии, были положены в основу всей её работы.

Коммунистическая партия понимала, что рост уровня сознательности масс является главным условием повышения их политической и трудовой активности, их самоотверженности в борьбе против белогвардейцев и интервентов, их активного участия в строительстве нового социалистического общества.

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 15.

На нужды агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы в массах Советское правительство и Коммунистическая партия расходовали большие денежные суммы. В связи с этим уместно напомнить следующий факт: когда В. И. Ленин в августе 1918 г. получил жалобу, что Пензенский губисполком недооценивает силу большевистской агитации и сокращает масштабы этой работы, он немедленно ответил на это телеграммой: «...Вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листков, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотен тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКа, недостатка денег не будет. Такие отговорки не примем»[1].

Сделав правильные выводы из этой справедливой критики, губернские партийные и советские учреждения проделали значительную работу по улучшению агитационно-пропагандистской работы.

Особое внимание было уделено изданию газет, листовок, плакатов и политических брошюр. Значительно увеличился их тираж. Во всех уездных центрах Мордовии издавались свои газеты. Только в течение 1918—1919 годов во всех уездных центрах Мордовии стало выходить по нескольку газет и журналов. Так, в Саранском уезде выпускались: «Саранская правда» и «Известия Саранского уисполкома», журнал «Вестник уездного совета» и бесплатное приложение к нему «Неделя»; в Инсарском — «Известия Инсарского уисполкома» и «Инсарская жизнь», в Наровчатском — «Плуг и молот» и «Известия Наровчатского совета» и т. д.

По данным информационно-инструкторского подотдела Краснослободского уездного Совета с 1 февраля по 15 октября 1918 года среди населения уезда было распространено газет: «Известия Пензенского Совета» в количестве 8200 экземпляров; «Красная Армия»— 2730 экземпляров; «Ополчение бедноты»—2300 экземпляров; «Беднота» — 6600 экземпляров; «За коммуну» — 1900 экземпляров; «Молот» — 3300 экземпляров[2].

Обратив особое внимание на количество изданий, партийные организации подчас забывали об их качественной стороне. ЦК РКП(б) своевременно указал на эти недостатки.

Рассмотрев часть печатных изданий, выпускаемых в Пензенской губернии, агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) писал в апреле 1919 года о необходимости улучшения печатных изданий. Для того, чтобы они имели большую агитационную силу, для этого необходимо,— говорилось в письме ЦК,— агитационно-пропагандистские лозунги преломлять через научно-популярные и хозяйственные знания, чтобы печатные издания составлялись в более интересной и занимательной форме и содержали больше фактов из местной жизни. «Без такого коренного изменения приемов агитации,— подчеркивал Центральный Комитет партии,— она выродится в назойливую трескотню и может дать только обратные результаты»[1].

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 149.
[2] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 3, д. 270, лл. 210—211.

Так, под руководством ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина партийно-советская печать уездов Мордовии стала могучим и боевым оружием марксистско-ленинской партии. Она явилась тем приводным ремнем, который связывал партию с многомиллионными массами трудящихся. Как вспоминал позднее редактор Рузаевской уездной газеты «Власть труда», коммунист А. В. Киреев: «Со страниц газеты до рузаевцев доходило правдивое большевистское слово, и, несмотря на тяжелые условия работы, нам удалось многого достичь. Газета наша была интересной, боевой, высокоидейной. И недаром Пензенский губернский комитет РКП(б), поздравляя газету «Власть труда», указывал: «Правдивое слово уездной газеты неустанно делало свое великое дело, разрывая сети лжи и обмана, сплачивая рабоче-крестьянские массы в борьбе за власть Советов...»[2].

Однако периодическая печать того времени не могла быть использована партией и правительством в желаемых и необходимых масштабах. Очень часто из-за отсутствия бумаги газеты выпускались неполным форматом, а тираж их не мог удовлетворять потребностей широких масс. Так, например, в Саранском гарнизоне в декабре 1920 года одна газета «Правда» приходилась на 256 солдат, «Известия ЦИКа»—на 128 человек, «Красный боец» — на 126 человек[3].

Из-за нехватки средств многие организации, партийные ячейки не могли своевременно выписывать и покупать газеты. Партячейка села Пушкина в своем письме в Саранский уком партии настоятельно требовала высылать бесплатно и своевременно газеты: «Известия ЦК РКП(б)», «Правду», «Красное знамя», «Бедноту», «Саранскую правду» и новые брошюры последнего времени о текущем моменте[4].

Необходимым условием политического просвещения масс являлась ликвидация безграмотности населения. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал в своих статьях и выступлениях, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя.

После Великого Октября, «в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом», большинство населения в стране не умело читать и писать. Особенно низкий процент грамотности был среди мордовского населения. По данным всеобщей переписи 1897 года процент грамотности мордвы в Инсарском

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 596, л. 27.
[2] «Незабываемые годы», Саранск, 1967, стр. 105.
[3] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 221, л. 18.
[4] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Документы и материалы. Саранск, 1959, стр. 184.

уезде у мужчин составлял 10,2%, у женщин — 1,2%; в Краснослободском: у мужчин — 6,7%, у женщин — 0,5%[1].

Коммунистическая партия развернула работу по ликвидации безграмотности. Первый шаг в этом направлении был сделан в декабре 1918 года, когда Совнарком принял декрет «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя»[2]. Но особенно широко кампания по ликвидации неграмотности стала проводиться после опубликования в декабре 1919 года ленинского декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР»[3], по которому все граждане страны от 8 до 50 лет обязаны были обучаться грамоте.

Большую работу по претворению в жизнь этого декрета развернули партийные организации на территории Мордовии. Декрет был отпечатан и в массовом количестве размножен во всех уездных центрах. Для ликвидации неграмотности в порядке трудовой повинности привлекалось все учительство городских и сельских школ. Краснослободский и Ардатовский, Инсарский и Темниковский, Саранский и Рузаевский укомы партии обратились с призывом ко всем грамотным рабочим, крестьянам и красноармейцам принять активное участие в выполнении декрета.

Создавались краткосрочные курсы грамоты. Газеты, плакаты и лозунги призывали граждан учиться и учить. В связи с нехваткой букварей, ими становились газетные заголовки, лозунги, плакаты. Газета «Саранская правда» завела специальную рубрику «Уголок неграмотных», где ежедневно давались уроки. В статье «Грамотные, обучайте неграмотных» газета писала: «Букварей нет. Но можно обучать грамоте по газете. Вот вам, товарищи грамотные, букварь. Обучайте неграмотных по следующим словам: **У них были машины. У них была земля. Мы работали, они наживали. Мы отняли машины. Мы отняли землю. Мы работаем на наших машинах, мы работаем на нашей земле».**

В конце статьи давался совет: «Товарищ грамотный! спроси у своего ученика, как он думает — отдали ли прежние господа свое добро, свою силу без боя?

Силу и свободу берут, а не получают. У грамотного народа не будет отнята свобода»[4].

В первое время после Октябрьской революции распространенной формой политической работы в массах явились многочисленные митинги и собрания, которые были наиболее оперативными формами политической работы в массах.

[1] А. Л. Киселев. Социалистическая культура Мордовии, Саранск, 1959, стр. 30.

[2] Ленинские принципы партийного руководства массами в первые годы строительства советского общества, М., 1967, стр. 110.

[3] Там же, стр. 110.

[4] «Саранская правда», № 10, 15 января 1920 г.

В. И. Ленин отмечал, что революция не могла развиваться иначе, как через период всеобщего универсального митингования. Широко используя массовые митинги и собрания, Коммунистическая партия в ясной и доступной форме объясняла трудящимся насущные задачи страны: мобилизовать все материальные силы на разгром врага, на защиту молодой Советской республики.

Митинги и собрания трудящихся проводились под лозунгами «На помощь Восточному фронту», «Все на борьбу с Деникиным». Посвящались они и отдельным кампаниям, например, «Неделя фронта», «Партийная неделя», «День Советской пропаганды» и т. д.

В резолюциях и решениях, принимавшихся на митингах и собраниях, советские люди выражали свое отношение к Родине, к Советской власти и готовность до конца защищать свою свободу. «Мы, собравшиеся молодые граждане, в числе 38 человек,— писали мобилизованные села Шугурова Ардатовского уезда,— клянемся перед нашей Российской рабоче-крестьянской Советской республикой защищать интересы трудового народа до последних сил и будем бороться до полной победы над буржуазией, уходя на службу в Красную Армию... Мы даем клятву не сложить оружия до тех пор, пока ни один враг не останется в Советской республике, беспощадно будем бороться с агентами и приспешниками буржуазии, сеющими разные нелепые слухи о власти Советов»[1].

О политических результатах митингов и собраний свидетельствуют многочисленные сведения. Например, представитель Наркомата путей сообщения тов. Жидков так сообщал о митинге в городе Рузаевке 9 мая 1919 года, на котором с речью выступал М. И. Калинин: «На митинге, устроенном на площади Свободы, присутствовало около 3-х тысяч человек. То радушие, а также внимание и интерес, с которым были выслушаны речи всех выступавших товарищей, говорят в пользу рузаевцев, и можно с уверенностью сказать, что население, большая часть железнодорожники, представляют собой честных работников, умеющих поставить дело организации масс, на которую можно положиться»[2].

В своей простой и яркой речи на митинге крестьян Иссинской волости Рузаевского уезда М. И. Калинин говорил: «И я призываю Вас, помогайте нашей Красной Армии, потому что помочь вы можете многим. Если вы напечете десяток пирогов и пошлете их в армию, то нашим товарищам в тысячу раз легче будет переносить лишения на фронте, потому они будут знать, что о них помнят и заботятся. Вот рабочие Петрограда и Москвы сами голодают, живут бедно, а каждый месяц посылают в

[1] «Трудовая коммуна», № 34, 10 июля 1919 года.

[2] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Документы и материалы, Саранск, 1959, стр. 282.

Красную Армию то мыло, то папиросы. И я призываю вас, товарищи-крестьяне, помогать, потому что в Красной Армии находятся ваши дети, отцы, помогайте им всем, чем можно»[1].

Задушевные слова М. И. Калинина доходили до сознания всех слоев населения — крестьян, солдат и рабочих.

Крестьяне села Сыресева Алатырского уезда, а также многих других сел и деревень Мордовии на своих собраниях принимали постановления, в которых обязывались обеспечивать семьи воинов дровами, обрабатывать и засевать всем обществом их землю[2].

Нельзя без волнения читать резолюцию общего собрания от 24 июля 1919 года красноармейцев отдельного запасного полка, расположенного в городе Саранске. В своей резолюции красноармейцы дали обязательство в течение более месяца отчислять из своего скудного пайка часть продуктов. Они постановили: «Отчислять для трудящихся Красного Петрограда и Москвы ежедневно по полфунта хлеба, по 4 золотника крупы и по 2 золотника сахара, начиная с 26 июля по 1 сентября 1919 года»[3].

Только в августе 1919 года крестьяне Инсарского уезда для рабочих Москвы и Петрограда собрали за счет добровольных отчислений 13 тысяч пудов хлеба[4].

Патриотическое движение передавалось и младшему поколению — ученикам. Узнав о тяжелом положении больных и раненых красноармейцев, учащиеся школы 2 ступени гор. Саранска собрали 143 рубля 75 копеек.

«Пусть дойдут голоса до наших братьев и отцов красноармейцев,— писали они,— что мы, юное молодое поколение, пойдем по стопам своих старших товарищей и поможем в борьбе с капиталом построить светлое здание социализма на началах всеобщего равенства, братства и любви»[5].

На такой шаг могли идти такие люди, которые безгранично верили своей партии, правительству, для которых интересы всего народа, интересы революции, были выше собственных.

Таких примеров можно привести множество. Все они говорят о моральном и политическом единстве советского народа, о растущей нерушимой крепости союза рабочего класса и крестьянства, о единстве фронта и тыла.

Планомерная агитационная работа поднимала к активной политической жизни трудящиеся массы.

Делегат от Спасского уезда на I Всероссийском Совещании по партийной работе в деревне (15—20 ноября 1919 г.) так говорил о той большой работе, которая проводилась в уезде среди

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1252, оп. 1, д. 19, л. 44.
[2] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны, стр. 331.
[3] «Саранская правда», № 66, 30 июля 1919 года.
[4] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967, стр. 136.
[5] «Саранская правда», № 118, 7 декабря 1919 года.

мордовского населения: «Работников надо было подобрать таких, которые бы знали мордовский язык, весь уезд состоит из мордвы. Вот почему требовалось подобрать работников, говорящих на мордовском языке.

Митинги в уезде производят хорошее впечатление. Я лично проезжал весь уезд, собирал митинги со своими волостными организаторами: на митингах задавались вопросы. Крестьяне просят, чтобы им разъясняли декреты и постановления Советской власти, потому что до сего времени этого не делали. Когда войдешь в колею крестьянской жизни, расскажешь, почему крестьян заставляют работать, объяснишь, почему делается так, а не иначе, они остаются очень довольны»[1].

После митингов и собраний трудящиеся массы, желая выразить свое отношение к Советской власти, свои патриотические чувства не только вносили в фонд государства хлеб, одежду, денежные средства и военное снаряжение, но и создавали отряды добровольцев и вливались в ряды Красной Армии. В первых рядах в этом деле шли коммунисты. «Саранский уком партии посылает на фронт 20% своих членов,— сообщал уездный комитет партии в ЦК РКП(б),— записывается масса добровольцев-коммунистов и беспартийных для борьбы с Колчаком»[2].

Большую работу по мобилизации коммунистов на фронт провели также Инсарский, Ардатовский и Краснослободский комитеты партии.

С 15 июня 1918 года по 8 февраля 1919 года из Ардатовского уезда было отправлено на фронт более 6612 человек, в том числе около одной тысячи добровольцев[3].

Для борьбы с Деникиным из уездов Мордовии были посланы многие видные партийные и советские работники, в том числе из Инсарского тов. Никулин и Чибрин; из Саранского — Гусев и Ризван; из Краснослободского — Дедиков и Алехин и из Рузаевского — Кодрин и Аржикаев[4].

Насколько удачно была выбрана форма политического воспитания, видно из того, что митинги и собрания имели огромный успех в массах. В феврале 1920 года в Саранском уезде была успешно проведена «Неделя фронта», которой предшествовала большая подготовительная работа. Для её проведения уком партии мобилизовал в села и деревни уезда 70 коммунистов из города. Во время «Недели» крестьяне вносили пожертвования деньгами, хлебом, материалом и др.

Крестьяне Трофимовской волости в «Неделю фронта» сдали 9620 рублей деньгами, 103 аршина холста, 10 пудов ржи,

[1] Первое Всероссийское совещание по партийной работе в деревне. Петербург, 1920, стр. 32.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, ед. хр. 55, л. 14.
[3] И. М. Корсаков, М. И. Романов. Из истории Мордовии в годы гражданской войны. Саранск, 1958, стр. 36.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, ед. хр. 209, л. 118.

34 пуда овса, 18 пудов пшена, 8 пудов проса, 9 пар варежек, 2 пары чулок и 4 полотенца[1].

«Неделя фронта» на станции «Красный Узел» закончилась субботником, в котором приняло участие 450 человек. Было отремонтировано 10 вагонов, окирковано от снега и льда 6 стрелок и 950 погонных сажен железной дороги. Собрано 16408 рублей, 32 пуда овса, ржи и других продуктов и 1,5 пуда табаку[2].

Всего же в период «Недели фронта» только в одном Саранском уезде было проведено 109 митингов, 42 спектакля-митинга, 14 концертов-митингов и 107 собраний. На всех этих митингах и собраниях присутствовало 35250 человек, было собрано 652786 руб. 90 коп., отремонтировано 24 паровоза и 100 вагонов, окирковано 40530 погонных сажен железной дороги, собрано 1887 аршин холста, 781 пара различного белья и обмундирования, 153 кисета и 432 коробка спичек[3].

Таким образом, митинги и собрания сыграли большую роль в политическом просвещении масс. Любая задача, которая требовала усилий всего народа, выносилась партией на обсуждение трудящихся масс. Большевики открыто и честно обращались к народу, не скрывая трудностей борьбы. Народ ценил это, любил за это свою партию, шел за ней без колебаний и готов был на любые жертвы. В этом была наша моральная сила.

Другой важной формой агитационно-пропагандистской работы партии явились лекции и доклады.

В. И. Ленин не раз подчеркивал, что в политике очень много значит личное воздействие и выступление на собраниях. Сам В. И. Ленин показывал пример не только в том, как просто и доступно писать для рабочих, крестьян, но и в том, как выступать на митингах и собраниях трудящихся по самым актуальным вопросам дня.

Владимир Ильич постоянно ощущал потребность находиться в гуще народа, жить его жизнью, знать его нужды, стремления. Он был одним из активных членов лекторской группы, созданной по его инициативе в 1918 году при Московском комитете партии.

Все, кому посчастливилось слушать выступления В. И. Ленина, единодушно подчеркивают их громадное значение. Он не утешал и не обещал легких побед. Он говорил суровую правду о тяжести предстоящей борьбы, о необходимости подняться всем на борьбу с международной буржуазией и внутренней контрреволюцией.

О силе воздействия лекций и докладов на трудящихся говорят резолюции, которые принимались собравшимися. Эти резолюции со всей ясностью показывали рост классового сознания

[1] «Саранская правда», № 34, 17 февраля 1920 года.
[2] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Документы и материалы. Саранск, 1959, стр. 348—349.
[3] «Саранская правда», № 60, 21 марта 1920 года.

трудящихся, их любовь к Родине, к Коммунистической партии и Советской власти.

Заслушав доклад о международном положении и текущем моменте, в мае 1919 года крестьяне села Лямбирь постановили: «Призвать всех трудящихся крестьян нашей волости теснее сплотиться вокруг своих Советов, ясно понимая, что Советская власть есть власть трудящихся... Обещаем в любое время по первому требованию Советской власти выступить как один с оружием в руках для последнего и решительного боя с авантюристами и грабителями колчаковской войны»[1].

Красноармейцы и рабочие города Саранска после прослушивания лекций по случаю 15-й годовщины первой русской революции приняли резолюцию, в которой говорилось: «Мы клянемся не оставлять почетного поста часовых грядущей всемирной революции и терпеливо переносить все невзгоды и тяжести борьбы, твердо зная, что это последнее испытание перед окончательным торжеством рабочих и крестьян и переходом в светлое царство коммунизма»[2].

Помимо лекций и докладов на политические темы, проводились также лекции по истории, литературе, народному образованию и здравоохранению, на сельскохозяйственные темы. Они знакомили трудящихся с культурой, бытом, нравами и обычаями народов национальных окраин, порабощенных царизмом, укрепляли братскую дружбу между народами, между рабочим классом и крестьянством, а также расширяли их познания в медицине и сельском хозяйстве. При этом партийные организации исходили из решений VIII съезда РКП(б) о том, «что политическая темнота, общая невежественность и низкий уровень сельскохозяйственных знаний в деревне является глубоким и серьезным препятствием... для установления... прочного и длительного соглашения пролетариата с беднейшим и средним крестьянством»[3].

Большой интерес в этом плане представляет деятельность Ардатовского подвижного народного университета, организованного в декабре 1918 года.

В уставе университета так говорилось о его целях и задачах: «На народный университет в связи с текущим моментом надо смотреть как на рассадник тех знаний и тех умений, в которых так нуждается класс беднейших крестьян и рабочих. Понимание происходящей борьбы классов России, указание того пути, по которому должны идти беднейшие крестьяне и рабочие, сообщение знаний по сельскому хозяйству, политической экономии, кооперации и прочее,— вот первая и ближайшая задача пролетарского университета»[4].

[1] «Саранская правда», № 42, от 11 мая 1919 года.
[2] «Саранская правда», № 16, от 24 января 1920 года.
[3] VIII съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959, стр. 432.
[4] ЦГА МАССР, ф. 58, оп. 1, д. 11, л. 31.

При университете работали общеобразовательные курсы для взрослых по программам школ 1 и 2 ступени. Подвижной университет имел 5 секций: социальных наук, естественно-историческая и медицинская, политическая, философско-филологическая и секция искусств[1].

Лекции в Ардатовском университете читались не только местными лекторами, но и приглашенными из городов Симбирска, Казани, Н.-Новгорода.

Искренней любовью к Советской власти проникнута резолюция крестьян села Чел. Майдана Шадымской волости Наровчатского уезда, принятая по докладу о международном положении накануне праздника Октября. «Мы приветствуем Советскую власть,— говорилось в этой резолюции,— как власть трудового крестьянства, которая освободила нас от цепей рабства и ведет нас к светлой и свободной жизни, и мы готовы каждый час и минуту по первому зову стать на защиту её и не отдадим своей свободы и своих завоеваний. Выше Красное знамя!»[2].

Страшная разруха, голод и холод, вызванные внутренней и внешней контрреволюцией, привели к повсеместной вспышке различных эпидемических заболеваний. Необходимо было не только улучшить условия жизни трудящихся, но и дать им минимум знаний, научить их элементарным санитарно-гигиеническим навыкам и тем самым преградить путь дальнейшему распространению эпидемий.

Огромную роль в этом чрезвычайно важном деле сыграли лекции и доклады, которые регулярно проводились всем медицинским персоналом.

В уездах Мордовии были образованы чрезвычайные санитарные комиссии по борьбе с эпидемиями. В гор. Саранске возглавил такую комиссию начальник Саранского гарнизона коммунист Лифшиц. Санитарная комиссия постановила: «Провести «неделю чистоты» в уезде и городе с 29 марта по 5 апреля 1920 года»[3]. Во время этой «недели» было прочитано большое количество лекций и бесед на медицинские темы.

Коммунистическая партия вела активную борьбу и с религиозными предрассудками, старалась показать трудящимся вред религии для победы революции и построения социализма. При этом она исходила из того марксистского положения, что религию нельзя просто запретить, что бороться с религиозными предрассудками нужно не административными методами, а путем терпеливой и настойчивой разъяснительной работы, обнажая её классовую сущность и вред для народа.

На I Всероссийском съезде работниц в 1918 году В. И. Ленин говорил: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят

[1] ЦГА МАССР, ф. 58, оп. 1, д. 11, л. 26.
[2] Газета «Плуг и молот», № 37, 7 ноября 1919 года.
[3] «Саранская правда», № 64, от 26 марта 1920 года.

в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения»[1].

Задача партийных организаций состояла в том, чтобы систематически разъяснять трудящимся лживость религиозных верований с точки зрения науки, накопленных человечеством знаний о природе и обществе.

Руководствуясь этими указаниями, партийные организации проводили большую разъяснительную работу по борьбе с религиозными предрассудками, используя многообразные формы и методы работы: диспуты, лекции, доклады, печать и т. д.

Наиболее распространенной формой борьбы с религией были лекции и публикация материала антирелигиозного содержания в газетах. Большой популярностью у трудящихся Инсарского, Саранского, Темниковского и Краснослободского уездов пользовались лекции: «Происхождение человека и жизни на земле», «Отношение Коммунистической партии к религии», «Церковь и государство», «История религии» и другие. Уездные газеты регулярно печатали материалы о служителях культа. В газете «Трудовая коммуна» была помещена статья «Спекуляция в церкви», в которой резко высмеивались поп и церковный староста, которые за 4-х рублевый аршин холста запросили 18 рублей[2].

В другой статье, опубликованной в газете «Саранская правда», была помещена статья из села Ключарево под названием «Поп—пьяница». В ней сообщалось о том, что священник Кульметьев был задержан вдребезги пьяным, что он клеветал на Советскую власть[3].

Проводимая работа по антирелигиозному воспитанию давала свои результаты. Многие крестьяне и даже служители церкви под влиянием агитации переставали верить в потусторонний рай. «Я заявляю,— писал священник Ливатов в Ардатовской газете,— что сан священника с себя слагаю и возвращаться к нему более не буду, о чем и прошу сообщить в издаваемой газете»[4].

Важную роль в политическом воспитании и укреплении связи партии с массами, в мобилизации их на разгром внешней и внутренней контрреволюции играли беспартийные конференции.

В. И. Ленин придавал исключительное значение массовому проведению беспартийных конференций. «Я не знаю иного средства,— писал Владимир Ильич,— которое решало бы эту задачу глубочайшей исторической важности»[5].

Возникнув в конце 1918 года, начале 1919 года, беспартийные конференции получили широкое распространение во всех

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 186.
[2] «Трудовая коммуна», № 36 от 25 июля 1919 года.
[3] «Саранская правда», № 42 от 11 мая 1919 года.
[4] «Трудовая коммуна», № 127, от 31 декабря 1919 года.
[5] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 361.

уголках молодой республики Советов. На территории Мордовии эта форма политической работы партии в массах начала успешно развиваться во II-й половине 1919 года и особенно в 1920—1921 годах.

Беспартийные конференции были одной из действенных форм политической работы в массах среди трудящихся Мордовии. В 1921 году Центральное бюро Мордовских секций при ЦК РКП(б) рекомендовало всем губернским и уездным мордовским секциям необходимость созыва широких беспартийных конференций. Была разработана примерная программа по их проведению, которая включала вопросы: внутреннее и международное положение Советской республики, национальный вопрос и история мордвы, борьба с голодом, участие беспартийных в социалистическом строительстве и другие.

«Беспартийные конференции,— писало Центральное бюро мордовских секций,— есть самое могучее средство пропаганды и средство сближения, и ознакомления широких беспартийных масс мордовского населения с мероприятиями РКП(б) и Советской власти»[1]. Первая беспартийная конференция в гор. Саранске состоялась 22 сентября 1919 года. На ней были обсуждены вопросы: о текущем моменте, о товарообмене и продовольственной политике Советской власти, о трудовом крестьянстве и Коммунистической партии. Конференция постановила: «Всеми силами и мерами помогать Советской власти в борьбе с врагами рабоче-крестьянской революции и неуклонно выполнять все декреты и распоряжения Центральной Советской власти»[2].

На беспартийной конференции четырех волостей (Ичалковской, Оброчепской, Лобаскинской и Протасовской) Лукояновского уезда, которая проводилась в декабре 1919 года, делегаты постановили: «Вести беспощадную борьбу с хищниками, которые стремятся задушить революцию, вернуться к власти для угнетения рабочего и крестьянина. ...Мы поможем накормить беднейшее население и уважаемую Красную Армию, сражавшуюся за благо трудящегося класса, а также семей красноармейцев»[3].

Беспартийные конференции проводились и среди молодежи. Для улучшения политического воспитания и массовой работы среди молодежи ЦК комсомола обязал местные органы широко практиковать проведение беспартийных конференций рабочей, крестьянской и студенческой молодежи. Беспартийные конференции молодежи способствовали её организации и воспитанию. Решения, принимавшиеся на конференциях, свидетельствовали о сплоченности Советской молодежи вокруг партии и готовности по ее призыву идти на смертный бой с белогвардейцами.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 61, ед. хр. 73, л. 16.
[2] «Саранская правда», № 90, 26 сентября 1919 года.
[3] Возникновение и деятельность коммунистических партийных организаций Мордовии. Документы и материалы. Саранск, 1960, стр. 173—174.

15 декабря 1920 года Саранский уком провел молодежную беспартийную конференцию города. На конференции были обсуждены вопросы о текущем моменте, об экономическом и правовом положении молодежи, о физическом развитии, о задачах союза молодежи и об интернациональном воспитании молодежи[1].

Характерно, что после проведения этой конференции было проведено общее собрание городской организации РКП(б), которое приняло развернутое постановление, обязывающее всех коммунистов принимать активное участие в воспитании молодежи.

Партийные организации тщательно готовились к проведению беспартийных конференций. На каждой конференции присутствовали и руководили её работой члены уездных комитетов партии. В январе 1921 года Саранский уком провел 5 районных[2] беспартийных конференций среди мордовских и татарских волостей уезда, работой которых руководили члены укома.

Так, 10 января 1921 года на беспартийной конференции Ромодановского района, где присутствовали 78 делегатов, выступил председатель укома РКП(б) тов. Кудряшов М. Е. Он подробно осветил вопросы текущего момента и поставил конкретные задачи партийного и советского строительства, а также ответил на многочисленные вопросы, интересующие делегатов. После его выступления развернулись прения. Большинство делегатов с чувством глубокой ответственности высказывали свои предложения по подготовке и лучшему проведению весеннего сева. Однако были и враждебные выкрики. Пробравшись на конференцию, кулак Макаров злобно заявил, что «коммунисты только обдиры и не дают жить и процвесть крестьянину»[3]. Делегаты конференции дали ему достойный отпор и приняли единодушно резолюцию, в которой все рабочие и крестьяне призывались к сознательному и творческому труду «и также стойко стоять на защите Советской власти на трудовом фронте, как красноармеец на боевом фронте»[4].

12 января 1921 года Саранский уком провел совместную беспартийную конференцию 4-х татарских волостей (Кривозерьской, Аксеновской, Лямбирской и Пензятской). Работой этой конференции руководил член укома партии тов. Мещеряков. После этой конференции уком 27 января 1921 года провел беспартийную конференцию женщин-мусульман уезда[5], которая имела большое значение в поднятии трудовой и политической активности женщин.

[1] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 250, лл. 57—58.
[2] 12 уездная Саранская партконференция (7—8 марта 1922 г.) признала нецелесообразным сохранение районов, за их счет было решено увеличить число инструкторов. См. Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 327, д. 295, л. 18; д. 296, л. 8; д. 402, л. 29.
[3] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 272, л. 7.
[4] Там же.
[5] Там же, ф. 327, д. 272, л. 24.

1 февраля 1921 года состоялась уездная беспартийная конференция, на которой присутствовали все члены укома РКП(б). Обсудив вопросы о текущем моменте и советском строительстве в свете решений VIII Всероссийского съезда Советов, а также земельный и продовольственный вопрос, делегаты приняли развернутое решение, в котором полностью одобрялась политическая и практическая линия ЦК РКП(б) и Советского правительства[1].

Беспартийные конференции имели то преимущество перед митингами, что они давали возможность глубже изучать настроение трудящихся, раскрывали отношение трудового человека к Коммунистической партии и политике Советского правительства, чаяния и стремления тех, посланцами которых они были.

Тот деловой подъем, с которым проходили беспартийные конференции среди крестьян, объясняется тем, что впервые в истории крестьяне могли высказать открыто и вслух свое мнение о делах государства, о том, как лучше построить жизнь в деревне без помещиков и кулаков, как лучше организовать свое хозяйство.

Беспартийные конференции и собрания, явившись школой воспитания масс, в не меньшей мере явились такой же школой и для самой партии. Каждый раз, когда вставали новые задачи, партия обращалась к массам, к их опыту.

Дополняя свой опыт опытом народа, Коммунистическая партия находила верное решение в руководстве борьбой масс с контрреволюцией.

«Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания...»[2],— говорил В. И. Ленин.

* * *

Таким образом, наша партия для политического воспитания масс и мобилизации их на разгром внешней и внутренней контрреволюции широко использовала такие формы и методы пропаганды и агитации, как партийную и советскую печать, митинги и собрания, лекции, доклады и беспартийные конференции, а также различные формы и средства наглядной агитации.

Выступления советских и партийных руководителей, пропагандистов и агитаторов с лекциями, докладами и беседами перед трудящимися массами являлись наиболее доступной и оперативной формой информации масс о событиях в стране и за её пределами, о неотложных задачах трудящихся на ближайший период.

[1] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 327, оп. 1; д. 273, лл. 1—7.
[2] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 380.

Откровенное и правдивое слово большевистской партии доходило до глубокого сознания каждого человека, сближало людей, множило их силы, придавало им уверенность, помогало разобраться в сложной обстановке и определить свое место в общей борьбе за честь и свободу своего народа. Слово большевистской правды поднимало авторитет нашей партии, укрепляло её связи с массами, обогащало опытом борьбы и труда. Коммунистическая партия делала все для того, чтобы трудящиеся массы прониклись уверенностью в своих силах. Своей энергичной политической и просветительной работой среди народных масс она решительно преодолевала сопротивление контрреволюции и её агентуры.

Без этой огромной работы невозможно было бы превратить страну в единый боевой лагерь и мобилизовать все моральные и материальные силы для разгрома врага, нельзя было воспитать рабочих и крестьян в духе советского патриотизма, в духе любви к Родине, ненависти к врагам молодой республики Советов.

В успешном выполнении этой благородной задачи по воспитанию строителей коммунизма Коммунистическая партия всегда опиралась и опирается на свой богатейший опыт, накопленный в борьбе с эксплуататорами, в огне боев гражданской войны и в годы пятилеток, в суровые годы Великой Отечественной войны и в годы мирного строительства.

Особенно важное значение идейно-политическое воспитание приобретает в современных условиях, когда международный империализм, и прежде всего империализм США, наряду с авантюрами в военно-политической области, все больше усилий направляет на подрывную политическую и идеологическую борьбу против социалистических стран, коммунистического и всего демократического движения.

«В этих условиях,— говорится в постановлении Пленума ЦК КПСС «Об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения» (апрель 1968 год),— непримиримая борьба с враждебной идеологией, решительное разоблачение происков империализма, коммунистическое воспитание членов КПСС и всех трудящихся, усиление всей идеологической деятельности партии приобретает особое значение, является одной из главнейших обязанностей всех партийных организаций»[1].

[1] «Правда», № 102, 11 апреля 1968 г.

Н. В. Полин

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН МОРДОВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В июле 1914 года в результате обострения противоречий между капиталистическими странами Англией, Францией, Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией — с другой, мир был ввергнут в одну из кровопролитнейших войн в истории человечества.

Ни одна группа воюющих сторон не располагала достаточным перевесом сил и средств, чтобы быстро разбить своего противника, поэтому война была затяжной. Она привела к расстройству экономики воюющих стран. В царской России экономическая разруха наступила гораздо раньше. И чем дальше, тем больше все отрасли народного хозяйства подвергались разлагающему воздействию мировой бойни.

Война незамедлительно отразилась и на сельском хозяйстве страны. Трудоспособные мужчины были мобилизованы в армию. Земля обрабатывалась женщинами, стариками и подростками. Из-за плохой обработки земли несколько снизилась урожайность хлебов. Реквизиции и сокращение посевных площадей привели к уменьшению поголовья лошадей, коров и другого скота.

В настоящей статье нами сделана попытка на основе архивных данных и разных опубликованных материалов исследовать положение крестьян и состояние крестьянского хозяйства, обеспеченность его рабочей силой, изменения в посевных площадях и показать состояние животноводства в крестьянском хозяйстве Мордовии в годы первой мировой войны.

Первым и самым сильным ударом, который война нанесла крестьянскому хозяйству, явилась мобилизация в армию мужского населения — основной рабочей силы.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года из уездов, вошедших в состав современной Мордовии, было мобилизовано 152456 человек, или 49,5% всех трудоспособных мужчин.

Отдельно по уездам количество мобилизованных в армию составило.

Уезды	Трудоспособных мужчин всего	Из них взято в армию	в %
Ардатовский	55346	28994	52,4
Инсарский	51446	23793	46,2
Краснослободский	51942	25071	48,2
Наровчатский	33387	15917	47,6
Саранский	39354	18275	46,4
Спасский	37129	19418	52,3
Темниковский	39686	20988	52,8
Итого:	308290	152456	49,5

Из таблицы видно, что трудоспособных мужчин больше было мобилизовано из Темниковского и Ардатовского уездов. Количество мобилизованных из этих уездов составляет более половины трудоспособных мужчин — 52,8% и 52,4%. Менее половины мужчин было мобилизовано из уездов Инсарского (46,2%), Саранского (46,4%), Наровчатского (47,6%) и Краснослободского (48,2%). По отдельным волостям мужчин было мобилизовано больше, чем показывают средние данные по уездам Мордовии. Например, из Базарно-Дубровской волости Краснослободского уезда было мобилизовано 66,5%, из Больше-Азиязской волости того же уезда — 54,3%[1]. Таким образом, в результате частых мобилизаций к 1917 году крестьянские хозяйства сплошь и рядом оставались без работников-мужчин.

Мобилизация на войну была самым большим, но не единственным каналом, по которому происходил отлив рабочих рук из деревни. Многие крестьяне в силу тяжелых материальных условий уходили на поиски работы в отход. Все отходники по данным переписи 1917 года называются «промышленниками». Размер отходничества в годы империалистической войны можно видеть из данных по Темниковскому и Спасскому уездам за 1917 год[2]. В этих уездах всего мужчин рабочего возраста чис-

[1] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Вып. VI. Пенза, 1917, стр. 24. Вопрос мобилизации трудоспособных мужчин в войска освещался в первом томе «Очерков истории Мордовской АССР» (стр. 463, Саранск, 1955 г.) Однако авторы допустили ряд неточностей. Они утверждают, например, что в бедняцко-середняцких хозяйствах Мордовии в 1917 году было 308280 мужчин. Из них было мобилизовано в армию 161348 человек, 52,3% всех трудоспособных мужчин». Из приведенной нами таблицы видно, что трудоспособных мужчин во всех уездах было 308290 человек, мобилизовано 152456 человек, что составляет 49,5% всех мужчин, рассматриваемых уездов. Притом, 308290 мужчин было не в бедняцко-середняцких хозяйствах, а во всех категориях крестьянских хозяйств.

[2] Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 году. Вып. I, Тамбов, 1921 г. Таблица XII.

лилось 76744 человека. Из них: взято в армию 40368 человек, занято «промыслами» 8140 человек. В своих хозяйствах осталось 28236 человек или 0,54 чел. мужчин рабочего возраста на одно хозяйство.

Цифры показывают, что в Темниковском и Спасском уездах в своих хозяйствах осталось 36,8% всех трудоспособных мужчин.

Но эта средняя цифра скрывает очень большие различия в обеспечении рабочей силой отдельных групп крестьянских хозяйств. В то время, когда из бедняцко-середняцких крестьянских хозяйств брали в армию единственного работника, в хозяйствах зажиточной верхушки крестьянства оставались по два-три и более работника.

В годы войны появился небольшой слой крестьянских хозяйств, преимущественно середняцких, которые прежде обходились рабочей силой своей семьи, во время же войны вынуждены были нанимать батраков, чтобы восполнить убыль рабочих рук в хозяйстве.

С учетом нанятых годовых и сроковых работников наличие рабочей силы в хозяйстве крестьян можно представить следующими цифрами:

Уезды	Трудоспособных мужчин и женщин всего	Взято в войска	Занято по наймам и „промыслам"	Занято крестьян в сельском хозяйстве с учетом батраков
Инсарский	102559	23793	9945	68821
Краснослободский	105933	25071	6236	74626
Наровчатский	69567	15917	3059	50591
Саранский	82499	18275	7189	57035
Спасский	76329	19418	5048	51863
Темниковский	78948	20988	5771	52189
Ардатовский	116296	28994	10795	76507
Всего:	632131	152456	48043	431632

Таблица показывает, что из общего количества рабочей силы в 632131 человек мужчин и женщин в 1917 году могли принять участие в сельскохозяйственных работах 431632 человека, или 68,2%, остальные 31,8% были взяты в армию, работали по найму, т. е. находились вне своего хозяйства. Из всех уездов, вошедших в состав Мордовии, рабочими руками обоего пола хуже были обеспечены Ардатовский, где принимало участие в сельскохозяйственных работах только 62,6% всех рабочих рук; Темниковский, где процент участия в сельскохозяйственных работах составлял 66,3% от всех трудоспособных. Лучше был обеспечен Наровчатский уезд, здесь 72,7% всех трудоспособных

принимали участие в сельском хозяйстве. Такое неравномерное участие трудоспособного населения в работах в своем хозяйстве объясняется многими причинами, одной из которых является количество отходников. Так, по данным переписи 1917 года из Краснослободского уезда выехали в отхожие промыслы 4460, а из Ардатовского уезда —6810 человек[1].

Недостаток рабочих рук в Мордовии стал остро ощущаться уже в начале войны. Земские статистики весенний сев 1915 года уже называли «трудным» и сообщали, что «надо было изворачиваться и с семенной нуждой, и с недостатком рабочих рук у значительной части хозяйств, вызванных обстоятельством военного времени»[2].

Частые призывы в армию еще более увеличивали недостаток рабочих рук, они «вызывали массовый отлив рабочих рук из сельской земледельческой деревни, так что всюду стал замечаться недостаток рабочих рук, особенно в сельскохозяйственном производстве, что грозит в наступающий полевой период сокращением посевной площади полей и неизбежным понижением качества обработки»[3],— сообщала Пензенская губериская земская управа в 1916 году.

Чтобы успеть убрать урожай вовремя, крестьяне начинали жать раньше обычного и жали рожь «с прозеленью»[4].

Недостаток рабочих рук отразился в первую очередь на беднейшей и маломощной части крестьянских хозяйств. Такие хозяйства разорялись, многие продавали имеющийся у них скот, инвентарь, землю и кормились случайными заработками и подаянием — нищенством.

Газета «Вестник Пензы» сообщала, что «в последнее время в деревне усиливается продажа надельной земли» и что «уездные съезды и волостные суды обременены делами по продаже надельной земли»[5].

* * *

К трудностям, возникшим в крестьянском хозяйстве в связи с мобилизацией мужчин в армию, прибавились трудности, связанные с реквизицией лошадей и скота для нужд армии, отчего больше страдали маломощные слои деревни. В инструкции по военно-конской повинности было предписано, что владельцы нескольких лошадей обязаны были сдать половину, если количество было четным, а если количество лошадей было нечетным— сдавали меньшую часть; если же в хозяйстве была только одна

[1] М. В. Дорожкин. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957, стр. 52.
[2] Сельскохозяйственный обзор Симбирской губернии. Вып. 5, Симбирск, 1915, стр. 11.
[3] ЦГА МАССР, ф. 46, оп. 1, д. 107, л. 3.
[4] Газета «Вестник Пензы», от 21 июля 1916 года.
[5] Газета «Симбирянин», от 3 июля 1914 года.

лошадь, она подлежала мобилизации. Военно-конская повинность всецело была направлена на сохранение поголовья лошадей у помещиков и зажиточно-кулацкой части деревни.

Цены на лошадей, поставляемых по военно-конской мобилизации, были установлены еще в 1911 году. Сразу же, после первой мобилизации, рыночные цены на лошадей стали быстро расти, поэтому оплата за мобилизованную лошадь не возмещала её стоимости. Военное ведомство оплачивало за лошадь для обоза II разряда — 75 рублей, I разряда — 100 рублей, для артиллерии — 100 рублей, за верховую лошадь — 225 рублей, тогда как местные рыночные цены на лошадей выросли и составляли в зависимости от качества лошади 110—510 рублей[1].

Мобилизация лошадей для нужд армии способствовала дальнейшему разорению основных масс крестьянства, она подрывала и без того слабую экономику крестьянской семьи.

За годы войны по некоторым уездам, вошедшим в состав Мордовии, произошло сокращение поголовья лошадей и продуктивного скота[2].

Уезды	Число хозяйств			Рабочих лошадей		
	до войны	в 1917 г.	%	до войны	в 1917 г.	%
Инсарский	33015	35358	106,9	31177	31468	
Краснослободский	31680	33342	105,2	31912	30981	
Наровчатский	22192	22881	103,1	17618	16985	
Саранский	25757	27843	108	22678	24033	
Спасский	22955	24635	107,3	24752	20318	
Ардатовский	33935	35145	104,5	28521	29012	
Итого:	169584	179504	106,6	156658	152797	97,5
На 100 хозяйств				92,3	85,1	92,1

Приведенные данные показывают, что при увеличении наличных хозяйств в Мордовии на 6,6% поголовье рабочих лошадей уменьшилось на 2,5%. Снижение количества лошадей рабочего возраста на 100 наличных хозяйств, выражается следующими цифрами: если до войны на 100 хозяйств приходилось 92,3 рабочей лошади, то в 1917 году на такое же количество наличных хозяйств приходилось уже 85,1 рабочей лошади, что соответствует сокращению поголовья лошадей рабочего возраста на 7,9%. В Инсарском, Саранском и Ардатовском уездах имело место некоторое увеличение рабочих лошадей, но и в этих уез-

[1] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1372, л. 136.

[2] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Труды ЦСУ, т. V, Вып. 2, Москва, 1923, стр. 69—82, 114—121, 106—113.

дах рост числа наличных хозяйств опережает рост поголовья лошадей. Так, в Саранском уезде поголовье рабочих лошадей увеличилось на 5,9%, а число наличных хозяйств увеличилось на 8%. Следовательно, ни в одном уезде Мордовии не было роста поголовья лошадей относительно роста числа наличных хозяйств.

Если рассматривать только количественную сторону сокращения поголовья лошадей, нельзя представить всю трудность отсутствия тягла в крестьянском хозяйстве. Совсем по-другому выглядит картина, если иметь в виду и качественную сторону сокращения. К лету 1917 года из Мордовии было мобилизовано большое количество лошадей, и, если учесть, что лошади мобилизовались в большинстве своем у крестьян, у которых хороших лошадей было гораздо меньше, чем у помещиков, станет ясно, какой урон понесло крестьянское хозяйство. У крестьян оставались только молодняк, старые лошади и жеребые матки, не подлежащие мобилизации. Но и этих лошадей ухудшенного качества крестьяне не могли полностью использовать в своем хозяйстве. Во время войны во много раз возросли натуральные повинности, которые отвлекали большое количество тягла из крестьянского хозяйства. Например, только 28 сентября и 2 октября 1916 года для подвоза призванных в армию из Темниковского уезда было мобилизовано 402 подводы. Темниковский исправник в рапорте губернатору признает, что окрестное население «сильно обременено поставкой подвод»[1].

Кроме уменьшения поголовья лошадей, ухудшения их качества, в годы войны увеличивается неравномерность распределения лошадей между разными категориями крестьянских хозяйств. В целом по Пензенской губернии увеличивается доля безлошадных дворов; в 1910 году она составляла 31,6%, в 1917 году — 36,8%. Зато количество однолошадных хозяйств уменьшилось с 48,2% до 41,3%, число двухлошадных дворов возросло с 16,2 до 17,5%, число многолошадных несколько возросло — с 4% до 4,1%[2].

«Таким образом, к году революции по расчету скота крестьянские дворы проявили тенденцию разгруппироваться на более сильные (с 2 и более лошадьми) и более слабые (с 1 лошадью и безлошадные), и число более сильных дворов увеличилось, а более слабых уменьшилось»[3].

Следовательно, в Пензенской губернии, как и в других губерниях страны, шел процесс образования сельской буржуазии. Одновременно с тенденцией выделения сельской буржуазии шел

[1] ГАТО, ф. 4, оп. 123, д. 262, л. 7.

[2] Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны. Москва, 1962, стр. 203.

[3] Обзор сельского хоз-ва Пензенской губернии и основные направления его восстановления, ч. I, Пенза, 192[illegible], стр. 82—83.

процесс ускоренного обезлошадения беднейшей части крестьянства. Из сравнения данных довоенных переписей и переписи 1917 года видно, что и в уездах, вошедших в состав Мордовии, происходили подобные процессы. Так, к лету 1917 года количество хозяйств без рабочего скота в Инсарском уезде возросло на 2448 дворов, или на 24,6%, в Краснослободском — на 1541 хозяйство, или на 16,7%. То же самое мы видим и в других уездах.

Изменение количества хозяйств без рабочего скота[1].

Уезды	% наличн. хозяйств. к довоен.	Хозяйств без рабочего скота		в % к довоенным
		до войны	в 1917 г.	
Инсарский	106,9	9838	12287	124,6
Краснослободский	105,2	9206	10747	116,7
Наровчатский	103,1	8466	9674	114,2
Саранский	108	8886	9870	111,7
Спасский	107,3	7432	8929	120,1
Ардатовский	104,5	11859	13873	116,9
Итого:	106,6	55687	65380	117,2
в % к числу наличных хозяйств		32,8	36,4	

Из приведенных данных видно, что, кроме перечисленных выше уездов, количество безлошадных дворов возросло: в Спасском уезде на 20,1%, в Ардатовском на 16,9%. Если рост хозяйств в 1917 году по сравнению с 1911 годом характеризуется 6,6%, то общее количество безлошадных возросло по 6 уездам на 17,2%.

В целом по Мордовии количество безлошадных хозяйств в 1917 году составляло 70984[2] двора, или 34,6% всех наличных хозяйств. В Наровчатском уезде такие хозяйства составляли 42,2%, в Саранском — более 39%. Таким образом, процесс экспроприации беднейшего крестьянства в Мордовии усилился. В 1917 году более $^1/_3$ всех наличных хозяйств жили на грани нищеты.

Еще в большей мере, чем обеспеченность рабочим скотом, обострилось во время войны положение со снабжением сельского хозяйства Мордовии усовершенствованными машинами и

[1] Подсчет произведен по земским переписям 1910—1911 гг. и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года.

[2] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Труды, ЦСУ, т. V, Вып. 2, Москва, 1923 г. Взяты уезды: Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Саранский, Спасский, Ардатовский и Темниковский.

орудиями. Это было прямым следствием промышленной отсталости царской России, и особенно отсталости сельскохозяйственного машиностроения, которое до войны покрывало лишь половину спроса на машины.

В целом сельское хозяйство Мордовии к началу первой мировой войны было снабжено сельскохозяйственными машинами и инвентарем крайне недостаточно. Это видно по обеспеченности крестьянских хозяйств Инсарского и Краснослободского уездов[1] плугами, сеялками и жатками. Так, в Инсарском уезде было в 1910 году плугов разных 4392, или один плуг на 43,7 десятины, сеялок — 173, или одна сеялка на 1110,3 десятины, жатвенных машин — 197, или одна жатка на 975 десятин посева. В Краснослободском уезде усовершенствованного инвентаря было гораздо меньше, чем в Инсарском. Здесь в 1910 году было 617 плугов разных, или один плуг на 276,4 десятины, 28 сеялок, или одна сеялка на 6090,7 десятины и 22 жатки, т. е. одна жатка на 7751,8 десятины посева.

Следовательно, в сельском хозяйстве Мордовии преобладал ручной труд, земля обрабатывалась сохой и косулями, которых в Инсарском уезде в том же году было 31479 сох и 19 косуль и в Краснослободском — 35744 сохи[2]. Сеяли вручную и убирали урожай серпами и косами. С возникновением и развитием деятельности сельскохозяйственных обществ и введением участковой агрономии несколько увеличиваются обороты сельскохозяйственных складов, ведающих продажей усовершенствованных орудий и машин, что показывает на рост спроса на такие орудия и машины. Так, через склад Криушинского сельскохозяйственного общества в Темниковском уезде было продано плугов разных в 1910 году — 19, в 1911 — 36, в 1912 — 22, в 1913 году — 38 и в 1914 году — 71 плуг[3].

Данные показывают, что за 5 лет, с 1910 по 1914 год, склад Криушинского общества увеличил продажу плугов в 3,6 раза. За это же время обороты склада, в результате возросшей продажи сельскохозяйственного инвентаря, выросли с 397 рублей 39 копеек до 2000 рублей[4], или более чем в 5 раз.

Цены металлических орудий обработки почвы, сева и уборки урожая были очень высокие, поэтому большинство крестьянских хозяйств были не в состоянии их покупать, ибо имели низкую доходность хозяйств, малые наделы, а также не было продажи товара в кредит[5].

[1] Вестник Пензенского земства № 18, 1913, стр. 786.

[2] Там же.

[3] Агрономические мероприятия земства в 1913—1914 году. Темников, 1915, стр. 51.

[4] Агрономические мероприятия земства в 1913—1914 году. Темников, 1915, стр. 58.

[5] Там же, стр. 51.

Расходы же по покупке улучшенного инвентаря были по карману только зажиточной верхушке крестьянства, кулаки вместе с помещиками были главными покупателями машин и орудий. Вот почему за 8 лет существования Темниковского сельскохозяйственного склада с 1906 года по 1914 год из 4914 домохозяев Темниковского агрономического участка собственные плуги приобрели только 107[1] человек, или 2,1% всех домохозяев участка. В этом же агрономическом участке в 40 селениях из 54 в 1914 году не было ни одного плуга[2].

С началом войны практически прекратился ввоз сельскохозяйственных машин. Цены на сельскохозяйственные машины и орудия стали быстро расти и к марту 1916 года поднялись на 20—25% на орудия и машины для сева и на 60—70% для машин и орудий уборки урожая[3]. Но и при таких условиях производство на нужды фронта было выгоднее для владельцев предприятий. Поэтому с первых же месяцев войны предприятия сельскохозяйственного машиностроения стали переключаться на производство военных материалов.

Результатом расстройства сельскохозяйственного машиностроения и прекращение ввоза было значительное затруднение в снабжении крестьян и помещиков новыми машинами и орудиями. Так, Симбирский сельскохозяйственный склад в течение марта 1916 года пустовал[4] и, чтобы удовлетворить спрос на машины и орудия, Симбирское губернское земство вынуждено было заказать уборочный сельскохозяйственный инвентарь в Америке[5].

О сокращении потребления новых машин и орудий в Мордовии в годы первой мировой войны свидетельствуют данные о работе Пензенского губернского сельскохозяйственного склада. Продажа машин в уездах Пензенской губернии падает в 1915 году на 30%, в 1916 году — на 50%, а в 1917 году — на 70%, склад же расширяет торговлю побочными товарами, торгуя гвоздями, проволокой и даже сахаром. За 1916 год сахара продано 15 вагонов, а гвоздей — 10 вагонов[6].

То небольшое количество машин, металлов и запасных частей, которые имелись в земских складах, отпускались прежде всего помещикам и отчасти кулакам; купить их помимо земских организаций было нелегко и лишь за высокую плату, что было под силу опять-таки помещикам и кулакам.

Частые призывы в армию также влияли на сокращение количества усовершенствованного инвентаря в сельском хозяйстве. Газета «Пензенские губернские ведомости», касаясь наличия

[1] Агрономические мероприятия земства в 1913—1914 году. Темников, 1915, стр. 58.
[2] Там же, стр. 69.
[3] «Симбирский хозяин», № 4, 1916, стр. 36.
[4] Там же, стр. 36.
[5] Там же.
[6] Природа и хозяйство Пензенского края, вып. 2, Пенза, 1924, стр. 164.

рабочих рук в деревне, писала, что «в деревне нет ни кузнецов, ни плотников, ни прочих мастеров, необходимых для того, чтобы чинить и поддерживать в годном для работы виде сельскохозяйственный инвентарь»[1].

Таким образом, из-за призыва на войну сельских ремесленников и нехватки металлов останавливалась работа в деревенских кузницах, следовательно, ранее купленные машины и орудия изнашивались, ломались, а ремонт их был весьма затруднен.

Как к концу войны выглядела обеспеченность крестьянских хозяйств Мордовии усовершенствованными сельскохозяйственными машинами и орудиями, показывают следующие данные[2]:

Количество наличных хозяйств	204875
Посевная площадь в десятинах	793591,9
Плугов	25494
На 100 наличных хозяйств	12,4
Пашни на 1 плуг в десятинах	31,1
Сеялок	477
На 100 наличных хозяйств	0,23
Посева на 1 сеялку в десятинах	1661,6
Жнеек	875
На 100 наличных хозяйств	0,42
Посева на 1 жнейку в десятинах	906,9

Эти данные свидетельствуют о весьма слабой насыщенности сельского хозяйства дореволюционной Мордовии усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем. На 100 наличных хозяйств приходилось плугов 12,4, сеялок — 0,23 и жнеек — 0,42.

Однако и здесь средние цифры не дают ясного представления обеспеченности крестьянских хозяйств новыми машинами и орудиями.

Высокие цены машин и металлических орудий были доступны лишь кулацкой верхушке, она и сосредоточивала в своих руках весь парк усовершенствованных машин и инвентаря и использовали его на усиление эксплуатации беднейшей части крестьянства.

О том, что все машины и металлические орудия сосредотачивались у небольшой части зажиточных крестьян, видно на примере Ардатовского, Спасского и Темниковского уездов[3].

[1] Газета «Пензенские губернские ведомости» 11 декабря 1916 г.
[2] Поуездные итоги Всероссийской переписи 1917 года. Труды ЦСУ, том V, Вып. 2, Москва, 1923, стр. 82, 85, 89, 106, 113, 110, 115, 118, 121.
Подсчет проведен по Инсарскому, Саранскому, Наровчатскому, Краснослободскому, Ардатовскому, Темниковскому и Спасскому уездам.
[3] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, Труды ЦСУ, т. V, вып. 2, Москва, 1923, стр. 106—113, 114—121.

	Ардатовск. уезд	Спасский уезд	Темниковский уезд
Всех наличных хозяйств	35445	24635	25371
Хозяйств с усовершенств. орудиями	2043	1104	397
% этих хозяйств	5,75	4,47	1,5

Приведенные данные подтверждают, что все наличные усовершенствованные машины и орудия были сосредоточены у незначительной части крестьянских хозяйств. Такие хозяйства в Ардатовском уезде составляли 5,75%, в Спасском —4,47% и в Темниковском только 1,5% всех наличных хозяйств, они свидетельствуют о глубоком расколе, происшедшем в деревне, особенно в Темниковской деревне, где, с одной стороны, 98,5% всех хозяйств не имели даже металлических орудий обработки почвы, не говоря уже о сложных машинах, а с другой —1,5% хозяйств имели значительный по тем временам парк сложных земледельческих машин.

Особенностью Темниковской деревни было также то, что кулаки предпочли жить в деревне, выходя на хутора лишь в редких случаях. Поэтому эксплуатация кулаками своих односельчан имела здесь особенно глубокие корни и принимала очень тяжелые формы.

Имея в наличии значительное количество машин и другого улучшенного инвентаря, кулаки могли во время войны обходиться минимумом рабочей силы и не только обрабатывали полностью свои земли, но и обогащались за счет разорившейся бедноты, скупая за бесценок их земли. Так, за первые два года войны в Ардатовском уезде 296 бедняцких хозяйств продали 1143 десятины земли[1]. Мобилизация мужчин в армию, сокращение поголовья рабочего скота, весьма слабая насыщенность сельского хозяйства усовершенствованными машинами и орудиями привели к резкому уменьшению посевных площадей. Изменения в размерах посевной площади являются одними из главных показателей состояния сельскохозяйственного производства и их рассмотрение требует особого внимания.

Для показа сокращения посевных площадей в Мордовии мы приводим следующую таблицу[2] (см. стр. 195).

Приведенная таблица показывает, что, при увеличении наличных хозяйств на 5,9%, посевная площадь сократилась на 152054,1 десятины, или на 16,1%. Если до войны на 100 хозяйств приходилось в среднем по 488,9 десятины посевной площади, то в 1917 году приходилось только по 387,3 десятины, что означает

[1] Очерки истории Мордовской АССР. Том I, Саранск, 1955, стр. 469.
[2] Таблица составлена: 1) По данным земской переписи 1910—1911 гг. и Всероссийской переписи 1917 года; 2) Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года; Тамбовская губерния, Тамбов, 1916.

Уезды	Наличных хозяйств к довоенному (%)	Посеяно десятин		В % к довоенному
		до войны	в 1917 году	
Инсарский	106,9	192092	158254	82,2
Краснослободский	105,2	170541	128956,6	75,6
Наровчатский	103,1	123030	88822,8	72,2
Саранский	108	151884	122847,3	80,8
Спасский	107,3	78706,2	70721	89,8
Ардатовский	104,6	155454,8	155834	100,2
Темниковский	106,4	73938	68156	92,2
Итого:	105,9	945646	793591,9	83,9
На 100 хозяйств		488,9	387,3	79,2

сокращение посевов на 20,8%. По отдельным уездам сокращение еще более значительно. По Наровчатскому уезду посевная площадь сократилась на 34207,2 десятины, или почти на $^1/_3$, по Краснослободскому уезду посевы сократились на 24,4%.

Сокращение посевной площади шло в основном за счет сокращения арендуемой земли. Так, 5 волостей Темниковского уезда, примыкающие к Ивлевско-Вознесенскому имению Крестьянского Поземельного банка, в 1914 году арендовали у этого имения 657 десятин, а в 1915—378 десятин[1]. Следовательно, только за один год аренда земли крестьянами сократилась на 42,5%. За это же время посевная площадь на надельных землях сократилась лишь на 3—5%[2].

Наличной силой хозяйства крестьяне могли обрабатывать только свою надельную, собственную землю, а часть хозяйств, которая была не в состоянии обрабатывать наделы своими средствами, обрабатывала их с найма, уплачивая за вспашку и посев до 30 рублей за десятину, вместо 6—7 рублей[3] до войны.

По Ардатовскому уезду мы видим незначительное увеличение посевной площади — на 0,2%. В Спасском уезде крестьянская посевная площадь увеличилась в 1917 году по сравнению с 1916 годом на 9039 десятин и составила 79760[4] десятин. Такое увеличение посевной площади объясняется, с одной стороны, увеличением земли в руках зажиточной верхушки крестьянства, с другой,— временем проведения переписи 1917 года.

Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 года проходила накануне, а в некоторых губерниях и пос-

[1] ГАТО, ф. 169, оп. 1, д. 5341, л. 182.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Труды ЦСУ, т. V, вып. 2, Москва, 1923, стр. 117.

ле Великой Октябрьской социалистической революции. Захваченные крестьянами помещичьи земли во время проведения переписи записывались как крестьянские земли, крестьянские посевы.

Во время войны произошли большие изменения в площадях посева основных продовольственных культур. В это время сокращаются посевы всех культур, но не одинаково. Меньше сокращаются посевы ржи, особенно овса, больше сокращаются посевы зернобобовых культур и картофеля. Для показа сокращения посевов разных культур мы приводим данные по Спасскому уезду[1].

Культура	Посеяно казенных десятин		В % к 1914 г.	Увеличение, уменьшение в % в 1914 г.
	1914 г.	1916 г.		
Рожь	42088	34722	82,5	— 17,5
Овес	20486	19959	97,4	— 2,6
Просо	7781	5860	75,3	— 24,7
Зернобобовые	5752	1714	29,8	— 70,2
Картофель	5873	4019	68,4	— 31,6

Данные таблицы показывают, что посевы ржи сократились на 17,5%, а овса только на 2,6%. Такое малое сокращение посевов овса объясняется большим спросом его для нужд армии. Значительно сократились посевы зернобобовых, их площадь составила в 1916 г. только 29,8% довоенного посева.

Такое же сокращение происходит и в других уездах. Изучая сокращение площадей посевов, мы приходим к выводу, что во время войны идет процесс натурализации крестьянского хозяйства. Газета «Пензенские губернские ведомости», описывая жизнь села, пишет об «удивительных явлениях в период войны — переход на натуральное хозяйство»[2].

Вместе с сокращением посевных площадей шел процесс разорения крестьян, многие из которых навсегда порвали связи с землей, превратились в сельских пролетариев.

Об этом говорят данные роста безземельных хозяйств в Мордовии. В Инсарском уезде до войны их было 460[3], которые составляли 1,1% всех крестьянских хозяйств уезда, а в 1917 году число безземельных хозяйств увеличилось до 1557[4], и составляло 4,4% наличных хозяйств. Таким образом, за годы войны количество безземельных хозяйств возросло более чем в 3 раза.

[1] ГАТО, ф. 26, оп. 4, д. 1919, лл. 4, 7, 8, 9, 10; д. 2206, лл. 168, 169, 170.
[2] Газета «Пензенские губернские ведомости», 14 сентября 1916 г.
[3] Подворная перепись крестьянского хозяйства. Серия III, часть II. Вып. II, Пенза, 1913 г.
[4] Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 года. Труды ЦСУ, т. XV, вып. 2, Москва, 1923, стр. 87.

Безземельные крестьяне, чтобы не умереть от голода, нанимались батраками к кулакам, нищенствовали, занимались отхожими промыслами.

В годы войны появляются и быстро увеличиваются беспосевные хозяйства. До войны в Мордовии беспосевных хозяйств не было, а в 1917 году таких хозяйств было уже 13387[1], и они составляли 6,5% всех наличных хозяйств Мордовии.

Особенно интенсивно шло разорение крестьянства в Саранском уезде, где 12,8% всех наличных крестьянских дворов не имели ни земли, ни посева, в Спасском уезде таких хозяйств было 11,9%. Меньше беспосевных и безземельных хозяйств было в Краснослободском уезде — 5,7% и в Наровчатском уезде — 1598[2] хозяйств или 6,9% всех наличных хозяйств.

Эти различия объясняются разными условиями в капиталистическом развитии сельского хозяйства в уездах. Там, где капиталистическое земледелие было развито больше, процесс расслоения крестьянства был значительнее.

Частые реквизиции скота для нужд армии, сокращение посевов сельскохозяйственных культур, уменьшение урожайности вследствие плохой обработки почвы женщинами, стариками и подростками, в свою очередь, приводило к уменьшению кормов в крестьянском хозяйстве, которое пагубно отражалось на состоянии крестьянского животноводства. У крестьян количественно и качественно шло сокращение поголовья скота: коров, свиней, овец. Об этом мы можем судить по данным земской переписи 1910—11 гг. и по Всероссийской переписи 1917 г. Данные переписей показывают, что, например, по Спасскому уезду в 1917 году по сравнению с 1912 годом поголовье коров сократилось на 8,9%, поголовье свиней—на 11816 голов, или на 35,3% и поголовье овец уменьшилось на 51921 голову, или на 36,2%[3]. По Темниковскому уезду поголовье свиней сократилось на 41,8%, овец — на 20,7%[4].

Таким образом, в то время, как число наличных крестьянских хозяйств в Спасском уезде увеличилось на 7,3%, количество коров сократилось на 8,9%. В расчете на 100 хозяйств это сокращение еще более значительно — 23,2%.

Количество скота уменьшалось из года в год. Так, по Спасскому и Темниковскому уездам только за один 1917 год по сравнению с 1916 годом количество овец уменьшилось на 18743

[1] Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 года. Труды ЦСУ, т. V, вып. 2, Москва, 1923, стр. 87. Подсчет проведен по Ардатовскому, Темниковскому, Спасскому, Саранскому, Краснослободскому, Инсарскому и Наровчатскому уездам.
[2] Там же.
[3] Данные выведены по материалам подворного обследования животноводства Тамбовской губернии в 1912 году. Тамбов. 1913 год. стр. 50—54 и по поуездным итогам Всероссийской переписи 1917 года. Труда ЦСУ, т. V, вып. 2, Москва, 1923, стр. 114—121.
[4] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. И-295, стр. 106.

головы, или на 8,6%, поголовье свиней сократилось на 503 головы, или на 2,3%[1].

Во всех уездах Мордовии идет резкое сокращение поголовья овец и свиней. В Инсарском, Краснослободском и в Наровчатском уездах в 1916 году было 476065 овец, а в 1917 году — 367095[2]. Только за один год количество овец сократилось на 108970 штук, или на 22,9%. В Краснослободском и Наровчатском уездах в 1916 году было 39383 свиньи, в 1917 году их осталось 31072[3] головы, поголовье свиней в этих уездах сократилось на 21,1%.

Такое сокращение объясняется не только частыми реквизициями скота, но и вынужденной продажей этого скота на уплату все возрастающих налогов и недоимок и, кроме того, крестьяне, чтобы не умереть с голода из-за отсутствия хлеба, продавали последний скот и покупали продовольственные товары.

Поголовье же коров сокращается менее значительно. Так, если поголовье овец и свиней сокращается по разным уездам от 20 до 41%, сокращение поголовья коров происходит в некоторых уездах в пределах от 3,8 до 18,5%.

Изменение поголовья коров видно из следующей таблицы[4].

Уезды	Рост налич. хоз-в с 1911 по 1917 в %	Количество коров		В % к довоенному
		до войны	в 1917 г.	
Инсарский	106,9	30949	30601	98,8
Краснослободский	105,2	33113	33351	100,7
Наровчатский	103,1	19695	18978	96,2
Саранский	108	22241	23088	103,8
Спасский	107,3	23192	21142	91,1
Ардатовский	104,6	29755	24260	81,5
Итого:		158945	151420	95,2

Данные таблицы показывают, что по рассматриваемым уездам Мордовии поголовье коров сократилось только на 7525 голов, или на 4,8%. Значительное сокращение поголовья коров замечается в Ардатовском (на 18,5) и Спасском уездах (на 8,9%). А в Саранском и Краснослободском уездах отмечается увеличение количества коров.

[1] Данные выведены по Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Тамбовская губерния, Тамбов, 1918 год, и Всероссийской переписи 1917 года. Поуездные итоги, Труды ЦСУ, т. V, вып. 2, Москва, 1923, стр. 114—121.

[2] Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления. Пенза, 1922, ч. 1, стр. 133.

[3] Там же, стр. 144—145.

[4] Данные взяты из земских подворных переписей 1911—1912 гг. и Всероссийской переписи 1917 года.

Это увеличение можно объяснить, кроме приплода, тем, что от реквизиции крупного рогатого скота были освобождены однокоровные хозяйства. Этим воспользовалась зажиточная верхушка, которая стала продавать коров во избежание реквизиций по весьма высоким ценам, которые во время войны быстро росли. Так, если в начале войны в уездах Пензенской губернии говяжье мясо 1 сорта стоило 6 рублей 80 копеек[2], то к январю 1917 года цена на мясо поднялась до 16 руб. 60 коп. за пуд[2]. Некоторое увеличение коров объясняется еще и тем, что отхожие рабочие и беднота стремились во что бы то ни стало обзавестись на время войны коровой и удержать её для нужд семьи.

Такой вывод подтверждается и данными об изменении числа бескоровных хозяйств, которые мы приводим в следующей таблице[3].

Уезды	До войны		%	В 1917 г.			Увеличен. или уменьшение
	наличие хоз-ва	бескоров. хоз-ва		налич. хоз-ва	бескоров. хоз-ва	%	
Инсарский	33065	7529	22,8	35358	7782	22	0,8
Краснослободский	31680	7850	24,7	23342	666,1	19,9	— 4,8
Наровчатский	22192	5048	22,7	22881	5072	22,1	— 0,6
Саранский	25757	6430	24,9	27843	6631	23,8	— 1,1
Спасский	22955	4595	20	24635	5378	25,8	+ 5,8
Ардатовский	33935	8720	25,7	25445	7575	21,3	— 4,4
Итого:	169584	40172	23,6	179504	39099	21,7	— 1,9

Данные граф, открывающие таблицу, показывают, что в целом по уездам идет уменьшение числа бескоровных крестьянских хозяйств. Таких хозяйств за время войны сократилось на 1073 двора, или на 1,9%. По отдельным уездам уменьшение бескоровных дворов еще значительнее. Так, по Краснослободскому уезду сокращение равняется 1189 хозяйствам, или 4,8%, по Ардатовскому уезду число бескоровных сократилось на 1145 дворов, или на 4,4%. И только в Спасском уезде идет увеличение бескоровных хозяйств на 787 дворов, что составляет 5,8% всех наличных хозяйств уезда.

Однако по Мордовии процент бескоровных крестьянских хозяйств в 1917 году был очень высок. Как показывают данные переписи 1917 года, таких хозяйств в Мордовии было 43007 и

[1] Пензенские губернские ведомости, 5 сентября 1914 года.

[2] ГАПО, ф. Р-9, оп. 1, д. 1, л. 48.

[3] Данные взяты из земских подворных переписей 1911—12 гг. и Всероссийской переписи 1917 года.

составляли они 20,9% всех наличных хозяйств. Почти четвертая часть наличных крестьянских дворов не имела дойных коров. Наибольшее число бескоровных хозяйств насчитывалось среди крестьян Спасского уезда — 25,8%, Саранского — 23,8% и Инсарского — 22% всех наличных хозяйств.

Только в Темниковском уезде доля бескоровных хозяйств была ниже средних 20,9%, в этом уезде процент бескоровных составлял 15,4.

В результате сокращения посевных площадей и упадка крестьянского животноводства происходит общее ухудшение материального положения крестьян. Ухудшению экономического положения крестьянства во время первой мировой войны способствовал все возрастающий налоговый гнет.

Одним из самых тяжелых налогов на крестьянское хозяйство были земские сборы, которые как и другие платежи крестьян, из года в год возрастали. В Темниковском уезде они составляли в 1910 году 50,36 копейки, в 1911 году — 54,94 копейки, в 1912 году — 61,17 копейки и в 1913 году — 68,32 копейки с каждой десятины пашни[1].

В период войны обложение земскими сборами неуклонно продолжало расти. В Темниковском уезде оклад земского сбора каждой десятины пашни составил в 1914 году 76,18 копейки, в 1915 году 75,03 копейки[2], а на 1916 год сметой Темниковского уездного собрания предусмотрено было взимание с каждой десятины пашни 92,10 копейки[3]. Рост оклада земского сбора происходил и в других уездах Мордовии. Так, в Спасском уезде за два года войны обложение земскими сборами возросло с 87 копеек в 1914 году до 103 копеек с каждой десятины пашни в 1915 году[4]. В Саранском уезде только уездный земский сбор в 1915 г. по сравнению с 1914 годом поднялся на 2,5 копейки — с 46,1 копейки до 48,6 копейки[5].

Характерной особенностью земских сборов было то, что помещики, являвшиеся хозяевами в земствах, накапливали по этим сборам огромные недоимки. Например, частные владельцы Темниковского уезда с декабря 1914 года по январь 1915 года задолжали земству 57432 рубля 64 копейки[6], тогда как крестьяне уезда за это же время имели недоимок в 20354 рубля 98 копеек[7]. Недоимочность частных владельцев составляла 49,9%, а недоимочность крестьян по земским сборам около 10% суммы оклада.

[1] Журналы Темниковского уездного собрания. Темников, 1915, стр. 612.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 395.
[4] ГАТО, ф. 169, оп. 1, д. 5341, л. 29.
[5] Отчет Саранской уездной земской управы за 1914 год. Смета и раскладка земских сборов на 1915 год. Саранск, 1914.
[6] ГАТО, ф. 2, оп. 137, д. 108, л. 85.
[7] ГАТО, ф. 26, оп. 4, д. 178, л. 53.

Помещичья недоимочность вызвала хронический недостаток средств для покрытия сметных расходов, поэтому земцам приходилось ежегодно повышать оклады земских сборов. Таким образом, помещичья недоимочность превращалась в дополнительное обложение крестьянских надельных земель.

Не меньшую, чем земские сборы, тяжесть представляли для крестьян мирские сборы, которые собирались только с крестьян. Они собирались на покрытие тех расходов, которые не могли быть выполнены в натуре. К мирским повинностям относились содержание общественного управления, расходы по оспопрививаниям, по борьбе с заразными болезнями и падежом скота, устройство и содержание хлебозапасных магазинов и окарауливание их, содержание в порядке проселочных дорог, призрение престарелых, тушение пожаров в лесах, оплаты учителей и так далее и тому подобное. Как видно из этого неполного перечня, многие мирские расходы имели отношение не только к нуждам несшего эти расходы сельского населения. Например, одной из самых больших статей расхода было содержание лиц так называемого «общественного управления», куда относилось жалованье сельских старост и волостных старшин и писарей, и их помощников. Волостные правления относились к низшим органам государственного управления, вся тяжесть их содержания, как мы видим, падала на плечи только крестьянства.

Для мирских сборов существовало много различных способов и систем раскладки: по душам, по едокам, по дворам и т. д. Кулаки-заправилы сельских сходов повсюду оказывались обложенными меньше, чем бедняки и середняки. Особенно быстро сказалась неравномерность обложения в годы войны, когда многие хозяйства лишились глав семей и лучших работников. Материальное положение резко изменилось, а система обложения мирскими сборами, отвечающая интересам кулаков, осталась прежней.

В годы войны повышения не избежали и мирские сборы.

Для ясного представления тяжести мирских сборов для крестьян примером может служить раскладка этих сборов на крестьян Перхляйского общества Ключаревской волости Инсарского уезда в сравнении с окладом земского сбора.

Оклад мирских сборов с 360 домохозяев этого общества составлял на 1915 год 5579 рублей 95 копеек[1], или в среднем по 15 рублей 50 копеек на хозяйство. Оклад земского сбора был равен 2293 р. 04 коп.[2] Оклад мирских сборов более чем в 2 раза превышал оклад земских сборов.

Недоимочность крестьян по мирским сборам росла из года в год. Так, если у крестьян Перхляйского общества на 1 января

[1] ЦГА МАССР, ф. 54, оп. 1, д. 11, л. 1.
[2] Там же.

1915 года долг по мирским сборам равнялся 1316 рублям 71 коп.[1], то на январь 1916 года он вырос до 2524 рубля 81 копейки[2], т. е. за 1 год долг вырос почти в 2 раза. 280 домохозяев[3] из 360 имели недоимочность.

Кроме окладных сборов существовала большая область платежей на образование продовольственных капиталов или в возврат продовольственных долгов.

Продовольственные капиталы составлялись из взносов крестьян натурой или деньгами. Натуральные запасы хранились в хлебозапасных магазинах и содержались за счет мирских расходов. Было установлено, что в магазине должно храниться хлеба по 4 пуда на наличную душу. Сбор зерна производили ежегодно по 20 ф. до полной нормы. Но в связи с тем, что ежегодно выдавались продовольственные ссуды, то хлеба в магазинах до нормы не доставало, ссуды же возвращались неаккуратно, а пополнение запасов его превращался в постоянный и неоплатный натуральный налог. На начало 1917 года крестьяне Сивиньской волости Краснослободского уезда имели 19982 пуда 27 фунтов долга по общественному хлебозапасному магазину[4].

Зачастую долг превышал полную норму в магазине. Так, в Рыбкинской волости того же уезда он достигал 57160 пудов[5], а полная норма составляла лишь 46080 пудов[6].

Частые неурожаи и стихийные бедствия приводили к тому, что крестьяне вынуждены были прибегать не только к натуральным ссудам из хлебозапасных магазинов, но и к денежным из сумм губернских и общеимперских продовольственных капиталов и оказывались в неоплатном долгу перед этими капиталами. Только по четырем уездам Пензенской губернии, впоследствии вошедшим в состав современной Мордовии, эти долги крестьян составили огромную сумму: на 1 января 1916 года — 4254190 рублей 70 копеек, а на 1 января 1917 года — 4081764 рубля 90 копеек[7].

Чтобы реальнее представить величину долга крестьян Мордовии губернскому и общеимперскому продовольственным капиталам, сравним его на примере Темниковского уезда со всей суммой земского сбора[8].

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 54, оп. 1, д. 11, л. 1.
[2] Там же.
[3] Там же, лл. 74—80.
[4] ЦГА МАССР, ф. 271, оп. 1, д. 3, лл. 1—61.
[5] ЦГА МАССР, ф. 212, д. 4а, оп. 1, д. 11.
[6] ЦГА МАССР, ф. 212, л. 4а, оп. 1, д. 2.
[7] ГАПО, ф. 53, оп. 1, д. 4597, л. 136. Сумма исчисленная по Саранскому, Инсарскому, Наровчатскому, Краснослободскому уездам.
[8] Таблица составлена на основании: ГАТО, ф. 26, оп. 4, д. 2513, л. 91, д. 1950, л. 177 и журналов Темниковского уездного земского собрания. Темников, 1915, стр. 606, 612.

Годы	Долг губернскому и общеимперскому прод. капиталам	Годовой оклад земского сбора	Во сколько раз
1913	646208 руб.	95088 руб.	6,6
1914	598981 руб.	106018 руб.	5,6
1916	557473 руб.	128277 руб.	4,3

Расчеты показывают, что долг крестьян губернскому и общеимперскому продовольственным капиталам превосходил оклад земского сбора с надельной земли в 1913 г.—6,6 раза, в 1914 г.—в 5,6 раза и 1916 г.—4,3 раза.

Если учесть, что должниками этих капиталов была почти исключительно беднейшая часть крестьянства, можно представить себе всю тяжесть и безвыходность его положения. Взыскание же этих долгов было ничем иным, как отбиранием у бедноты последних пудов хлеба и последних грошей.

Для финансирования войны нужны были миллиардные суммы. Расходы на войну с каждым годом росли, и, чтобы покрыть их, царское правительство увеличивало старые налоги, а также устанавливало новые налоги и сборы. С сентября 1916 года был установлен акциз на чай, увеличен акциз на спирт до 20 копеек с градуса, акциз с прессованных дрожжей доведен до 40 копеек с фунта, с сахара акциз повысился до 2 рублей 80 копеек с пуда, а также увеличили акциз с табачных изделий. С начала войны был введен военный налог. Следовательно, налоговый гнет во время войны увеличился во много раз, лег тяжким бременем на плечи крестьянства, разоряя хозяйства деревенской бедноты.

К 1916 году страну охватил жестокий товарный голод, с рынка исчезают продукты первой необходимости: хлеб, соль, мясо. Из-за милитаризации промышленности в стране ощущался острый недостаток в спичках, мануфактуре, сахаре, мыле. Из-за развала транспорта потребляющие губернии не могли завезти продукты сельского хозяйства для населения.

Товарный голод охватил и уезды Мордовии. Будучи по своей экономике чисто сельскохозяйственными, они не могли себя прокормить. В этом сказалась пагубность политики царского самодержавия, которая не могла обеспечить фронт и тыл продуктами питания.

Путем беспрерывных государственных заготовок правительство расстроило рынок. Хлеб заготавливался по твердым ценам, которые были ниже свободных рыночных цен. Цены на промышленные товары росли быстрее цен на хлеб в сельских районах, поэтому крестьяне тоже старались продать свой хлеб дороже и с большой неохотой продавали свой хлеб заготовительным органам. С 1916 года царское правительство перешло к принудительной разверстке хлеба. Крестьянство оказало самое упорное

сопротивление введению разверстки, что привело к её фактическому срыву.

Так, уполномоченный по заготовке хлеба жалуется саранскому земскому начальнику, что хлеб ему не везут, а продают в соседнюю губернию по повышенной цене[1]. Он просит содействия в заготовке хлеба. В телеграмме на имя волостных старшин этот же уполномоченный требует принятия срочных мер воздействия на крестьян, обещая за этот труд по выколачиванию хлеба у крестьян, выдавать по $^1/_2$ копейки волостным старшинам и по 1 копейке сельским старостам с пуда вывезенного на ссыпные пункты хлеба[2].

Фактически большинство крестьян имели весьма ограниченные возможности продажи хлеба по высоким ценам, так как деньги требовались для ведения хозяйства, для покупки предметов первой необходимости — соли, керосина, мыла, ситца, спичек и т. п.— и для уплаты налогов.

На крестьян к тому же проще было оказать административно-полицейское воздействие. Документы свидетельствуют, что именно на них обрушилась вся тяжесть реквизиций.

Темниковский уездный исправник в рапорте о настроении населения в уезде в октябре 1916 года сообщает губернатору, что «...крупные землевладельцы установленные твердые цены на хлеб находят низкими и поэтому воздерживаются от продажи хлеба, но крестьяне, наоборот, довольны установленными твердыми ценами и в большом количестве вывозят хлеб для продажи на нужды армии...»[3] Исправник в силу своей классовой ограниченности не знал, что крестьянское «довольны»— это нужда в наличных деньгах для уплаты налогов и приобретения товаров первой необходимости.

Кредиты Государственного банка были недоступны широким слоям крестьянства, поэтому они и были «довольны» низкими ценами.

В силу отсутствия кредита и плохой осведомленности о ценах и колебаниях рыночного спроса крестьяне «находились всецело во власти скупщиков»[4], которые получали возможность покупать хлеб даже по ценам ниже твердых заготовительных цен.

В результате расстройства рынка в городах и уездах Мордовии уже в начале 1916 года ощущается острый недостаток хлеба и других товаров. Корреспондент из города Инсара сообщает 16 февраля 1916 года в газете «Чернозем», издававшейся в г. Пензе, что «...кроме дров, в городе чувствуется огромная нужда в муке и сахаре...[5] Представители Инсарской городской

[1] ЦГА МАССР, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 10.
[2] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 11.
[3] ГАТО, ф. 4, оп. 123, л. 15.
[4] Вестник Пензенского земства, № 6, 1916, стр. 279.
[5] «Чернозем», 16 февраля 1916 г.

управы для закупки муки ездили в Сызрань, Самару, Оренбург. «Муки сколько угодно, а вагонов нет»[1]. Ходатайство управы о представлении наряда на вагоны не дало никаких результатов.

Ардатовский исправник в своем рапорте симбирскому губернатору от 16 июля 1916 года пишет, что «...на местных рынках ощущается недостаток сахара, гречневой крупы, пшена, соли, мыла, спичек»[2].

Расстройство рынка ударило в первую очередь по материальному положению широких слоев населения города и деревни. Корреспондент из села Гузынцы Мокшалейской волости Саранского уезда сообщает в газету «Пензенские губернские ведомости», что «жизнь в деревне становится с каждым месяцем все труднее и труднее в материальном отношении»[3]. Газета «Сибирянин», описывая дороговизну жизни в Ардатовском уезде, писала 4 марта 1916 года: «Словом, жизнь, в особенности для бедного класса населения, стала положительно невыносимой»[4].

Не улучшилось положение со снабжением населения продовольствием и после уборки хорошего урожая 1916 года.

Городской голова города Саранска Никитин в телеграмме на имя уполномоченного по закупке хлеба в Пензенской губернии Кугушева 1 октября 1916 года сообщает, что в город подвоза ржаной муки для населения совершенно нет[5]. Далее он ходатайствует об отпуске 1000 пудов муки или ржи городскому продовольственному складу.

В результате хронического отсутствия на рынке продуктов первой необходимости, в начале 1917 года в городах и сельской местности начинается продовольственный кризис, от которого в первую очередь страдали городские рабочие и широкие массы крестьянской бедноты.

В феврале начинается голод в Краснослободске, Саранске и других городах.

Городской голова Саранска 15 февраля 1917 г. телеграфирует пензенскому губернатору о совершенном отсутствии ржаной муки в Саранске. Краснослободская управа констатирует, что «горожане голодают»[6] и просит отпуска хлеба из склада уполномоченного по заготовке хлеба для армии.

Голод охватывает сельские местности Мордовии. Земский начальник 2-го участка Краснослободского уезда Тимофеев в телеграмме из села Майдан просит отпустить хлеб, ибо «в Сиалеевско-Майданской и Старо-Шайговской волостях... острая нужда в продовольствии большой части населения»[7].

[1] «Чернозем», 16 февраля 1916 г.
[2] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 2027, л. 61.
[3] Газета «Пензенские губернские ведомости», от 25 февраля 1916 г.
[4] Газета «Сибирянин», от 4 марта 1916 года.
[5] ГАПО, ф. 83, оп. 1, д. 13, л. 136.
[6] ГАПО, ф. 83, оп. 1, д. 22, л. 69.
[7] Там же, л. 143.

Положение с продовольствием к марту стало настолько серьезным, а положение широких слоев населения было настолько тяжелым, что уполномоченный особого совещания продовольствия по Пензенской губернии, а потом и губернатор обращаются к министру земледелия 21 февраля 1917 года с ходатайством о временном приостановлении отправки ржаной муки в армию «ввиду начавшейся голодовки в городах и больших поселках губернии»[1].

* * *

На почве нехватки товаров первой необходимости в стране, в том числе и в Мордовии, происходит резкое повышение цен на продукты потребления, особенно на продукты питания.

«Дороговизна в пределах Симбирской губернии обнаружилась уже с начала 1915 года и, все возрастая, приняла в настоящее время угрожающие размеры... особенно заметно и трудно переносимо... непомерное вздорожание продуктов питания, дров»,— признался в июле 1916 года и. д. симбирского губернатора Шишков[2].

В Ардатовском уезде цены к июлю 1916 г. по сравнению с довоенным временем поднялись на муку ржаную с 75 копеек до 1 р. 50 коп., на муку пшеничную — с 2 рублей 30 коп. до 4 рублей 90 коп., на свинину — с 5 рублей до 20 рублей, на соль — с 40 коп. до 2 рублей, на мыло простое — с 4 рублей 80 копеек до 24 руб. на пуд., на дрова дубовые — с 3 рублей до 10 рублей на квадратную сажень[3]. Цены росли повсеместно. В Темниковском уезде цена пуда ржаной муки поднялась с 1 рубля в 1914 году до 2 рублей в марте 1916 года[4].

В связи с продовольственными трудностями началась безудержная спекуляция хлебом и другими продуктами. Цены на предметы первой необходимости в 1916 году и к началу 1917 года поднялись на 1000 и более процентов. Официальные доклады, рапорты исправников и газеты пестрят сообщениями о мародерстве кулаков и торговцев-спекулянтов.

Корреспондент из Чамзинок Ардатовского уезда писал в феврале 1917 года, что «всем известно, что торговый люд мародерствует. Цену на муку они подняли более чем на 1000%, но деваться некуда. «Потребитель плакал, но брал»[5]. «Купцы же без зазрения совести набавляют цены и скрывают предметы первой необходимости,— писал в своем рапорте помощник начальника губернского жандармского управления по Алатырскому, Ардатовскому и Корсунскому уездам 27 октября 1915 года,— а затем по повышенной цене отправляют их в г. Казань»[1].

Спекулировали и хлебом, который по разнарядке особого совещания по продовольствию предназначался потребляющим уездам. Так, Торбеевский купец Елисеев купил по разнарядке для Темникова из Оренбурга 1000 пудов муки. В Торбееве он муку продал кулаку-спекулянту Треуголову, взяв барыш 325 рублей. Треуголов продавал эту муку по спекулятивной цене[2].

В спекуляции и грабеже населения активное участие принимала и мелкая торговая буржуазия мордовской национальности. Она тоже спешила нажиться на нужде бедняков. В уже упомянутой корреспонденции в газету «Пензенские губернские ведомости» из села Гузынцы сообщается, что «наши деревенские лавочники берут с деревенских покупателей непомерные цены: соль —3 копейки фунт, 1 коробка спичек —3-4 копейки, пшено выше рубля пуд, сахар продают 30 копеек фунт, когда и дороже, керосин —8 копеек.

...Деревенцы... поневоле втридорога платят лавочникам...»[3].

На хлеб, сахар, кожу и некоторые другие продукты первой необходимости определялись твердые цены, в то же время на мануфактуру и многочисленные фабрично-заводские изделия никаких твердых цен не устанавливалось, поэтому «фабриканты и продавцы этих последних предметов берут какие им угодно цены, достигшие за последнее время колоссальных размеров и прямо грабят потребителя[4],— докладывал уполномоченный по продовольствию по Симбирской губернии Беляков совещанию по обсуждению вопроса об обеспечении продовольствием фабрик и заводов, работающих на оборону 26 сентября 1916 года. К сентябрю 1916 года цена ситца в Симбирской губернии с 15 копеек аршин поднялась до 60 копеек, бобрик от 1 рубля 80 копеек до 12 рублей[5], т. е. на 660%.

Торговцы метталлических изделий на спекуляции загребали огромные барыши. Торговец кожевенной лавки Темникова Меркулов продавал сапожные гвозди по 70 копеек за фунт, купленные им самим по 20 копеек за фунт[6], т. е. брал 250% барыша.

В целях борьбы со спекуляцией, которая была «настолько вопиющим, настолько вызывающим и в то же время, возбуждающим явлением...»[7], царское правительство создавало губернские совещания, уездные комитеты по борьбе с дороговизной. Они издавали обязательные постановления, вырабатывались таксы на предметы первой необходимости и продовольствие.

---

[1] ГАПО, ф. 83, оп. 1, д. 22, л. 89.
[2] ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 2028, л. 18.
[3] Там же, лл. 19, 20.
[4] ГАТО, ф. 169, оп. 1, д. 5341, л. 182.
[5] Дорожкин М. В. Установление Советской власти в Мордовии, Саранск, 1957, стр. 54.

[1] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1279, л. 65.
[2] ГАТО, ф. 4, оп. 123, д. 99, л. 60.
[3] Газета «Пензенские губернские ведомости», от 25 февраля 1916 г.
[4] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 2020, л. 30.
[5] ГАУО, ф. 76, оп. 2, 2020, л. 31.
[6] ГАТО, ф. 4, оп. 123, д. 99, л. 38.
[7] Газета «Симбирянин», от 5 июня 1916 года.

Меры, которые принимались губернскими совещаниями, уездными комитетами по борьбе с дороговизной, не могли привести к ликвидации спекуляции, ибо члены этих комитетов, представлявшие интересы помещиков, кулаков и торговцев, сами наживались на спекуляции. Поэтому «бессилие разных общественных организаций... настолько ясно обнаружилось, что обыватель совершенно потерял, кажется, всякую надежду на какую-то ни было помощь с этой стороны,— писала газета «Симбирянин» о мерах борьбы с дороговизной в Симбирской губернии.

Отсутствие желания борьбы с дороговизной у земцев и причину нежелания видели и представители административно-полицейской бюрократии.

В рапорте о настроении населения темниковский уездный исправник вынужден был признать, что борьба с дороговизной и наживой чрезвычайно трудная, в особенности в Темникове, где «городская дума в своих интересах старается всё это поддержать и к принятию мер против дороговизны и взвинчивания цен... относятся весьма несочувственно»[1].

Различные учреждения, мешая друг другу, способствовали поднятию цен и спекуляции.

Уполномоченный по закупке продуктов для нужд армии в Тамбовской губернии в 1915 году решил обойтись без посредников и скупать хлеб непосредственно у производителей. Однако хлеб имели право заготавливать и воинские части, которые командировали в губернии офицеров и солдат, а также города, земства, Красный Крест. Представители этих учреждений покупали продукты по любой цене, не считаясь с установленными ценами. В Тамбовской губернии они покупали овес у скупщиков в ноябре 1915 года по 1 рублю 40 копеек, в то время как твердая цена пуда овса была равна 1 рублю 10 копеек[2].

Безрезультатность борьбы правительства со спекуляцией, несостоятельность его в снабжении внутреннего рынка товарами и продовольствием, боязнь революции заставляли либеральную земскую буржуазию выступать с критикой деятельности правительства, и в первую очередь подвергались обсуждению и критике меры борьбы с дороговизной.

Так, в «Пензенских губернских ведомостях» в статье «Кого винить?» за 12 января 1916 года сделан анализ борьбы со спекуляцией. Издаются постановления, вырабатываются таксы, торговцы их совершенно игнорируют. Покупатели же стонут от дороговизны, но не заявляют полиции, боясь лишиться и такой возможности приобретать товары, но винят в росте спекуляции полицию: она «мало карает спекулянтов».

Корреспондент Пензенской газеты «Чернозем», разбирая меры борьбы с дороговизной и их результат, с горечью писал, что

[1] ГАТО, ф. 4, оп. 123, д. 282, л. 9.
[2] ГАТО, ф. 2, оп. 138, д. 197, л. 77.

на свете есть много печальных историй, «но история борьбы с дороговизной самая печальная»[1]. А газета «Симбирянин», в целях успешной борьбы с «засилием торгашей-спекулянтов», советует всем «объявить всеобщую голодовку! Это единственный способ, оставшийся неиспользованным»[2].

Отсутствие порядка, а следовательно слабость и несостоятельность царского правительства в деле снабжения фронта и тыла товарами, признает в своей записке министру внутренних дел в 1916 году и симбирский губернатор[3].

Отсутствие продуктов первой необходимости, высокие цены и спекуляция в первую очередь отражались на экономическом положении городской и деревенской бедноты. Рост заработной платы городских рабочих и батраков не успевал за быстрым ростом цен. Мародерство кулаков и торговцев вконец разорило городскую и сельскую бедноту.

На спекуляции богатели кулаки, незначительная часть крестьянства. Ухудшалось и положение середняков. Газета «Симбирянин» в начале 1917 года писала, что «многие хозяйства упали; скотина, за исключением разве самой необходимой, продана, как распродан и сельскохозяйственный инвентарь. Наряду с возрастанием богатства одних... падают хозяйства-богатства других»[4].

В период первой мировой войны в Мордовии происходил дальнейший процесс расслоения крестьянства.

В это время происходит четкое разграничение крестьянства на кулаков — сельскую буржуазию, на бедняков — основную массу крестьянства и середняков.

Богатства зажиточной части крестьянства возрастают во много раз. Бедняки же разоряются, они продают свои земли, скот, инвентарь. Одна часть бедняков превращается в батраков, другая — пополняет ряды пролетарита.

Надрываясь от бремени налогов, голодая от нехватки пищи, умирая от эпидемий, крестьяне до Великой Октябрьской социалистической революции влачили жалкое существование.

Во время войны тяготы и лишения увеличились. Под их влиянием и под влиянием агитации большевиков-ленинцев, крестьяне начали понимать необходимость социальной революции.

[1] Народная газета («Чернозем») 29 января 1916 года.
[2] Газета «Симбирянин» 1 января 1916 года.
[3] ГАТО, ф. 76, оп. 1, д. 1217, лл. 1—6.
[4] Газета «Симбирянин», 15 января 1917 года.

Н. Ф. Тюгаев

К ВОПРОСУ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА ФЕОДАЛИЗМА

(Конец XVIII—пер. пол. XIX в.)

История крестьянства в период разложения и кризиса феодально-крепостного хозяйства и возникновения капиталистических отношений является одним из основных вопросов в истории России конца XVIII — первой половины XIX века.

Как отмечал академик Н. М. Дружинин, задача изучения истории крестьянства, поставленная известным русским историком В. И. Семевским ещё в 1881 году, не потеряла своего научно-исследовательского значения и в настоящее время, «ибо, не изучив истории крестьянства, нельзя уяснить себе закономерного хода нашего исторического процесса — особенно в условиях феодальной формации, охватывающей около десяти столетий нашего прошлого»[1]. Этим объясняется интерес к проблеме.

Истории крестьянства первой половины XIX века посвящено ряд работ советских историков. Одной из наиболее фундаментальных является монография Н. М. Дружинина[2] о государственных крестьянах.

История крепостной помещичьей дéревни освещается в монографиях Л. Б. Генкина, Е. И. Индовой, К. В. Сивкова, И. Д. Ковальченко и других[3].

В них раскрывается социально-экономическое развитие деревни главным образом в Центральной России.

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М., 1946, стр. 3.

[2] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М., т. 1, 1946; т. II, 1958.

[3] Л. Б. Генкин. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года, т. 1, Ярославль, 1947. Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века, М., 1955. К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века, М., 1951. И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, М., 1959. Он же. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века, М., 1967.

Исследований по истории крепостного крестьянства Мордовии в первой половине XIX века очень мало[1]. Поэтому мы поставили перед собой задачу несколько восполнить этот пробел.

Цель настоящей статьи — охарактеризовать обеспеченность крепостных крестьян землей, формы их эксплуатации и размеры повинностей в первой половине XIX века.

Объектом изучения являются те уезды Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний, которые в советское время вошли в состав Мордовской АССР[2].

Поуездные итоговые данные кратких «Экономических примечаний» Генерального межевания за 80-е годы XVIII века определяют численность крестьян мужского пола в десяти уездах, вошедших полностью или частично в Мордовию, в 212691 чел. Из них 47,7% были помещичьими, 16,3% — удельными и 36% — государственными (см. табл. № 1)[3].

С конца XVIII до 50-х годов XIX века численность крестьянства мужского пола возросла на 174424 чел., или на 82%.

Движение крестьянства Мордовии с конца XVIII до 50-х годов XIX века

Таблица 1[4]

Годы	Всего крестьян муж. пола	В том числе: помещичьи		удельные		государственные	
		численность	%	численность	%	численность	%
80-е годы XVIII века	212691	101540	47,7	34481	16,3	76670	36,0
Конец 50-х годов XIX века	387115	141285	36,5	44294	11,4	191562	49,5

---

[1] И. М. Корсаков. Мордовия в период разложения крепостного строя (1800—1861 гг.), кандидатская диссертация, Саранск, 1951. Он же. К вопросу о помещичьем закрепощении мордвы (Записки МНИИЯЛИЭ, № 13, Саранск, 1951); Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1955, стр. 229—244.

[2] В состав Мордовии вошли из Пензенской губернии полностью Краснослободский, почти полностью Инсарский и Саранский уезды и половина Наровчатского уезда; из Симбирской губернии — весь Ардатовский уезд, волости с мордовским населением — Алатырского и Корсунского уездов; из Тамбовской губернии в основном вся территория Темниковского и половина Спасского уездов; из Нижегородской губернии — небольшая часть мордовских волостей Лукояновского и Сергачского уездов.

Для анализа взяты семь уездов: Саранский, Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Спасский, Темниковский и Ардатовский, территория которых, примерно, равна территории Мордовии.

[3] К удельным крестьянам за 1782 год отнесены дворцовые, так как с 1797 года они стали называться удельными; к государственным — ясашные, экономические и однодворцы.

[4] Таблица № 1 составлена по следующим данным: За 1782 г.—ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19026, стр. 309, 212; И. А. Булыгин. Положение крестьян и товарное производство в России, М., 1966, стр. 26, 27; ЦГАДА, ф. 1355,

В 50-е годы XIX века крестьяне мужского пола составили уже 387115 человек, в числе которых 36,5% были владельческими, 2,6%—дворовыми у помещиков[1], 11,4%—удельными (Ардатовский уезд) и 49,5% — государственными.

Из таблицы видно, что в середине XIX века во всех разрядах крестьянства происходило численное их увеличение. Но, несмотря на абсолютный рост, удельный вес помещичьих крестьян и дворовых во всем крестьянстве к 50-м годам намного падает (с 47,7% до 39,1%). Уменьшение удельного веса крепостных крестьян в первой половине XIX века происходило не только в Мордовии, но и в России в целом. Современники это явление объясняли «прекращением пожалований и иных искусственных мер», которые увеличивали число крепостных, «переходом крепостных в другие сословия» (отбывание рекрутской повинности, ссылка в Сибирь и др.) и «слабым естественным приростом крепостного населения».

Так, В. В. Трубников в исследовании «Результаты народной переписи в Ардатовском уезде Симбирской губернии» отмечал, что среди крепостных крестьян в сравнении с удельными между 1834 и 1851 гг. смертность на 0,2% была выше, а рождаемость, наоборот,— на 0,4% ниже[2].

В конце XVIII века больше всего крепостных крестьян было в Инсарском уезде (72,3%). За Инсарским уездом шёл Шишкеевский (64,7%), который к концу XVIII века был упразднен и его население вошло частично в Саранский и Инсарский уезды, а также Саранский (62,7%) и Ардатовский (52,6%) уезды. Таким образом, в четырех уездах более половины крестьян принадлежало помещикам. В остальных уездах в крепостной зависимости находилось более одной четвертой части крестьян.

оп. 1, д. 1643, л. 17—18; В. П. Ямушкин. К истории г. Темникова и его уезда. «Записки МНИИЯЛИ», № 15, история и археология, Саранск, 1952, стр. 126 (по Темниковскому уезду данные за 1779 г.). За 1858 г.—ГАПО. ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 1, 2, 3 или «Пензенские губернские ведомости», 1859, № 35, 37 и 38; А. Тройницкий. Крепостное население в России по 10-й народной переписи, СПб, 1861, стр. 37, 38; Липинский. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губ., ч. 1, СПб, 1868, стр. 310—311; «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства госимущества», СПб, 1859, вып. II, стр. 261. Все процентные соотношения вычислены нами. Результаты табл. за 80-е годы XVIII века включают данные 9 уездов (Ардатовского, Саранского, Шишкеевского, Инсарского, Наровчатского, Краснослободского, Троицкого, Спасского и Темниковского), за 50-е годы XIX века—7 уездов. Шишкеевский и Троицкий уезды ещё в конце XVIII века были упразднены, население которых вошло в состав Саранского, Инсарского и Краснослободского уездов.

[1] В 1858 году по указанной работе А. Тройницкого (стр. 35, 37, 38) количество помещичьих крестьян и дворовых мужского пола равнялось 139163 чел. или 37,2% вместо 39,1%, полученных по нашим данным.

[2] И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Ленинград, 1925, стр. 68, 69.

Это свидетельствовало о раннем проникновении феодального элемента на территорию Мордовии. Плодородные почвы, умеренный климат мордовского края притягивали к себе помещичий класс. Обращение крестьян в крепостных и ограбление их земель помещиками ещё больше усиливается в XVIII веке. Оно достигло больших размеров в конце века, особенно в период генерального межевания земель в 80-е годы XVIII и в начале XIX века. Так, в 1770 году в челобитной крестьян-мордвы из Козловки Краснослободского уезда говорилось о захвате помещиком Смагиным их земельных угодий. Крестьяне писали, что помещик Смагин «ночью с фонарями» на крестьянские дачи вывез «канцеляриста Львова» и шестерых попов, предварительно их напоив, чтобы они ложно подписали и засвидетельствовали принадлежность крестьянских сенных покосов за помещиком[1]. Крестьянские земли безжалостно захватывались также монастырями[2] и заводовладельцами[3], с которыми крестьяне вели частые безуспешные земельные тяжбы, и раздавались императором частным лицам. В 1808 году император Александр I пожаловал контр-адмиралу маркизу Траверсе «в вечное и потомственное владение 500 душ» крестьян, которые проживали в Краснослободском уезде в мордовских селах Синдрово (377 душ) и Колопино (123 души)[4].

В середине XIX века больше всего закрепощенных крестьян было в тех же уездах, что и в конце XVIII века. Вообще в уездах с преобладанием русского населения (Саранский, Инсарский) удельный вес крепостного крестьянства был выше.

За 50-е годы XIX века многие источники в числе помещичьих крестьян отдельно показывали и дворовых. Число их постоянно росло, т. к. помещики из-за малоземелья, особенно перед отменой крепостного права, стремились переводить своих крестьян в дворовые с тем, чтобы избежать наделения их землей. Так, в уездах Тамбовской губернии (Спасском и Темниковском) до 12,6% помещичьего крестьянства составляли дворовые. Большой процент дворовых был также в Наровчатском уезде — 11,1%.

В некоторых уездах Мордовии в конце XVIII века значительное место занимали удельные крестьяне. В Ардатовском уезде они составили 31,6%, Троицком—46%, Краснослободском—39,1%.

К 50-м годам XIX века в изучаемых уездах удельные крестьяне остаются только в одном Ардатовском уезде (63,5% крестьян уезда) и в других уездах Симбирской губернии, вошедших в Мордовию, а в уездах Пензенской и Тамбовской

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 2, Саранск, 1953, стр. 383.

[2] Там же, стр. 391, 396, 399, 421.

[3] Там же, стр. 405, 406.

[4] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, том 4, ч. I, Саранск, 1948, стр. 21.

губерний они в конце 30-х годов XIX века были переведены в государственные. Передача крестьян из удельного ведомства в государственные, которая произошла в 1837 году, явилась главной причиной уменьшения доли удельного крестьянства.

В конце XVIII века удельный вес государственных крестьян в уездах Мордовии был различным. Наибольший он был в Спасском (67%), Наровчатском (59,7%) и Темниковском (39%) уездах. К середине XIX века доля государственного крестьянства возрастает во всех уездах, за исключением Ардатовского, в котором они были переданы в удельные. В Наровчатском, Краснослободском и Спасском уездах три четверти всех крестьян мужского пола были государственными, в Инсарском уезде — 56,7% и Темниковском — 47,8%.

Итак, к 50-м годам XIX века удельный вес государственных крестьян в Мордовии по сравнению с концом XVIII века увеличился на 37%. Одной из причин более резкого роста государственного крестьянства являлась реформа П. Д. Киселева, в результате которой только в уездах Пензенской губернии, вошедших в Мордовию, было передано в государственные примерно 37 тыс. душ удельных крестьян мужского пола[1], а другой причиной — более высокий естественный рост населения, чем помещичьих крестьян.

Топографические описания Симбирской губернии и её уездов и Пензенского наместничества за 80-е годы XVIII века указывают количество мордовского населения в уездах 55198 душ обоего пола, или 12,2% от всего крестьянства. Однако надо отметить, что эти данные не претендуют на полную достоверность, так как по Наровчатскому, Краснослободскому и Спасскому уездам указанные источники количества мордвы не показывают совсем, а в Троицком уезде даются слишком маленькие цифры (754 души об. пола). Но из-за отсутствия каких-либо других данных о числе мордовского населения в конце XVIII века нами приводятся цифры топографических описаний, сведенные в таблице № 2[2].

---

[1] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 1, лл. 45, 46, 84; д. 13, лл. 59, 62, 102.

[2] Таблица № 2 составлена на основании обработки источников: За 80-е годы XVIII века — ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19026.— Топографическое описание Симбирской губернии и её уездов в 1785 г., стр. 194, 205, 212, 309; Там же, д. 18911 — Топографическое описание Пензенского наместничества, л. 9 об.— 20, 35, 39 об., 48, 66 об.; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1661.— Краткие экономические примечания Темниковского уезда, л. 24 об., 25 (1795 г.). За 50-е годы XIX века — Сталь. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пензенская губерния, ч. 1, СПб, 1857, стр. 325. Липинский. Ук. работа, стр. 246; Списки населенных мест: Пензенская губ., т. 30, 1869 (сведения за 1864 г.), СПб, стр. XXIV, XXV, 45, 47, 48, 53, 72, 84, 85, 86. Тамбовская губ., т. 42, СПб, 1866 (сведения за 1862 г.), стр. XXXVI, XXXVIII, 112, 114, 116, 123, 125. Симбирская губ., т. 39, СПб, 1863 (сведения за 1859 г.), стр. XXIX, XXX, 17, 20, 25, 28, 46, 47, 48.

Таблица 2

Количество мордовского населения на территории Мордовии

Уезды	80-е годы XVIII в		Конец 50-х годов XIX в.					
	душ об. пола		душ об. пола		в том числе в % %			
	численность	% ко всему населению	численность	% ко всему населению	% к 80-м годам XVIII в.	помещичьих	удельных	государственных
Ардатовский	14282	23,5	59372	37,6	417	4,9	95,1	—
Саранский	8245	14,9	16047	11,8	194	11,7	—	88,3
Шишкеевский	4017	8,5	Упразднен					
Инсарский	5523	9,2	25569	15,9	462	—	—	100
Наровчатский	Нет данных		10509	12,0	—	1,2	—	98,8
Краснослободский	—"—		27513	20,6	—	8,9	—	91,1
Троицкий	754	1,9	Упразднен					
Спасский	Нет данных		ок. 40350	44,6	—	6,8	—	93,2
Темниковский	22377	45,1	ок. 24800	22,7	111	3,2	—	96,8
Всего:	55198	12,2	204160	23,2	380	5,3	27,6	67,0

Больше всего мордовского населения проживало в Темниковском уезде (45,1% от всего населения). Большой его процент был в Ардатовском (23,5%) уезде.

В 50-е годы XIX века в семи изучаемых уездах проживало 204160 человек мордвы обоего пола (23,2%). Наибольшая доля мордовского населения была в уездах Ардатовском (37,6%) и Спасском (44,6%). В Темниковском уезде по отношению ко всему населению она составила 22,7%, в Краснослободском — 20,6%.

Результаты обработки «Списков» показывают, что наибольшее число закрепощенной мордвы было в Саранском уезде — 11,7%, в Краснослободском —8,9%, в Спасском —6,8%. В других уездах процент крепостной мордвы был ещё ниже. По территории семи уездов в крепостной зависимости находилось 5,3% всей мордвы (10908 душ об. п.), а с учетом мордвы, вошедшей в Мордовию из отдельных волостей других уездов, в крепостной зависимости было 22049 чел. обоего пола, или 8,5%. По восьми губерниям Поволжья процент крепостных среди мордвы равнялся 8,9[1].

В изучаемое время в имениях помещиков была распространена различная форма эксплуатации крестьянства. Так, в 325-ти имениях с числом душ мужского пола свыше 100 в конце 50-х годов XIX века в семи изучаемых уездах Мордовии насчитывалось 547 селений. В 325 из них (59,4%) применялась барщинная форма эксплуатации, в 152 (27,6%) — оброчная и в 70 (13%) — смешанная система эксплуатации[2].

С конца XVIII до середины XIX века в соотношении этих форм эксплуатации крестьянства произошли значительные изменения, что видно из таблицы № 3.

Произведенные подсчеты показывают, что на территории вышеуказанных уездов за весь исследуемый период преобладала барщинная система эксплуатации, которая с конца XVIII до 50-х годов XIX века выросла с 62,4 до 66%.

[1] В. И. Козлов. Расселение мордвы. Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960, стр. 33. К губерниям Поволжья Козлов относит: Нижегородскую, Пензенскую, Симбирскую, Саратовскую, Казанскую, Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую и Тамбовскую.

Примечание. а) Списки в районах, включенных в Мордовию из Алатырского и Корсунского уездов Симбирской губернии, владельческой мордвы не показывают. Последняя проживала в Сергачском и Лукояновском уездах Нижегородской губернии. (11141 чел. об. пола);

б) 8,5% крепостной мордвы вычислены из числа 259 тыс. человек, которое в «Очерках истории Мордовской АССР» (т. 1, Саранск. 1955, стр. 228) дано как количество мордвы, проживающей на территории всех 11-ти уездов, полностью или частично вошедших в Мордовию;

в) В «Очерках истории Мордовской АССР», т. 1, стр. 229 количество крепостной мордвы в 21811 чел., или 10,9%, данных в 6-ти уездах, не точны.

[2] ЦГВИА, ф. Коллекция 414, д. 166.—Приложения к Трудам Редакционных комиссий. Выводы из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше, т. 5, СПб, 1860, стр. 107, 145—146, 295, 297, 299, 301.

Таблица 3[1]

Формы эксплуатации помещичьих крестьян

УЕЗДЫ	Конец XVIII века				1859 год			
	барщинных		оброчных		Тягол			
	душ м. п.	%	душ м. п.	%	всего	% барщинных	% оброчных	% смешанных
Саранский	3512	29,0	8615	71,0	9292	67,0	23,9	9,1
Инсарский	9283	78,6	2531	21,4	7267	82,8	14,5	2,7
Краснослободский	4337	45,9	5095	54,1	2485	79,2	16,1	4,7
Наровчатский	7319	96,7	236	3,3	Нет данных			
Шишкеевский	6608	43,4	8612	56,6	упразднен			
Спасский	8000	100	—	—	2228	91,5	—	8,5
Темниковский	7666	71,0	3157	29,0	4151	65,8	19,0	15,2
Ардатовский	—	Нет данных			10243	44,8	45,4	9,8
Всего:	46725	62,4	28246	37,6	35666	66,0	25,5	8,5
Всего без Наровчатского и Ардатовского уездов	39406	58,5	28010	41,5	25423	74,6	17,6	7,8

[1] Таблица № 3 составлена на основании источников: За 80-е годы XVIII века—Краткие экономические примечания, ГАПО, ф. 225, оп. 3, д. 108, л. 2—16; д. 102, л. 2—24; л. 105, л. 2—26; л. 110, л. 2—27; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1024, л. 6—7 об.; д. 1643, л. —12 об; д. 1653, л. 2 об.—79.
За 1859 год—Приложения к Трудам Редакционных комиссий (Описания помещичьих имений свыше 100 душ), т. 2, СПб, 1860, стр. 12, 14, 16, 21, 24, 26, 44, 46, 48, 50, 52. Там же, т. 3, СПб, 1860, стр. 12, 14, 16, 52, 54, 56, 58.

Увеличение барщинной и уменьшение доли оброчной форм эксплуатации ещё яснее выражается в пределах пяти уездов (без Наровчатского и Ардатовского), в которых в конце XVIII века удельный вес барщины составлял 58,5%, а в 50-е годы XIX века составил уже 74,6%.

Как видно из таблицы № 3, в конце XVIII века большая доля барщины была в Инсарском (78,6%), Наровчатском (96,7%), Темниковском (71%) и Спасском уездах. Высокая доля барщины остается в них и в середине XIX века. Так, в Инсарском уезде ее несли 82,8% крестьянских тягол. Самая значительная доля барщинных тягол была в Спасском уезде (91,5%).

Кроме того, с конца XVIII до середины XIX века происходило резкое увеличение удельного веса барщинной формы эксплуатации в Саранском (с 29 до 67%) и Краснослободском (с 45,9 до 79,2%) уездах.

Неодинаковая степень распространения барщинной формы эксплуатации в уездах Мордовии объясняется разными причинами. Помещик предпочитал ту систему ведения хозяйства, которая в конкретных условиях приносила ему наибольшую выгоду. Так, высокая степень распространения барщинной формы эксплуатации в Инсарском уезде объясняется хорошими почвенными условиями для ведения хозяйства. В связи с развитием хлебной торговли помещику было выгодно больше производить хлеба на продажу. В уездах Тамбовской губернии в конце XVIII века, как отмечал В. И. Семевский[1], больше преобладало мелкопоместное дворянство, которое преимущественно вело барщинную форму хозяйства. Поэтому в Спасском и Темниковском уездах ведущее место принадлежало барщинной форме эксплуатации. Кроме того, в Темниковском уезде широкому распространению барщины способствовало выгодное положение уезда на водном торговом пути — Мокше. Помимо этого, по сравнению с другими уездами он ближе был расположен к тем торговым пунктам, в которые по Мокше сбывался хлеб.

Следовательно, помещикам Темниковского уезда при плохих почвах выгоднее было держать хозяйство на барщине, чтобы производить хлеб на продажу. Не случайно также, что и в середине XIX века в уезде сохраняется высокий удельный вес барщинных тягол, а помещичьих хозяйств со смешанной формой эксплуатации, в которых заводилась господская запашка, было больше, чем в других уездах Мордовии.

Таким образом, в уездах Пензенской губернии, вошедших в Мордовию, в имениях от 100 душ и свыше наблюдается рост барщинной формы эксплуатации. В целом по губернии с конца XVIII до середины XIX века процент издельщины вырос с 48 до 81,48%. В имениях же с одной душой и свыше в 50-е годы

[1] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, СПб, 1881, стр. 27.

процент издельных был равен 75[1]. В Тамбовской губернии доля барщины к 50-м годам XIX века по сравнению с концом XVIII века остается на одном уровне (78 и 78,4%)[2].

Итак, преобладание в Мордовии и в Пензенской губернии барщинной формы эксплуатации крестьянства в середине XIX века свидетельствовало, как выше отметили, о раннем появлении в этих краях русского помещичьего класса. Факт преобладания барщины в Пензенской губернии в связи с ранним проникновением русского помещика подчеркивался также и Рубинштейном[3]. Плодородные земли пензенско-мордовского края давали относительно неплохие урожаи по сравнению с губерниями промышленного центра. Поэтому большая часть помещиков имела свои запашки, которые обрабатывались крестьянами.

Как видно, барщинная форма эксплуатации в Мордовии в течение изучаемого времени не просто преобладала, но неуклонно росла, т. е. помещики большее число крестьянских тягол переводили на барщину.

Известно, что при феодализме сельское хозяйство велось отсталым патриархальным способом, и все работы на господской земле выполнялись крестьянским инвентарем. Хозяйство помещика в своей основе было натуральным. Развитие товарно-денежных отношений повышало потребности помещиков в деньгах. Оно заставляло его искать пути повышения доходности своих имений. Для этого был единственный путь — расширение помещичьих запашек для производства товарного хлеба, в связи с этим и увеличение барщинной формы эксплуатации крестьян. Поэтому в течение первой половины XIX века в Мордовии происходит уменьшение доли оброчного крестьянства (с 37,6 до 25,5%, без Ардатовского и Наровчатского уездов сокращение оброчной системы прослеживается еще резче — с 41,5 до 17,6%).

В конце XVIII века по количеству оброчной системы эксплуатации крестьянства на первом месте стоял Саранский уезд (71%). При одинаковых почвенных условиях с Инсарским уездом преобладание в Саранском уезде в такой же степени оброчной формы эксплуатации, в какой была барщинная в Инсарском уезде, объясняется большей развитостью промышленности и товарно-денежных отношений в уезде. По развитию промышленности Саранск стоял на втором месте после Пензы. Поэтому относительно развитые промышленность и рынок не мешали помещику Саранского уезда организовать свое хозяйство на оброчной форме эксплуатации крестьян, а, наоборот, способствовали. В конце XVIII века более половины крестьян мужского пола было на оброке в Краснослободском уезде (54,1%).

[1] И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М., 1910, стр. 49.

[2] И. И. Игнатович. Там же.

[3] Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века, М., 1957, стр. 124.

В условиях плохих почв уезда наличие возможностей для развития деревообделочных промыслов и отхода крестьян на Мокшу содействовало организации помещичьего хозяйства на оброчной форме эксплуатации крепостных крестьян. К 50-м годам XIX века в отмеченных уездах происходит понижение оброчной системы эксплуатации в 3—3,5 раза. С дальнейшим развитием товарно-денежных отношений в первой половине XIX века и с возрастающей хлебной торговлей помещики Саранского уезда стали переводить свои хозяйства на барщину, для осуществления которой были достаточно хорошие почвы. Резкое уменьшение помещичьих оброчных хозяйств в Краснослободском уезде и возрастание барщинных объясняется ничем иным, как неспособностью оброчных крестьян выплачивать оброки и ростом недоимочности. В результате помещики таких хозяйств даже при плохих почвенных условиях и близости уезда к водному торговому пути — Мокше вынуждены были переводить своих крестьян на барщину. В середине XIX века по распространенности оброка среди помещичьих крестьян выделялся Ардатовский уезд (45,4%). При наличии условий для ведения барщинного хозяйства в уезде имелись также возможности и для осуществления оброчной эксплуатации. Этому содействовал промысловый отход крепостного крестьянства на Суру и Волгу. На распространение отхода и работы «по найму» среди помещичьих крестьян приволжских губерний указывали также некоторые историки[1].

К концу изучаемого периода существовала смешанная форма эксплуатации, процент которой по Мордовии был 8,5.

Таблица 4[2]

Зависимость форм эксплуатации от размеров помещичьих имений (50-е годы XIX века)

Группы имений	Число тягол			
	оброчных	барщинных	смешанных	итого
100—250 душ м. п.	1041	6596	592	8229
% к итогу	12,8	80,0	7,2	100
251—500 душ м. п.	731	4338	659	5728
% к итогу	12,8	75,7	11,5	100
Свыше 500 душ м. п.	2682	8048	735	11465
% к итогу	23,5	70,0	6,5	100

[1] И. И. Игнатович. Ук. работа, Ленинград, 1925, стр. 107; И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967, стр. 157.

[2] Для составления таблицы № 4 использованы источники таблицы № 3 за 1859 год. Результаты таблицы получены на основании обработки данных 5-ти уездов: Саранского, Инсарского, Краснослободского, Спасского и Темниковского.

Формы эксплуатации помещичьих крестьян в Мордовии в значительной степени зависели от размеров помещичьих имений, что видно из таблицы № 4.

Помещичьи имения в пяти уездах с числом душ свыше 100 за 50-е годы XIX века нами распределены на три группы. В первую группу вошли имения в 100—250 душ м. п., во вторую — в 251—500 и в третью — с числом душ свыше 500.

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы. В целом на территории пяти уездов барщина широко была распространена в первой группе имений с числом душ в 100—250 человек мужского пола (80,0%). Во второй группе число тягол, состоящих на барщине, было 75,7% и в третьей группе — 70,0%. Как видно, с возрастанием размеров имений, помещичьих хозяйств, применявших барщинную форму эксплуатации, уменьшилось и, наоборот, число крепостных крестьян, состоящих на оброке, увеличилось. Так, число оброчных тягол в имениях от 100 душ мужского пола и свыше выросло от 12,8 до 23,5%.

Большая распространенность барщинной формы эксплуатации, чем оброчной, относительно в меньших помещичьих имениях объясняется тем, что развитие денежных отношений в первой половине XIX века требовало повышения их доходов. Оброк, взимавшийся с незначительного числа крестьян, в имениях первой группы (100—250 душ м. п.), уже не отвечал возросшим потребностям помещика. Ведение же барщинного хозяйства давало ему продукты на питание и излишек хлеба, который им реализовывался на рынке.

В третьей группе помещичьих имений (свыше 500 душ м. п.) по пяти вышеуказанным уездам уменьшение удельного веса барщинной и увеличение оброчной форм эксплуатации произошло за счет имений с числом душ м. п. в 501—1000 человек, в которых доля барщинных тягол составила 60%, а оброчных — 31,1%. В имениях же с числом душ м. п. свыше 1000 человек[1] процент барщинных тягол составил 80,5, т. е. немного даже выше, чем в первой группе помещичьих имений с числом душ м. п. в 100—250 человек. Верно, процент оброчных тягол в имениях с числом душ м. п. свыше 1000 человек незначительно превышал первую группу имений (100—250 душ м. п.), что является закономерным.

Но преобладание барщинной формы эксплуатации в пяти уездах Мордовии в имениях свыше 1000 душ м. п. по сравнению с имениями относительно меньших размеров не подтверждает общепринятого вывода о преобладании в крупных имениях России оброчной формы эксплуатации. Подобная же картина наблюдалась в середине XIX века и в Ардатовском уезде Симбирской губернии, в котором в первой группе помещичьих имений

[1] Из всех 11465 тягол в имениях свыше 500 душ м. п. 5666 тягол (49,5%) принадлежит к имениям свыше 1000 душ м. п.

(100—250 душ м. п.) барщинных тягол состояло только 25,4%, а оброчных — 73; во второй группе (251—500 душ м. п.) барщинных — уже 80,9%, а оброчных — только 10,6. Большая доля барщинных тягол находилась и в имениях с числом душ м. п. 501—1000 человек (77%). Имений с числом душ м. п. свыше 1000 человек не было[1].

Итак, положение о преобладании в крупных имениях оброчной системы эксплуатации, по-видимому, относится лишь к крупнейшим помещичьим владениям. В Мордовии крупнейших помещичьих владений не было. Самые крупные владения в 50-е годы XIX века имели крепостных крестьян 2—3 тыс. душ м. п., в которых на пути организации их барщинного труда не встречались такие препятствия, какие имелись в гигантских помещичьих имениях с десятками тысяч крепостных людей. Кроме того, Мордовия ближе располагалась к губерниям промышленного центра и имела относительно лучшие торговые пути (реки Сура и Мокша) к волжской артерии, чем другие черноземные губернии, например, Курская. Поэтому в условиях земледельческого характера всего района и господства земледелия над другими отраслями производства являлось закономерным преобладание в крупных имениях Мордовии барщинной формы эксплуатации крестьян.

Большой процент оброчных крестьян (73%) в Ардатовском уезде в группе имений с числом душ м. п. в 100—250 человек, чем в имениях с числом душ м. п. свыше 250 человек, объясняется малоземельем крестьян в этой группе имений. Как дальше увидим, 63% всего оброчного крестьянства уезда располагало наделами удобной земли на душу мужского пола в трех полях только до 2 дес. (см. таблицу № 9). В связи с этим среди крестьян этой категории должны были быть развиты промыслы, особенно отход.

Анализируя степень распространенности форм эксплуатации помещичьего крестьянства, мы более подробно остановимся на каждой из них. При барщинной системе эксплуатации крестьяне обязаны были работать на помещика три дня в неделю[2]. Однако положение о трехдневной барщине в неделю помещиками часто не выполнялось. Так, например, в записке о выполнении разных барщинных работ в Богословском имении Полянских на июль и август 1813 года говорилось следующее. В июле мужчины и женщины работали на себя 11 дней, кроме того, 4 дня — одни мужчины, т. е. всего 15 дней; 13 дней была работа на господина. Первого числа «мужики косили сено, со 2 по 6 — работали на себя; 7 числа метали стога, с 10 по 14— на себя; с 15 по 17 двоили посев, а бабы посконь брали; с 18 по 22 мужики и бабы господскую рожь жали»[1]. Таким образом, в продолжении 8 дней крестьяне были заняты на господской работе.

Кроме полевой работы, крестьяне выполняли и другую разного рода работу. Они изготовляли кирпичи, прудили пруд, женщины стригли овец и т. д. Об этом свидетельствует ведомость барщинных работ за июнь 1814 года[2]. Липинский по поводу Симбирской губернии писал, что каждое тягло в помещичьем хозяйстве давало количество работы на сумму более 60 рублей сер. в год[3].

Для более достоверного суждения о степени барщинной эксплуатации крестьян необходимо знание величины барской запашки. Конечно, одна лишь барская запашка не отражает в полной мере эксплуатацию барщинных крестьян. Однако в Мордовии она была одним из главных показателей эксплуатации крестьян. Но данных по величине барской запашки ни по одному уезду Мордовии нет.

Таблица 5[4]

Барская запашка в барщинных имениях в конце XVIII века

Уезды	Число крестьян муж. пола	Всего дворянской пашни, десятин	В том числе барской запашки		
			число десятин	в % % ко всей пашне	на душу муж. пола, десятин
Саранский	1952	7835	1125	14,4	0,57
Инсарский	6599	25437	6783	26,6	1,03
	(9306)	—	(9972)	—	(1,07)
Итого:	8551	33272	7908	23,8	0,92
	(11258)	—	(11097)	—	(0,98)
Темниковский	4407	11955	1864	15,5	0,45
Спасский	6492	21777	4315	19,8	0,68
Итого:	10899	33732	6179	18,3	0,57
Всего:	19450	67004	14087	21,0	0,72
	(22157)	—	(17276)	—	(0,78)

[1] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 802, л. 1.
[2] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 818, л. 2.
[3] Липинский. Ук. работа, стр. 512.
[4] Таблица № 5 составлена на основании сплошной выписки и подсчета источников: ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19023—Камеральное экономическое примечание Симбирской губернии и ее уездов, лл. 106—153; 158—207 об.; И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний, М., 1959, стр. 73.

Примечание. В скобках указываются поддающиеся подсчету результаты по числу крестьян мужского пола и барской запашки с учетом селений, в которых вся дворянская пашня находилась в совместном владении однодворцев и государственных крестьян. Всю пашню определить было невозможно.

[1] Приложения к Трудам Редакционных комиссий (Описание помещичьих имений свыше 100 душ), т. 3, СПб, 1860, стр. 12—16.
[2] А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян, т. 3, Бонн на Рейне, 1865, стр. 1228, 1240, 1246.

Нам удалось обнаружить по Саранскому и Инсарскому уездам размеры барской запашки в книге Камеральных экономических примечаний Симбирской губернии и ее уездов периода генерального межевания, так как после ликвидации Пензенской губернии в 1797—1801 годах указанные уезды входили в состав Симбирской губернии. К сожалению, по другим уездам ни в одной из книг «Полных экономических примечаний» размеры господских запашек не даются.

Обработанные нами данные «Экономических примечаний» показываются в таблице 5.

Как видно из таблицы, в барщинных имениях четырех уездов всей дворянской пашни в конце XVIII века было 67004 дес., или 21% от всей пашни данных уездов.

В уездах Пензенской губернии (Саранском и Инсарском) дворянская запашка была немного выше (23,8%), чем в уездах Тамбовской губернии (Спасском и Темниковском) (18,3%).

Относительно уездов Мордовии высокой господская запашка была в Инсарском уезде (6783 дес., или 26,6%). В Спасском уезде она занимала 19,8% (4315 дес.), Темниковском — 15,5% (1864 дес.) и Саранском — 14,4% (1125 дес.).

Однако в конце XVIII века наступление дворянства на крестьянские земли в четырех уездах Мордовии шло намного слабее, чем в соседних черноземных губерниях и уездах. Например, в соседней Рязанской губернии процент всей барской запашки составил 26,8, т. е. несколько больше, чем в Мордовии. В Тамбовской губернии доля барской запашки была почти одинакова с территорией Мордовии (22,2%)[1].

В целом по Центрально-черноземному району она составляла 26—36%[2]. Процент барской запашки в черноземных губерниях увеличивался по мере удаления их к югу от промышленного центра.

На душу м. п. в четырех уездах Мордовии приходилось 0,72 дес. барской запашки. В Тамбовской и Рязанской губерниях запашка была выше, чем в Мордовии. (1,03 и 1,14 дес.)[3]. В уездах Пензенской губернии (Саранском и Инсарском) запашка на одну душу м. п. была выше (0,92 дес.), чем в уездах Тамбовской губернии (Спасском и Темниковском) (0,57 дес.). Преобладание барской запашки на душу м. п. в двух анализируемых уездах Пензенской губернии произошло за счет Инсарского уезда, в котором она равнялась 1,03 дес. на одну крестьянскую душу м. п.

Выше нами было установлено, что в 80-е годы XVIII века по распространенности барщинной формы эксплуатации Инсарский

[1] И. Д. Ковальченко. Ук. работа, стр. 73.

[2] И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века, М., 1967, стр. 276.

[3] И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, 1959, М., стр. 73.

уезд занимал одно из первых мест среди других уездов Мордовии (78%). В то же время в уезде и барская запашка на душу м. п. была самая высокая. Помещики в погоне за повышенными доходами своих имений расширяли запашку за счет ограбления пашенных наделов своих крестьян. Так, 65% всех барщинных крестьян уезда имели пашенные наделы в трех полях только до 2,5 дес. на душу м. п. (см. таблицу № 6). В остальных уездах помещичья запашка составляла менее 1 дес. на одну душу м. п. (в Спасском — 0,68 дес., Саранском — 0,57 и Темниковском — 0,45 дес.).

Мы не можем точно определить эволюцию размеров господской запашки в барщинных имениях за первую половину XIX века, так как в литературе и в архивных материалах не даются отдельно сведения по господской и крестьянской пашне.

Однако для показа динамики барской запашки можно воспользоваться сведениями отчета Пензенского губернского статистического комитета[1] и «Тамбовских губернских ведомостей»[2] за 1856 год, в которых указывается число посеянного озимого и ярового хлебов в четвертях как на господской, так и на запашке помещичьих крестьян. Зная нормы высева озимых и яровых хлебов, определяется число посевных площадей у помещиков и у их крестьян. Нормой высева для ржи в большинстве уездов было две четверти. Для яровых берется норма высева овса, полбы и гречи — 3 четверти, так как ими обычно занималась основная часть ярового поля, особенно овсом[3].

В Саранском уезде барская запашка составляла 38426 дес. в двух полях. Но в конце XVIII века запашка указывалась в трех полях, поэтому и в данном случае к двум полям, озимому и яровому клинам, прибавлялось третье поле (пар), которое составляло примерно одну треть всего поля. Третье поле необходимо для правильного показа динамики барской запашки за первую половину XIX века, приходящейся на одну душу м. п.[4].

Итак, в Саранском уезде в трех полях барская запашка составляла, примерно, 57639 дес., или 53,8% от всей дворянской пашни. Если в конце XVIII века господская запашка в уезде

[1] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 104, лл. 62, 63 (Отчет губернского статкома за 1856 год).

[2] «Тамбовские губернские ведомости», 1858 г., к № 47, стр. 260, отд. II, неофициальная часть, Очерки Тамбовской губернии в статистическом отношении.

[3] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 56, лл. 2,4—5, 9—10. Средний вес 1 четверти ржи равнялся 8,5 пуд., ржаной муки —8 пуд., овса —6 пуд., полбы—7 пуд., проса —7 пуд., пшена —8 пуд., гречихи —5,5 пуд. и пшеницы —8 пуд. (см. источники: ГАПО, ф. 5, оп. 1, рапорта и ведомости городничих, уездных судов Пензенскому губернатору — д. 23, лл. 21, 44, 50, 65; д. 58, лл. 4,8, 37 и др.; д. 25, лл. 98, 101, 152, 203, 256—258).

[4] В дальнейшем по всем уездам будет показываться размер запашки на душу м. п. только в трёх полях.

составляла примерно одну седьмую часть всей дворянской пашни, то теперь более половины, т. е. уезд по запашке с последнего места передвинулся на первое.

К середине XIX века в Инсарском уезде доля барской запашки выросла и она равнялась 36,3% (20410 дес.). Если к концу XVIII века в уезде удельный вес барской запашки был самый высокий (26,6%), то теперь она уступала всем уездам, за исключением Ардатовского (26,1% или 23595 дес. господской пашни)[1].

Таким образом, к 50-м годам XIX века доля барской запашки в Саранском и Инсарском уездах Пензенской губернии[2] выросла в 2 раза (с 23,8 до 47,8%). К концу 50-х годов XIX века доля запашки в Спасском уезде увеличилась более, чем в 2 раза, а в Темниковском — примерно, в 2,5—3 раза.

В четырёх же уездах[3] к середине XIX века доля барской запашки увеличилась более чем в два раза (с 21,0 до 47,6%).

В Наровчатском и Краснослободском уездах перед отменой крепостного права колебание барской запашки составило от 40,7 до 46,4%. Во всех семи изучаемых нами уездах в 50-е годы XIX века удельный вес господской пашни равнялся 40,7%, но без Ардатовского уезда (в котором было лишь 25,0% запашки) составлял 47,4%. По Центрально-черноземному району доля запашки равнялась 54,7%[4]. Меньшая доля господской запашки в Мордовии, чем в Центрально-черноземной полосе, объясняется общим характером всего хозяйственного уклада района. Мордовия располагалась в переходном районе от черноземной полосы к промышленному. Но в ней, как и в черноземных губерниях, основной отраслью хозяйства было хлебопашество. Поэтому она больше тяготела к Центрально-черноземному району. Однако в Центрально-черноземной полосе земли были еще лучше и тучнее, чем в Мордовии. Вследствие этого и условия для хлебопашества в черноземных губерниях относительно Мордовии были более лучшими. В силу чего удельный вес помещичьей запашки в Центрально-черноземных губерниях был выше, чем в Мордовии. Развитие же хлебной торговли еще больше подталкивало помещиков к увеличению своей запашки. По этим причинам доля барской запашки и ее размер на душу м. п. в Центрально-черноземной полосе была выше, чем в Мордовии. Подобная же картина наблюдалась по всей Европейской России. По мере удаления губерний от промышленного центра к югу доля барской запашки возрастала, увеличивалась барщинная и уменьшалась оброчная формы эксплуатации.

С конца XVIII до середины XIX века по всей территории Мордовии барская запашка выросла, примерно, вдвое. За то же

[1] Лященский. Ук. работа, стр. 513.
[2] Саранский, Инсарский уезды.
[3] Саранский, Инсарский, Спасский и Темниковский уезды.
[4] И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века, М., 1967, стр. 277.

время в четырех уездах (Саранском, Инсарском, Темниковском и Спасском) господская запашка на одну душу м. п. увеличилась с 0,78 до 1,3 дес., или на 67%. В 50-е годы XIX века значительной была барская запашка на душу м. п. в Ардатовском уезде (1,53 дес.), в Краснослободском — 0,87 дес. Наименьшая она была в Наровчатском уезде (0,56 дес. на душу м. п.).

В Мордовии помещики расширяли свои пашни за счет вырубки лесов, захвата крестьянских земель и, в меньшей степени, распашки сенокосов.

Наделы крестьян на мужскую душу в барщинных и оброчных имениях в конце XVIII века определялись по тем же источникам, что и помещичьи запашки и оброки. В барщинных имениях, за вычетом помещичьих запашек в уездах, оставалась пашня, принадлежавшая крестьянам, которая затем распределялась между ними. В оброчных же имениях вся пашня относилась к крестьянской.

В конце 50-х годов XIX века средние наделы крестьян пахотной земли на душу м. п. в барщинных, оброчных и смешанных имениях выводились путем обработки данных «Выводов описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше» «Приложений к Трудам Редакционных комиссий» (том 5)[1]. Нужно заметить, что поскольку сюда не входили имения до 100 душ, то наделы крестьян в имениях свыше 100 душ не вполне отражали действительную картину обеспеченности землей крепостных крестьян. Однако большинство крестьян сосредоточивалось в имениях свыше 100 душ мужского пола, поэтому их наделы были наделами основной массы крестьянства.

Пашенные наделы барщинных крестьян на душу м. п. в Саранском уезде в конце XVIII века составляли 3,44 дес. в трех полях, в 50-е годы — 2,46 дес., Инсарском соответственно — 2,83 и 2,26 дес., Спасском — 2,67[2] и 2,5 дес. и Темниковском — 2,27[3] и 2,0 дес. в трех полях. В целом по вышеуказанным четырем уездам Мордовии наделы барщинных крестьян в среднем составили 2,8 дес.

Как видно, сильное сокращение наделов барщинных крестьян произошло в Саранском и Инсарском уездах, особенно в Саранском. В меньшей степени они сократились в уездах Тамбовской губернии. Таким образом, общая картина была такова, что обеспеченность барщинных крестьян пахотной землей за изучаемый период намного ухудшилась, несмотря на то, что с конца XVIII до середины XIX века в уездах происходило общее увеличение пахотных земель.

[1] ЦГВИА, ф. Коллекция 414, д. 176.— Приложения к Трудам Редакционных комиссий. Выводы из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше, том 5, Спб, 1860, стр. 107, 145, 146, 295, 297, 299, 301.
[2] И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний, М., 1959, стр. 143.
[3] Там же.

По остальным уездам Мордовии данных о наделах барщинных крестьян за 80-е годы XVIII века не имеется. В середине XIX века они таковы. Крестьяне Наровчатского уезда имели пашенные наделы по 2 дес. на душу, Краснослободского — по 2,2 и Ардатовского — по 2,8 дес. Следовательно, в целом барщинные крестьяне Ардатовского уезда пахотной землей были обеспечены относительно лучше, чем крестьяне других уездов.

Несмотря на то, что к середине XIX века происходило сокращение наделов, крестьяне в Мордовии в 50-е годы пахотными наделами были обеспечены относительно лучше, чем в соседних черноземных губерниях (Рязанская и Тамбовская). В целом в семи изучаемых уездах крестьянский надел на душу м. п. в трех полях равнялся 2,36 дес.

Для поддержания простого воспроизводства в крестьянском хозяйстве даже буржуазными исследователями в разное время считалось иметь минимальные размеры крестьянского надела от 1,5 до 2,4 дес. пашни на душу м. п. в трех полях. Советскими историками они определяются в 2 дес. для черноземных и 2,4 дес. в трех полях для нечерноземных районов[1]. Итак, в 50-е годы XIX века в большинстве уездов Мордовии наделы барщинных крестьян едва ли отвечали потребностям простого воспроизводства крестьянского хозяйства, так как крестьяне со своего хозяйства выплачивали еще денежные подати и оброки. Относительно среднего крестьянства пореформенного периода, владевшего подобными же наделами, какими владели крестьяне Мордовии в первой половине XIX века, В. И. Ленин писал: «Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами...»[2]

Следовательно, надел в 2 дес. на душу м. п. в трех полях у крестьян Мордовии в первой половине XIX века являлся «минимальной нормой бедного двора», который тем более не сводил даже концы с концами.

В середине XIX века показываются имения со смешанной системой эксплуатации, в которых крестьяне несли барщину и платили оброк. В среднем по Мордовии наделы крестьян смешанных имений были ниже наделов как барщинных, так и оброчных крестьян (2,26 дес. на душу м. п.). В уезде они колебались от 2,2 (Инсарский) до 2,73 дес. (Ардатовский). Крестьяне Краснослободского уезда располагали самыми маленькими наделами (1,53 дес. на душу м. п.).

[1] Л. В. Милов. Исследование об «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию. М., 1965, стр. 267—268.

[2] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 173

Появление смешанной системы эксплуатации объяснялось стремлением помещиков повысить свои доходы за счет усиления грабежа своих крестьян, т. к. возможности барщинной формы эксплуатации при недостаточности земель уже исчерпали себя. Помещик в любой неземледельческой деятельности крестьянина видел источник своего дохода.

Кроме захвата наделов своих крестьян, помещики не гнушались присвоением и чужих земель. Интенсивный рост помещичьей запашки в 40-е годы XIX века происходил также и за счет захватов земель государственных крестьян.

Так, например, в 1843 году в Темниковском уезде государственным крестьянам д. Кулаевых Починок губернскими властями намечалось выделить 12 дес. пашни и 132 дес. леса (всего 144 дес.), но при размежевании у них не хватило 92 дес.[1] Земля была захвачена помещиками.

В ноябре 1845 г. в Темниковском же уезде было начато судебное дело о захвате наследниками Баташева земли у крестьян д. Кажбухтиной. Но по разным причинам оно было прекращено, хотя крестьяне давали жалобу в земский суд еще с октября 1844 г. Таким образом, жалоба государственных крестьян о возвращении земли им так и не была удовлетворена[2]. В Спасском уезде по прошению экономических крестьян г. Спасска в июне 1848 г. началось дело о взыскании со спасского купца Преснякова денег в сумме 11200 руб. за самовольный захват и распашку 800 дес. крестьянской земли. Однако дело было закрыто, и крестьянам в иске отказали[3].

Небезынтересными являются данные таблицы № 6, по результатам которой можно выяснить удельный вес крестьян в группах имений и степень их эксплуатации.

В настоящей таблице имения сведены нами в три группы. К первой группе относятся поместья с числом д. м. п. до 100, ко второй — 101-500 и к третьей — свыше 500 д. м. п. В результате подсчетов выясняется следующая картина.

В Саранском уезде в первой группе имений (до 100 д. м. п.) сосредоточивалось 11,6% пашни барщинных поместий уезда, в число которых входили сами помещичьи запашки и посевные площади владельческих крестьян. Непосредственно помещичья запашка в их числе, т. е. во всей пашне данной группы, составляла 8,3%, а от всей господской запашки барщинных имений уезда —6,7%.

В этой группе имений 5,1% всех барщинных крестьян мужского пола в уезде обрабатывали на господ по 0,76 дес. запашки. У этой немногочисленной группы крестьянства были довольно высокие пашенные наделы (8,4 дес. на д. м. п.) (см. табл. № 6).

[1] ГАТО, ф. 15, оп. 5, д. 8, л. 115.
[2] Там же, оп. 12, д. 20, л. 194.
[3] Там же, л. 214.

Таблица 6[1]

Соотношение барщинной эксплуатации и крестьянские наделы в группах имений (конец XVIII века)

	Саранский уезд				Инсарский уезд			
	группы имений				группы имений			
	до 100 д. м. п.	до 500 д. м. п.	свыше 500 д. м. п.	итого	до 100 д. м. п.	до 500 д. м. п.	свыше 500 д. м. п.	итого
Крестьян, д. м. п.	99	694	1159	1952	254	2062	4283	6599
Процент к итогу	5,1	35,6	59,3	100	3,85	31,15	65,0	100
Всей пашни, дес.	906	2429	4502	7838	1671	8836	14930	25437
Процент к итогу	11,6	31,0	57,4	100	6,6	34,8	58,6	100
Помещичьей запашки, дес.	75	460	560	1125	474	2130	4179	6783
Процент к итогу	6,7	43,6	49,7	100	7,0	31,4	61,6	100
Запашка на д. м. п., дес.	0,76	0,7	0,48	0,57	1,86	1,03	0,97	1,03
Процент запашки к пашне данной группы	8,3	20,1	12,5	14,5	28,4	24,1	28,0	26,7
Крестьянской пашни, дес.	831	1937	3942	6710	1197	6706	10751	18654
Процент к итогу	12,5	28,8	58,7	100	6,5	36,0	57,5	100
Крестьянской пашни на д. м. п., дес.	8,4	2,78	3,4	3,44	4,7	3,25	2,5	2,83

[1] Таблица № 6 составлена на основании обработки источников: ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19023, лл. 106—153, 158—207 об.

В Инсарском уезде в первой группе имений находилось 6,6% всей пашенной земли барщинных поместий, т. е. меньше, чем в Саранском уезде. Однако доля барской запашки ко всей пашне данной группы была значительно выше (28,4%), чем в Саранском уезде, хотя ко всей господской запашке уезда была почти одинакова с Саранским уездом (7%). Это говорит о том, что крестьяне в имениях до 100 д. м. п. в Инсарском уезде подвергались более интенсивной эксплуатации, чем в Саранском, на что указывали и господские запашки, которые были больше в 2,5 раза (1,86 дес.). Эти высокие господские запашки обрабатывали только 3,85% всех барщинных крестьян уезда, у которых пашенные наделы в трех полях были до 4,7 дес. на душу м. п.

В Саранском уезде у второй группы поместий находилось 31% всей пашни барщинных имений. Примерно одинаковая доля была и в Инсарском уезде (34,8%). В Саранском уезде в данной подгруппе барская запашка составляла одну пятую часть (20,1%), в Инсарском — почти одну четвертую (24,1%) от всей пашни групп. Ко всей же помещичьей запашке уездов удельный вес её в Саранском уезде равнялся 43,6%, а в Инсарском — 31,4%.

В Саранском уезде у 35,6% крестьян второй группы приходилось на душу по 0,7 дес., в Инсарском — у 31,15% крестьян по 1,03 дес. барской запашки. Они имели душевые наделы пахотной земли соответственно 2,78 и 3,25 дес.

В последней третьей группе имений в Саранском уезде вся пашня составляла 57,4% и Инсарском — 58,6% от всех пашен уездов. Доля барской запашки в данной группе в отмеченных уездах равнялась 12,5 и 28%, а ко всей запашке уездов — 49,7 и 61,6%. В Саранском уезде в третьей группе имений 59,3% крестьян обрабатывали на помещика по 0,48 дес. запашки на душу м. п., для себя — по 3,4 дес. в трех полях на душу м. п., в Инсарском 65% крестьян на помещика — по 0,97 дес., для себя — по 2,5 дес.

Итак, из приведенных данных видно, что в барщинных имениях до трех пятых и более владельческих крестьян проживало в крупных поместьях с числом душ м. п. свыше 500, у которых были наименьшие душевые наделы пашенной земли. Около трех пятых обрабатываемых пашенных угодий сосредоточивалось также в руках крупных помещиков. От 50 до 75% помещичьей запашки принадлежало имениям с числом душ свыше 500. Мелкопоместные помещики с числом душ м. п. до 100 эксплуатировали незначительную долю крестьянства, но они испытывали более тяжелый гнет, чем крестьяне в крупных имениях. Доказательством более тяжелой эксплуатации крестьян в мелкопоместных имениях является основной показатель барщинной эксплуатации — господская запашка на душу м. п., которая значительно превышала душевую запашку крупных имений. Следовательно, по мере увеличения размеров имений, барская запашка на

душу м. п. постепенно сокращалась. Большие размеры барской запашки в мелкопоместных имениях, чем в крупных, объясняются тем, что развитие товарно-денежных отношений, растущий спрос на хлеб в конце XVIII века толкал землевладельцев, как выше выяснили, к повышению своих доходов. Однако у мелкопоместных владельцев на улучшение качества земледелия и введение различных усовершенствований не хватало средств. Поэтому к увеличению доходности их имений в условиях крепостничества был один путь — *экстенсивное* ведение земледелия, т. е. расширение барской запашки и вследствие этого усиление эксплуатации своих крестьян.

Наряду с уменьшением размеров помещичьих запашек на душу м. п. с увеличением величины имения в конце XVIII века наблюдалось также сокращение крестьянских пашенных наделов. Верно, в Саранском уезде, начиная с имений свыше 100 душ м. п., с уменьшением барской запашки на душу м. п. крестьянские пашенные наделы увеличивались. В Инсарском же уезде по мере увеличения размеров имений вместе с уменьшением барской запашки на душу м. п. сокращался и крестьянский надел. Поскольку помещик крупных барщинных имений уменьшил свою запашку, он должен был бы увеличить надел своего крестьянина. Однако помещик этого не делает. Следовательно, можно предположить, что помещик крупных барщинных имений Инсарского уезда в конце XVIII века часть своей земли сдавал в оброчное пользование, хотя прямых источников, свидетельствующих об этом, не имеется.

* * *

В первой половине XIX века усиливается эксплуатация как барщинных, так и оброчных крестьян. Одним из основных показателей усиления эксплуатации оброчных крестьян являлось увеличение размеров оброка.

Сведения о размерах оброка с души по каждому селению в двух уездах (Саранский, Инсарский) в конце XVIII века имеются в Камеральных экономических примечаниях Симбирской губернии. По уездам Тамбовской губернии (Спасский и Темниковский) размеры оброка в конце XVIII века взяты нами у И. Д. Ковальченко.

В конце 50-х годов XIX века оброк с тягла в рублях серебром содержится в указанной работе А. Скребицкого. В некоторых имениях он указывается с тягла и в конце XVIII века. Во всех случаях оброк с тягла был переведен нами в оброк с души. Для перевода его на душу как в конце XVIII века, так и в конце 50-х годов число мужских душ в тягле приравнивалось среднему числу их по каждому уезду в середине XIX века, которые были взяты из работы А. Скребицкого[1].

[1] А. Скребицкий. Ук. работа, т. 3, стр. 1288, 1290.

В конце XVIII века оброк указывался в рублях ассигнациями. Как известно, ценность ассигнационного рубля в переводе на серебро в конце XVIII и середине XIX века была неодинаковой. Поэтому во избежание ошибок в показе динамики оброка размеры их указываются не только в ассигнациях, но и серебром[1].

Кроме того, размеры оброка в рублях серебром показываются в пересчете на рожь, стоимость которой дается в сопоставимых ценах (серебром) за четверть в 80-е годы XVIII века по средним ценам Пензенской губернии (1 руб. 67 коп. серебром), а в 50-е годы по ценам данных уездов, полученных на основании обработки ходокументов[2].

Выявленные результаты по динамике оброка указаны в таблице № 7.

Как видно из таблицы, в оброчных имениях четырех уездов Мордовии, оброк, уплачиваемый крестьянами своим помещикам с одной души м. п., в течение изучаемого времени возрастает с 4 руб. 17 коп. до 7 руб. 25 коп. серебром, или на 74%.

Уже в конце XVIII века уровень эксплуатации помещичьих оброчных крестьян был далеко неодинаков в отдельных уездах Мордовии. Наибольшей эксплуатации подвергались крестьяне Спасского уезда, которые платили оброк с одной души м. п. 5 руб. 84 коп. серебром. Рост его за первую половину XIX века составил 1 руб. серебром. В Саранском уезде оброчные платежи крестьян с души м. п. в конце XVIII века равнялись 4 руб. 41 коп. серебром, в Инсарском 3 руб. 86 коп. За первую половину XIX столетия они выросли примерно одинаково в обоих уездах (на 3 руб. 41 коп. и на 3 руб. 21 коп.). Наименьшую оброчную эксплуатацию в начале изучаемого периода испытывали крестьяне Темниковского уезда, платившие с одной души 2 руб. 56 коп. серебром. Однако в предреформенный период размер оброка в уезде был самым высоким — 7 руб. 28 коп.

На основании этого можно сделать вывод, что там, где оброки в конце XVIII века были уже высокими, они росли значительно медленнее тех, которые в начале изучаемого времени составляли меньшую сумму, и к середине XIX века в своих размерах оказывались равными или даже ниже оброков с незначительной суммой в конце XVIII века. Очевидно это объяснялось тем, что крестьянское хозяйство в уездах с большими обро-

[1] В конце XVIII века один ассигнационный рубль равнялся 80 коп. серебра, а в 50-е годы один рубль серебра был равен 3 руб. 50 коп. ассигнаций. См.: И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX века, История СССР, № 4, М., 1966, стр. 66; И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века, М., 1959, стр. 178.

[2] В 50-е годы XIX века по нашим подсчетам средние цены на рожь в руб. серебром были: в Саранском уезде — 1 руб. 65 коп., Инсарском — 1 руб. 53 коп., Спасском — 1 руб. 85 коп. и Темниковском — 2 руб. 06 коп. за чет.

Таблица 7[1]

Степень эксплуатации помещичьих оброчных крестьян и ее динамика

Уезды	Конец XVIII века			Середина XIX века			50-е годы XIX века, % к концу XVIII века	
	оброк с души			оброк с души			в серебре	в хлебе
	ассигнациями, руб.	серебром, руб.	в переводе на рожь, четверть	ассигнациями, руб.	серебром, руб.	в переводе на рожь, четверть		
Саранский	5,51	4,41	2,64	27,4	7,82	4,74	177	179
Инсарский	4,82	3,86	2,32	24,7	7,07	4,62	186	199
Итого:	5,16	4,13	2,48	26,05	7,44	4,68	180	189
Спасский	7,3	5,84	3,5	23,9	6,84	3,7	117	106
Темниковский	3,2	2,56	1,53	25,6	7,28	3,54	284	231
Итого:	5,25	4,2	2,51	24,75	7,06	3,62	168	144
Всего:	5,21	4,17	2,5	25,4	7,25	4,15	174	166

[1] Таблица № 7 составлена на основании обработки источников: За 80-е годы XVIII века — ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19023 (Камеральное экономическое примечание Симбирской губернии и её уездов), л. 106—153; 158—207 об; И. Д. Ковальченко. Ук. работа, стр. 17; И. А. Булыгин. Ук. работа, стр. 52 (взяты цены на рожь по Пензенской губернии).

За 50-е годы XIX века — А. Скребицкий. Ук. работа, т. 3, стр. 1289, 1291; цены на рожь по уездам определены по ходокументам: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2696, л. 87, ф. 8, оп. 1, д. 57, л. 15, 19, 23, 27, 31, 35, 39, 43, 47, 49, 50, 51, 58—59, 62—63, 66—67, 70—71, 74—75, 78—79, 82—83, 86—87, 90—91, 102, 121, 131; Сталь. Ук. работа, ч. 1, стр. 411—420, 424—426; А. Воейков. Сборник материалов для описания Тамбовской губернии, Спб, 1872, стр. 101—102. 1 четверть ржи равняется 8,5 пуд.

ками еще в 80-е годы XVIII века испытывало уже всю тяжесть оброчной эксплуатации и к 50-м годам XIX века их эксплуатация была доведена до крайнего предела. На подобное явление указывали в своей статье «Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX века» также И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов[1].

Увеличение размеров оброка в Мордовии с конца XVIII до середины XIX века еще убедительнее прослеживается после пересчета их на рожь. При переводе денежного выражения оброка на хлеб (рожь) выявляется примерно одинаковая степень роста размеров его с оброком, выраженным в рублях серебром. В частности, в целом в четырех уездах Мордовии к середине XIX века оброк составил 166% уровня 80-х годов XVIII столетия.

Для полной характеристики эксплуатации крестьян необходимо знание доли оброка в общем доходе крестьянского хозяйства. Доходы крестьянского хозяйства включали доход от земледелия, промыслов, скотоводства и других источников. За неимением прямых источников для определения доли оброка воспользуемся методикой, предложенной впервые советскими историками И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым[2], которые учитывали доходы от земледелия и промыслов, из которых складывалась основная часть всего крестьянского бюджета. Для определения доходов в крестьянском хозяйстве Мордовии эти принципы вполне приемлемы. Доходы от других источников определить невозможно из-за отсутствия сведений в архивных документах. Поэтому приводимые данные не вполне точны. Но нам важно узнать не точные размеры доходов и долю оброка, а степень изменения этой доли в первой половине XIX века.

Доход от земледелия определяется так. В уездных отчетах губернатору имеются данные о посевах и урожаях озимых и яровых хлебов.

Для конца XVIII — начала XIX века брались сборы хлебов за 1801—1803 и 1811—1815 гг., т. е. за восемь лет, по предреформенному периоду — за 1847—1848 и 1856—1857 годы[3]. Весь валовой сбор рассчитывался на душу м. п. в уездах, две трети которого переводились в денежное выражение в рубли серебром по ценам ржи, а одна треть — по цене овса. Как по началу, так и по середине XIX века были использованы хлебные цены ха-

[1] История СССР, № 4, 1966, стр 71.

[2] И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Ук. статья, История СССР, № 4, 1966, стр. 65—66.

[3] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 28, л. 23—24, 133—134; д. 82, л. 285—286, 292—293 — за 1801—1803 годы; д. 394, л. 73—74; д. 405, л. 58—59; д. 451, л. 10—11; д. 505, л. 9—10, 21—22, 29—30, 37—38, 72—73; д. 536, л. 6—7 — за 1811—1815 годы; Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, И-415—Статистика землевладения и землепользования в XIX веке в Мордовии, л. 48—за 1847—1848 годы; ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 60, 62, 63; д. 106, л. 36—37 (Отчеты губернского статкома) — за 1856—1857 годы.

рактеризуемых уездов (Саранского и Инсарского). Полученный результат принимался за доход оброчных крестьян от земледелия.

Сведениями о промысловой деятельности располагаем только по 50 годам XIX века. На основании данных о размерах промысловых заработков одного работника и числа выданных паспортов всем помещичьим крестьянам в уездах определяется валовой доход от промыслов. За размеры промыслового заработка одного работника приняты средние заработки на основных промыслах в Лукояновском уезде Нижегородской губернии[1], которые были распространены и в Мордовии. По числу выданных паспортов[2] устанавливается количество отходников. Как правило, среди барщинного крестьянства отходничество было распространено весьма мало. Поэтому весь доход от отходничества рассчитывался на душу м. п. всех оброчных крестьян уезда. Доход от земледелия и промыслов являлся общим доходом крестьянского хозяйства. В результате вычислений выясняется, что в Саранском уезде в начале XIX века доход от земледелия составлял 28 руб. серебром, в 50-е годы XIX века — общий доход 33 руб. 69 коп. (от земледелия — 31 руб. 68 коп. и от промыслов — 2 руб. 01 коп.). Доля оброка в бюджете крестьян соответственно равнялась 15,7 и 23,2%. В Инсарском уезде в те же периоды доходы равнялись 34 руб. 49 коп. и 28 руб. 97 коп. сер. (от земледелия 19 руб. 17 коп. и от промыслов 9 руб. 80 коп.). Удельный вес оброка в доходе крестьян возрос с 11,2 до 24,5%.

Итак, в обоих случаях доля оброчных платежей в общем крестьянском доходе в течение первой половины XIX века неуклонно росла. Кстати, заметим, доходы крестьян увеличились только в Саранском уезде, т. к. здесь немного выросли сборы хлебов. В остальных же уездах (Инсарский, Наровчатский и Краснослободский) они уменьшились. На это указывают сокращение сборов хлебов. Следовательно, доля оброка в доходе крестьянина возрастала не только в этих двух уездах, но и в других. По причине увеличения размеров оброчных платежей доля оброка возросла бы даже при условии сохранения постоянных крестьянских доходов. На доходы оброчных крестьян влияли крестьянские наделы, которые к 50-м годам тоже сократились. Так, например, в Инсарском уезде в конце XVIII века надел пахотной земли на душу м. п. равнялся 3,76 дес., в 50-е годы — 2,47 дес. В других уездах, как известно, он тоже сократился.

Тяжесть оброчной эксплуатации крестьян усугублялась еще тем, что основная масса его имела недостаточные душевые наделы пахотных земель, которые с увеличением имений сокраща-

[1] Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян. Выпуск 1, СПб, 1857, стр. 146.

[2] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 78.

Таблица 8[1]

Зависимость пашенных наделов (дес. на душу м. п.) **оброчных крестьян от размеров имений** (конец XVIII века)

Уезды	Саранский				Инсарский			
	группы имений				группы имений			
	до 100 д. м. п.	до 500 д. м. п.	свыше 500 д. м. п.	итого	до 100 д. м. п.	до 500 д. м. п.	свыше 500 д. м. п.	итого
Дворов	29	497	2640	3166	8	309	1131	1448
Крестьян, д. м. п.	87	1543	8489	10119	34	1197	4314	5545
Процент к итогу	0,8	15,2	84,0	100	0,6	21,6	77,8	100
Крестьянской пашни, дес.	453	5818	22526	28797	168	3465	17250	20883
Процент к итогу	1,5	20,2	78,3	100	0,8	16,6	82,6	100
Пашни на д. м. п., дес.	5,2	3,78	2,65	2,84	4,95	2,9	4,0	3,76
Оброк на д. м. п., руб. ассигн.	5,27	5,40	6,04	5,51	4,15	4,51	4,94	4,82

[1] Таблица № 8 составлена по источникам таблицы № 5. Имения, имевшие пашню в совместном владении с однодворцами и государственными крестьянами, в настоящую таблицу не включались. Соответственно были исключены крестьяне и их дворы.

лись (см. таблицу № 8). Сокращение наделов крестьян с возрастанием поместий происходило и в барщинных имениях, с той лишь разницей, что в них одновременно уменьшались и помещичьи запашки.

Из анализа выясняется, что в Саранском уезде в 80-е годы XVIII века 0,8—1,4% оброчных крестьян уезда, плативших наименьшие оброки, имели наивысшие наделы пашни на душу м. п. (5,2 дес.). Основная же часть оброчного крестьянства уезда (80—84%) выплачивала наивысшие оброки при минимальных пашенных наделах (2,65 дес. на душу м. п.). Подобное явление наблюдалось и в Инсарском уезде. Так, например, 0,6% крестьян, располагавших самыми высокими наделами (по 4,95 дес. на душу м. п.) платили меньшие оброки, а 82,6% крестьян уезда при меньших наделах (4 дес. на душу м. п.) выплачивало более высокие оброки. Но в Инсарском уезде при условии исключения крестьян первой группы имений (до 100 душ м. п.) размер выплачиваемого оброка крестьянами зависел от размера их пашенного надела. Таким образом, чем больше помещик давал своему крестьянину земли, тем больше он брал с него и оброка. Но в Саранском уезде размер оброка не зависел от размера крестьянского надела. Значит, оброк платился не только от земледелия, но и от промысловых доходов. Следовательно, среди крестьян крупных помещичьих оброчных имений Саранского уезда промысловая деятельность была развита в большей степени, чем в мелкопоместных имениях. Об этом говорил сам факт соотношения высоких оброчных платежей и минимальных душевых наделов крестьян. Но всю промысловую деятельность их по числу выданных паспортов учесть было нельзя. Поэтому крестьяне Саранского уезда, отчасти и Инсарского, кроме отходничества, занимались отдельными видами промыслов на дому, от которых и выплачивали основную часть оброка. Среди крестьян Саранского уезда было распространено битьё шерсти и валяние войлоков[1]. Некоторые крестьяне Инсарского уезда занимались плотничеством, т. е. заготавливали санные полозья, чему способствовало наличие леса в уезде. Готовая продукция продавалась на ярмарках и базарах близлежащих сел[2]. Одни крестьяне нанимались на винокуренные заводы, другие добывали смолу, деготь, поташ, третьи доставляли железную руду на Сивинский и другие чугунные заводы.

Одним из занятий населения было плетение лаптей. В первой половине XIX века им больше всего занимались в зимнее время в селах и деревнях Инсарского и Саранского уездов. На этом промысле семья зарабатывала в год от 150 до 200 руб. ассигнациями. Покупать лапти приезжали даже из Владимирской губернии[1]. Кроме того, в конце XVIII века наиболее крупные промышленные предприятия (горнозаводская и другая) Пензенской губернии находились в Инсарском и Краснослободском уездах. Город Саранск после Пензы в губернии был вторым по значимости торговым пунктом[2].

[1] Военно-статистическое обозрение. Пензенская губерния, СПб, 1851, стр. 46.
[2] ЦГА МАССР, ф. 87, оп. 1, д. 1, л. 5.

Все это не могло не отразиться на хозяйственном укладе оброчных имений и их крестьян, так как складывавшиеся товарно-денежные отношения и относительно развитая по тому времени промышленность уездов еще больше ускоряли развитие неземледельческой деятельности крестьянства. Поэтому помещик стремился использовать с выгодой для себя даже незначительную деятельность крестьянина, не связанную с земледелием. Об этом свидетельствовали высокие оброки в уездах, взимавшиеся ими с крестьян.

Величина оброка с души не в меньшей мере зависела и от величины крестьянского надела. Данными для выявления этой зависимости послужили сведения «Описаний помещичьих имений свыше 100 душ» в «Приложениях к Трудам Редакционных комиссий» за 50-е годы XIX века. В них по каждому имению указывается количество крестьян мужского пола, количество тягол, размер выплачиваемого оброка с тягла и величина крестьянского надела в дес. удобной земли в трех полях на душу м. п. За основу группировки нами брались крестьянские наделы. Крестьяне, имевшие надел до 2-х дес. удобной земли, со всеми показателями, объединялись в одну группу, с наделом от 2,1 до 3-х дес. в другую, с 3,1 до 4-х дес. в третью и с наделом 4,1 и свыше дес. в четвертую группу. Таким образом, были выделены четыре группы, куда вошли оброчные имения, показатели которых поддавались обработке. На основании перечисленных данных сначала вычислялась сумма оброка в имении, затем в группе, после этого она распределялась между всеми крестьянами группы. Так определялся средний размер оброка на д. м. п. в каждой группе. Подобная обработка материала была произведена по всем уездам Мордовии. Результаты подсчетов обобщены нами в таблице № 9.

Из таблицы видно, что в пяти уездах из шести, т. е. кроме Ардатовского, величина оброка с увеличением крестьянского надела возрастала. Так, в Инсарском уезде с увеличением надела до 4-х дес. она выросла на 2,54 руб. серебром и максимальные размеры её составляли 8,75 руб. серебром, в Темниковском увеличение было на 95 коп. Рост оброка наблюдается и в Краснослободском уезде. Большое увеличение его составило в Саранском уезде (4,09 руб. серебром), величина которого в пос-

[1] Сталь. Материалы для географии и статистики. Пензенская губерния, ч. II, СПб, 1867, стр. 88.
[2] Е. Самойлов. Пензенский край в конце XVIII века, Пенза, 1959, стр. 8, 59, 67.

ледней группе с наделом свыше 4 дес. равнялась 10,29 руб. серебром.

Напомним, что в Инсарском, особенно в Саранском, уездах в 80-е годы XVIII века в соотношении оброков и крестьянских наделов, как выше отмечалось, наблюдалась обратная законо-

Таблица 9[1]

Зависимость величины оброка (в руб. сер.) от размеров крестьянского надела (в дес. всей удобной земли на душу м. п.) в 50-е годы XIX века

Уезды	Размеры наделов, дес.				Итого
	0—2	2,1—3	3,1—4	4,1 и свыше	
1	2	3	4	5	6
Инсарский					
Всего крестьян	118	461	1143	—	1722
% к итогу	7	26,8	66,2	—	100
Оброк на душу	6,21	7,5	8,75	—	
Краснослободский					
Всего крестьян	179	144	—	—	323
% к итогу	55,4	44,6	—	—	100
Оброк на душу	4,62	6,91	—	—	—
Саранский					
Всего крестьян	1275	541	617	276	2709
% к итогу	47	20	22,8	10,2	100
Оброк на душу	6,2	8,35	5,95	10,25	
Наровчатский					
Всего крестьян	—	—	—	265	265
% к итогу	—	—	—	100	100
Оброк на душу	—	—	—	13,2	
Темниковский					
Всего крестьян	222	599	124	—	945
% к итогу	23,4	63,2	13,4	—	100
Оброк на душу	5.14	3,9	6,09	—	
Ардатовский					
Всего крестьян	1423	257	336	235	2251
% к итогу	63,1	11,5	14,9	10,5	100
Оброк на душу	8,75	8,36	6,14	6,38	

[1] Таблица № 9 составлена на основании обработки источников: Приложения к Трудам Редакционных комиссий (Описания помещичьих имений свыше 100 душ), т. 2, СПб, 1860, стр. 12—17, 24—27, 36—37, 40—41, 46—53. Там же, т. 3, СПб, 1860, стр. 14—17, 58—59.

мерность, т. е. размер оброка с наделом крестьян не соотносился. Поэтому оброки брались либо с промыслов, либо не соотносились ни к чему и к наделам не имели никакого отношения. Но к середине XIX века в Мордовии оброки выросли почти в 2 раза. Поэтому в 50-е годы с увеличением надела крестьянина соответственно росли и оброчные платежи. Таким образом, в середине XIX века одним из основных факторов в раскладке оброчных платежей являлась уже земля, чего в такой степени не наблюдалось в конце XVIII века. Следовательно, в условиях земледельческого района должно было быть соответствие размеров оброка к наделам, что и было в Мордовии в середине XIX века.

Однако в Ардатовском уезде в 50-е годы XIX века с расширением наделов оброчные платежи сокращались. По-видимому, в этом уезде, как в конце XVIII века в Саранском, в оброчных имениях большую роль играла неземледельческая деятельность крестьян, и оброки выплачивались с нее. Кроме того, небезынтересным являлся факт, что в 50-е годы XIX века в уезде было самое большее число оброчных тягол в Мордовии (45,4%). Следовательно, во всем хозяйственном укладе оброчных имений и их крестьян имелись некоторые отличия по сравнению с оброчными имениями других уездов.

По данной таблице прослеживается и другая сторона вопроса — обеспеченность оброчных крестьян землей в середине XIX века и интенсивность эксплуатации их в Мордовии.

Оброчные крестьяне Ардатовского уезда с душевым наделом до 2-х дес. всей удобной земли подвергались наиболее тяжелой эксплуатации, т. к. более трех пятых их количества в уезде платило самые высокие оброки в Мордовии при минимальном душевом наделе. Безусловно, основная масса крестьян уезда при таких высоких оброчных платежах и минимальных наделах едва ли могла сводить концы с концами. На таких же ничтожных наделах сидело около половины оброчных крестьян Саранского уезда. Особенно остро ощущалось малоземелье в Краснослободском уезде, в котором более половины крестьян имело наделы только до 2-х дес. удобной земли, где ни один из них не пользовался наделом свыше 3-х дес. В Мордовии с наделом до 2-х дес. было около 40% всех оброчных крестьян.

Как и с наделом до 2-х дес., в группе оброчных крестьян с наделом 2—3 дес. удобной земли опять самые высокие оброки выплачивали крестьяне Ардатовского и Саранского уездов. Основная часть оброчного крестьянства Темниковского уезда (63,2%) при наделах 2—3 дес. платила незначительные оброки, но она также сильно чувствовала безземелье, как и в вышеотмеченных уездах (Краснослободский, Саранский, Ардатовский). Во всей же Мордовии четвертая часть всего оброчного крестьянства располагала наделами в 2—3 дес. удобной земли на душу.

Относительно лучше были обеспечены землей оброчные крестьяне третьей группы Инсарского уезда, т. к. свыше 66% состава его в уезде имело наделы от 3-х до 4-х дес. удобной земли на душу м. п.

Но основная масса оброчного крестьянства Мордовии (63%) в середине XIX века имела наделы только до 3-х дес. удобной земли на душу м. п. С наделом свыше 4-х дес. было немногим более 9% его количества.

Выше были выявлены размеры оброчных платежей крестьян. Но повинности помещичьих крестьян не ограничивались только одним оброком. Они еще платили подушную подать государству, несли земские, мирские и натуральные повинности, которые тоже не оставались постоянными.

С 80-х годов XVIII века подушная подать выросла в переводе ассигнаций на серебро с 56 коп.[1] до 94 коп. серебром с души в 1835 году. В 50-е годы размер подушной подати составлял 95 коп. серебром[2], или 13,1% оброчных платежей.

Общеземские повинности увеличились с 15,5 копейки в 1835 году до 45,5 копейки серебром в середине XIX века, мирские повинности — с $1^5/_7$ до $5^1/_4$ коп. Кроме того, помещичьи крестьяне уездов Пензенской губернии с 1837 года платили по 9,75 коп. серебром с души на содержание Пензенского благородного пансиона, а с 1841 года — по 2,75 коп. на содержание Пензенского дворянского института. Продовольственные сборы с одной души с 1835 года были в размере 1 коп.[3]

В целом земские и мирские повинности помещичьих крестьян в 1835 году составляли 30,2% от подушного оклада, в середине XIX века — около 68%. Таким образом, они за это время выросли более чем в два раза, а все денежные сборы, кроме оброков, увеличились с 1 руб. 23 коп. до 1 руб. 52 коп.—1 руб. 59 коп. серебром с души[4].

Доля всех денежных сборов (подушная подать, земские и мирские повинности) вместе с оброком в 50-е годы XIX века составляла от общего дохода крестьян в Саранском уезде — 28%, в Инсарском —29,8%.

Насколько же остаток от общего дохода, за вычетом всех повинностей, мог удовлетворить насущные потребности крестьянина?

По урожаям 50-х годов XIX века на посев крестьянину требовалась примерно четвертая часть всего сбора хлебов. От дохода земледелия в денежном выражении затраты на посев равнялись в Саранском уезде —8 руб. 40 коп. серебром, в Инсарском —7 руб. 25 коп. Исходя из 3-х четвертной нормы, принятой в литературе для продовольственных и фуражных нужд на одну

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1955, стр. 208.
[2] ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1472, л. 188, 189.
[3] Там же.
[4] Там же.

ревизскую душу, методу, по которому ранее вычислялись доходы от земледелия, определялся в денежном выражении расход 6 четвертей хлеба, потребного на две души (муж. и жен). В результате продовольственные и фуражные нужды составили в Саранском уезде —9 руб. 92 коп., в Инсарском —8 руб. 58 коп. Другие расходы в каждом уезде принимались по 8 руб. на душу[1].

Таким образом, все потребности крестьянина составили в Саранском уезде 26 руб. 32 коп., в Инсарском — 23 руб. 83 коп. За вычетом всех повинностей от общего дохода у него оставалось в Саранском уезде 24 руб. 28 коп., в Инсарском —20 руб. 31 коп. Следовательно, на жизненные потребности недоставало в Саранском уезде 2 руб. 07 коп. серебром, в Инсарском—3 руб. 52 коп. Хотя в Саранском уезде доходы крестьянина в предреформенные годы увеличились по сравнению с концом XVIII века, однако расходы его все равно не покрывались ими, не говоря уже о других уездах.

Кстати, заметим, что из общего количества крестьян, выезжающих на заработки, подавляющее большинство были крестьяне с одномесячными паспортами (Саранский уезд —31%, Инсарский —62%). Но при расчете промыслового дохода в уезде по вышеописанной методике их заработки принимались за среднегодовые. Поэтому в этих уездах, особенно в Инсарском, среднегодовой промысловый заработок, вероятно, немного завышен. В противном случае недостаток средств на удовлетворение жизненных потребностей крестьянина ощущался бы еще острее.

Всей своей тяжестью ложились на крестьян и натуральные повинности. Самой изнурительной из них была подводная, которая подтачивала силы не только самого крестьянина, но и его хозяйства. Так, в Саранском уезде в Богословском имении Полянских систематически практиковали на крестьянских лошадях вывоз господского хлеба на продажу за пределы Мордовии[2]. Крестьяне, жившие при почтовых трактах, выполняли подводную повинность в течение 2—4-х недель[3]. Помещики стремились получить выгоду из различного рода натуральных повинностей, отдельные виды которых они превращали в денежный доход. В частности, в Саранском уезде в 1817 году на крестьян с. Александровка была возложена повинность поставки золы по 5 кулей с целью продажи ее на стекольные заводы по 1 руб. 50 коп. за куль[4].

Крепостной человек являлся вещью, рабочим скотом. В. И. Ленин, характеризуя основные черты барщинного хозяйства, отметил, что «...условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы по-

[1] И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Ук. статья, История СССР, № 4, 1966, стр. 73.
[2] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 90, л. 37 об; д. 975, л. 2 и др.
[3] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2911, л. 10.
[4] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 886, л. 1.

мещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение»,...»[1].

Помещики ни в коем случае не хотели лишиться своих крепостных, отпустить их на волю. С 1804 по 1858 год, т. е. за 55 лет, число уволеных помещичьих крестьян и вступивших в звание вольных хлебопашцев в губерниях, из уездов которых сложилась Мордовия, было незначительно (по Пензенской губернии —286 человек, Симбирской —479 и Тамбовской —412)[2].

Например, в Ардатовском уезде Симбирской губернии в декабре 1839 года по договору с помещицей Силовой было отпущено на свободу 23 чел. с землею 216 дес. на условиях единовременной уплаты 4285 руб. серебром, т. е. каждый из них должен был внести сразу примерно 185 руб. серебром. В январе 1850 года помещиком Жеребцовым была уволена 61 душа с количеством земли 311 дес. с оплатою более 5 тыс. руб. серебром. В Алатырском уезде был всего лишь один случай увольнения 5 ревизских душ с землею в 1 дес., которые внесли на выкуп 160 руб. В Темниковском уезде освобождено 94 души. С 1831 по 1850 годы в Краснослободском уезде четыре раза повторялись увольнения крестьян (232 чел., из них у 158 душ 365 дес. земли)[3].

В других уездах случаи освобождения крестьян в течение первой половины XIX века не упоминаются. Таким образом, по всей Мордовии с 1804 по 1858 год было уволено лишь 415 человек. Из них у 313 чел. было указано 2180 дес. земли. Как видно, не каждому крестьянину было доступно увольнение, т. к. слишком большие были выкупные платежи.

Итак, с конца XVIII до 50-х годов XIX века в Мордовии еще больше усиливается эксплуатация крепостного крестьянства. В течение первой половины XIX века продолжали расти оброчные платежи крестьян, государственная подать, земские и мирские сборы. Рост денежных платежей вел к ухудшению положения крестьян. В результате этого они не в состоянии были выплачивать большие денежные повинности и их хозяйства разорялись. Положение крестьян еще больше ухудшилось в связи с сокращением земельных наделов, которые к моменту отмены крепостного права значительно уменьшились. Все эти признаки говорили о разложении и кризисе феодально-крепостного права.

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, Полн. собр. соч. , т. 3, стр. 184—185.

[2] В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России. Материалы по вопросу об обеспечении продовольствием, СПб, 1859, стр. 71.

[3] В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России. Материалы по вопросу об обеспечении продовольствием. СПб, 1859, стр. 80, 94, 98, 101, 103, 109, 116.

Н. Ф. Тюгаев

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОРДОВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Конец XVIII — первая половина XIX века были в России периодом разложения и кризиса феодально-крепостного строя, зарождения и становления новых капиталистических отношений. Изучение этого процесса представляет большой научный интерес и привлекает пристальное внимание советских историков. Многие вопросы этой сложной проблемы еще плохо изучены .Их решение требует конкретно-исторического анализа хода социально-экономического развития страны как в целом, так и применительно к ее отдельным районам. Настоящая статья имеет своей целью осветить такие стороны социально-экономического развития деревни Мордовии, как численность и движение народонаселения, его социальный и национальный состав, соотношение земельных угодий и обеспеченность ими населения, состояние и основные тенденции развития главных отраслей сельскохозяйственного производства (хлебопашества и скотоводства).

В конце XVIII — первой половине XIX века на территории Мордовии[1] наблюдается значительный прирост населения. Численность всего населения в 1782 г.— (4-я ревизия) — составила 452106 чел.[2] обоего пола, в 1828 г.—620222 чел.[3], в 1851 г.— 776783 чел.[4] и в 1858 году—886062 чел.[5] Общее количество насе-

[1] Ардатовский, Инсарский, Саранский, Шишкеевский, Наровчатский, Краснослободский, Троицкий, Спасский и Темниковский уезды.

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19026, стр. 212. ГАПО, ф. 225, оп. 3, д. 102, л. 27; д. 108, л. 16; д. 110, л. 28, д. 105, л. 24; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1042, л. 53; И. А. Булыгин. Положение крестьян и товарное производство в России, М., 1966, стр. 25. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1643, л. 12; д. 1653, л. 79.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18915, л. 26, 27, 28.

[4] П. Кеппен. Девятая ревизия. О числе жителей в России в 1851 г., СПБ, 1857, стр. 101, 124, 136.

[5] «Пензенские губернские ведомости», 1859, № 35, № 37, № 38; Л. Воейков. Сборник материалов для описания Тамбовской губернии. СПБ, 1872, стр. 55; Липинский. Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния, ч. I—II, СПБ, 1868, стр. 244.

ления в Мордовии с 1782 по 1858 год возросло на 433956 чел., т. е. почти в 2 раза (95,9%), а среднегодовой прирост составлял — 5709,9 чел., или 1,26%. Но прирост населения был неравномерным в отдельные периоды и по разным уездам. С 1782 по 1828 год население возросло на 168116 чел. (37,18%), т. е. ежегодное приращение составляло 0,8%, а по отдельным уездам оно колебалось от 0,65 (Спасский) до 2,65% (Краснослободский)[1]. С 1828 по 1851 год прирост населения составил 156561 чел., или 1,09%, т. е. среднегодовой прирост был выше предыдущего периода. Резкое повышение прироста населения в Мордовии наблюдается между 9 и 10 ревизиями. За семь лет (1851—1858 гг.) оно увеличилось на 109279 чел. (на 14%). Ежегодный прирост равнялся 2%, а в отдельных уездах колебался от 1,36% (Темниковский) до 2,85 (Саранский)[2]. Таким образом, в Мордовии среднегодовой прирост населения в 50-е годы XIX века был выше, чем в Среднем Поволжье (1,6%) и Центральном черноземном районе (1,25%) за 1851—1863 гг.[3].

На территории Мордовии проживали мордва, русские и татары. Их численность и соотношение можно представить на следующей таблице (табл. 1). Большая часть населения в конце изучаемого периода состояла из русских, которых было 71,3%. Мордва составляла почти одну четвертую часть всего населения (23,2%). Количество татар доходило до 4,6%.

Социально-сословный состав населения Мордовии в рассматриваемый период состоял из пяти основных групп: дворян, духовенства, купцов, мещан и крестьян. Крестьянство представляло основную массу населения. По праву владения оно относилось к помещичьим, государственным и удельным. Среди мужского населения в 1782 г. крестьян всех категорий было 212691 чел., в 1858 г.— 387115 человек. В числе этих крестьян помещичьи в 1782 г. составляли 47,7% (101540 чел), в 1858 г.— 39,1% (151259 чел.), удельные соответственно 16,3% (34481 чел.) и 11,45% (44294 чел.) и государственные 36% (76670 чел.) и 49,45% (191562 чел.)[4].

[1] ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1643, л. 12; ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18415, л. 27, 28; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1042, л. 53.

[2] П. Кеппен. Ук. работа, стр. 101, 136; Л. Воейков. Ук. работа, стр 55. «Пензенские губ. ведомости», 1859, № 35.

[3] Н. Флеровский (Берви В. В.). Положение рабочего класса в России, М., 1938, стр. 232.

[4] Общие данные семи уездов — (что и в таблице 1) вычислены по источникам: за 1782 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 19026, стр. 309, 212; И. А. Булыгин. Ук. работа, стр. 26, 27; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1643, л. 17—18; В. П. Ямушкин. К истории г. Темникова и его уезда. Записки МНИИЯЛИЭ, № 15, история и археология. Саранск, 1952, стр. 126. За 1858 г.— ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 1, 2, 3; А. Тройницкий. Ук. работа, стр. 37, 38; Липинский. Ук. работа, стр. 310—311; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства госимущества. СПб, 1859, вып. II, стр. 261.

Таблица 1

Национальный состав населения Мордовии в середине XIX века (душ обоего пола)[1]

№№ п/п	Название уездов	Конец 50-х—начало 60-х годов XIX века			
		всего населения	в том числе в % %		
			русские	мордва	татары
1	Наровчатский	93772	88,0	12,0	—
2	Саранский	135067	82,6	11,85	5,55
3	Инсарский	160337	77,1	15,9	7,0
4	Краснослободский	132239	71,0	20,6	8,4
5	Темниковский	109365	69,68	22,72	7,6
6	Ардатовский	157363	61,51	37,63	0,67
7	Спасский	90586	45,67	44,59	1,55
	Всего:	878729	71,3	23,2	4,6

Итак, в изменении численности помещичьих и удельных крестьян, с одной стороны, и государственных, с другой, мы наблюдаем две противоположные тенденции: относительная численность первых сокращалась, вторых — возрастала. Более быстрый рост численности государственных крестьян, чем помещичьих, прежде всего объясняется пополнением их рядов за счет удельных крестьян, которые в конце 30-х годов XIX века в уездах Пензенской и Тамбовской губерний были переведены в государственные. Кроме того, государственные крестьяне из-за отсутствия помещичьей власти над ними находились относительно в лучшем положении, чем владельческие, поэтому среди них выше был и естественный прирост населения.

По семи изучаемым уездам в конце 50-х годов XIX века из 204160 душ мордвы обоего пола в крепостной зависимости было 10908, или 5,34%, удельными — 56469 чел., или 27,6% и государственными —136783 чел., или 67,06%[2]. Кроме перечисленных уездов, в состав Мордовии было включено ряд мордовских сел

[1] Таблица 1 составлена на основании источников: ГАПО ,ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 1, 2, 3; «Пензенские губернские ведомости», 1859, № 35, № 37, № 38; Л. Воейков. Ук. работа, стр. 55; Липинский. Ук. работа, стр. 244, 246; Сталь. Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния, ч. 1, стр. 325; «Списки населенных мест», Тамбовская губерния, т. 42, СПб, 1866, стр. XXXVIII; Симбирская губ., т. 39, СПб, 1863, стр. XXXIV. Население Шишкеева и Троицка опускаются из-за отсутствия данных по отдельным национальностям.

[2] Общее количество мордвы, число удельных и государственных крестьян среди них определены нами по источникам табл. 1. Число мордвы в крепостной зависимости: «Списки населенных мест», Пензенская губ., т. 30, 1869, СПб, стр XXIV, XXV, 45, 47, 48, 53, 72, 84, 85, 86; Тамбовская губ., т. 42, СПб, 1866, стр. XXXVI; 112, 114, 116, 123, 125; Симбирская губ., т. 39, СПб, 1863, стр. XXX, 20, 25, 28.

Лукояновского и Сергачского уездов Нижегородской губ. и Алатырского и Карсунского уездов Симбирской губ. Вся владельческая мордва этих районов сосредоточивалась в уездах Нижегородской губ. В них было 11141 чел. об. пола[1]. Вместе с этими уездами общая численность мордовского крепостного населения составляла 22049 человек обоего пола. В «Очерках истории Мордовской АССР» примерно такое же количество (21811 чел.) мордвы относится лишь к шести уездам[2]. Следовательно, если учесть, что на всей территории Мордовии проживало 259 тысяч человек мордвы[3], а крепостных среди них по нашим данным на этой же территории (а не в шести уездах) было 22049 человек, то удельный вес их составит 8,5%. Процент крепостных среди мордовских крестьян по всем губерниям Поволжья равнялся 8,9%, т. е. был немного выше, чем по Мордовии[4].

Численность городского населения в Мордовии была незначительной. В Ардатове, Инсаре, Саранске, Наровчате, Краснослободске, Спасске и Темникове в 1782 г. насчитывалось 27020 человек обоего пола[5], или 5,96% от всего населения, в 1858 году — 46668 человек,[6] или 5,27%. Так как рост городского населения в Мордовии шел медленнее, чем общий рост населения, то доля городского населения в середине XIX века стала меньше, чем в конце XVIII века (на 11,6%). Удельный вес собственно городских сословий только мужского пола был еще ниже. В Инсаре, Саранске, Наровчате, Краснослободске он составлял в 1816 году — 1,63%, в 1834 г. — 1,83%[7], в 1858 г. — 4,2%[8]. Удельный вес городских сословий в Пензенской губернии в 1857 г. был равен 3,24%[9].

Как видно, в Мордовии в 50-е годы XIX века удельный вес городских сословий был несколько выше, чем в Пензенской губернии. Дворянство (2910 душ обоего пола) и духовенство всех вероисповеданий (10614 душ обоего пола) в общей массе населения составляли небольшую часть (0,34% и 1,25%)[10]. Таким образом, анализ сословно-социального состава населения показывает, что подавляющую часть его составляло крестьянство, которое занималось сельским хозяйством.

[1] «Списки населенных мест». Нижегородская губ., т. 25, СПб, 1863, стр. XXVII, XXVIII, 154.
[2] «Очерки истории Мордовской АССР», т. 1, Саранск, 1955, стр. 229.
[3] Там же, стр. 228.
[4] В. И. Козлов. Расселение мордвы. Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960, стр. 33.
[5] ГАПО, ф. 225, оп. 3, д. 102, л. 27; д. 105, л. 24; д. 108, л. 16; д. 110, л. 28; ЦГАДА, оп. 1, Ф. 1355, д. 1042, л. 53; д. 1653, л. 79; ф. 1355, оп. 1, Краткий табель Симбирской губ. г. Ардатова с его уездом.
[6] «Пензенские губернские ведомости», 1859, №№ 35, 37, 38; Липинский. Ук. работа, стр. 310—311; «Списки населенных мест», Тамбовская губ., т. 42, СПБ, 1866, стр. XXXI.
[7] ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 491, л. 346, 347, 381.
[8] ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 109, л. 1, 2, 3.
[9] Сталь. Ук. работа, ч. 1, стр. 315.
[10] См. источники табл. 1.

По данным генерального межевания 80-х годов XVIII века общая земельная площадь Мордовии составляла примерно 2644213 дес[1]. (см. табл. 2). Из них 978780 дес., или 36,9% занимала пашня. В Тамбовской и Пензенской губерниях пашня занимала 38,3%, т. е. несколько больше, чем в Мордовии, а в Нижегородской и Симбирской губерниях — 36,5%, т. е., наоборот, несколько меньше[2]. К концу 50-х годов XIX века площадь пашни в Мордовии увеличилась на 146696 дес. (на 14,9%) и составляла 1125476 дес., или 45,9% всей земельной площади.

Удельный вес пашни увеличился главным образом за счет сокращения лесов. В конце XVIII века (80-е годы) леса занимали 51,8% всей площади. С конца XVIII до середины XIX века помещиками и заводовладельцами поташных и металлургических заводов была вырублена почти одна треть лесного массива (439437 дес., или 32%). Перед отменой крепостного права под лесом оставалось только 38,1% территории. На увеличение пашни за счет сокращения леса указывали многие источники. Заводчики в 40-х годах XIX века «начали делать расчистку лесов» специально под пашню[3]. В отдельных случаях с 1846 г.

Таблица 2[4]

Соотношение земельных угодий

	80-е годы XVIII в.	Конец 50-х годов XIX в.	50-е годы XIX в. в % к 80-м годам XVIII в.
Вся земельная площадь, кв. дес.	2644312	2457097	92,7
В том числе:			
пашни, дес.	978780	1125476	114,9
% пашни ко всей площади	36,9	45,9	—
Пашня на душу муж. пола, дес.	3,95	2,57	65,1
% сенокосов и пастбищ ко всей площади	5,72	10,3	
% лесов ко всей площади	51,8	38,1	

[1] Одна десятина (казенная) — мера земельной площади, равная 2400 кв. саженей (1,0925 га).
[2] Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957, стр. 323—324.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18915, Военно-статистическое описание Пензенской губернии, 1848, л. 67.
[4] Таблица 2 составлена на основании источников: за 1782 г. — ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 19026; И. А. Булыгин. Ук. работа, стр. 24, 25, 35. ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1653, л. 79; д. 1643, л. 12. за 1855—1858 гг. — Липинский. Ук. работа, стр. 244, 338—339, 359, 417; ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 2; ф. 5, оп. 1, д. 2696, л. 62—63; «Пензенские губернские ведомости», 1859, №№ 35, 37, 38; Л. Воейков. Ук. работа, стр. 55; Рукопись фонда МНИИЯЛИ, ед. хр. № 91 (338), л. 74; «Тамбовские губернские ведомости», 1858, № 42.

была дозволена расчистка леса государственным крестьянам Пензенской губернии, в частности, Инсарского, Наровчатского и Краснослободского уездов[1].

Несмотря на увеличение в целом по Мордовии с 80-х годов XVIII века до 50-х годов XIX века абсолютного количества пашни и её доли во всей площади, надел пашни в трех полях, приходящийся на одну душу мужского пола, за это время уменьшился на 34,9% — с 3,95 дес. до 2,57 дес. Средний душевой надел пашни в трех полях в период генерального межевания по Центрально-черноземному району равнялся 5—6 десятинам, т. е. был значительно больше, чем в Мордовии[2]. Наделы конца XVIII века были в Мордовии невелики. Только в двух уездах (Ардатовском и Шишкеевском) они достигли более 4,5 десятины на душу мужского пола, в трех (Инсарском, Саранском и Троицком)—более 4 дес., в трех (Наровчатском, Спасском и Темниковском) — более 3,5 дес. и в одном (Краснослободском)— только 3,28 дес. Перед отменой крепостного права пашенные наделы на душу мужского пола были такими мизерными, что ни в одном из уездов, кроме Краснослободского (3,29 дес.), они не достигли и 3 десятин. Самые крохотные наделы на одну мужскую душу были в Инсарском уезде (2,2 дес.). Уменьшение наделов объяснялось прежде всего тем, что мужское население увеличилось на 77,8%, а число пашенных земель — только на 14,9%, т. е. прирост населения шел намного быстрее, нежели расширение пашенных угодий. Между тем, некоторые экономисты второй половины XIX века (Янсон) считали, что в черноземной полосе для покрытия продовольственных потребностей населения необходимо было иметь 4 десятины пахотной земли на одну ревизскую душу мужского пола[3].

На сокращение пашенных наделов на душу мужского пола повлияло и увеличение дворянского землевладения, которое к 50-м годам XIX века занимало уже значительную часть сельскохозяйственной площади. По сведениям губернских комитетов общее количество дворянских земель в Мордовии в 1858—1859 гг. составляло 802 тысячи десятин, или 34,7% всех удобных земель[4].

По примерным нашим вычислениям помещичьим крестьянам без дворовых принадлежало 12,9% всей удобной земли (около 298 тысяч десятин). Государственные крестьяне имели со всеми

[1] ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 34, л. 11.
[2] Н. Л. Рубинштейн. Ук. работа, стр. 209—210.
[3] И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М., 1910, стр. 74.
[4] А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян, т. 2, ч. II, Бонн на Рейне, 1865, стр. 1495, 1509, 1517.

угодьями 33,4% удобной земельной площади (772 тысячи десятин), удельные —168317 дес., или 7,3%[1].

Состояние скотоводства данного района зависело прежде всего от наличия естественных сенокосных и пастбищных угодий. Мордовия как в конце XVIII века, так и перед отменой крепостного права не располагала богатыми сенокосными и пастбищными угодьями. В соответствующие периоды они составляли 5,72% и 10,3% всей площади. В течение изучаемого времени они расширились на 66,5% (со 151446 до 252507 дес.). Расширение пастбищных угодий шло также, как и пахотных земель, за счет сокращения лесов. В конце XVIII века только в одном из уездов, Инсарском, доля сенокосов и пастбищ была более 10%. В Саранском уезде в конце XVIII века сенокосы составляли около 10%. Но к концу изучаемого времени этот уезд располагал самыми богатыми пастбищами и сенокосами по сравнению с другими уездами. Они составляли около 20% площади уезда.

В Мордовии во время генерального межевания на 100 десятин пашни приходилось 15,49 дес. сенокосов и пастбищ, в 50-е годы — 22,4 десятины. Таким образом, доля сенокосов и пастбищ по отношению к пашне увеличилась на 45,5%. По уездам доля сенокосов и пастбищ на 100 дес. пашни была не одинаковой. В 1782 году она колебалась в пределах от 2,22 до 23,2 дес., а в конце 50-х годов — от 15,1 до 37,3 дес. Заметим, что в конце изучаемого периода в Краснослободском уезде доля сенокосов и пастбищ на сто десятин пашни составляла 19,7 дес., Наровчатском —25,3 дес., Саранском —35,4 дес. и Темниковском —37,3 десятины. Как видно, площади сенокосных и пастбищных угодий к середине XIX века несколько увеличились, но этого было недостаточно для улучшения кормовых ресурсов, для успешного развития скотоводства в Мордовии.

Выше мы установили, что за первую половину XIX столетия в Мордовии площадь пашни расширилась на 15%. Естественно, что с расширением пашни увеличивается также площадь, занимаемая посевами сельскохозяйственных культур. Об их росте мы можем судить лишь косвенно, по объему высеваемого зерна. Среднегодовой объем высеянного зерна в четырех уездах Пензенской губернии в 1802—1804 гг. составлял 731684 четверти, в 1819—1820 гг.—691303 четверти и в 1856—1857 гг. вместе с кар-

[1] Количество всей земельной площади в конце 50-х годов у каждого разряда крестьянства вычислено нами следующим образом. В работе А. Скребицкого (стр. 1494, 1508, 1516) по соответствующим уездам даются размеры всех земельных угодий на душу мужского пола государственных, удельных и помещичьих крестьян. Нам известно также количество мужского населения каждой группы крестьянства, отсюда нетрудно определить размеры землевладения отдельных категорий крестьян.

тофелем 819560 четвертей (без картофеля 770420 четвертей)[1]. Как видим, объем высеянного зерна в 1819—1820 гг. был ниже 1802—1804 гг. на 5,5%, а в 50-е годы — на 12% выше. В 50-е годы XIX века в указанных уездах три пятых посевов (61%) зерна и картофеля приходилось на долю казенных крестьян, около одной пятой (18%) — на долю помещиков и немногим более одной пятой (21%) — на долю помещичьих крестьян[2]. В отдельных уездах процент высеянного зерна на казенных землях колебался от 34,3% (Саранском) до 83,4% (Наровчатском), на помещичьих — от 6,8% (Наровчатском) до 35,8% (Саранском) и на землях помещичьих крестьян — от 9,8% (Наровчатском) до 29,9% (Саранском).

Чтобы правильно судить об удельном весе каждой культуры в общей массе посевов, нужно знать их площади. Но губернские отчеты и отчеты губернских статистических комитетов во многих случаях показывали объем высеянного зерна и урожай в четвертях и не давали сведений о количестве земли, занятой под посевами[3]. Поэтому исходя из норм высева, нами были определены площади, занятые каждой культурой. Нормы высева были различны. За 1803 год по Саранскому и за 1802 год по Инсарскому уездам по каждой культуре известны площади посевов, а также высев и сбор зерна. Это позволило установить нормы высева на одну десятину по каждой культуре. В Саранском уезде для ржи, пшеницы и ячменя они были равны 2 четвертям, овса, полбы и гречихи — 3 четвертям, гороха и семени конопляного — 1 четверти, семени льняного и проса — 0,5 четверти. В Инсарском уезде для овса норма высева была равна 4 четвертям, гречихи — 2 четвертям, а по другим культурам такая же, как и в Саранском уезде[4]. За 1820 и 1856 гг. число десятин вычислено по нормам высева Саранского уезда начала XIX века, что, конечно, снижает точность расчета.

Удельный вес каждой культуры и занимаемая ею площадь в общей площади посевов в начале XIX в., в 20-е годы и в конце изучаемого периода указаны в табл. 3. Посевные площади в

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 28, л. 23—24, 133—134; д. 82, л. 285—286, 292—293; д. 776, л. 9—10; д. 794, л.108—109; ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 60, 62, 63; д. 106, л. 36—37. Данные по Саранскому, Инсарскому, Краснослободскому и Наровчатскому уездам.

[2] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 62, 63. Проценты вычислены нами на основании посевов в четвертях.

[3] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 394, л. 21, 27, 33, 62; д. 405, л. 12, 16, 23, 50; д. 536, л. 19, 26, 33, 71; д. 776, л. 22, 30, 38, 79; д. 794, л. 15—16, 31, 74.

[4] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 56, л. 2, 5, 9, 10. Средний вес 1 четверти ржи равнялся 8,5 пуд ржаной муки — 8 пуд., овса — 6 пуд., полбы — 7 пуд., проса — 7 пуд., пшена — 8 пуд., гречихи — 5,5 пуд., и пшеницы — 8 пуд. (См. источники: ГАПО, ф. 5, оп. 1. Рапорта и ведомости городничих, уездных судов Пензенскому губернатору — д. 23, л. 21, 44, 50, 65; д. 58, л. 4, 8, 37 и др.; д. 25, л. 98, 101, 152, 203, 256—258).

уездах в течение первой половины XIX века увеличились. В Саранском уезде в 1803 году все посевы составляли 78544 десятины, в 1820 г. — 81388 дес. и в 1856 г. — 116408 дес., а с учетом парового поля в севообороте соответственно было 117816 дес.,

Таблица 3[1]

Динамика высеваемых культур за первую половину XIX века
(в десятинах и процентах)

Уезды и годы	Саранский		Инсарский	
	1803	1856	1802	1856
Всего посев. дес.	78544	116408	78260	83169
Из них в %% рожь	48,6	33,6	50,1	54,3
овес	12,85	42,7	22,2	41,7
гречиха	15,5		11,92	
пшеница	3,72	17,75	0,86	0,41
полба	8,23	—	5,6	—
горох	8,92		4,15	
просо	0,13		2,26	

122082 дес. и 174612 десятин пашни. Всех же пашенных земель в 50-е годы XIX века в уезде числилось 167 тысяч десятин. Таким образом, вся пашня с учетом пара находилась в севообороте. Свободных и залежных земель не было. В Инсарском уезде в 1802 году под посевами находилось также более 78 тысяч десятин, а с паровым полем — более 117 тыс. десятин. В 1856 году в уезде посевов было свыше 83 тысяч десятин и около 125 тысяч десятин с паром. Посевные площади за полстолетие увеличились примерно в такой же степени (на 6%), как и объем высеянного зерна и картофеля (на 4,1%). Всей пашни в 50-е годы в уезде было 173,5 тысячи десятин, т. е. на 48 тысяч десятин больше, чем пашни, находившейся в севообороте. В Краснослободском уезде посевные площади с 1820 по 1856 год увеличились на 30,5%, с учетом парового поля их было около 92 тысяч десятин. Объем же высеянного зерна увеличился на 26%. Но в уезде всей пашни было 216,5 тысячи десятин. Следовательно, более ста тысяч десятин пашенных угодий оставалось вне посевных площадей. Таким образом, в Инсарском и Краснослободском уездах в середине XIX века имелись свободные пашенные земли, не занятые посевами. Но эти земли нельзя полностью отнести к свободным, так как отчет губернского статистического комите-

[1] Таблица 3 составлена по источникам: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 56, л. 2, 4—5, 9—10; д. 794, л. 15—16; 30—31, 73—74; ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 58—60.

Примечание. По нормам высева вычислена нами площадь посева, занятая каждой культурой, после чего был определен в процентах удельный вес каждой культуры в общей посевной площади уезда.

та за 1856 год[1] показывал посевы не всех культур, а только ржи, овса, пшеницы, ячменя и картофеля. Естественно, что в этих уездах имелись посевы гречихи, проса, гороха, семени конопляного и льняного, и они составляли некоторую часть посевов. Безусловно, в Инсарском уезде с учетом посевов этих культур неиспользованной пашни, видимо, не оставалось, тем более, что перед отменой крепостного права уезд располагал самым мизерным душевым наделом (на одну душу мужского пола приходилось 2,2 десятины пашни). Поскольку обычно под рожью и овсом находилось до 65—70% посевных площадей, то остальные культуры занимали примерно 30—35% площади. Если в Краснослободском уезде посевов с учетом пара было около 92 тысяч десятин, то со всеми культурами их могло быть примерно 120 тысяч десятин. Следовательно, здесь в 50-е годы примерно 50—60 тысяч десятин пашенных угодий были свободны от посевов. Очевидно это были земли, отнесенные к пашенным угодьям, но еще не освоенные, только освободившиеся из-под леса, или залежные земли. В Наровчатском уезде с 1820 до 1856 года посевные площади по нашим данным уменьшились с 60819 до 51341 десятины. В 50-е годы вместе с паровым полем посевами было занято 77 тысяч десятин пашни. Это примерно на 38 тысяч десятин меньше, чем площадь всей пашни уезда в эти годы. Здесь также надо учитывать посевы других культур. Но и с учетом площадей, занятых всеми культурами, остаются резервные земли, неиспользованные под посевами.

Из таблицы 3 видно, что в рассматриваемых уездах в течение всего изучаемого периода высевались одни и те же культуры, т. е. рожь озимая, из яровых — овес, гречиха, полба, просо, пшеница, ячмень, горох, семя конопляное и семя льняное. С начала XIX века посевы чечевицы и мака показывались документами только в Наровчатском уезде. Посевы картофеля на территории Мордовии[2] отмечались документами с начала 20-х годов XIX века. В них указывалось, что «пособием к продовольствию крестьян служит картофель и другие огородные овощи». Но посевы картофеля были вначале незначительны. В документах говорили о нем только как «об огородной культуре». Позже картофель стал сажаться и на полях и с 40-х годов получил большее распространение.

Первые два десятилетия XIX века у всех категорий крестьянства основными культурами были рожь, овес, гречиха и полба[3]. Например, в начале XIX века в Инсарском уезде до 50% посевных площадей крестьян были заняты рожью. Немногим более одной пятой посевных площадей занимал овес (у удельных крестьян — 23,3%, помещичьих — 22,5% и государственных —

[1] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 58—60, 62, 63.
[2] ЦГА МАССР, ф. 29, оп. 1, д. 16, л. 5; ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1269, л. 20, 24, 28.
[3] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 56, л. 10.

21,6%). Таким образом, до 70—73% площадей посевов засевались рожью и овсом. Посевы гречихи были больше у помещичьих крестьян (14,2%), нежели у государственных (9,7%) и удельных (7%) крестьян. Полба более всего была распространена в удельных селениях (12,3%), чем в государственных (7,2%) и помещичьих (3,4%). За полбой по занимаемой площади шел горох. Государственные крестьяне его сеяли больше (4,52%), чем помещичьи (3,9%) и удельные (2,5%). Площади, занимаемые просом, у всех групп крестьян были не велики — от 2-х до 2,7%. Примерно такую же долю занимала и конопля. Пшеница крестьянами почти не сеялась. В помещичьих и удельных селениях ею была занята ничтожная часть посевных площадей (0,6% и 0,67%), среди государственных немного больше — 1,27%[1].

Итак, рожь и овес на протяжении всей первой половины XIX века оставались основными сельскохозяйственными культурами в Мордовии. Площади их посевов постоянно расширялись (с 61,4—72% в начале века до 76,3% и больше в 50-е годы XIX века). Немного увеличились посевы ячменя, конопли и льна, но они в общей посевной площади занимали незначительную долю. Пшеница занимала видное место в Саранском уезде (в 50-е годы — 17,75%), но в остальных уездах ее посевы сократились. Значительными были в начале века посевы гречихи, но занятые ею, а также полбой и горохом, площади сократились. Расширение площадей под рожью и овсом говорило о дальнейшем развитии специализации в зерновом хозяйстве на небольшом количестве серых хлебов. Развитие специализации на ограниченном количестве зерновых культур было прогрессивным явлением в период разложения и кризиса феодализма. Оно быстрее пробивало дорогу новым формам хозяйства и расшатывало крепостнические формы ее ведения.

Способы возделывания земли были в Мордовии стародавними. Всюду в течение изучаемого периода господствовала трехпольная система севооборота. На это указывали авторы «Военно-статистического описания Пензенской губернии»[2], М. Н. Хозиков — в «Статистическом описании Тамбовской губернии» (1849 год)[3] и говорил Сталь о 50-х годах Пензенской губернии[4].

Орудия земледелия оставались примитивными. Топографическое описание Пензенского наместничества 80-х годов XVIII века указывало, что в Саранском, Наровчатском, Троицком и Краснослободском уездах «все жители пашут сохами на ло-

[1] Посевы культур у отдельных разрядов крестьянства вычислены нами по ведомостям о посевах и урожаях хлебов: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 56, л. 2, 10.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18915, л. 65.
[3] Журнал Министерства госимущества, 1849, ч. 32, № 8, стр. 153.
[4] Сталь. Ук. работа, ч. II, стр. 351.

шадях»[1]. О 50-х годах XIX века Сталь писал, что земля обрабатывалась плохими сохами[2] и «улучшенных земледельческих орудий между крестьянами никаких не было», за исключением бороны с железными зубьями[3]. Земли почти не удабривались. Так, об уездах Пензенской губернии в конце XVIII века говорилось, что «жители ... земли свои ничем не удабривали», за исключением Краснослободского уезда, где навоз вносили на песчаные земли[4]. О применении удобрений в 50-е годы XIX века лишь в том же Краснослободском уезде, и то только в мордовских селениях, упоминал в своей работе Сталь[5].

Одним из основных показателей состояния земледельческого производства является урожайность озимых и яровых культур. Для анализа урожайности озимых и яровых культур в течение первой половины XIX века мы берем Саранский, Инсарский, Краснослободский и Наровчатский уезды, как наиболее характерные для всей Мордовии. На этой территории встречались районы с черноземными почвами (Саранский уезд) и худшими почвами и значительной лесистостью (Краснослободский уезд).

Урожайность озимых и яровых культур в отдельные периоды можно проследить из данных таблицы 4. Средний урожай озимых по четырем уездам за 1782 год[6] составлял сам —4,66, яровых — 5,22 и общий — 4,94. В Наровчатском уезде урожайность как озимых, так и яровых была сам —6. Наивысший урожай удался в Инсарском уезде (озимых — сам —8,6; яровых — 7,3). Хотя по одному году нельзя судить о высоте урожайности за определенный отрезок времени, однако в первой половине XIX века за указанные годы в таблице урожай хлебов ни разу не достигал таких размеров, как в 1782 году. За 1802—1809 гг. средний урожай озимых был 4,67, яровых — 3,49 и общий сам — 4,08. В Пензенской губернии средний урожай за 1802—1811 гг. равнялся сам —3,5, а по России —3,1[7]. В Наровчатском уезде за это время общий урожай был выше (сам — 4,37), нежели в остальных. Самый низкий урожай был в Инсарском уезде (сам — 3,7). По всем уездам урожаи озимых намного превышали урожаи яровых. В 1811—1815 гг. урожайность продолжает снижаться. Озимые дали урожай сам — 4,34 и составили 92,8% среднего урожая озимых предыдущего периода. Средняя же урожайность яровых была сам — 2,57, или 73,6% от 1802—

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18911, л. 18.
[2] Сталь Ук. работа, ч. I, стр. 395.
[3] Он же, Ук. работа, ч. II, стр. 351.
[4] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18911, л. 17, 18, 34, 38, 42.
[5] Он же, Ук. работа, ч. II, стр. 351.
[6] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18911, л. 17, 34, 38, 42, 46, 65. «Сам» — единица измерения урожайности хлебов в первой половине XIX века, показывающий сколько раз урожай больше того, что было высеяно.
[7] И. Д. Ковальченко. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX века. Журнал «История СССР». 1959, № 1, стр. 68, 70.

1809 гг., общая — 3,45, или 84,5%. В уездах колебание урожая ржи отмечается от 5,97 (Инсарский) до 3,42 (Саранский), яровых — от 3,76 (Наровчатский) до 1,96 (Саранский), общего —

Таблица 4[1]

Динамика урожайности озимых и яровых культур (в «самах»)

Уезды \ Годы	1802—1809			1845—1857 (без 1846, 1852 и 1855)		
	озимые	яровые	всего	озимые	яровые	всего
Саранский	4,51	3,37	3,94	3,92	3,4	3,66
Инсарский	4,18	3,23	3,7	4,6	3,79	4,4
Краснослободский	5,35	3,29	4,32	3,25	4,76	4,0
Наровчатский	4,88	4,06	4,37	3,64	2,45	3,05
Средний по 4-м уездам:	4,67	3,49	4,08	3,85	3,6	3,72

от 4,07 до сам — 2,7. В целом общий урожай озимых и яровых по четырем уездам за 1811—1820 гг. (без трехлетия 1816—1818) составил сам —3,91, т. е. был выше, чем в Центральном черноземном районе (3,1) и в Среднем Поволжье (2,5)[2].

В 20-е годы XIX века в Мордовии происходит резкое падение урожая озимых (сам — 3,42). В это время он был еще ниже, чем в первом и во втором десятилетиях XIX века и составил 78,6% по отношению к 1811—1815 гг. и 73,1% по отношению к началу века. Урожай же яровых в 20-е годы по сравнению с первой половиной второго десятилетия, наоборот, повысился (на 31%) и почти достиг уровня первого десятилетия XIX века (96,7%). Общий урожай 20-х годов (сам — 3,4) равнялся 98,5% 1811—1815 гг. и 83,2% уровня 1802—1809 гг. В 20-е годы самые плохие урожаи были в Саранском уезде (озимых — сам — 2,63, яровых — 2,27). Так, в 1821 г. урожай озимых в Саранском уезде составил всего лишь сам — 1, а яровых — 1,81, в 1822 г. яровые также дали урожай только сам —2,2[3]. В 20-е годы неурожаи повторялись и в других уездах. Например, в Краснослободском уезде в 1826 г. озимые погибли от засухи, а от яровых в Саранском и Инсарском уездах получили только одни семена[4].

[1] Таблица 4 составлена на основании ведомостей о посевах и урожаях: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 28, 82, 144, 298, 322, 343, 394, 405, 451, 503, 536, 776, 794, 881, 1585, 2739, 2870, 2913, 3077, ф. 9, оп. 1, д. 104, 106. Рукописный фонд МНИИЯЛИ, И — 415, Статистика землевладения и землепользования в XIX веке в Мордовии (взяты 1847—1848 гг.), л. 48.
[2] И. Д. Ковальченко. Ук. статья, История СССР, 1959, № 1, стр. 69.
[3] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 881, л. 17—18; д. 967, л. 15, 18.
[4] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1269, л. 20, 28.

За 1834 г. об урожайности яровых культур имеются сведения только по одному Саранскому уезду. Между прочим, он был неплохим (сам — 8). Урожаи ржи были неважными (сам — 2), за исключением Инсарского уезда (сам —4). В общей сложности урожай ржи был еще хуже, чем в 20-е годы XIX века[1]. Урожай хлебов в 1837 г. был несколько выше, чем в 20-е годы XIX века[2]. Но по сравнению с 1802—1809 гг. озимые в урожае уменьшились на 10,2%.

Во второй половине 40-х — в 50-е годы по сравнению с 20-ми годами наблюдается небольшое повышение урожайности озимой ржи. Однако её высота (сам —3,85) не доходит до уровня 1802—1809 гг. на 17,6%. Урожай яровых (сам — 3,6) в сравнении с 20-ми годами немного повышается и остается примерно на одинаковом уровне с началом века. Общий же урожай (сам— 3,72) во второй половине 40-х — в 50-е годы был ниже начала века на 8,9%.

Урожайность в 50-х годах по Центральному черноземному району была ниже начала XIX века на 18%, а по России — на 6,0%[3].

По четырем уездам Мордовии средний урожай картофеля равнялся в 1856 г. сам — 5,62. Наибольший урожай его выдался в Саранском (сам —6,77) и Инсарском (7,65) уездах[4].

В 1851—1860 гг. в Пензенской губернии он составлял сам — 4, по Средне-Волжскому району —4,1[5].

Итак, из анализа урожайности следует, что на всем протяжении изучаемого периода урожаи озимых были более устойчивы и всегда превышали урожайность яровых, за исключением двух случаев (1782 и 1847—1848 гг.). Урожайность озимых снижается до конца 20-х годов. В 40—50-е годы она немного возрастает, но не достигает уровня первого тридцатилетия XIX века (93,1%). Урожай яровых резко сокращается до середины второго десятилетия, а в 20—50-е годы незначительно повышается. В общем урожайность озимых и яровых культур до 30-х годов XIX века имела тенденцию к снижению, а с 30-х годов — к медленному повышению. Однако она за 40-е — 50-е годы остается ниже любого периода в первом 30-летии XIX века.

Чтобы выявить изменения урожайности каждой культуры в отдельности, приводим таблицу 5.

В течение всего изучаемого времени самыми урожайными культурами были рожь и овес, затем шли гречиха и просо. Более высокими были урожаи ржи в Саранском и Инсарском уездах. Из яровых самые устойчивые урожаи давал овес. Средние урожаи его были выше, чем ржи. Они колебались в пределах от

[1] ГАПО. ф. 5, оп. 1, д. 1986, л. 28.
[2] ГАПО. ф. 9, оп. 1, д. 13, л. 59, 67—68, 103, 172—173.
[3] И. Д. Ковальченко. Ук. статья, история СССР, 1959, № 1, стр. 70.
[4] ГАПО. ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 60, 62, 63.
[5] И. Д. Ковальченко. Ук. статья, история СССР, 1959, № 1, стр. 85.

Таблица 5[1]

Динамика урожайности по культурам (в «самах»)

Уезды, годы \ Культуры	Рожь	Овёс	Гречиха	Полба	Пшеница	Горох	Просо
Саранский							
1811—1820 (5 лет)	3,2	2,4	2,4	2,0	1,8	1,5	1,6
1847—1856 (4 года)	4,3	3,6	—	—	1,6	—	—
Средняя	3,85	3,0	—	—	1,7	—	—
Инсарский							
1800—1802	2,0	2,3	1,25	1,97	1,5	1,27	2,5
1811—1820 (6 лет)	4,0	2,75	1,94	1,66	2,17	1,8	2,44
1847—1856 (4 года)	4,1	3,16	2,0	—	2,3	2,1	2,0
Средняя	3,36	2,75	1,75	1,82	2,0	1,72	2,3

сам — 3,9 (Наровчатский уезд) до — 3,3 (Краснослободский уезд). Самый высокий урожай овса отмечается в Инсарском (сам — 9) и Наровчатском (сам — 10) уездах в 1782 году и в Саранском (сам — 9) в 1834 г. В конце XVIII — начале XIX века хорошо родилась гречиха. Однако уже со второго десятилетия XIX века урожаи её падают. Так, например, в Инсарском уезде за 1800—1802 гг. они составили сам —1,25, во втором десятилетии — 1,94 и в конце 40-х и середине 50-х годов — 2,0. Очевидно, причиной уменьшения посева гречихи являлось падение её урожаев. В Саранском уезде неплохие урожаи давало просо. В конце XVIII века в большинстве уездов хорошо родились семя конопляное и льняное (сам — 4—6). Но впоследствии урожаи их снижаются. Повсеместно низки были урожаи пшеницы. Урожай картофеля в 50-е годы XIX века колебался от сам — 3,1 (Наровчатском) до 5,88 (Инсарском) уездах.

По таблице 5 можно выявить число малоурожайных и неурожайных лет. Общее число неурожайных и малоурожайных годов по указанным источникам составило 14 лет. Более полная картина неурожаев рисуется данными Словцова[2]. В губерниях, уезды

[1] Таблица 5 составлена по источникам табл. 3 (1802, 1820 и 1856 гг.) Дополнительные источники: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 23, 394, 405, 451, 536, 776, 794. Рукописный фонд МНИИЯЛИ, И — 415, Статистика землевладения и землепользования XIX века, Л. 48 (1847—1848 гг.). Г. Г. Данилов. Ук. работа, стр. 60. (1854 г.). Пересчет в «самы» произведен нами.

[2] Словцов. Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России. См.: Сборник статистических сведений о России, издаваемых статотделением императорского русского географического общества, книжка III, СПб, 1858, стр. 471, 472, 473.

которых вошли в состав Мордовии, за 56 лет (1800—1856 гг.) 23 раза повторялись малоурожайные и неурожайные годы. В среднем через каждые 2,4 года был один малоурожайный год. Из 23-х малоурожайных и неурожайных лет 8 приходилось на первое 20-летие XIX века, а 15 — на последующие 36 лет.

Чтобы более правильно судить об общем уровне развития земледелия в Мордовии в первой половине XIX века, недостаточно одного анализа размеров посевных площадей, соотношения культур и их урожайности. Для этого необходимо выявить размеры чистых сборов хлебов в расчете на душу населения обоего пола, ибо они наиболее полно отражают и общий уровень развития земледелия и высоту производительности труда в этой отрасли. Данные о размерах чистых сборов хлебов на душу населения указаны в табл. 6.

Прежде чем говорить о чистом сборе хлебов на душу населения обоего пола, нужно дать объяснение методике обработки данных по населению. Население обоего пола по уездам за 1819—1820, 1826, 1828—1829, 1837 и 1856—1857 гг вычислено нами. Нам известно общее население уездов по 7-й (1816 г.), 8-й (1834 г.), 9-й (1851 г.) и 10-й (1858 г.) ревизиям. Вычислив среднегодовой процент приращения населения с 1816 по 1834 и с 1851 по 1858 гг., определялась численность населения по всем уездам за годы, по которым отсутствовали данные о населении.

Чистые сборы хлебов за вычетом посевов установлены на основании данных о посевах и урожаях озимых и яровых в четвертях. Таким образом, чистые сборы хлебов включают все культуры (озимые, яровые и технические). Они в течение первой половины XIX века в целом по территории четырех уездов были далеко неодинаковыми.

За трехлетие (1802—1804 гг.) среднегодовой чистый сбор хлеба на одну душу обоего пола составил 6,41 четверти. В это время по Пензенской губернии он равнялся —6,85 чет., а в 1802—1811 гг.— 5,33 чет. По уездам сборы колебались от 5,78 (Наровчатском) до 7,43 четверти (Саранском). В первой половине второго десятилетия (1811—1815 гг.) сборы хлебов на душу населения намного уменьшились (до 72,6% от 1802—1804 гг.). По Пензенской губернии в целом они составляли 5,55 четверти. Таким образом, в первые 20 лет XIX века чистые сборы хлебов по губернии были выше, чем в уездах, вошедших в Мордовию. В 1819—1820 гг. сборы хлебов на душу населения возросли (6,62 четверти) и даже несколько превысили уровень начала XIX в. В конце 20-х годов чистые сборы хлебов на душу снова уменьшились (4,75 четверти) и составили лишь 71,8% уровня 1819—1820 гг. и 74,1% по сравнению с началом века. В дальнейшем происходило сокращение чистых сборов хлебов на душу населения. В середине 50-х годов XIX века они равнялись 4,02 четвертям. В Пензенской губернии в целом в 50-х годах чистые сборы составляли 4,04 четверти.

Таблица 6[1]

Чистый сбор хлебов на душу населения об. пола (в четвертях)

Годы \ Уезды	Саранский	Инсарский	Краснослободский	Наровчатский	Средний по 4-м уездам	Процент к 1802—1804 гг.
1802—1804	7,43	6,57	5,88	5,78	6,41	
1811—1815	2,65	8,6	2,32	5,55	4,66	72,6
1819—1820	3,1	16,35	2,12	4,94	6,62	103,2
1826, 1828—1829	3,96	7,97	4,87	2,22	4,75	74,1
1837	4,8	7,83	1,92	6,43	5,24	81,6
1847—1848	5,67	4,72	3,16	—	4,51	70,4
1856—1857	8,7	2,92	1,83	2,66	4,02	62,7
1802—1820	4,39	10,5	3,44	5,42	5,89	
1826—1857	5,78	5,86	2,94	3,77	4,63	78,6

Таким образом, общая линия движения была такова, что чистые сборы хлебов в предреформенные десятилетия сократились сравнительно с началом века. Так, в среднем в первое двадцатилетие XIX века они составили по 5.89 четверти на душу обоего пола, в 20—50-е годы — 4,63 четверти, т. е. только 78,6% уровня первого двадцатилетия.

Большую пестроту по чистым сборам хлебов наблюдаем в отдельных уездах. Во всех из них за полстолетие имелись колебания в размерах собранного хлеба. Самые высокие сборы были в Инсарском уезде (от 2, 92 до 16,35 четверти), на втором месте стоял Саранский (от 2,65 до 8,7 четверти) и на последнем Краснослободский уезд (от 1,83 до 5,88 четверти), в котором были самые низкие сборы хлебов на душу населения. В трех уездах из четырех наблюдаем ту же закономерность снижения чистых сборов хлебов во второй период, что и в целом по территории четырех уездов.

Самые высокие сборы картофеля на душу населения в 50-е годы были в Саранском уезде (0,57 четверти), самые низкие (0,18 четверти) — в Краснослободском. Средние сборы по четырем уездам равнялись 0,4 четверти. В Пензенской губернии в целом они составляли в 1851—1860 гг.—0,19 четверти[2], т. е. были намного ниже, чем в уездах, вошедших в Мордовию.

---

[1] Таблица 6 составлена по источникам таблицы 1 (общее население в указанных уездах за 1858 г.) и 4 (сборы хлебов). Кроме того, по населению использованы следующие документы: ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 491, л. 346—348, 381—382 (для 1819—1820, 1826, 1828—1829 гг.); ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 45—46, 84 (для 1837 г. население за 1836 г.). П. Кеппен. Ук. работа, стр. 101, 124, 136 (за 1851 г.).

[2] И. Д. Ковальченко. Ук. статья. История СССР, 1959, № 1, стр. 73

В течение первой половины XIX века в ведомостях о посевах и урожаях можно найти сведения о товарных излишках и недостатках хлебов. Они вычислялись путем вычитания из урожаев хлеба нужного на посев и продовольствие. В литературных источниках годовые расходы хлеба «в расчете на одного человека (вместе с расходом на корм скоту)» определяются в размере 3 четвертей[1]. В исследуемых уездах за 1802—1804 гг. годовое производство хлеба на человека было выше — 6 четвертей (3 чет. озимых и 3 чет. яровых), за 1811—1815 гг. в трех уездах (Саранском, Инсарском, Краснослободском) — 4 четверти (2 чет. озимых и 2 чет. яровых), в одном (Наровчатском) — 4,6 четверти, за 1819—1820 гг. в Саранском уезде — 3,6 четверти, в Инсарском — 4 четверти, Краснослободском — 2 четверти и Наровчатском уезде — 3 четверти. За 1856—1857 гг. товарные излишки вычислены нами по литературным источникам, исходя из 3-х четвертной нормы потребления. Данные годового расхода хлеба говорят о том, что в первые двадцать лет уровень зернового хозяйства был намного выше, чем в 50-е годы XIX века.

Результаты о товарных остатках хлеба за первую половину XIX века можно увидеть из таблицы 7. Товарные излишки хлеба в целом по четырем уездам в первые двадцать лет росли. В 1802—1804 гг. они составили 167467 четвертей, в 1811—1815 гг.— 492392 четверти (294% к остатку 1802—1804 гг.) и в 1819—1820 гг.— 1402169 четвертей (284% к остатку 1811—1815 гг.). За 30—50-е годы XIX века по многим источникам отсутствуют данные о товарных излишках. За 1856—1857 гг. они составили 816567 четвертей. Остатки хлеба за 50-е годы были меньше конца второго десятилетия.

Таблица 7[1]

Товарные излишки и недостатки хлеба за первую половину XIX века
(в четвертях) (Первая строка излишек хлеба и его % к урожаю, вторая — недостаток хлеба и его % к урожаю)

Уезды / Годы	Саранский		Инсарский		Краснослободский	
	тыс. чет.	%	тыс. чет.	%	тыс. чет.	%
1802—1804	119,7	14,2	47,7	6,94	—	—
	—	—	—	—	11,1	1,84
1811—1815	—	—	429,8	37,0	—	—
	98,8	22,9	—	—	143,1	40,6
1819—1820	—	—	1231,9	63,0	29,8	15,2
	48,7	10,1	—	—	—	—
1856—1857	747,0	53,3	67,6	10,6	—	—
	—	—	—	—	127,1	29,4
Среднегодовой % за пер. пол. XIX века		8,7		29,38		—
		—		—		14,16

[1] И. А. Булыгин. Ук. работа, стр. 48.
[2] Таблица 7 составлена на основании тех же источников, что и таблица 4.

Инсарский уезд за анализируемые годы в первой половине XIX века по среднегодовому остатку товарного хлеба стоял на первом месте (29,38%), Наровчатский — на втором (10,85%) и Саранский — на третьем (8,7%). В Краснослободском же уезде, наоборот, за исключением одного случая, хлеба всегда не хватало даже на удовлетворение внутренних нужд. Так, среднегодовой недостаток хлеба за полвека в уезде равнялся 14,16%. За 1826 и 1829 гг. в ведомостях о посевах и урожаях хлебов утверждается, что «по недостатку земли крестьяне производят хлеб в ограниченном количестве и довольствуются им покупкою из других губерний»[1]. Недостаток хлеба в отдельные годы по некоторым культурам имел место также и в других уездах. В 1826 г. отмечалось, что в Инсарском и Наровчатском уездах «производили ограниченное хлебопашество» и в неурожайные годы часть хлеба «заимствовали из других уездов» или покупали с торга, привозимый на продажу из разных городов[2]. В Саранском же уезде «всегда производилось порядочное хлебопашество и в малоурожайные годы хлеба не заимствовали из других уездов и недостатка в оном не предвидели»[3].

Нам удалось собрать сведения о ценах на хлеб по отдельным периодам первой половины XIX века почти по всем уездам, вошедшим в Мордовию (таблица 8). Большинство источников не указывает среднегодовых цен по уездам. Сначала нами по месячным или по сезонным ценам были выведены среднегодовые цены в отдельных населенных пунктах и уездных центрах. На основе же среднегодовых цен сел, деревень и уездных городов выводились годовые цены по уездам. Например, в Краснослободском уезде цены давались по волостям за каждый год. Волостные цены нами сводились в уездные, а годовые уездные — по пятилетиям.

Для правильного суждения о движении хлебных цен в первой половине XIX века необходимо было выяснить курс рубля за данный период. Дело в том, что до 1839 года цены выражались в ассигнационных рублях, а после стала вводиться серебряная монета. Поэтому ценность ассигнационного рубля в переводе на серебро до денежной реформы, т. е. до 1839 года, очень

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1269, л. 28.
[2] Там же, л. 24, 48.
[3] Там же, л. 20.

Таблица 8[1]

Движение цен на сельхозпродукты в Мордовии в первой половине XIX века (в руб. сереб.)

Сельхозпродукты \ Уезды, годы	Краснослободский		Инсарский		Саранский	
	1801—1803	1851, 1855	1801—1803	1844, 1847—1855	1802—1803	1851, 1852, 1857
Рожь, четверть	2—45	1—82	2—08	1—53	2—23	1—65
Ржаная мука, — " —	2—73	—	—	—	1—87	2—22
Пшеница "	4—63	4—14	4—41	3—82	4—00	—
Овёс "	1—18	1—40	0—91	1—23	1—19	1—66
Гречиха "	—	1—66	0—82	1—35	—	—
Греч. крупа "	3—81	2—87	4—82	2—85	3—82	3—07
Полба "	1—49	—	1—15	1—96	—	—
Просо "	2—28	—	2—01	—	—	—
Пшено "	4—85	3—45	—	4—75	—	—

сильно колебалась[2]. Исходя из этого, по всем уездам цены на хлеб в ассигнационных рублях за 1801—1803 гг. переводились нами в цены на серебро. Только после этого можно было говорить о движении хлебных цен за изучаемый период.

Цены в уездах складывались различно. Общей тенденцией являлось то, что по всем культурам (за исключением овса), по которым имеются сведения за начальный и конечный периоды, цены на хлеб постепенно падали. В 50-х годах XIX века они были ниже, чем в начале века и в то же время ниже цен 40-х годов.

Это можно проследить на ряде культур и в нескольких уездах. Так, четверть ржи — основной продовольственной культуры — в Краснослободском уезде в 1801—1803 гг. в среднем стоила 2 руб. 45 коп. в переводе на серебро, в 40-е годы — 1 руб. 83 коп. и в 1851—1855 гг.—1 руб. 82 коп., или 74,2% цены начала века. В Саранском уезде за соответствующие периоды цены равнялись 2 руб. 23 коп., 2 руб. 05 коп. и 1 руб. 65 коп., или 74% к 1802—1803 гг., в Наровчатском—2 руб. 05 коп., 2 руб.

[1] Таблица 8 составлена по сведениям ходдокументов и литературных источников: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 18, 19, 23, 25, 28, 58, 2696; ф. 8, оп. 1, д. 57, л. 15—132.

Военно-статистическое обозрение Симбирской губернии, т. V, СПб, 1853, стр. 77; «Симбирские губернские ведомости», 1858, № 4; Сталь. Ук. работа, ч. 1, стр. 411—420, 424—426; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства госимущества. СПб, 1859, вып. II, стр. 215—218.

[2] И. И. Игнатович. Крестьянское движение в России. Соцэктиз, М., 1963, стр. 29 (см. П. А. Никольский Бумажные деньги в России. Казань, 1892).

08 коп. и 1 руб. 70 коп., или 82,9% к ценам 1803 года и в Инсарском уезде за 1801, 1803 гг.— 2 руб. 08 коп. и за 1847—1855 гг.—1 руб. 53 коп., т. е. 73,5% цены начального периода. Характерным является то, что почти во всех уездах снижение цен происходит примерно на 25%.

В то же время наблюдаем колебание цен за небольшой промежуток времени или в пределах 1 года и по уездам, но только в меньшей степени, чем за полстолетие. Так, в начале и конце первой половины XIX века самые низкие цены на рожь были в Инсарском, а самые высокие в Краснослободском уездах. Высокие цены на рожь в Краснослободском уезде объясняются, как было показано выше, низкими и частыми неурожаями из-за плохого качества земель. Здесь также наблюдаются более высокие цены на ржаную муку, пшеницу, полбу, просо и пшено. По сравнению с другими уездами, самые низкие цены на пшеницу были в Саранском уезде, который выделялся наибольшими ее посевами. Но в других уездах цены на пшеницу были высокими. В течение всего изучаемого периода наиболее высокими были также цены на гречневую крупу и пшено.

Выше были указаны товарные остатки хлеба по озимым и яровым культурам в целом. Из-за отсутствия сведений об остатках хлебов по каждой культуре мы не можем судить о степени их товарности. Но, по всей вероятности, постоянные высокие цены на пшеницу, крупу и пшено заставляли владельцев больше выбрасывать на рынок именно эти хлеба. Колебания цен в течение года объяснялись сезонными изменениями. Примерно с июля цены на хлеб начинали падать. В сентябре-октябре наблюдались самые низкие цены. В дальнейшем происходило постепенное их повышение и в конце зимы, и в начале весны (февраль, март, апрель) цены становились наибольшими.

Итак, цены на все культуры, кроме овса, к 50-м годам стали ниже, чем в начале века. Наоборот, цены на овес во всех уездах повысились. Очень важным является выяснение причин снижения цен на хлеб. Выше мы пришли к выводу, что наибольшие товарные излишки хлеба были в конце второго десятилетия. Они во многом зависели от высоты урожайности. В середине 50-х годов XIX века остатки хлеба были ниже конца второго десятилетия, но выше, чем в начале века. Эти излишки не всегда находили сбыт на рынке. Так, в 1856 году в четырех уездах (Саранском, Инсарском, Краснослободском и Наровчатском) оставшегося хлеба было примерно 478 тыс. четвертей (исходя из 3-х четвертной нормы потребления на одну душу обоего пола и корм скоту), но из него реализовано на рынках было только 256,5 тысячи четвертей, или 53,5% ,т. е. немногим больше половины оставшегося хлеба. Из проданного хлеба внутри Мордовии было реализовано лишь 45,0% (около 115 тысяч чет. ржи на винокуренные заводы), в другие же губернии было вывезено более 55% (141 тыс. чет., в том числе 81185 чет. ржи, 60 тысяч

чет. овса и 500 чет. картофеля). Кроме того, из Инсарского уезда в другие губернии отправили 15627 пудов пеньки[1]. Из этого можно сделать вывод, что оставшийся хлеб часто не находил спроса и сбыта. Это происходило потому, что Мордовия далеко была расположена от основных торговых центров, а пути сообщения и тягловая сила были плохи для того, чтобы в массовом количестве вывозить хлеб на отдаленные рынки. Спрос же на местных рынках был невелик из-за незначительности городского населения, которое к тому же росло медленно. Кроме того, Мордовия сама была земледельческим районом. Так, например, «Пензенские губернские ведомости» отмечали, что в XVIII — первой половине XIX века «...отсутствие удобных и дешевых путей сообщения не давало пензенскому хлебу возможности конкурировать по своей цене с хлебом соседних губерний, также хлебородных, но снабженных судоходными реками...»[2]

Вероятно, поэтому цены на хлеб в Мордовии перед отменой крепостного права были ниже цен конца XVIII—начала XIX века. Низкие цены, резкие их колебания пагубно влияли на сельское хозяйство губерний (Симбирская, Пензенская, Тамбовская и другие), которые производили хлеб на сбыт[3].

Повышение цен на овес объясняется тем, что на него, как на основную фуражную культуру для скота, особенно для лошадей, было больше спроса. Об этом свидетельствовали закупки хлеба муромскими крестьянами, которых приезжало в северные уезды Пензенской и Тамбовской губерний на 500—800 подводах до 20 тыс. человек. Ими закупалось много овса. Они «занимались этим оборотом только для прокорма лошадей»[4].

Наряду с земледелием в Мордовии развивалось и скотоводство. Но оно не имело значения как самостоятельная отрасль сельского хозяйства, каким было хлебопашество. О состоянии скотоводства в Мордовии в изучаемый период можно судить по данным 40-х и 50-х годов XIX века[5]. По уездам Пензенской губернии[6] мы располагаем данными о количестве скота за 1842—1844, 1848, 1850, 1856 и 1858—1860 гг. Количество скота на 100 человек населения обоего пола показывает, что за двадцатилетие в уездах Пензенской губернии состояние скотоводства ухудшилось. Так, например, в первой половине 40-х годов на 100 чел.

[1] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 104, л. 58, 59, 60. Проценты вычислены нами.
[2] «Пензенские губернские ведомости», 1874, № 93.
[3] В. И. Пичета. История народного хозяйства в России XIX—XX вв., М., 1923, стр. 107.
[4] Сталь. Ук. работа, ч. II, стр. 125.
[5] Все данные о количестве скота за 40-е и 50-е годы XIX века вычислены нами на основании источников: ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2621, 2622, 2658, 2696, 2911; ф. 9, оп. 1, д. 104, 109, 113, 119. Сталь. Ук. работа, ч. I, стр. 479, 481. Источники по населению: П. Кеппен. Ук. работа, стр. 101, 124, 156 и табл. 1. Население за 1842—1844, 1848, 1850 гг. вычислено по населению 1842 (см. ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2622, л. 135) и 1851 гг.
[6] Саранский, Инсарский, Краснослободский и Наровчатский уезды.

населения обоего пола скота в переводе на крупный без лошадей было 35,75 головы, к концу 40-х годов — 15,85 головы, т. е. наблюдается уменьшение почти в два с половиной раза. Во второй половине 50-х годов замечается некоторое повышение количества скота на 100 человек до 23,45 головы. Однако уровень 50-х годов все равно остается в полтора раза меньше уровня начала 40-х годов. Всего крупного скота в конце 50-х годов также было в полтора раза меньше, чем в начале 40-х годов. Количество лошадей в расчете на 100 человек населения в целом по 4-м уездам к концу 40-х годов тоже уменьшается (с 35,5 до 23,6 головы), а в дальнейшем же остается примерно на одинаковом уровне с 40-ми годами (перед отменой крепостного права — 24,0 головы). Подобную же картину видим и по количеству крупного рогатого скота (за соответствующие периоды 28,4; 13,1 и 15,4 головы). Число овец и свиней на 100 человек населения (соответственно в начале 40-х годов 58,72 и 13,31 головы) сначала резко сокращается (в 1848, 1850 годах — 22,32 и 4,76 головы), а к концу 50-х годов значительно возрастает (61,1 и 18,1 головы).

В отдельных уездах скотоводство было развито далеко не в одинаковой степени. Большое сокращение всего скота в расчете на 100 человек населения произошло в Саранском уезде (со 113,4 в начале 40-х до 32,6 головы в конце 50-х годов). В Краснослободском и Наровчатском уездах в расчете на 100 человек населения происходило повышение поголовья скота как в переводе на крупный скот без лошадей, так и с учетом лошадей. В Инсарском уезде за те же годы на 100 человек населения наблюдается понижение поголовья скота. Так, в переводе на крупный скот без лошадей уменьшение составляло с 31,1 до 13,7 и с учетом лошадей — с 62,5 до 42,2 головы.

Сталь в работе «Материалы для географии и статистики Пензенской губернии» говорил, что за 1848—1866 гг. по всей губернии первое место по развитию скотоводства принадлежало Инсарскому уезду, где число скота увеличилось почти на 271 тыс. голов, в том числе крупного рогатого скота — на 40 тысяч. За Инсарским уездом следовал Краснослободский, где рост составлял 201 тысячу голов. Однако по нашим результатам, полученным на основании архивных источников в фонде канцелярии губернатора, за такой же восемнадцатилетний период (только не с 1848 по 1866 гг., а с 1842 по 1860 гг.) в Инсарском уезде происходило не увеличение абсолютного количества скота, а его уменьшение со 137784 до 119514 голов. Одной из главных причин уменьшения поголовья скота в уезде являлась недостаточная кормовая база уезда, площади сенокосов и пастбищ которого к 50-м годам XIX века по сравнению с концом XVIII столетия сократились (с 23 до 15,1 дес. на 100 дес. пашни), и они составляли всего лишь 6,4% от всей земельной площади уезда (см. табл. 2). Другой причиной является,

как ниже увидим, распространение различных заразных болезней среди скота.

По количеству скота на 100 человек населения в целом по семи изучаемым уездам с конца 40-х до конца 50-х годов XIX века число лошадей увеличилось с 25,5 до 26,7 головы, овец — с 42,4 до 60,7, свиней — с 11,2 до 160 голов. Крупный рогатый скот уменьшился с 18,7 до 18 голов. Общее количество скота в переводе на крупный без лошадей не изменилось (24,3 и 24,4 головы), а с учетом лошадей несколько возросло (с 49,8 до 51,1 головы). Таким образом, в Мордовии в 40-е и 50-е годы XIX века на 100 человек населения скота приходилось меньше, чем, например, в соседних губерниях (Рязанской и Тамбовской). Количество крупного рогатого скота в расчете на 100 чел. населения в Мордовии было почти в два раза ниже, чем по Европейской России в целом[1]. Однако число лошадей и овец было больше, чем по Европейской России. Но по обеспеченности всеми видами скота (в переводе на крупный) Мордовия стояла ниже Европейской России. В ней на 100 человек населения приходилось 51,1 головы против 68,7 головы по Европейской России[2].

Конечно, устойчивое сохранение поголовья лошадей в Мордовии, прежде всего, объясняется земледельческим характером района. Поэтому в силу низкого уровня сельского хозяйства, особенно отсутствия техники, лошадь являлась основной тягловой силой в земледелии. В конце 40-х годов по числу лошадей ведущее место принадлежало Краснослободскому уезду (31,1 головы на 100 человек населения), за ним шли Спасский (30,2)[3], затем Ардатовский (29,6)[4]. Перед отменой крепостного права по числу лошадей выделялись Темниковский (43,6 головы)[5], Краснослободский — (29,6) и Инсарский (28,5) уезды.

В конце 40-х годов XIX века самое большое число крупного рогатого скота (27,9 головы) и овец (97,1 головы) на 100 человек населения было в Ардатовском уезде. В конце 50-х годов XIX века количество крупного рогатого скота выше 22,6 головы (Наровчатский уезд) не поднимается. По численности овец Саранский уезд стоял на первом месте (92,2 головы), потом шли

[1] И. Д. Ковальченко. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний. М., 1959, стр. 45, 46.

[2] Там же. По Европейской России лошадей на 100 человек 25,4, овец — 52,8 головы.

[3] Военно-статистическое обозрение Тамбовской губернии, т. 13, ч. 1, СПб, 1851, стр. 68. Население за 1843—1846 гг. вычислено по среднегодовому приросту населения между 1828 (см ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 5, д. 18415, л. 26, 27, 28) и 1851 гг. (П. Кеппен. Ук. работа, стр. 101, 124, 136).

[4] Военно-статистическое обозрение Симбирской губ., т. V, ч. 2, СПб, 1853, стр. 81. Население за 1850 г. вычислено путем вычитания от населения за 1851 г. (см. П. Кеппен. Ук. работа) среднегодового прироста населения между 9-ой и 10-ой ревизиями.

[5] ГАТО, ф. 63, оп. 1, д. 5, л. 27. Население за 1860 г. вычислено сложением среднегодового приращения к населению 1858 г.

Темниковский (83,2)[1] и Краснослободский (82,1) уезды. Инсарский уезд по численности овец как в 40-е, так и в 50-е годы был на последнем месте (10,9 и 14,1 головы). Тонкорунные овцы в 40-е годы в небольшом количестве разводились в Саранском, Наровчатском и Темниковском уездах. В последнем уезде в конце 40-х годов их было 12,2 головы на 100 человек населения. К концу изучаемого периода они появляются во всех уездах Мордовии, за исключением Спасского, но их было мало (от 0,1 до 3,4 головы). По разведению свиней к концу 40-х годов выделялся Спасский уезд (33,1 головы), а во второй половине 50-х годов — Краснослободский (32 головы).

По количеству скота в переводе на крупный без лошадей в конце 40-х годов имели высокие показатели Ардатовский (39,3 головы), Спасский (34,2) и Темниковский (33,2) уезды. Но в конце 50-х годов на первое место выходят Краснослободский (30,6 головы) и Наровчатский (29,8) уезды.

В целом по семи указанным уездам в 1858—1860 гг.[2] на 100 десятин пашни приходилось лошадей 21,8 головы, крупного рогатого скота — 13, всего скота в переводе на крупный без лошадей — 19, и с лошадьми — 40,9 головы. Саранский уезд на 100 десятин пашни в 1841 году[3] по всем видам скота имел самые высокие показатели (лошадей — 34,4; крупного рогатого скота — 30,2; скота в переводе на крупный без лошадей — 35,9 головы), наименьшие — Наровчатский уезд. В конце изучаемого периода Саранский уезд стоял на последнем месте, а на первое вышел Темниковский. Напомним, что в Темниковском уезде в 50-е годы XIX века на 100 десятин пашни приходилось наибольшее число сенокосных и пастбищных угодий (37,3 дес.).

По состоянию скотоводства в Мордовии можно определить примерные возможности удобрения почвы. Считалось, что для удобрения одной десятины пара необходимо было иметь 6 голов крупного скота[4]. Но скотоводство в Мордовии этим требованиям не отвечало. Если считать, что на 100 дес. пашни приходится примерно 33 десятины пара, то в Мордовии на одну десятину его приходилось всего скота в переводе на крупный 1,55 головы, т. е. почти в четыре раза меньше нормальных требований.

На сокращение поголовья животных в Мордовии, безусловно, влиял падеж скота, который имел место в 40-е и 50-е годы. Об этом свидетельствовали ведомости в отчетах губернаторов, составленные по сведениям уездных земских судов. Так, в 1842

[1] В северных уездах Тамбовской губернии на каждый крестьянский двор приходилось от 1 до 4 голов овец. См.: Военно-статистическое обозрение Тамбовской губернии, т. XIII, ч. 1, стр. 76.

[2] За 50-е годы пересчет количества скота на 100 десятин пашни по всем семи уездам произведен нами по источникам таблицы 9 (о количестве скота) и таблицы 2 (о количестве пашенных угодий).

[3] ЦГВИА, ф. Коллекция 414, д. 104, стр. 3. Пересчет количества скота на 100 десятин пашни также произведен нами.

[4] И. Д. Ковальченко. Ук. работа, стр. 47.

году в Инсарском уезде «в результате заболевания чумой пало 137 голов крупного рогатого скота»[1]. В 1843 году большой падеж скота начался в Наровчатском уезде, где из 1470 голов, имевшихся в местах заболевания, пало 747, т. е. 50,8%[2]. В этом же уезде в 1844 году из 2527 голов, подвергавшихся заболеванию, пало 494[3], или 26,5% и в 1850 г.—21,6%[4]. Случаи падежа скота в Инсарском уезде вновь повторяются в 1844 и в 1850 гг.[5] Падеж скота в 1844 году имел место и в Краснослободском уезде, который с большей силой возобновился в 1850 году, в результате чего в местах заболевания погибло до 26% всего поголовья скота (290 из 1148)[6]. В 1850 году губернское правление вследствие рапортов земских судов сообщало, что в дд. Монастырской, Богословском Тож, Куликовке и в с. Макаровке Саранского уезда, в д. Перхляе Инсарского уезда, в с. Ахлебинине Наровчатского уезда и в г. Саранске начался падеж крупного рогатого скота и лошадей[7], вследствие чего самый большой урон скота был в Саранском уезде (пало 1427 голов из 4379)[8].

Таким образом, во всех случаях процент гибели скота от разных болезней и недостатка кормов в отдельных районах не спускался ниже 21,6%. В основном же гибло больше одной четвертой части всего поголовья скота.

В отношении же уездов Симбирской губернии Липинский отмечал, что за 10 лет (1851—1861 гг.) меньше всего пало скота по губернии в Алатырском уезде, также в Ардатовском (пало 2985), а больше всего в Карсунском и Сызранском уездах[9]. По Тамбовской губернии в 1860 г. пало 10125 голов скота, из них 1785 (17,7%) приходилось на Спасский и Темниковский уезды[10]. Итак, одной из главных причин сокращения поголовья скота в 50-е годы XIX века было распространение эпизоотий.

Таким образом, в течение последней четверти XVIII—первой половины XIX века производительные силы в сельском хозяйстве Мордовии, в силу сохранения крепостного права, развивались слабо. Все более отчетливо обнаруживались признаки разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.

Они проявлялись в сокращении душевых наделов пашни, постепенном снижении в 20—50-х годах урожайности и чистых сборов хлебов в расчете на душу населения, сокращении поголовья скота.

---

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2621, л. 14.
[2] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2658, л. 55.
[3] Там же, д. 2696, л. 53.
[4] Там же, д. 2950, л. 108.
[5] Там же, д. 2696, л. 53; д. 2950, л. 108.
[6] Там же.
[7] «Пензенские губернские ведомости». 1850, № 25.
[8] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2950, л. 108.
Примечание. Падеж скота в процентах вычислен нами.
[9] Липинский. Ук. работа, стр. 484.
[10] ГАТО, ф. 63, оп. 1, д. 5, л. 27.

Вместе с тем, это было время, когда складывались предпосылки для зарождения и развития новых, мелкотоварных и капиталистических форм хозяйства. Это нашло свое выражение в углублении специализации земледельческого производства, в сосредоточении усилий на производстве небольшого числа зерновых культур и быстром росте товарных излишков хлеба, в значительной своей части поступавших на рынок.

Следовательно, в целом основные тенденции и направление социально-экономического развития Мордовии были такими же, как и в Европейской России в целом.

И. К. Инжеватов

ДУБЕНКАМ — РАЙЦЕНТРУ МАССР — 300 ЛЕТ

Еще в первые века нашей эры на территории нынешнего Дубенского района наличествовало уже мордовское население. В VI—IX вв. дубенские земли подвергаются нашествиям кочевых племен. Впоследствии устанавливается господство булгарских завоевателей. Особенно в тяжелые условия жизни мордовское население Дубенского района попало в период монголо-татарских завоеваний, когда огнем и мечом уничтожались производительные силы мордовского народа. После падения монголо-татарского ига, в котором великую роль сыграли русские, мордва навеки связывает свою судьбу с великим русским народом. После вхождения мордвы в состав русского государства и обезопасения мордовских земель от опустошительных набегов кочевых орд мордва начинает заселять свои исконные земли.

Из «Книги письма и меры» писцов Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подьячего Афонасия Костяева мордовских и буртасских земель 132-го, 133-го и 134-го годов видно, что уже в 1624—1626 годах деревни Ордатова на речке Кардалее, Тургакова под Сурским лесом на речке Соракамодалее, Сайнина (Кирдяпина тож) при речках Промзе и Инелейке, Кабаева под Сурским лесом на речке Евлейке, Налетово (Пичале и Малая Морга тож) на речке Чеберчинке, Поводимова на речке Покаклее, Чеберчина на речке Чеберчинке или Вежнялее, Морга (Старая Морга) на речке Пиртаноземере, Чиндянова на речке Кальцяклее были значительными мордовскими населенными пунктами. На протяжении 350 лет эти населенные пункты были метрополиями многих других мордовских деревень, поселков, хуторов, возникавших с начала XVII века и до наших дней.

К числу древних поселений Мордовии относятся и Дубенки. Когда же они возникли?

Желая проникнуть в историю многовековой давности, дубенские патриоты из поколения в поколение передавали предания и легенды о своих предках, осмысливая дела старины глубокой. К нашему счастью, об истории села Дубенки сохранилось много

и документальных материалов, дающих возможность точно датировать появление этого селения.

Видный мордвовед профессор А. А. Гераклитов в своей книге «Алатырская мордва» сообщает, что село Парадеево, находящееся в 53 километрах к юго-западу от города Ардатова (ныне это село в Ичалковском районе), дает начальное население деревни Дубенки на Соласлейке (эта деревня ныне также находится в Ичалковском районе). А. А. Гераклитов утверждает, что переселенцы из Дубенок на Соласлейке после 1624 года выселяются на речку Сюксюрму и образуют другие Дубенки километрах в шестидесяти к юго-востоку от первой.

Таким образом, из сообщения А. А. Гераклитова явствует, что в XVII веке в Алатырском уезде было два населенных пункта с названием Дубенки. Одни Дубенки возникли на речке Соласлейке за счет переселенцев из деревни Парадеевой и другие Дубенки — на речке Сюксюрме, возникшие из переселенцев Дубенок, что на Соласлейке. В переписных книгах XVII века Дубенки на Соласлейке стали называться Старыми Дубенками, а Дубенки на Сюксюрме Новыми Дубенками.

Из сообщения А. А. Гераклитова также явствует, что Дубенки на Сюксюрме возникают после 1624 года. Когда именно? На этот вопрос А. А. Гераклитов не дает ответа.

В «Книге письма и меры» Дмитрия Пушечникова и Афанасия Костяева указывается, что земля, на которой позднее, как увидим, возникли Новые Дубенки, в 1624 году принадлежала буртасам (посопным татарам), прибывшим из Старого Янышева Лашинского беляка. Эти татары, многие с мордовскими именами, были не служилыми, а посопными. Они так же, как и мордва, платили и денежные, и натуральные подати.

Деревня Ногаева (Чулпанова тож) находилась на Сюксюрме (Чучерме). Здесь жили посопные татары Тулумбузамка Еустужин, Уруска Козяин, Сюндюшка Утемишин, Болтайка Тенюшев, Емяшка Кучюков (сын Судешева), Парин Янышев, Янклынка Урусов, Отмайка Уртьев, Есбулатка Урусов, Тетяк Теньшин, Янкейка Торбулов и беспашенные бобыли Боранчюк Кучюков, Окозяйка Одманов, Янбахтайка Уркеф, Зембулатка Еналеев, Енбарска Емяшев, Янц (Януц) Козяев. В 1619 году из Ногаева выбыли неизвестно куда Турлушка Янтужин, Тинкашка Янышев, Арзамаска Сенгилдеев, Енебячка Кучюков, Арынка (Арлынка) Пороватов, Анкозь Ногаев, Москомка Розгильдеев, Киючка Козяев, Емалейка Козяев, Тохташка Козяев, Белонгазы Ногаев, Енебячка Кучюков, Рынка Пороватов, Янцылка Ногаев, Анкозь Ногаев, Икозь Арземасов.

Деревня Тетякова, как выставка из Ногаева, находилась тоже на речке Сюксюрме (Чучерме). Здесь жили Екайка Терегулов, Тетяйка Теншев, Енайка Солнев, Девлеткилдейка Солнев, Ернейка Терегулов.

Деревня Беремшина выставилась (то есть выделилась) из деревни Старое Япышево на речку Беремшу. Здесь жили Одмайка Багишин, Уразка Багишин, Енайка Терегулов, Тулушка Балушев, Чембулатка Чемаев, Базитка Колчурин, Багильда Енговатов, Салашка Тансарин, Енодарка Торгулов, Багильда Торгулов, Емяшка Деркаев. Всего в деревне Ногаеве и в выставках Тетякове и Беремшине было 17 дворов посопных татар и 7 дворов бобыльских непашенных. Пашни пахотной во всех трех поселениях было 120 четей, перелогу 150 четей, дикого поля 400 четей, всего земли было 670 четей да сенных угодий 67 десятин. Эти земли находились на правой стороне «от Паводимовского мысу суходолом до речки Окселмы, речкою Окселмою вниз до Охматовского устья, от Охматовского устья вверх до Сухого оврага, через Сухой овраг до речки Охматовки, по Охматовке до её вершины, а от вершины через лес до вершины Сучермы, и далее через лес до Сучерминского мыса». Соседями посопных татар за Окселмою и Охматовским устьем были поводимовцы и ардатовцы.

Пришлое на мордовские земли татарское население не закреплялось и не имело здесь постоянного местожительства. Во всех трех селениях в 1624—1626 годах насчитывалось 25 дворов пустых. Постепенно и остальные татары покинули Сюксюрминские (Сучерминские) земли.

Жители Старых Дубенок обратились с челобитьем к царю Алексею Михайловичу с просьбой о передаче им Ногаевской пустоши. 25 августа 1668 года по указу царя алатырский воевода Емельян Пестриков посылал подьячего Ивана Супонева для обмера и передачи пустовавших Ногаевских земель новым хозяевам. И тогда, это было 300 лет тому назад, на Сюксюрму (Сучерму, Чучерму) из Старых Дубенок переехал «мордвин Сайненек Наманов с товарыщи», то есть со своими родственниками. Новые поселенцы имели здесь десятинную пашню и с этой пашни платили всякие подати, стрелецкий хлеб, ямские и полоняничные деньги.

Так, на месте деревни Ногаева (Чулпаново тож), выставок Тетякова и Беремшина возникает новая деревня — Дубенки. Название этой деревни местные краеведы толкуют по-разному. Одни говорят: населенный пункт возник при дубняке (молодом дубовом лесе). При этом не берется во внимание то, что деревня возникла тогда, когда в мордовском крае русских названий не существовало. Другие полагают, что первоначально деревня называлась по-мордовски, также как, например, Пишля—Пишеляй (Липовый овраг), Тумола — Тумо лей (Дубовый овраг), а затем, позднее, название было переведено на русский язык. Третьи считают, что в конце XVI и в начале XVII веков в мордовском лесном крае не могло возникнуть «лесных» названий: дубовые, липовые, осиновые, березовые рощи не были и не могли быть ориентирами на местности, так как весь лесной массив

(а тогда леса были сплошными) состоял из таких рощ. Лучшим ориентиром в лесном районе были личные имена людей, живших в разных краях леса. Тогда-то и возникли многочисленные Сыреси, Ардатовы, Кабаевы, Тургановы (Турдаки).

В XVII в., деревень, названных по личному имени Сырески, только в одном Алатырском уезде было семь. В целях дифференциации некоторые из них назывались «большими», «малыми», «старыми», «новыми» или просто «выставками». Также возникло и название двух Дубенок (Старых и Новых). Это название не связано с дубовым лесом. Оно происходит, как и все раннемордовские названия, от личного мордовского имени созвучного с русским словом «дуб». Дубинька, как Пичай и Тумай — дохристианское имя мордвина, первопоселенцев на Соласлее, главы патриархально-родовой семьи. Это название Дубенок было сохранено и на новом месте — на Сюксюрме. Вероятно, последнее толкование является наиболее правильным.

Мордву, переселившуюся на Сюксюрму, вскоре начал притеснять алатырский воевода Федор Плещеев. В 1693 году воевода ложно доносил царю, что Ногаевская земля на Чеберчинке пустует. По указу царя приезжал подьячий Петр Пестриков. Он измерил землю на Чеберчинке и передал их вместе с мордовским населением в поместье и в оброк Федору Плещееву. После этого новый чеберчинский хозяин начал захватывать дубенские земли. Дубенская мордва вынуждена была вступить в тяжелую борьбу с таким сильным противником, каким был воевода и князь Федор Плещеев. Дубенская мордва во главе с Володькой Мироновым в своей челобитной писала царю, что выделение чеберчинской земли Федору Плещееву подьячим Петром Пестриковым проводилось без свидетелей, тайно от дубенской мордвы, что он сознательно перепутал все межи, умышленно назвал земли на Чеберчинке Ногаевской пустошью, хотя всем было известно, что Ногаевская пустошь находилась не на Чеберчинке, а на Сюксюрме (Сучерме), что межи Ногаевской пустоши хорошо описаны в «Книге письма и меры» Федором Пушечниковым и Афонасием Костяевым. Началась за Ногаевскую пустошь, на которой жили дубенцы, длительная тяжба. Близкие люди Плещеева всячески угрожали дубенцам. В эту длительную тяжбу за ногаевские земли и в защиту дубенцев втянулась мордва многих соседних деревень. Плещеев ссылался на отсутствие межевых знаков вокруг Ногаевской пустоши. Тогда в Дубенки приехали старожилы из разных мордовских деревень: Живайка Келдюшев из Ардатова, Алтышка Яковлев из Сыресева под Сурским лесом, Итяска Годяев из Турганова, Кштайка Велмисев из Сабанчеева, и при посторонних людях они указали все старинные грани ногаевской земли, восстановили межевые знаки. Благодаря вмешательству мордовского населения соседних деревень дубенцы отстояли свои земли от посягательств князя Федора Плещеева.

Шли годы, десятилетия. Росло население Дубенок. Алатырский стольник и воевода С. Ф. Грибоедов в своей переписной книге за 1696 год сообщает, что население села выросло до 130 человек. Как видно из его переписи, в конце XVII века в Дубенках жили: Максимка, Азарка, Суханка, Вождайка, Ганка, Занка, Азорка, Федька Леонтьевы; Добрынка, Седка, Демка, Надежины; Сорочка, Ермушка, Китайка, Кевайка Деняевы; Дарошка, Любишка, Иншка Акусовы; Шаматка, Измалка, Имайка Алексеевы; Атюшка Живаев; Енайка, Матюска Симдяновы; Душайка, Гаразка Алмаевы; Алмайка, Мушатка Леонтьевы; Шумилка, Бориска, Онаска, Матюшка Губановы; Велдяйка, Росяйка Дерюшевы; Азарка Кученяев; Кочкурка, Митяйка Покаресовы; Аряйка, Бибайка Алексеевы; Новдайка, Синдюшка Деваевы; Самарка, Наска Алексеевы; Наумка, Нечайка Смолкины; Митка, Любишка, Зимка, Гришка Родкины; Оска, Таркайка, Ботайка, Тимошка Сустатовы; Володка, Дарошка, Кемайка, Пуреска Мироновы; Путилка, Чиндянка, Мареска Ушмаевы; Семайка, Мужичка, Тобайка, Тештасевы; Нехорошка, Костяйка, Алешка, Сюлдка, Слушка, Айтюска, Илюшка Покаевы; Бозайка, Девайка, Бекшайка, Кияшка, Имайка Васильевы; Мотяска, Яушка, Киржайка Марлеевы; Тяпайка, Четвертачка, Кечайка, Козяйка, Якушка, Резайка Гулюшевы; Кечайка, Русяйка, Якушка, Войка, Кемайка, Терганка Вечкаевы; Якушка, Бегайка, Лемдяйка, Давыдка, Акимка Улановы; Однашка, Бориска, Зинка, Моска Окаевы; Кормайка, Кечамаска, Кечайка, Киюшка Степановы; Спиняйка, Гараска, Пивцайка, Юртайка Улановы; Бебайка, Якушка, Федосейка, Лиюнка Одмановы; Дарошка, Бухарка, Мечайка, Ергайка, Ибряшка Ешмаевы; Аномаска, Кевайка, Ефимка Алтышевы; Левка, Боярка, Алешка Родионовы; Тренка, Нуштайка, Зимка Алтышевы; Дьячка, Тюрганка, Кормайка, Гришка, Пятайка, Петрушка Чебаевы.

Как видно из этого перечня, почти все имена (за редким исключением) являются дохристианскими, языческими. Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в именном перечне не было ни одного женского имени. В те далекие времена немыслимо было рассчитывать на какое-то женское равноправие. Мордовская женщина была рабыней в полном смысле этого слова.

О непрерывном росте населения Дубенок свидетельствуют многие статистические документы. Так, например, по «Спискам населенных мест Российской империи» в 1859 году в удельном селе Дубенках в Алатырском уезде Симбирской губернии был 271 двор с населением 2601 человек. В 1900 году уже насчитывалось 392 двора с населением 3105 человек. По «Подворной переписи» перед первой империалистической войной (в 1911 году) дворов было 503, населения 3128 человек.

Дубенцы приняли активное участие в крестьянских войнах в феодально-крепостническую эпоху. Они участвовали в 1670 году в знаменитом сражении под Кондаратью среди 20 тысяч

повстанческих войск Степана Разина, выступивших под руководством мордовского мурзы Акайки против войск князя Барятинского. Дубенцы сражались и в войсках Емельяна Пугачева.

В памяти дубенской мордвы сохранились многие события, совершавшиеся на протяжении 300-летней истории. Дубенцы гордятся, что среди этих памятных, незабываемых событий были неоднократные приезды в их село, в типичную мордовскую глушь, выдающегося просветителя Поволжья Ильи Николаевича Ульянова. Желая вытащить дубенскую мордву из вековой отсталости, директор народных училищ Симбирской губернии в 1879 году в Дубенках открывает школу. Но в условиях царизма маленькая школа в большом волостном селе не могла быть серьезным очагом культуры. О сплошной безграмотности дубенцев свидетельствует и подворная перепись 1910—1911 годов. Из этой переписи видно, что в волостном центре из 1555 женщин грамотных (вернее малограмотных) было всего 16 человек. В числе этих грамотных были попадьи, купчихи, помещица и жены волостных правителей.

Шли годы, десятилетия. За 250 лет утекло много воды в Сюксюрме. Многое менялось и в жизни дубенцев. Менялись, главным образом, формы экономического, политического и духовного порабощения. Само же угнетение не прекращалось. Царизм превратил Россию в тюрьму народов. Особенно трудно было малым народам. Господствующие классы презрительно называли их «инородцами». Малые народы были под двойным гнетом: царизма и местных феодальных князьков. Царское правительство, проводя антинародную, шовинистическую политику, разобщал наш народ территориально, сковывал развитие его производительных сил, всемерно препятствовал развитию его языка и национальной культуры. Однако угнетенный мордовский народ никогда не мирился с рабской долей. Свои вековые мечты о свободной жизни он всегда связывал с совместной борьбой вместе с великим русским народом против царского самодержавия — злейшего врага малых народов. Мордовский народ в русском народе видел своего защитника и спасителя. Русское влияние было одним из источников жизнестойкости нашего народа, его постоянного стремления к борьбе с царизмом. Мордовский народ жадно впитывал в себя передовые общественно-политические и освободительные идеи прогрессивных деятелей русской культуры. Он верил в освободительную миссию русского народа. Вот почему, когда героический русский рабочий класс поднялся в 1905 году на решающую битву с царизмом, мордовский народ был вместе с ним. Уже в годы первой русской революции лучшие представители Дубенского района навсегда связали свою судьбу с Коммунистической партией.

Обогащенные опытом борьбы в первой русской революции, трудящиеся Дубенского района бок о бок со всеми народами нашей страны героически сражались против царизма в ок-

тябрьские дни 1917 года, героически защищали великие завоевания Октября в годы гражданской войны. С чувством законной гордости дубенцы вспоминают имена делегатов II Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов из Мордовии Василия Григорьевича Залогова — русского солдата из села Атемар и Николая Алексеевича Дедаева — мордовского солдата из села Кочкурова Дубенского района, принимавших участие в создании первого в мире рабоче-крестьянского правительства во главе с В. И. Лениным. В установлении Советской власти важную роль сыграл земляк дубенцев генерал армии Максим Алексеевич Пуркаев.

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная под руководством Коммунистической партии, навсегда покончила с вековым угнетением.

Октябрь принес дубенцам, как и всей мордве, экономическое, политическое и духовное возрождение. Дубенки ныне — большой населенный пункт с высоким уровнем жизни. К услугам дубенцев предоставлены все те возможности, которыми пользуются и жители крупных городов — электричество, радио, школы, кино, библиотеки, магазины, больницы.

За годы Советской власти в корне изменилась жизнь на Сюксюрме. Вечное горе, нищета, экономическое, политическое, духовное угнетение канули в прошлое. Под звездой Великого Октября в Дубенки пришла радостная, счастливая жизнь. Еще большие перспективы перед дубенцами открываются в будущее.

Хорошо об этих перспективах написал в статье «Светлые дали» на страницах газеты «Советская Мордовия» секретарь Дубенского РК КПСС А. П. Брагин в дни 50-летия Советской власти.

А вот что говорит о Дубенках одна из жительниц села: «Советская новь в Дубенках всюду, на каждом шагу. Изменились, похорошели, стали богаче наши Дубенки. Строится, ширится наше село. Десятки семей каждый год справляют новоселье в благоустроенных домах. С аэропорта доносится гул самолетов. Жизнь становится краше, счастливей и радостней»,—с законной гордостью пишет истинная патриотка своего села — воспитательница детского сада Вера Маркова, которая и сама, и её детский сад — тоже порождение новой социалистической жизни.

Патриотические чувства к своим Дубенкам, являющимся неотъемлемой частью нашей социалистической Родины, с большим подъемом выразил и местный поэт Николай Малясов. О новых Дубенках он пишет задушевно, нежно, с любовью:

В белоснежной пене сада
Укрываются дома.
Вьется лентой ненаглядной
Голубая Сюксюрма.
И преграды, и ненастье
Нашей речке нипочем.
Сюксюрма поёт о счастье
В крае милом и родном.

Трехсотлетний юбилей Дубенок, который отмечался в 1968 году, проводился под знаком торжества ленинской национальной политики, явился смотром больших достижений строителей новой жизни, новой социалистической экономики и культуры.

В. Б. Смирнова

ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

Приходо-расходные книги светских и духовных вотчин содержат ценный материал для исследования сложной проблемы генезиса капиталистических отношений в недрах феодального хозяйства. Приходо-расходные книги были положены в основу изучения хозяйства Иосифо-Волоколамского, Брянского Свенского, Суздальского, Спасо-Ефимьевского и многих других монастырей в XVI — первой половине XVIII вв.[1] В последнее время появились также специальные работы, посвященные всестороннему источниковедческому анализу приходо-расходных книг монастырей севера и центра России. Хронологические рамки источниковедческих исследований и публикаций пока ограничиваются XVI—XVII вв.[2]

Цель предлагаемой статьи — подвергнуть источниковедческому анализу приходо-расходные книги Саровского монастыря, находившегося на стыке двух экономических районов: черноземного центра с нечерноземным. Монастырское хозяйство этой «пограничной» территории вообще не было объектом изучения. Анализируемые источники относятся к неисследованному в отношении монастырского хозяйства периоду: второй половине

[1] М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник. «Исторические записки», 1938, №3, стр. 130—160. И. В. Засыпкина. Крестьяне Брянского Свенского монастыря (20—50-е гг. XVIII в.). Автореф. канд. дис. М., 1952. М. А. Баранов. Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации (по документам Спасо-Ефимьевского монастыря). Автореф. канд. дис. М., 1954 г. и др.

[2] А. Г. Маньков. Хозяйственные книги монастырской вотчины XVI в. Проблемы источниковедения, т. IV, М., 1955, стр. 286—307. Е. И. Дементьев. Приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря как источник для изучения экономического положения центра России второй половины XVII в. Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, стр. 185—190. Л. Л. Муравьева. Материалы писцовых, переписных и приходо-расходных книг о торгово-промышленном населении русской деревни второй половины XVII в. Археографический ежегодник за 1962 г., стр. 174—183. М. Н. Тихомиров, Б. Н. Флоря. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 гг. Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968, стр. 331—382.

XVIII — первой четверти XIX вв. Этот период в социально-экономической жизни России явился переломным. Начавшееся в середине XVIII в. разложение феодальной системы хозяйства привело во второй четверти XIX в. к кризису феодально-крепостнического строя. Общие изменения в экономике страны должны были влиять и на рассматриваемое монастырское хозяйство. Наша задача — выявить результаты этого влияния по материалам приходо-расходных книг. Мы ограничимся только изучением лесопромышленной деятельности монастыря. Содержание приходо-расходных книг, конечно, гораздо шире. Они отражают рост товарно-денежных отношений в помещичьих и крестьянских хозяйствах, рыночные связи монастыря по линии потребления, применение наемного труда в его хозяйстве и ряд других вопросов.

История Саровского монастыря имеет свою историографию, но все дореволюционные работы носили описательный характер[1]. Краткие сведения о монастырском землевладении и о выступлениях крестьян против Саровского монастыря есть в коллективных и монографических исследованиях историков Мордовской АССР[2], но хозяйственная деятельность монастыря еще не привлекала их внимания.

Саровский монастырь (официальное наименование — Саровская общежительная пустынь) возник в 1705 г. на стыке Тамбовского и Нижегородского краев в гуще мордовского и татарского населения. При содействии правительства, заинтересованного в окончательном освоении этого района, монастырь начал быстро превращаться в земельного собственника, пользуясь самыми различными способами приобретения угодий — от покупки до прямого захвата ее у крестьян. Коштное межевание в 1749 г. отдало в пользование монахов 19682 десятины земли[3]. В 1764 г. в отличие от других монастырей России владения Саровского монастыря, не имевшего собственных крестьян, не были секуляризованы. Мало того, они продолжали округляться. В первой четверти XIX в. правительство утвердило за монастырем свыше 26400 десятин земли[4]. Большую часть этих владений (92%) составлял сосновый и еловый лес. Под пашней и покосами было всего 6% земли.

До середины XVIII в. земельные богатства использовались монастырем довольно слабо. Внутренние потребности братии обеспечивались за счет денежных и хлебных поступлений от

[1] Авель. Общежительная Саровская пустынь. М., 1860. Без автора. Саровская общежительная пустынь. Подробное описание. М., 1908. и др.

[2] Очерки истории Мордовской АССР, т. I. Под ред. В. Н. Бочкарева, К. В. Кудряшова и др. Саранск, 1955. К. А. Котков. Крестьянское движение на территории Мордовии во второй половине XVIII в. Саранск, 1949. В. Б. Смирнова. Крестьяне — монастырьхвень каршес. Ж. «Мокша», 1968, № 5, стр. 93—96.

[3] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 2, д. 8; оп. 1, д. 172.

[4] Там же, оп. 1, дд. 397, 398, 459.

благотворителей-помещиков и купцов. Это была своего рода плата правящего класса монахам за идеологическую обработку народных масс в духе покорности самодержавию и крепостничеству. Собственного зернового хозяйства монастырь не имел. Единственными отраслями сельского хозяйства были огородничество и пчеловодство, обслуживавшие внутренние нужды монахов.

С середины XVIII в. начался новый этап в развитии монастырского хозяйства. В основу организации хозяйства было положено широкое применение наемного труда. Наметилась тенденция некоторого расширения отраслей сельского хозяйства, началось строительство мукомольных мельниц, но главное внимание монастырской администрации было направлено на освоение и разработку лесных владений. Природные условия определили специфику рассматриваемого хозяйства, которое к концу XVIII в. все отчетливее стало приобретать торгово-промысловый характер с явными элементами предпринимательства.

Фонд Саровского монастыря (фонд № 1), насчитывающий 1732 единицы хранения за 1613—1922 гг., хранится в Центральном Государственном архиве Мордовской АССР. Документы фонда разнообразны. Значительная их часть связана с монастырским землевладением (купчие, вкладные, променные, выписи из писцовых книг XVII в., межевые книги, тяжебные дела) и борьбой окружающего крестьянства против крупного духовного собственника (крестьянские и монастырские челобитные, жалобы, копии судебных дел). Документы по истории монастырского промыслового хозяйства представлены ведомостями, описями имущества, договорами о продаже леса и о найме работников, а также приходо-расходными книгами.

Первая попытка составления приходо-расходных книг в монастыре относится к 1758 г.[1] До этого времени книги не велись. Следующая сохранившаяся книга относится к 1760 г.[2] Затем монахи добились у епископа разрешения прекратить ведение книг, мотивируя это тем, что если доходы станут разглашены, то неизбежно последует нападение на монастырь в целях ограбления[3]. В составлении книг последовал перерыв в 25 лет. В 1785 г. по категорическому требованию Синода ведение приходо-расходных книг, несмотря на сопротивление монахов, было возобновлено. Далее до конца рассматриваемого периода они составлялись ежегодно, но тем не менее не отсылались в консисторию для ревизии вплоть до 1839 г. Всего в нашем распоряжении имеются 2 книги за 1758 и 1760 гг. и 40 книг на 1785—1825 гг. Все они дают сведения за полный год, за исключением книги за 1785 г., содержащей данные за вторую половину года.

[1] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 131.
[2] Там же, оп. 1, д. 136.
[3] Там же, оп. 2, д. 3, лл. 4—9.

Приходо-расходные книги составлялись по единой форме и состояли из двух частей. В приходной части учитывались все виды ежемесячных денежных доходов, в том числе доходы от сдачи земли в аренду, с мельниц и подворий, от продажи леса, проценты с капитала и все виды церковных доходов. В расходной части казначей записывал ежемесячные расходы на покупку продовольствия и промышленных товаров, на оплату наемного труда, расширение производства, ведение тяжб и т. д. Вначале составлялись черновые книги. В конце года их переписывали набело и делали итоговые записи общегодового прихода, расхода и остатка. Итоговые записи скреплялись подписями казначея, строителя (игумена) и двух иеромонахов. Высшая монастырская братия, как правило, состояла из бывших купцов, разбиравшихся в денежном счете. Черновые книги затем, видимо, уничтожались. Случайно сохранившаяся черновая книга 1787 г. отличается от беловой более подробными записями. О существовании черновых книг в конце первой четверти XIX в. известно из переписки игумена Нифонта с консисторией.

Приходо-расходные книги 1758 и 1760 гг. почти одинаковы по составу и содержанию. Их объем невелик — по 12 листов. Основных приходных статей всего три. Прежде всего, это оброчные деньги с пахотных земель, сенных покосов и рыбных ловель, отдаленных от монастыря и отдаваемых в денежную аренду государственным и владельческим крестьянам сел Жегалова, Тювеева и других. Этот вид дохода в 1760 г. составлял 24 руб. (10,7% общегодового дохода)[1]. За ними следуют помольные и откупные оброчные деньги, поступавшие с четырех монастырских мельниц на речках Сатис и Сарма. Они составили за год 142 руб. (62,3% годового дохода). Третий вид доходов — специфический, церковный. Это так называемые кружечные и свечные деньги, пожертвованные богомольцами. В сумме они составили 62 руб (27% годового дохода). Сведения о вкладных деньгах и о пожертвованиях помещиков-благотворителей, а также о количестве лопаточной муки, полученной с мельниц, в книгу не внесены.

Мукомольный промысел в 50-60-х гг. XVIII в.— новое явление в хозяйстве Саровского монастыря. Это первый шаг по пути изыскания дополнительных источников денежных и хлебных поступлений. По ведомости 1766 г. с декабря 1765 по апрель 1766 г. с мельниц было получено 150 четвертей лопаточной муки[2]. Толчком к заведению мукомольных мельниц послужил рост производства товарного хлеба в окружающих помещичьих и крестьянских хозяйствах. Именно в расчете на них монахи строили мельницы, поскольку для собственных нужд им было достаточно и одного предприятия.

[1] Здесь и далее цифры даются округленно в рублях, в серебре.
[2] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 90, л. 20.

Расходные части книг 1758 и 1760 гг. также мало отличаются друг от друга. В 1760 г. расходы за год составили 222 руб., из них 18 руб. (8%) составлял оброчный платеж в казну за мельницы и рыбные ловли, 104 руб. (47%) было израсходовано на оплату наемных работников, 87 руб. (39,5%) — на покупку и заказ промышленных изделий, в том числе производственных материалов (жернова, сталь, железо). Покупки совершались в Арзамасе, Павлове, с. Стексове Ардатовского уезда[1] и на Ломовской ярмарке. Прочие расходы составили 13 руб. (5,5%). Обращает на себя внимание полное отсутствие расходов на продовольствие. Со страниц приходо-расходной книги перед нами предстает хозяйство, не производящее никакой товарной продукции, но уже заметно осложненное поисками новых экономических путей, связью с рынком по линии покупки промышленных товаров и применением наемного труда. Налицо также явная нужда в денежных средствах.

Подробные записи приходо-расходных книг 80—90-х гг. XVIII в. рисуют иную картину, отражая нарастающие изменения в монастырском хозяйстве. Содержание источника стало богаче. Изменился и объем книг. В них насчитывается по 20—30 листов. Книги за 1785—1799 гг. имели приложения. Первым приложением были списки монастырских годовых наемных работников с указанием места их жительства, социальной принадлежности, размера годовой платы и иногда профессии. Вторым приложением были списки ежегодных покупок в Москве и на Макарьевской ярмарке с указанием цен, общей стоимости и расходов на проезд.

Во второй половине XVIII в. количество монастырской братии резко выросло. Официально в монастыре разрешалось быть 30 монахам. К концу XVIII в. монахов и послушников насчитывалось около 100, а в первой четверти XIX в. — около 200 человек[2]. Развернувшееся в последней четверти XVIII в. «каменное» строительство, проведение генерального межевания, необходимость усиления охраны леса от постоянных вторжений крестьян, работы по расширению площади сенных покосов и огородов — все это потребовало увеличения числа наемных работников. Чрезвычайно увеличился ежегодный приток богомольцев, обязанность кормить которых монастырь взял на себя. В связи с перечисленными обстоятельствами выросли потребности монастыря в продовольствии и промышленных изделиях. По данным приходо-расходных книг, в 1790 г. было куплено 826 четвертей хлеба на 2073 руб., а в 1820 г. — 4540 четвертей на 24247 руб., что составило в первом случае 45% и во втором 30% общего расхода на покупку продовольственных и промышленных товаров[3].

[1] Ардатовский уезд Нижегородской губернии.
[2] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 37, 56 об. 144.
[3] Там же, оп. 1, д. 239, лл. 17—28; д. 487, лл. 14—30.

Количество разных источников дохода в конце XVIII в. выросло и соотношение их изменилось. Мукомольному промыслу по-прежнему уделялось большое внимание, строились новые предприятия, расширялись и перестраивались старые. На протяжении второй половины XVIII в. монастырь имел 7, а в первой четверти XIX в. 5 наливных водяных мельниц из 12 поставов. Тем не менее роль денежного дохода от мукомольного промысла в монастырском бюджете падала. В 1790 г. он составлял 16% общегодового дохода, а в конце первой четверти XIX в. 7% — 2,5%. Доход от сдачи земли в аренду окончательно отошел на задний план, составляя не более 3% годового дохода, а к 1825 г. он понизился до 1,4%. Из новых источников дохода с 1785 г. в книгах постоянно упоминается монастырский постоялый двор (возник в 1782 г.). Здесь шла торговля продовольствием, фуражом, а позднее продукцией лесных промыслов.

Важнейшим шагом по пути товаризации хозяйства и предпринимательства с 80—90-х гг. XVIII в. стала торговля лесом и продуктами лесообработки. Тотчас после завершения генерального межевания монастырских земель в приходной части книги 1787 г. зафиксирована первая сделка по продаже мачтового леса купцу г. Петербурга Н. Ананьину. Было продано 18 деревьев на сумму 250 руб.[1] С этого времени записи о продаже судового, строительного и дровяного леса ведутся постоянно. Доход от торговли уже в 1789—1790 гг. был использован для строительства на речке Сатис предприятия мануфактурного типа — пильной мельницы «о двух рамах». На строительство было затрачено 2300 руб. (27,7% годового расхода)[2].

По сведениям приходо-расходных книг, в 1823—1825 гг. на предприятии было 18 наемных годовых мастеров и пильщиков[3], не считая возчиков и сплавщиков леса, кузнецов, плотников и прочих лиц, работавших там периодически. Черновик договора о найме в 1794 г. мастеров на лесопилку дает основание для вывода о работе предприятия в две смены[4]. Продукция лесопиления (тес кровельный, половой, судовой, особый «долгий» и пр.) предназначалась для сбыта на рынке.

Записи книг конца XVIII — начала XIX вв. сообщают, кроме того, о появлении дегтярного «завода», смолокурни, тележной, бондарной и токарной мастерских, также работавших на рынок.

Записи казначея о доходе, получаемом от лесопильного производства, имеют свои особенности. До 1800 г. они помещались не в основном тексте приходо-расходных книг, а давались в виде примечания в конце книги и заверялись подписями казначея и прочих доверенных лиц. О количестве переработанных

[1] ЦГА МАССР, оп. 1, д. 231, лл. 74, 78.
[2] Там же, оп. 1, д. 259, л. 29.
[3] Там же, оп. 1, д. 514, л. 6; д. 254, л. 10.
[4] Там же, оп. 1, д. 209, л. 8.

бревен и проданного теса и о продажной стоимости их не сообщалось. В примечании указывалась только чистая прибыль, т. е. сумма, остававшаяся после расходов на нужды производства, на питание работников и на оплату их труда. С 1800 г. записи о доходе с лесопилки стали ежемесячно заноситься в приход, однако до 1814 г. они опять-таки сообщали только сумму «чистого» дохода. Таким образом, за указанные выше годы источник дает неполное представление о количестве вырабатываемой продукции, размере предпринимательского дохода, расходах на расширение производства и на оплату наемного труда в сфере производства. Тенденция умалчивать о хозяйственных успехах в области лесопромышленности вообще характерна для монастырской администрации. Кроме того, записи за первое десятилетие XIX в. отличаются краткостью. Количество проданного леса указывается очень редко, в основном даются сведения о стоимости продажи. Почти отсутствуют сведения о ценах не только на продаваемый, но и на покупаемый товар. Отдельные статьи дохода нередко совмещаются. Там, земельная рента очень часто объединяется с доходом от продажи леса. Последнее объясняется тем, что лицо, ведавшее сбором денег с разных источников дохода, передавало казначею общую сумму сбора без разграничения доходных статей. В отдельных случаях вызывает сомнение добросовестность казначеев, «ошибавшихся» при подсчете на разные суммы в свою пользу. Едва ли этот недостаток можно объяснить небрежностью при переписке черновых книг. Далеко не всегда в приходо-расходных книгах указывается количество наемных работников, выполнявших те или иные работы в монастыре. Обычно указываются только расходы на оплату их труда. Все эти недочеты несколько снижают ценность ряда приходо-расходных книг как источников, но при вдумчивом анализе и при сопоставлении с другими источниками и по ним можно составить достаточно верное представление о развитии монастырского хозяйства.

Наиболее содержательными и подробными являются книги за 1814—1825 гг. Кроме сведений о продажной стоимости, в них указывается и количество продаваемого товара, цены, подробно перечисляются рынки сбыта и покупатели. Указаны также затраты на оплату наемного труда в сфере производства и отчасти расходы на расширение производства.

Как известно, предпринимательство неразрывно связано с расширением производства. Приходо-расходные книги 1800—1825 гг. довольно часто сообщают о покупках для пильной мельницы железа и стали, о заказе оборудования на чугунолитейных заводах Баташевых, о привозе «английских» пил и инструментов из Петербурга, Москвы, с Макарьевской ярмарки и Сибирских заводов[1]. Для работы на пильне специально

[1] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 514, л. 5; оп. 2, д. 36, л. 14, д. 40 л. 10;

покупали лошадей. В первой четверти XIX в. для сплава и вывоза продукции лесного хозяйства строились каналы, шлюзы, прокладывались новые сухопутные дороги. Как указывалось выше, основные расходы на расширение производства в источниках фиксировались не всегда, но и по неполным данным они составляли от 2% до 8% годового расхода. Заметно выросла и производительность лесопилки: если в 1796 г. по сведениям, отправленным уездному исправнику (возможно, приуменьшенным), на ней распиливалось в год 800 — 900 деревьев, из которых выходило 3600 штук досок на сумму около 1000 руб., то по приходо-расходной книге 1823 г. для распилки за год было подвезено 7225 деревьев и выработано теса 30000 штук на сумму 25000 руб.[1]

На оплату труда наемных работников, занятых на лесозаготовке, лесопилке и в сфере сбыта лесной продукции, по несколько неполным данным, в конце первой четверти XIX в. расходовалось от 8000 до 10000 руб., что составляло 10%—17% общегодового расхода. Надо заметить, что работники лесопилки были одними из высокооплачиваемых монастырских работников. В 1814—1825 гг. на одного работника лесопилки приходилось от 80 до 150 руб. Высокая, сравнительно с прочими, оплата объяснялась желанием монахов иметь у себя постоянные кадры квалифицированных работников.

Для установления рынков сбыта продукции лесного хозяйства приходо-расходные книги дают широкую возможность. Диапазон торговых связей монастыря с самого начала был обширным. Сбыт шел в основном по рекам. Приток Оки река Мокша, протекавшая поблизости от монастырских дач, была удобным и оживленным торговым путем.

После указа 1782 г. о свободной продаже корабельных лесов, ранее считавшихся заповедными[2], в лесных дачах Темниковского, Ардатовского, Краснослободского и др. уездов, в том числе и в монастырских дачах, появились покупатели из Петербурга, Риги, Нарвы, Пскова и других городов. Среди них в приходо-расходных книгах 1790-х гг. упоминаются купец города Нарвы Иван Похран и его комиссионер Джон Связлент[3]. Не исключено, что мачтовый лес, закупленный Д. Связлентом, а также и другими купцами, предназначался для экспорта. Постоянными потребителями монастырского леса были заводы Баташевых. Оптовыми покупателями продукции лесопиления, стругового леса и других изделий лесных промыслов были купцы крупного хлебного рынка черноземного центра Моршанска на реке Цне, откуда начинался сплав хлеба в центральные и северные промышленные районы. Очень тесно монастырь был связан с купеческими компаниями и отдельными покупателями с

[1] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 2, д. 31, лл. 1—2; оп. 1, д. 514.
[2] ПСЗ, т. 21, № 15518.
[3] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 292, л. 10, д. 296, л. 18.

крупных хлебных пристаней на Мокше и Оке — Пурдошек, Кадома, Касимова, Елатьмы, Мурома, Выксы, Павлова, а также с покупателями из Рязани, Коломны, Зарайска, Нижнего Новгорода, Владимирской губернии. Торговые сделки обычно заключались на месте, но нередко монахи сами отправлялись в качестве продавцов в Моршанск, Павлов и другие пристани по Оке. Купленный лес заготавливали и в плотах сплавляли до места назначения нанятые монастырем крестьяне. Чаще всего сплавщиками были государственные и дворцовые крестьяне сел Вичкидеево, Сакаевский Майдан, Сарминский Майдан и др.

Значительная доля леса сбывалась местным крестьянам. Монастырские хозяйственные книги рисуют яркую картину развития товарно-денежных отношений среди промыслово-земледельческого населения окружающего района в конце XVIII — первой четверти XIX вв. Поставляя монастырю разнообразную продукцию сельского хозяйства и крестьянских промыслов, жители ряда селений в то же время были постоянными покупателями продукции монастырского хозяйства. Помещичьи и государственные крестьяне сел Темниковского и Краснослободского уездов Веденяпино, Старый Город, Жегалово, Суморево, Пурдошки и др. покупали в монастыре судовой и поделочный лес для строительства барок на месте или для сплава в Муром и Павлов. Помещичьи и дворцовые крестьяне сел Ардатовского и Арзамасского уездов Нарышкино, Елизарьево, Сарминский Майдан, Кривуши, Рузаново, Ивановское, Ликеево и др., кроме судового и строительного леса, для перепродажи покупали лубья, мочальники, деготь, смолу, деревянную посуду и прочее. Стоимость покупок колебалась от 100 до 4000 руб. Часто покупки совершались группами крестьян, но некоторые лица вели торговые операции самостоятельно. Так, крестьянин с. Сарминский Майдан С. М. Корев ежегодно закупал в монастыре дровяной кряжник для сплава на заводы Баташевых. В 1824 г. им было куплено 5000 кряжей на 2950 руб. С заводов для перепродажи Корев брал железо[1].

Торговля разнообразной лесной продукцией приносила монастырю большой доход. Например, в 1820 г. было продано свыше 31000 тесин на 29315 руб. (43,6% общей суммы продажи), около 5000 разных бревен на 18138 руб. (27% общей суммы продажи). За прочую продукцию лесных промыслов (лубья, мочала, ободья, смола, деготь, липовое малье), а также по обязательствам прошлых лет за ранее проданный лес и суда было получено еще 19354 руб. (28,9% общей суммы продажи)[2]. Всего в 1820 г. от торговли было получено 67159 руб., или 62,3% годового дохода. Годовой доход монастыря достиг своего наивысшего в рассматриваемый период уровня — 107808 руб.

[1] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 478, л. 6, д. 520, л. 5.
[2] Там же, оп. 1, д. 487 лл. 1—12.

Приведенная ниже таблица позволяет получить наглядное представление о том, какую роль играл доход от лесопромышленной деятельности в монастырском бюджете.

Таблица

Распределение доходов Саровского монастыря в 1787—1825 гг. (в руб.)[1]

	Годы							
	1787	1795	1800	1810	1815	1820	1823	1825
Общий годовой доход	5636	10040	14289	32007	79600	107808	84522	80462
Доход от лесопромышленной деятельности	292	1051	5760	14634	53662	67159	51777	52615
Удельный вес дохода от лесопромышленности в %	5,1	10,5	40,3	45,7	67,4	62,3	61,2	65,4

Увеличение роли предпринимательского дохода с 5,1% до 65,4% совершенно очевидно и не требует пояснений. Обращает на себя внимание то, что с 1820 г. объем дохода от лесопромышленности в денежном и в процентном выражении начал колебаться. Прежде чем говорить о причинах этого явления, посмотрим, как менялись цены на лесной товар. Об этом приходо-расходные книги сообщают достаточно сведений. Рост цен на лес наблюдается на протяжении всего рассматриваемого периода, и это объясняется не столько понижением курса ассигнационного рубля, сколько повышением спроса на судовой и строительный лес на центральных рынках России.

К 1820 г. продажная цена крупных сосновых деревьев по сравнению с 1799 г. увеличилась в 10 раз: с 6—8 руб. до 50—80 руб. Цена кровельного теса за это же время выросла с 20 руб. до 70—100 руб. за сотню штук, а досок для пола — с 45 руб. до 200—300 руб. за сотню[2]. Но в конце первой четверти XIX в. наметилось явное понижение цен на лес. В 1825—1830 гг. кровельный тес в монастыре оценивался от 55 до 40 руб., а доски для пола — от 160 до 140 руб. за сотню[3]. Аналогичные явления происходили в конце первой четверти XIX в. с хлебными ценами. Если на рынках Арзамаса и села Аксел Краснослободского уезда, где монастырь покупал хлеб, в 1820—1822 гг. четверть ржи оценивалась по наивысшей стоимости от 7 до 10 руб., а четверть пшеницы — от 12 до 17 руб., то к 1825 г. цены на них упали соответственно до 5 и 9 руб. за четверть[4].

[1] ЦГА МАССР, ф. 1; оп. 1, д. 231, 288, 391, 439, 487, 514, 524; оп. 2, д. 36.
[2] Там же, оп. 1, д. 487, оп. 2, д. 31.
[3] Там же, оп. 1, д. 524 и 559.
[4] Там же, оп. 1, дд. 487, 507, 524.

Вспомним, что в эти же годы в монастырском бюджете понизилась доля денежного дохода от мукомольных мельниц и от сдачи земли в аренду. Наконец, записи приходо-расходных книг указывают, что в конце первой четверти XIX в. происходит также некоторое понижение расценок на отдельные виды работ, связанных с лесным хозяйством.

Все это — явления одного порядка, первые предвестники сельскохозяйственного кризиса, разразившегося в России в 20—40-х гг. XIX в. Кризис был вызван не столько перепроизводством товарного хлеба и понижением спроса на него на международном рынке, сколько общим несоответствием новых производительных сил старым крепостническим производственным отношениям. Кризисные явления косвенно задели и рассматриваемое нами хозяйство. Именно этим и объясняется некоторое колебание монастырского бюджета в конце первой четверти XIX в.

Итак, с 1790-х до 1820-х гг. значение дохода от продажи продукции лесопромышленного хозяйства непрерывно возрастало. Что же происходило в это время с церковным доходом? Записи 1787—1825 гг. довольно подробно фиксируют поступление кружечных, свечных, синодичных, молебенных, «пещерных», гостиничных денег, сборов по городам и у благотворителей. Церковный доход увеличился с 4600 руб. в 1787 г. до 16300 руб. в 1825 г., но в то же время в процентном отношении его место в бюджете понизилось с 82% до 20%[1]. Это весьма показательное явление для духовного хозяйства, занявшегося предпринимательством.

Приходо-расходные книги позволяют сделать еще несколько наблюдений над монастырским бюджетом. Сумма годового расхода всегда была меньше годового дохода. Это означало, что в конце года в распоряжении монастырской администрации оказывались свободные средства, которые формально включались в приходную книгу следующего года. Так, в конце 1819 г. остаток составил свыше 24000 руб.[2]. Наличие свободных средств позволяло казначею вносить на хранение в Московскую сохранную казну значительные суммы. Всего за первую четверть XIX в. монастырь внес на хранение 66500 рублей, об этом свидетельствуют записи приходо-расходных книг 1801, 1809, 1816, 1817 и 1820 гг.[3] Монастырский капитал, кроме того, пополнялся вкладами благотворителей. В 1825 г. он составил 85000 руб.[4] Ежегодный доход от капитала в размере 5% от суммы вкладов составил еще одну доходную статью в монастырском бюджете. Его доля равнялась 2,5—5% годового дохода. В 1815 г. монастырь

[1] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 231 и 524.
[2] Там же, оп. 1, д. 487, л. 1. В таблице годовой доход представлен как таковой, без включения остатков от предыдущих лет.
[3] Там же, оп. 1, д. 523, лл. 1, 12, д. 444, л. 7, д. 453, л. 8, д. 487, л. 11.
[4] Там же, оп. 1, д. 524, л. 13.

приобрел 6 акций Российско-Американской компании стоимостью 3000 руб.[1] Доход от них составлял 450 руб. в год. Доходы от капитала и акций расходовались на самые различные хозяйственные нужды, главным образом, на покупки в Москве. Основной капитал тоже изредка расходовался. Так, в 1822 г. на покупку хлеба из Сохранной казны был взят билет на 4500 руб.[2] Заметное сокращение размеров капитала (на 17500 руб.) произошло между 1819 и 1820 гг.[3], во время значительного повышения доходности хозяйства. Но с уверенностью утверждать, что деньги были вложены в производство, мы не можем за неимением дополнительных сведений.

Итак, в первой четверти XIX в. в хозяйстве Саровского монастыря налицо ряд признаков предпринимательства: работа на широкий рынок, применение наемного труда, расширение производства, накопление капитала и, возможно, вложение его в производство. Можно ли назвать хозяйство, рассматриваемое нами, хозяйством капиталистического типа? Приходо-расходные книги дают интересный материал для размышлений на эту тему. При анализе их расходной части выясняется, что доходов от лесопромышленного предпринимательства не хватало для оплаты расходов монастыря на покупку продовольственных и промышленных товаров. Расходы эти были так велики, что только привлечение прочих источников денежных средств и прежде всего церковного дохода позволяло монастырю оплачивать свои потребительские расходы. Испытывая несомненное влияние капиталистического уклада и расширяя в погоне за денежными средствами производство, в конечном итоге хозяйство обслуживало внутренние потребительские нужды монастыря. Вместе с тем общая тенденция развития монастырского хозяйства свидетельствовала о том, что оно довольно успешно пыталось приспособиться к требованиям всероссийского рынка. По-видимому, хозяйство Саровского монастыря следует рассматривать как некую промежуточную форму, в которой элементы капитализма сочетались с отживающими признаками феодального способа производства. Такая форма хозяйства вполне закономерна и объяснима на рубеже двух социально-экономических систем.

[1] ЦГА МАССР, ф. 1 оп. 1, д. 474, л. 15.
[2] Там же, оп. 1, д. 507, л. 7.
[3] Там же, оп. 1, д. 478, л. 4, д. 487, л. 4 об.

ОГЛАВЛЕНИЕ

статьи

С. К. Иванов. Изменение социальной психологии рабочего класса за годы Советской власти 3

Э. Р. Музаферов. Движение социалистических наций к полной социальной однородности в процессе строительства коммунизма (на примере Мордовской АССР) 37

А. П. Брагин. Деятельность местных Советов депутатов трудящихся Мордовии накануне XXII съезда КПСС 58

М. П. Глебочкин. Подъем общеобразовательного уровня трудящихся Мордовии—важное завоевание культурной революции 79

А. Е. Козлов. Профсоюзы Мордовии в развертывании движения за коммунистический труд в первые годы семилетки (1959—1961 гг.). 109

С. И. Давыдов. К вопросу современного развития гор. Саранска (1959—1968 гг.) 118

Л. А. Куркина. Участие профсоюзов в организации массового социалистического соревнования на промышленных предприятиях Мордовии в годы первой пятилетки 133

И. Е. Автайкин. Роль национальных газет в образовании Мордовской автономии 149

И. А. Ефимов. Помощь трудящихся Мордовии в разгроме Колчака 169

И. А. Юрин. О некоторых формах массово-политической работы партийных организаций Мордовии в первые годы Советской власти 1918—1920 184

Н. Б. Полин. Положение крестьян Мордовии в годы первой мировой войны 210

Н. Ф. Тюгаев. К вопросу землепользования и эксплуатации крестьянства на территории Мордовии в период разложения и кризиса феодализма (конец XVIII-первая половина XIX в.) 245

Н. Ф. Тюгаев. Социально-экономическое развитие Мордовии в первой половине XIX в. 272

Сообщения

И. К. Инжеватов. „Дубенкам—райцентру МАССР—300 лет" 280

В. Б. Смирнова. „Приходо-расходные книги как исторический источник" . . . . .

Редактор *П. Коровин*
Технический редактор *Е. Синяева*
Корректор *Т. Загородняева*

Сдано в набор 26/V 1969 г. Подписано к печати 8/IX 1969 г.

Ю01578. Бумага 60×90¹/₁₆. № 2. Печ. листов 18,25. Уч.-изд. листов 18,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 1438. Цена без переплета 1 руб. 86 коп. Переплет 10 коп.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь"
Управления по печати при Совете Министров
Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.